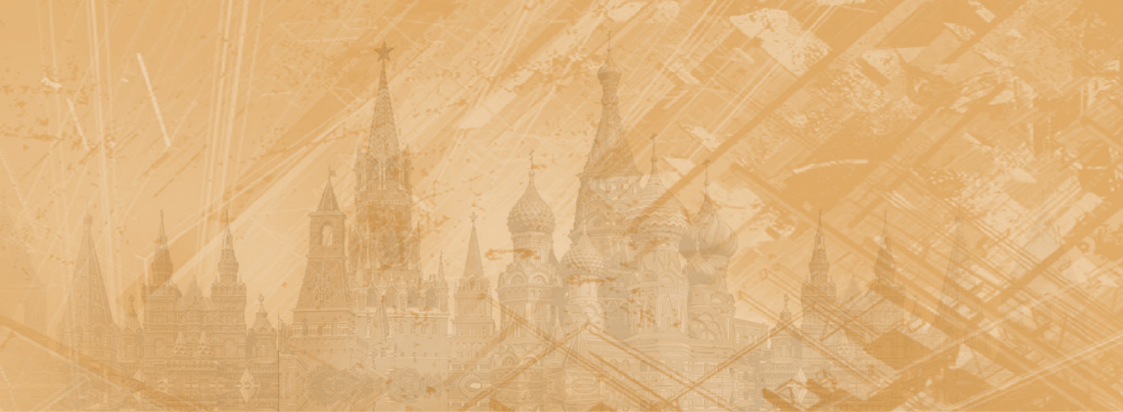
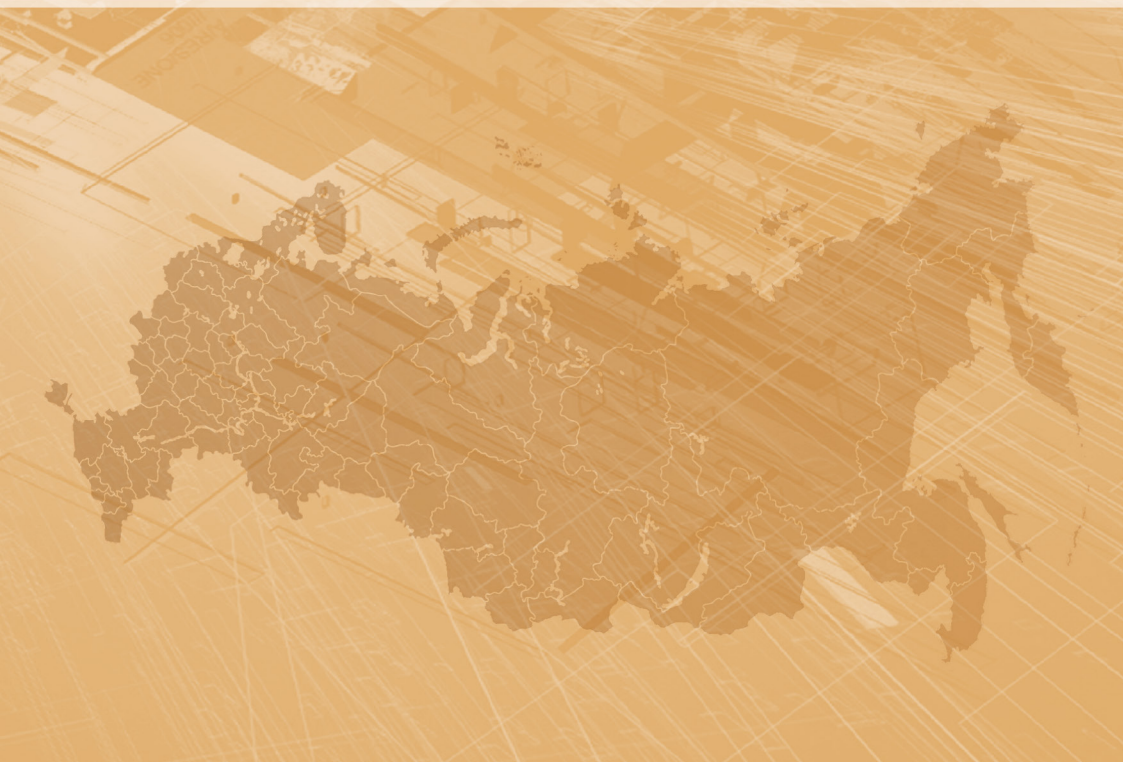

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
ГАУК Иркутский областной краеведческий музей
им. Н. Н. Муравьева-Амурского
Российское историческое общество
Фонд «История Отечества»

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации
и 50-летию начала строительства
Байкало-Амурской магистрали*

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Иркутск, 13–14 октября 2023 г.

УДК 34(47)(091)
ББК Х2(2)7
И89

*Проведение конференции и издание материалов
осуществлены при поддержке Фонда «История Отечества»*

Ответственные редакторы:

заслуженный юрист Российской Федерации,
д-р юрид. наук, проф. С. А. Шишкин
д-р ист. наук, проф. П. А. Новиков

Рецензенты:

д-р ист. наук Д. Н. Шевелев
д-р юрид. наук У. Б. Филатова

И89

Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности : к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали) : материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 13–14 октября 2023 г. / отв. ред.: С. И. Шишкин, П. А. Новиков. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. – 454 с. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2188-9.2023.1-454>
ISBN 978-5-9624-2188-9

В материалах представлен широкий спектр актуальных историко-правовых и конкретно-исторических исследований российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Казани, Омска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Владивостока и других городов, а также зарубежных исследователей из Беларуси, Молдовы, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Монголии, Китая.

Предназначено для специалистов и всех интересующихся современными достижениями юридической и исторической наук.

УДК 34(47)(091)
ББК Х2(2)7

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ. РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Борисова Н. Е. Роль Конституции Российской Федерации в формировании духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения	9
Бучакова М. А. Традиционные духовно-нравственные ценности российского общества	14
Василевич Г. А. Социальная ответственность каждого за благополучие Отечества – фундаментальная конституционная обязанность	18
Василевич Д. Г. Моральные ценности как основа определения содержания прав и свобод	22
Дорский А. Ю. Конституционно-правовые основания защиты традиционных ценностей в рекламной коммуникации	26
Иванова И. И. Институт муниципальных выборов: проблемы становления, развития и совершенствования	30
Ильина Е. В. История создания и принятия Конституции Российской Федерации: по материалам Государственного архива Иркутской области	35
Кожевина М. А. Теоретико-исторические и нравственные аспекты реализации права на достоверную информацию о прошлом (в контексте статьи 67.1 Конституции Российской Федерации)	39
Котельников А. Д. Полномочия избирательных комиссий в Российской Федерации: современные тенденции правового регулирования	44
Кузьмин И. А. Конституционно-правовые и духовно-нравственные ориентиры системы правовых наказаний в Российской Федерации	48
Минникес И. А. Развитие элементов правовой персонификации в советских и российских конституциях	53
Подшивалов В. Е. Развитие избирательного законодательства после принятия Конституции Российской Федерации в контексте юридического межкультурного взаимодействия	57
Ушаков А. В. Эволюция института бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: социально-нравственный аспект	61
Якимова Е. М. Коммуникативные конституционные принципы как отражение духовно-нравственных ориентиров Конституции России	66

СЕКЦИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

Бакшеев А. И. Наследие чрезвычайных методов в советской военной теории 1920-х гг.	71

Борисов И. А. Сибирь как идея духовной российской цивилизации ...	78
Воронцов В. Н. Восточная Сибирь в 1945 г.: условия реорганизации советских войск	82
Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в империи – империя в Сибири: к итогам экономической инкорпорации Сибири в Россию XIX – начала XX века	88
Журавлев В. В. К вопросу об историчности понятия «Сибирь/сибирский»	92
Иванов А. А. Уголовная ссылка как форма интеграции Восточной Сибири в единое пространство России в XIX в.	96
Каркотко А. Ю. Ссылка участников восстания 1863–1864 гг. в Сибирь, их роль в освоении края (на примере лидеров восстания из Вилейского уезда)	101
Козлов Д. В. Сибирский опыт интеграции в единое пространство России	106
Курас Л. В. Степные думы как орган местного самоуправления коренных народов Сибири. 1822 г. – начало XX века	110
Миллер А. И. Воображаемая география национального строительства: какие окраины империи становились русской национальной территорией и как это было	114
Синиченко В. В. Деятельность штаба Иркутского военного округа по уточнению трудовых прав военнопленных в годы Первой мировой войны	116
Сунь Чжункай, Шен Лун. Восточная Сибирь в советских экономических планах 1939 г.	122
Сюй Линьчун, Ван Хэнань. «Послевоенные реалии»: развитие экономики Восточной Сибири 1945–1953-х гг.	127

СЕКЦИЯ. «ОТ БАЙКАЛА ДО АМУРА...»: ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В РЕАЛИЗАЦИИ
ОБЩЕРОССИЙСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ XVII–XXI ВВ.

Ануфриев А. В. Становление и развитие войск по охране железных дорог в Восточной Сибири	132
Байкалов Н. С. Особенности формирования городских поселений районов западного участка Байкало-Амурской магистрали	138
Воронцов Д. В. Динамика стратегической роли Восточной Сибири во время Гражданской войны	144
Гагкуев Р. Г. Гражданская война в России. 1917–1922 гг.: начальные процессы	149
Ермаков А. В. «Великая имперская диагональ»: значение транзитного коридора Кяхта – Санкт-Петербург в освоении Сибири в XVIII–XIX вв.	153
Наумов И. В. Восстановление советских органов госбезопасности в Иркутской губернии в 1920 г.	157
Новиков П. А. Механизм выработки и реализации геополитических задач: источниковедческие возможности и ограничения осмысления	162

Олейников А. В. Конституция РСФСР 1918 г. – конституция Гражданской войны	167
Петрушин Ю. П. Массовое переселение и выделение земельных наделов крестьянам (на материале Куйтунской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии) (1896–1900 гг.)	172
Пученков А. С. Духовно-нравственный смысл Белого движения: к постановке проблемы	176
Рой О. М. Города БАМа: от коммунизма к светлому будущему	180
Смирнов Н. Н. Революция и Гражданская война в России в постсоветской историографии (1991–2023)	186
Хобта А. В. Пример оценки экономических перспектив Сибири в русле планирования железнодорожного строительства (1915 г.)	191
Чжан Пэйюань. У истоков китайско-российского образовательного сотрудничества	196

СЕКЦИЯ. ГЕНЕЗИС И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОХРАНЕНИЯ
И УКРЕПЛЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ
ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Баторова Т. П. Государственная политика в формировании правосознания несовершеннолетних в РСФСР в 1920-е годы	200
Деревскова В. М. Государственная политика в сфере правосудия в отношении инородцев после проведения судебной реформы 1864 г.	206
Дорская А. А. Историческая память как предмет конституционно-правового регулирования в России: ретроспективный анализ	211
Жолобов Я. Б. Конституционные принципы осуществления правосудия в Российской Федерации: аксиологический аспект	215
Нижник Н. С. Коммемориальные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей	219
Нижник Н. С., Нижник В. А. Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей	226
Пашенцев Д. А. Традиционные ценности как основа организации системы управления окраинными и присоединенными территориями в Российской империи	238
Пашенцева С. В. Благотворительность как социокультурная основа российской государственности	242
Скоробогатов А. В. Конституционализация духовно-нравственных ценностей в правовом пространстве России	245
Фролова Н. А. Духовно-нравственные ценности как особый фактор целеполагания в развитии российской государственности	249
Червяковский А. В. Духовно-нравственные ценности и традиции общества как критерии типологии правовых систем	255
Юрковский А. В. Юридико-лингвистическая неопределенность как результат использования средств юридической техники: влияние на механизм правового регулирования	260
Ящук Т. Ф. Генезис и динамика отечественных конституционных норм об образовании	266

СЕКЦИЯ. РОЛЬ ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК В СОХРАНЕНИИ
И УКРЕПЛЕНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Гармаев Ю. П. Традиционные ценности и юридическое образование в контексте преодоления демографической проблемы оттока населения из регионов Дальнего Востока и Сибири	271
Гармышев Я. В. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны	275
Глазунова И. В. Ценностные характеристики российского финансового права	278
Данко В. А., Середа И. М. Право на безопасный труд как ценность и объект уголовно-правовой охраны в Российской Федерации	284
Железняк Н. С. Государственный профессиональный сыск как средство защиты фундаментальных духовно-нравственных ценностей	288
Забавко Р. А. Сохранение и защита объектов культурного наследия мерами уголовно-правового характера	293
Иманкулов Т. И. Роль публично-правовых наук в сохранении и укреплении государственности Кыргызской Республики в настоящее время	298
Косова О. Ю. Семейный кодекс РФ и сохранение ценности материнства	307
Мовсумова Ф. Р. Роль отраслевых юридических наук Азербайджана в сохранении и укреплении духовно-нравственных ценностей и этнокультурного достояния	311
Митюкова М. А. Соблюдение нравственных норм при производстве отдельных следственных действий в уголовном процессе России	316
Островских Ж. В. Деформации духовно-нравственных ценностей как социально-психологические причины преступности	321
Фролова Т. А. Вопросы сохранения и защиты исторических традиций и объектов культурного наследия в законодательстве о местном самоуправлении в Российской Федерации	326
Яшин А. В. Криминологические аспекты сохранения и укрепления фундаментальных духовно-нравственных ценностей в современной России	331

СЕКЦИЯ. КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
ПО ЗАЩИТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ СВОИХ НАРОДОВ И НАРОДНОСТЕЙ

Абрамова М. Г. Духовно-нравственные ценности в становлении новой государственности стран Южной Америки: феномен неоконституционализма	337
Акматалиев А. Т., Калбердиева М. Ж., Нурдинов Б. Ж. Нравственные ценности в этнокультурном наследии	344
Wanwan Qi. Legal Protection of the Ethno-Cultural Heritage of Indigenous and Local Communities.....	350

Гбомамгба Марюс. Влияние традиционных религиозных норм на западноафриканскую идентичность: их роль в основе духовных, моральных и юридических ценностей в отдельном правовом контексте	357
Малаева Д. К. Новые ориентиры для развития духовно-нравственного современного общества на примере молодежи Республики Казахстан	359
Минникес И. В. Опыт зарубежных стран по защите духовно-нравственных ценностей своих народов и народностей	362
Rakoto A. The role of Spiritual and Moral Values in Policy Development in Madagascar	367
Самбу Демберел. Право предпринимательской деятельности как фундаментальная ценность и конституционное регулирование	372
Сенькова Т. В. Приверженность культурным и духовным традициям в контексте конституционно-правового регулирования в Республики Беларусь	376
Тирских М. Г. Нормативно-правовое закрепление фундаментальных духовно-нравственных ценностей в контексте трансформации политических режимов	382
Турсуналиев С. Ш. Внутриэтнические проблемы Кыргызстана в контексте внешних вызовов	385
Yingying He. Characterization and Development of Morality in China under Social Changes	391
Щукина Н. В. Законодательство о социальном обеспечении в системе мер по защите фундаментальных духовно-нравственных ценностей	401

СЕКЦИЯ. КЛУБ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ:
НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гоглева К. Ю. Использование фундаментальных конституционных ценностей и устремлений органами конституционного контроля как фактор сохранения и укрепления национальной конституционной идентичности	406
Дружинин Г. В. Кодекс этики как ориентир духовно-нравственных ценностей для участников корпорации	411
Дыня А. А. Историческое развитие Байкальской флотилии в период Гражданской войны в контексте поддержки военного престижа страны	415
Егоров А. С. Советская сатира в решении государственных задач	420
Изотов А. Н. Социальные ценности как источник публичного интереса	423
Михалева И. А. Правовой режим противодействия коррупции в контексте конституционных принципов	429

Самойлова А. А. Эволюция государственного управления физической культурой и спортом в Российской империи: этапы правовой институционализации	434
Слепнёв А. А. Тенденции развития правового регулирования в России с момента принятия Конституции РФ	438
Чигринский Н. С. Отражение фундаментальных нравственных ценностей в конституциях стран Восточной Европы в постсоветский период	442
Рой Р. О. Нормативно-правовое обеспечение планирования городов на БАМе	446
Шакирова Э. Ю. Патриотический фундамент трудовых достижений: эвакуация машиностроительного производства из Донбасса в Черемхово в 1941 г.	450

СЕКЦИЯ

РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

УДК 342.4(470+571)

РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

© Н. Е. Борисова, 2023

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Аннотация. В исследовании определяется формирование духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения в качестве архиважной задачи современного российского общества. Актуализируется значение Конституции РФ, опираясь на конституционные ценности, внесенные в Основной закон в 2020 г.

Ключевые слова: Конституция РФ, подрастающее поколение, дети (несовершеннолетние), молодежь, духовно-нравственные ценности.

Конституция России в сознании и поведении людей

Особенностью современности является расширение сферы права, его действия как единственного регулятора практически всех сфер общественной жизни. Сегодня границы правового пространства охватывают как новые ниши социальной действительности, так и расширяют влияние на ранее известные.

С другой стороны, в настоящее время довольно заметен интерес обычных людей к вопросам права, к конкретным нормам законодательства, регулирующим повседневную жизнь наших граждан. Ярким выражением этого явились изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации летом 2020 г. Как показала действительность, в последние годы второго десятилетия XXI в. увеличилось количество

предложений о внесении изменений в главный правовой документ страны. Но если такие предложения с известной периодичностью звучали и ранее из уст политиков, представителей органов власти и общественных деятелей, то в указанный период был характерен именно «запрос россиян на поправки в Конституцию РФ» [1].

Запрос со стороны обычных жителей России, не обремененных тяготами государственной власти, на изменение Конституции был связан прежде всего с потребностями улучшения жизни. И это замечательно, что большинство населения России желает и считает возможным улучшение собственной жизни путем эволюционных (а отнюдь не революционных) изменений и верит верховной власти, что она также желает и сможет произвести эти изменения, в том числе путем прописывания в Конституции правил в наиболее проблемных сферах повседневной жизни [2, с. 72].

Можно констатировать, что сущность и количество предлагаемых поправок, время и уровень их обсуждения; количество граждан России, отдавших за них свой голос, показали отношение людей к Основному закону страны, свидетельствующее о доверии к нему и к тем, кто будет претворять эти изменения в жизнь.

Характеристика подрастающего поколения

Как известно, основными задачами любого государства являются обеспечение защиты его суверенитета и безопасности населения, а также предоставление равных возможностей для приложения собственных сил и способностей граждан трудиться на собственное благо и на благо страны. Сегодня в условиях нового технологического этапа, расширения влияния нейросетей и искусственного интеллекта ставится сложнейшая задача обеспечения устойчивого экономического развития России, решить которую без участия подрастающего поколения не представляется возможным.

Традиционно к подрастающему поколению мы относим молодежь, молодых граждан, социально-демографическую группу в возрасте от 14 до 35 лет [3]. Так или иначе группа молодежи в настоящее время в России составляет значительную численную часть, способную вывести страну на новый инновационный уровень развития. В этой связи подчеркнем значимость творческого потенциала молодежи в целом в качестве ее основной характеристики. Именно для этого возрастного периода характерны новации, творческий поиск, всплеск идей и открытий, в том числе и в экономике. Во-вторых, проявление инициативы, деятельность, в том числе связанная с риском, составляют неотъемлемые качества подрастающего поколения и свойственны молодежи естественным образом [4, с. 114].

Обратим внимание, что в настоящее время численность молодежи с точностью установить достаточно сложно. Количество молодых людей в России в возрасте от 14 до 35 лет достигло в 2020 г. 39,1 млн чел. [5]. Дети (в правовом контексте – несовершеннолетние) своей отдельной возрастной частью (14–18 лет) также входят в особую социально-демографическую группу молодежи, что подтверждает их неразрывную связь. Молодежь, не будучи правовым понятием, включая в свой состав несовершеннолетних и совершеннолетних, естественным образом воплощает собой будущее любого государства. Численность детей (несовершеннолетних), исходя из доклада Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 г. [6], составляет на 1 января 2022 г. 30 328 287 чел.

Признавая молодежь социальной группой, имеющей стратегическое значение для будущего общества, нельзя не видеть, что инновационный общественный потенциал в целом сегодня остается невысоким. Качество будущего экономически активного населения серьезно деформировано в демографическом, медико-биологическом, социальном и нравственно-психологическом отношениях. Как отмечается, общество не в полной мере выполняет свои функции по подготовке молодежи к «усвоению и выполнению социальных ролей». Механизм социализации молодежи нарушен и заменяется механизмом социальной адаптации. С этой точки зрения подрастающему поколению времени советских конституций, четко обозначающих цели развития государства на каждом этапе, можно позавидовать. Прежде всего, должна быть идея, ради которой сплачиваются, а подобрать сегодня достойную объединяющую идею для подростков весьма затруднительно.

Духовно-нравственные ценности: понятие и формирование

Сегодня понятие духовных ценностей является едва ли не самым обсуждаемым. Главным вопросом здесь представляется как само определение ценности как конституционной, так и ее воплощение в жизнь. При этом при рассмотрении конституционных норм о ценностях важно не столько их количество, сколько конституционное (государственное) значение, которое придается им с точки зрения целей развития страны. Отечественные конституционалисты в этом случае употребляют понятие «дух» Конституции, который весомее и ценнее ее буквы, поэтому не всегда ценность может быть четко обозначена в конкретной формулировке.

В любом случае ценность есть важность, значимость и польза для государства и общества. Следовательно, оно должна быть проверена временем (созрела, соответствует настоящему моменту, принята как необходимая), проявляться как значимая для становления и развития общественных отношений и, наконец, приносить конкретную пользу в достижении целей государственного строительства и человеческого развития.

Еще одним аспектом исследования искомого понятия является соотношение конституционных ценностей и целей государственного развития, позволяющее рассматривать их как взаимоопределяемые и/или взаимоопределяющие. Конституция закрепляет цели, исходя из которых определяются ценности, поскольку цель должна воплощать ценности; с другой стороны, на основе ценностей определяется цель, которая и «ведет» к реализации этих ценностей, к их сохранению и развитию.

В итоге мы внесли в Конституцию России духовно-нравственные ценности, которые по своему сущностному значению можно соотнести с духовными основами конституционного строя Российской Федерации.

Не ставя целью перечислить все конституционные ценности, выделим, такие как патриотизм и гражданственность; уважение труда и человека труда; сбалансированность прав и обязанностей; обеспечение защиты исторической правды; сохранение традиционных семейных ценностей; взаимное доверие государства и общества; экономическая, политическая и социальная солидарность. Обратим внимание, что большинство духовных ценностей прежде всего обращены в сторону молодежи, подрастающего поколения.

Очевидно, что над их реализацией надо работать. Прежде всего важно реальное воплощение в жизнь принятых конституционных установок. Одновременно с этим необходима работа по их разъяснению, внесению в индивидуальное нравственное и правовое сознание с тем, чтобы эти ценности (патриотизм, человек и его труд; правовое социальное справедливое государство и сама государственность) для каждого человека воспринимались как ценность. Напомним, что русский правовед и философ И. А. Ильин считал родину и патриотизм драгоценными основами жизни.

«Если ценность включается в плеяду конституционно-правовых, то она должна культивироваться в обществе, пропагандироваться и, безусловно, внедряться в повседневную жизнь и правоприменительную практику» [7, с. 82].

Как известно, деятельность по определению, реализации и внедрению в индивидуальное и общественное сознание тех или иных целей и ценностей, воспитанию приверженности к ним называется идеологической работой, равно как и деятельность по формированию единого государственного мировоззрения.

Литература

1. Социологи увидели рекордный запрос россиян на поправки в Конституцию. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/10/2018/5bd2ff009a79470a6d34e3d7> (дата обращения: 10.09.2019).

2. Борисова Н. Е. Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 71–78.

3. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ (ст. 2). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 20.07.2023).

4. Борисова Н. Е. Молодежное предпринимательство: задачи развития // Российское предпринимательство: история и современность : сб. материалов I Всерос. Морозов, чг. 2018. С. 114–117.

5. Численность молодежи в России достигла 39,1 млн человек. URL: <https://rg.ru/2021/08/12/chislennost-molodezhi-v-rossii-dostigla-391-mln-chelovek.html> (дата обращения: 17.10.2021).

6. Доклад Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 г. URL: <http://www.deti.gov.ru/documents/doklad> (дата обращения: 17.10.2021).

7. Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2 (22). С. 73–91. URL: https://vestnik.utmn.ru/upload/iblock/994/073_091.pdf

THE ROLE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF THE YOUNGER GENERATION

© N. E. Borisova, 2023

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The presented theses determine the formation of the spiritual and moral values of the younger generation as a paramount task of modern Russian society. The author updates the meaning of the Constitution of the Russian Federation, based on the constitutional values introduced into the Basic Law in 2020.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, younger generation, children (minors), youth, spiritual and moral values.

Борисова Наталья Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права, Институт экономики, управления и права, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, e-mail: ne0609@bk.ru

Borisova Natalya Evgenievna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: ne0609@bk.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© М. А. Бучакова, 2023

Омская академия МВД России
Омск, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена трансформацией духовных ценностей в XXI в., активным внедрением западных ценностей в российское общество, их воздействием на мировоззрение граждан, размыванием тем самым традиционных российских духовно-нравственных устоев, что в условиях противостояния России Западу, создает угрозу национальной безопасности государства. Показано, что принятие Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей направлено на усиление идеологической составляющей российского общества, обеспечения единства государства, однако не в полной мере согласуется с конституционным положением об идеологическом многообразии общества. Отмечено, что конкретизация традиционных ценностей осуществляется не только в Конституции, но и в отраслевом законодательстве, при этом отдельные из них (справедливость, патриотизм и др.) не имеют адекватного правового регулирования.

Ключевые слова: ценности, духовно-нравственные устои, патриотизм, преемственность поколений, общество, идеология.

Традиционные ценности российского общества выступают основой самосознания и правосознания народа России. Они способствуют формированию духовно-нравственных основ жизнедеятельности общества и государства, деятельности органов публичной власти всех уровней, являются оплотом стабильности Российской Федерации, направлены на сохранение ее суверенитета внутри государства и на международной арене.

Проблематика традиционных духовно-нравственных ценностей позволяет поставить несколько вопросов, а именно что относится к традициям российского общества в исследуемой сфере, насколько эти традиции сохранены, каково их влияние на жизнь российского общества и что обуславливает особенности духовных ценностей российского общества. Идеология – это собрание высших ценностей-идеалов, формирующее представление о добре и зле, о смысле жизни. Каждое государство имеет идеологическую составляющую, что находит закрепление в конституции и в законодательных актах государства. М. М. Бичарова констатирует: «без ценностей жизнь общества была бы невозможна; функционирование социальной системы не могло бы сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не получали бы от других то, что им нужно; они бы не чувствовали в себе необходимую меру порядка и общности целей» [1, с. 69–71]. Поэтому в любом государстве должны быть ценности, являющиеся составляющей

духовной жизни народа, эти ценности неразрывно связаны с историей становления государственности и нации, эпохальными событиями в их развитии. Традиционность духовно-нравственных ценностей обусловлена их преемственностью от предков к потомкам, исторической памятью наиболее значимых дат и событий в истории государства.

Традиционные духовно-нравственные ценности российского общества всегда отличались от западных европейских ценностей, не говоря уже о ценностях культивируемых на других континентах. Формирование системы западных ценностей происходило на основе демократии Древней Греции и Рима, ценностей античного мира. Г. Е. Шкалина пишет: «Одной из рецепций европейской цивилизации является римское право. Именно римское право впервые юридически отделило гражданскую сферу жизни от публичной, закрепило понятие частной собственности, ввело в качестве способа решения гражданских споров открытый судебный процесс между равноправными сторонами. Сформированный либеральный индивидуализм привел к осмыслению чувства собственного достоинства, готовности к риску, к личной ответственности за свои поступки» [2, с. 30–38]. Культивирование личностных качеств индивида, неприкосновенность и охрана частной собственности способствовали формированию эгоцентризма и индивидуализма.

В духовном же развитии российского народа большое значение всегда имела земледельческая крестьянская община, или иначе говоря «мир», являющийся основой формирования русской культуры, ценностей русской общины. Ранее нами отмечалось, что «государство большую часть времени было вынуждено функционировать в условиях военного противостояния, что вело к формированию определенных качеств индивидов, при которых интересы и потребности общины ставились выше интересов отдельного члена общины, что способствовало формированию российской гражданской идентичности и определяло всю систему нормативно установленных традиционных российских ценностей», к числу которых прежде всего относились: жизнь, достоинство, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству [3, с. 9–11]. Продолжающаяся трансформация духовных ценностей в XXI в., привела к усилению противоречий между традиционными российскими ценностями и западными европейскими ценностями, или более правильно западные ценности стали активно внедряться в наше общество, размывая традиционные нравственные устои, что несет угрозу духовной безопасности российского общества. Это обусловлено тем, что европейские ценности, внедряемые в российское общество на протяжении последних десятилетий, ведут к культивированию общества потребления, эгоцентризму и индивидуализму личности, отказу от поня-

тия брака как союза мужчины и женщины, при этом происходит активное воздействие Запада на духовные устои жизни общества посредством цифровой среды с целью его дискредитации. Спецоперация, проводимая на Украине, ярко продемонстрировала противостояние России всему западному миру, не только в военной, но и прежде всего в идеологической сфере. Обострив проблематику сохранности традиционных ценностей, в том числе в контексте обеспечения национальной безопасности России. Исходя из этого для сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в Российской Федерации были приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (далее – Основы), утвержденные Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 [4].

Ключевым положением Основ выступает понятие «традиционные ценности», согласно которому «это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». До этого ранее на законодательном уровне нигде данное определение не давалось, несмотря на то, что понятие «традиционных ценностей» достаточно часто использовалось в научной литературе. Также конкретизированы и перечислены традиционные ценности российского общества: «Жизнь, Достоинство, Права и свободы человека, Патриотизм, Гражданственность, Служение отечеству и ответственность за его судьбу, Высокие нравственные идеалы, Крепкая семья, Созидательный труд, Приоритет духовного над материальным, Гуманизм, Милосердие, Справедливость. Коллективизм. Взаимопомощь и взаимоуважение. Историческая память и преемственность поколений, Единство народов России». Одновременное перечисление в данном документе идей и ценностей, чуждых российскому народу, субъектов, от которых исходят угрозы и вызовы традиционным ценностям, позволяют более оперативно реагировать на их проявления в российском обществе. Перечисление в Основах идей и ценностей, чуждых российскому народу, субъектов, от которых исходит угроза традиционным ценностям, позволяют более оперативно реагировать на их проявления в обществе. Духовная сфера является тонкой материей, не позволяющей провести четкое разделение идей и ценностей, в идентификации духовно-нравственных ценностей, возможности их отнесения к чуждым присутствует характер усмотрения. Что требует сбалансированного разумного подхода к оценкам угроз и вызовов в исследуемой сфере.

Каждое государство имеет идеологию, основы которой, как правило, закрепляются в конституции и в иных законодательных актах. Принятие Основ показывает вектор развития государства по формированию идеологических установлений, основывающихся на высоких духовно-нравственных ценностей. По сути Основы расширяют сферу государственного регулирования идеологической сферы, определяя направления деятельности государства по формированию традиционных российских ценностей, способствуя формированию общероссийской гражданской идентичности. В определенной степени усиление идеологической составляющей российского общества вступает в противоречие с конституционной нормой об идеологическом многообразии и тем, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст. 13). Более того, конституционные поправки 2020 г. во многом направлены на защиту и сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей (появилось положение о браке как союзе мужчины и женщины, о защите детства и материнства, обращению к тысячелетней истории России, памяти предков и вере в Бога, и преемственности поколений, единстве многонационального государства).

Конкретизация и механизм реализации традиционных духовно-нравственных ценностей имеет закрепление не только в Конституции, Основах, но и в отраслевом законодательстве. Вместе с тем некоторые из традиционных ценностей (коллективизм, справедливость, патриотизм и др.), не получили адекватного правового регулирования. В настоящее время стоит задача в сохранении и развитии традиционных российских ценностей в условиях современных реалий.

Литература

1. Бичарова М. М. Идея толерантного отношения к «другому» как ценностный ориентир в современной английской и американской литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22), ч. 2. С. 30–38.
2. Шкалина Г. Е. Европейские ценности: история формирования // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 1. С. 69–78.
3. Бучакова М. А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2023. С. 9–11.
4. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей: утверждены Указом Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Консультант-Плюс: справочная правовая система.

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF RUSSIAN SOCIETY

© M. A. Buchakova, 2023

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Abstract. The relevance of the research is due to the transformation of spiritual values in the XXI century, the active introduction of Western values into Russian society, their impact on the worldview of citizens, thereby eroding traditional Russian spiritual and moral foundations, which, in the conditions of Russia's opposition to the West, poses a threat to the national security of the state. The adoption of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Values is aimed at strengthening the ideological component of Russian society, ensuring the unity of the state, but is not fully consistent with the constitutional provision on the ideological diversity of society. The author notes that the specification of traditional values is carried out not only in the Constitution, but also in sectoral legislation. At the same time, some of them (justice, patriotism, etc.) do not have adequate legal regulation.

Keywords: values, spiritual and moral foundations, patriotism, continuity of generations, society, ideology.

Бучакова Марина Александровна – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, e-mail: mb290163@mail.ru.

Buchakova Marina Aleksandrovna – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, e-mail: mb290163@mail.ru.

УДК 342

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЖДОГО ЗА БЛАГОПОЛУЧИЕ ОТЕЧЕСТВА – ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

© Г. А. Василевич, 2023

Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье акцентируется внимание на социальной ответственности каждого субъекта правовых отношений за общий успех страны. Отмечена полезность установления социальных рейтингов при оценке вклада граждан и субъектов хозяйственной деятельности в социально-экономическую сферу государства и общества. Социальная ответственность рассмотрена как фактор, интегрирующий всю совокупность юридических обязанностей, предусмотренных для граждан и юридических лиц. Сделан вывод, что в сложный период развития государства важна консолидация общества и в этом проявляется социальная ответственность каждого гражданина.

Ключевые слова: социальная ответственность, солидарность, сплоченность общества, социальный рейтинг.

Одной из важнейших проблем, над разрешением которой размышляют представители науки, руководители и должностные лица различных уровней государственных органов, является проблема обеспечения позитивной динамики в экономике, социальной сфере, обеспечения политической стабильности, в целом благополучного развития общества и государства. Много уделяется внимания, и совершенно справедливо, различным стимулам для повышения активности и ответственности тех, кто занят на производстве, оказывает предусмотренные законодательством различного рода услуги. Обращаются к вопросу

активизации деловой активности граждан, развитию предпринимательской деятельности, снятие барьеров и ограничений в этой сфере, уменьшению количества проверок, «опеки» со стороны государства.

В юридической литературе больше акцентов делается в отношении социальной ответственности бизнеса, включая обязанность по выпуску качественной продукции, сохранению рабочих мест нанимателем, своевременную выплату заработной платы, уплату налогов и др. В этой связи идет речь о внутренней (например, создание безопасных условий работы; оказание помощи в сложных случаях) и внешней (забота об окружающей среде) формах социальной ответственности субъектов хозяйственной деятельности.

К сожалению, недостаточное внимание уделяется социальной ответственности каждого человека за общий успех страны. В условиях советской социалистической системы государство постоянно стремилось определить меры, которые были бы эффективными и побуждающими для выполнения обязанностей, более того, при их невыполнении в значительной степени сосредотачивались на воспитательной работе, например, по отношению к прогульщикам, нарушителям трудовой дисциплины. При всеобщей занятости и отсутствии безработицы это слабо работало. В западных странах суровые законы рынка, частно-предпринимательской деятельности были эффективным стимулом, побуждающим каждого выполнять свои обязанности.

Интересен пример Китайской Народной Республики, экономика которой, по сути, сравнима с одной из первых экономик мира (США). Тот огромный скачок, который сделала КНР за последние 25–30 лет, обусловлен не только сохранением организующей роли руководящей силы (компартии КНР), но и такими качествами граждан Китая, как трудолюбие, ответственность, солидарность поколений, креативность, умение быстро оценить спрос потребителей на соответствующие товары, стремление развивать свои знания и умения и др. Недавнее прошлое Китая показывает, что благодаря организованности и ответственности они преодолели много проблемных ситуаций, острых конфликтов, смогли все разумно разрешить. Та мощь и успехи, которые демонстрирует эта страна, не столь богатая на природные ресурсы, как, например, Российская Федерация, придает ее гражданам основательные импульсы для национальной гордости. Все это обеспечено повседневным созидательным трудом. Вот достойный пример для подражания, в том числе и для молодых людей, получающих образование в средних специальных и высших учебных заведениях.

В настоящее время для Беларуси особое значение приобретает норма, появившаяся в Конституции нашей республики по итогам ре-

ферендума 27 февраля 2022 г.: согласно ст. 21 каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Ранее социальную ответственность чаще рассматривали как этический принцип, содержанием которого является учет интересов всего общества. Отчасти соглашаясь с таким подходом и учитывая, что в вышеназванной статье Конституции идет также речь о посильном вкладе каждого в развитие общества и государства, полагаем, что наиболее приемлемым будет учет частных и публичных интересов. Следует иметь в виду, что общество строится на том, что каждому воздается пропорционально его деятельности. Государство ведет и обязано и далее вести активную борьбу по противодействию злоупотреблениям, включая экономическую сферу.

Став конституционным императивом, принцип социальной ответственности каждого за общее благополучие, на наш взгляд, аккумулирует все конституционные обязанности. Ведь надлежащее исполнение каждой конституционной обязанности так или иначе является проявлением социальной ответственности. Можно сказать, что социальная ответственность интегрирует все конституционные обязанности.

Может не так акцентированно, но в литературе все же обращалось ранее внимание на отдельные стороны общественного долга граждан. Например, в юридической литературе раскрывались формы индивидуального участия граждан в предупреждении и борьбе с преступностью [1]. Социальная ответственность и долг в ряде случаев могут быть побудительными мотивами для выполнения юридических обязанностей.

В качестве мер воздействия на личность с целью обеспечения правомерного поведения традиционно рассматриваются два метода – убеждение и принуждение. В условиях развития информационных технологий внедряются меры «косвенного» принуждения к такому поведению людей, которое было бы социально ответственным. В отдельных странах уже внедряется система социального рейтинга, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Так, привлекает внимание внедряемая в Китае система оценки поведения граждан (социальный рейтинг). С помощью цифровых «кнутов и пряника» Китай строит идеальное общество законопослушных, вежливых и надежных во всех отношениях людей [2].

Для нашего менталитета такой способ управления обществом является весьма необычным, но рациональные идеи здесь есть и может быть предметом возможной дискуссии. Можно было бы уже на данном этапе более акцентированно обращать внимание на вклад в развитие государства и общества крупных кампаний, включая занятость, оплату труда, сохранение экологии, оказание гуманитарной помощи и др. Ко-

нечно, оценки регионов и должностных лиц происходят, но пока не столь публично и масштабно, как могло бы быть для большего стимулирования ответственности должностных лиц за исполнение возложенных обязанностей.

Социальная ответственность наиболее высока в условиях гражданского общества. Эти два явления взаимосвязаны и обуславливают развитие один одного.

Следует использовать потенциал всего спектра субъектов правовых отношений, имея в виду надлежащее исполнение ими своих обязанностей. Среди них фундаментальную роль играют субъекты конституционных правоотношений. Причем надо иметь в виду, что без надлежащего выполнения обязанностей трудно обеспечить права и свободы. Некоторые виды социальной ответственности отражаются в законодательстве. Многие нормы стимулируют надлежащее выполнение «долга», как разновидности социальной ответственности. Так, в конституционном праве предметом дискуссии является вопрос о виде депутатского мандата – императивном или свободном. Свободный мандат уменьшает стимулы для выполнения «депутатского долга». Депутаты должны быть подконтрольны своим гражданам не только в период избирательной кампании, но и в процессе осуществления своих полномочий. Поэтому нам импонирует императивный мандат.

В современный период на фоне не имевшего аналога давления политического, экономического, социального на государства, которые проводят независимую от Запада внутреннюю и внешнюю политику, сверхактуальной является задача по консолидации общества, обеспечению его устойчивого развития. Распад СССР привел к тому, что в мире было нарушено существовавшее равновесие между различными политическими системами, из лексикона даже исчез принцип мирного сосуществования государств.

Социальная ответственность предполагает активность и инициативу каждого [3, с. 230–231].

В условиях существующих реальных угроз необходимо эффективно использовать не только политические, но и правовые средства для объединения всех легитимных субъектов, призванных укреплять государственный суверенитет. Консолидация общества особенно актуальна во время возникновения внешних угроз для государства. Консолидация предполагает солидарность и сплоченность граждан. В этом также проявляется социальная ответственность каждого.

Литература

1. Тишкевич И. С. Борьба с преступностью – долг каждого. М., 1981. 120 с.

2. Акиншин В. Кредит на свободу: как изменится общество в Китае после запуска системы оценки поведения граждан. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2021117212-q6hd.html> (дата обращения: 12.07.2023).

3. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. М., 2011. 360 с.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF EVERYONE FOR THE WELFARE OF THE FATHERLAND – FUNDAMENTAL CONSTITUTIONAL DUTY

© G. A. Vasilevich, 2023

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. In the article the author emphasizes such an important problem as social responsibility of each subject of legal relations for the overall success of the country. Attention is drawn to the usefulness of establishing social ratings in assessing the contribution of citizens and business entities to the socio-economic sphere of the state and society. Social responsibility is considered as a factor that integrates the totality of legal obligations provided for citizens and legal entities. Attention is drawn to the importance of consolidation of society in a difficult period of state development. Consolidation implies solidarity and cohesion of citizens. In this also manifests the social responsibility of everyone.

Keywords: social responsibility, solidarity, cohesion of society, social rating.

Василевич Григорий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права, юридический факультет, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: Gregory5581@yandex.by

Grigory Alexeyevich Vasilevich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: Gregory5581@yandex.by

УДК 342.7

МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВ И СВОБОД

© Д. Г. Василевич, 2023

Международный университет «МИТСО»

Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье освещаются вопросы юридического закрепления прав и свобод граждан. Проводится различие в оценках прав и свобод в условиях острого политического противостояния. Подчеркивается, что в нынешних условиях в западных странах подаются уже иные примеры отношения к свободе слова, охране права собственности, равенству всех независимо от национальной принадлежности. Эти ранее проповедуемые ценности сейчас не являются абсолютными категориями. Акцентируется внимание на расширении института правового статуса человека и гражданина за счет появления новых групп прав – информационных и соматических. Предлагается на международном уровне регламентировать отношения по поводу использования сети Интернет посредством принятия международного пакта. Подчеркнуто, что значительный мировоззренческий конфликт возникает по поводу соматических прав. Отстаивается идея важности сохранения традиционных семейных, исторических и культурных ценностей российского многонационального государства.

Ключевые слова: права и свободы, традиционные ценности.

С обретением государственного суверенитета и воплощением в национальной правовой системе общемировых, а также европейских правовых стандартов и порядков возник со всей остротой вопрос о том, насколько полно можно «заимствовать» этот опыт, насколько он может подойти нам с учетом наших традиций и обычаев.

В общественном развитии находят свое проявление законы диалектики и, в частности, один из них – переход количества в качество. Когда происходят переоценки той или иной нравственной или правовой нормы в общественном сознании, это может охватить небольшой круг людей, затем их взгляды получают все большую поддержку, «осознание» того, что новое явление является приемлемым для людей, политическая элита (если она сама не инициирует новые правила) может оказаться не в состоянии противостоять общественному мнению, которое в итоге получает правовую поддержку. В такой ситуации важно найти баланс «ценностей» каждого человека и всего общества.

Права и свободы человека уже давно находятся в центре борьбы за умы людей. В условиях ранее существовавших двух политических систем – социалистической и капиталистической – этот вопрос имел явно идеологическую окраску. Были взаимные обвинения о нарушениях прав человека, о двойных стандартах при оценках состояния прав и свобод, о различном отношении к той или иной группе прав. В советских условиях значительное внимание уделялось обеспечению социально-экономических прав, в том числе образованию (о советской системе образования как одной из лучших в мире сейчас вспоминают все), всеобщей занятости (последняя биржа труда в СССР была ликвидирована в 1930 г.), охране здоровья, социальному обеспечению и др. Со стороны западного мира акцент делался на личных правах и лишь под влиянием граждан, профсоюзов, других институтов гражданского общества там активизировалось внимание к занятости, ликвидации безработицы, медицинскому обслуживанию и др. Благодаря массовым и часто длительным забастовкам наемным работникам удавалось добиться улучшения условий труда, повышения заработной платы, улучшения других социальных гарантий.

Социально-экономические права в условиях советского строя были предметом постоянной заботы государства. Однако нет оснований полностью идеализировать и эту сторону деятельности государства: был дефицит добротных товаров, существовали многолетние очереди на получение жилья в пользование, неритмично работало производство, хотя и была плановая экономика.

После распада советской системы и так называемого социалистического лагеря многие ученые и практики стали романтизировать со-

стояние прав и свобод в странах Запада, полагая, что здесь присутствует устойчивое к ним отношение как общечеловеческим ценностям. Ориентиром в странах молодой демократии становились европейские «стандарты» в области прав и свобод, постоянно звучали призывы к заимствованию зарубежного опыта. Нельзя отрицать, что его изучение и следование по ряду направлений было ошибкой, как, впрочем, и для западных стран было пользой использование советского опыта в сфере обеспечения социально-экономических и социально-культурных прав, что часто стабилизировало общественную обстановку в западных странах.

Сейчас можно видеть, что в нынешних условиях в западных странах подаются уже иные примеры отношения к свободе слова, охране права собственности, равенству всех независимо от национальной принадлежности. Эти ранее проповедуемые ценности сейчас не являются абсолютными категориями. В этой связи важно, освещая проблематику прав и свобод, объективно подходить к данному вопросу, показывая также, что права и свободы в западных странах часто являются инструментом политической борьбы, борьбы с теми, кто идет против преобладающей точки зрения.

Поэтому огромное значение приобретает образование человека, право на которое закреплено в Конституции Российской Федерации, ряде подконституционных актов, а также международных договорах, участницей которых является Российская Федерация. Важность образования обусловлена тем, что оно объединяет две сферы – социальную и культурную [1, с. 1845].

Солидарны с высказанным мнением, что общество, возводящее в разряд нормы противоестественные отношения, лишает себя будущего. Сохранение человека возможно при условии руководства истинными общечеловеческими ценностями. Надлежаще обеспечиваемое право на образование является гарантией, препятствующей проникновению противоестественных норм [2, с. 208].

Реалии подтверждают высказанные сомнения относительно ценности идеи «живой Конституции, когда действующий Основной Закон наполняется новым содержанием [3, с. 4], особенно, когда изменения являются существенными, судьбоносными для общества, меняют вектор развития цивилизации. Недостаточно просто указать на то, что государство является правовым демократическим социальным. Конституция, хотя и соединяет национальные и универсальные принципы и ценности [4, с. 18], все же нуждается в нормах, которые бы конкретизировали конституционные права, свободы и обязанности, оптимизировали баланс частных и публичных интересов.

Интенсивное развитие современных научных исследований в области прав, свобод и обязанностей граждан в СССР, а затем и постсоветских республиках началось в конце 1980 – начале 1990-х гг. В XXI в. эта проблематика обретает новое направление и содержание. Этому способствовало не только изменение отношения государства и общества к свободе слова, мнений, избавление от многих идеологических догм, развитие политического плюрализма, но и востребованность концепции естественного права в современном восприятии, пересмотр взглядов на взаимоотношения человека и гражданина с государством, признание необходимым отказаться от патерналистского типа отношений между государством и гражданином, осознание служебной роли государства и его институтов во имя интересов человека и гражданина. Сказался и процесс глобализации.

Относительно традиционно понимаемого комплекса прав – личных, политических, экономических, социальных, культурных – уже сложились соответствующие стандарты. Сейчас есть потребность переосмысления устоявшихся ценностей, включая соотношение права и морали, иных социальных регуляторов, их ценностного единства и взаимовлияния, необходима оценка многого из того, что преподносилось со стороны западных стран как объективная необходимость, как отражение «цивилизованности» государства. Происходит формирование новых моделей права и нравственности, в основе этого процесса – переосмысление существующих проблем человеческого бытия. Выделим две со всей очевидностью формируемые новые группы прав – информационные права и соматические права, т. е. права, связанные с распоряжением человеком своим телом. Информационные права, на наш взгляд, являются средством реализации ранее устоявшихся классических прав. Общественность озабочена контентом, размещаемым в глобальной информационной системе (интернете). В идеале было бы полезно разработать и на уровне ООН принять Международный пакт по поводу стандартов, допустимых для интернета.

В последние десятилетия можно наблюдать усиленное внимание не только ученых, но и общественности к тем правам, которые связаны с распоряжением человеком своим телом. Этому способствуют новые технологии, выявленные возможности естественной науки и развития права. Огромное влияние на развитие человеческого организма, его, при необходимости, модернизацию, оказывают биомедицина, генетика, трансплантология и другие науки.

В доктринальном аспекте неоценим вклад ученых в развитие современной концепции правового статуса человека и гражданина, одним из краеугольных камней которой является утверждение постулата о том, что человек и государство являются равноправными партнерами, несут взаимную ответственность.

Литература

1. Тарасова Н. А. Право на образование в системе конституционных прав граждан Российской Федерации // Право и политика. 2010. № 10. С. 1842–1846.
2. Спасская В. В. Право на образование как источник образовательных отношений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 6. С. 77–94.
3. Витрук Н. В. Перспективы развития современной отечественной науки конституционного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 11. С. 3–5.
4. Принципы публичного права : монография / под ред. Е. В. Титовой, Т. П. Пошивалова. М., 2023. 288 с.

MORAL VALUES AS A BASIS FOR DETERMINING THE CONTENT OF RIGHTS AND FREEDOMS

© D. G. Vasilevich, 2023

International University “MITSO”, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article highlights the issues of legal consolidation of rights and freedoms of citizens. The difference in the assessment of rights and freedoms in the conditions of acute political confrontation is made. It is emphasized that in the current conditions in Western countries there are different examples of attitude to freedom of speech, protection of property rights, equality of all regardless of nationality. These previously preached values are not absolute categories now. Attention is emphasized on the expansion of the institution of the legal status of man and citizen through the emergence of new groups of rights – informational and somatic. It is proposed to regulate relations regarding the use of the Internet at the international level through the adoption of an international covenant. It is emphasized that a significant worldview conflict arises over somatic rights. The idea of importance of preservation of traditional family, historical and cultural values of the Russian multinational state is defended.

Keywords: rights and freedoms, traditional values.

Василевич Дмитрий Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, юридический факультет, Международный университет «МИТСО», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: Dmitry8157@gmail.com

Vasilevich Dmitry Grigorievich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of International Law Department, Faculty of Law, International University “MITSO”, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: Dmitry8157@gmail.com

УДК 342:659.1

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© А. Ю. Дорский, 2023

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В исследовании показано, как традиционные ценности защищаются от посягательств в российской рекламе. Анализируется практика Федеральной антимонопольной службы РФ и Ассоциации маркетинговой индустрии «Рекламный совет». Сделан вывод, что понятие традиционных ценностей по состоянию на лето 2023 г. не стало значимым ориентиром для регулирования рекламы.

Ключевые слова: Конституция РФ, традиционные ценности, семейные ценности, права и свободы человека, реклама.

Хорошо известно, что в соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Ценности упоминаются в Конституции еще 13 раз. Это культурные ценности (ч. 2 ст. 43, ч. 2 ст. 74), ценности, хранящиеся в иностранных банках (п. «т» ст. 71, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81, ч. 4 ст. 95, ч. 1 ст. 97, п. «е» ч. 1 ст. 103, ч. 4 ст. 110, ст. 119, ч. 2 ст. 129), традиционные семейные ценности (п. «в» ч. 1 ст. 114).

То есть слово «ценности» используется в разных смыслах. Для нас важно значение, выделенное в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809): ценности – это нравственные ориентиры (п. 4 [1]). То есть к нашей теме относятся права и свободы человека, а также традиционные семейные ценности. Указ № 809 поясняет и термин «традиционные семейные ценности»: крепкая семья, брак как союз мужчины и женщины и многодетность.

Наше исследование сосредоточено на защите традиционных ценностей в рекламной коммуникации. Несмотря на то что роль рекламы в формировании обыденного мировоззрения, согласно некоторым исследованиям [2; 3], снижается, ее по-прежнему нельзя недооценивать [4; 5]. В связи с этим ценностный аспект рекламной коммуникации находится в фокусе внимания как государства, так и органа саморегулирования.

Эмпирическим материалом исследования послужили дела, рассмотренные государственными органами и СРО в сфере рекламы. Анализируемые тексты были выявлены с помощью поиска по ключевым терминам «традиционные ценности», «права и свободы человека», «крепкая семья» в базах решений арбитражных судов (с ограничением «29.10. Споры о запрете распространения рекламы, о публичном опровержении недостоверной рекламы»), Федеральной антимонопольной службы и саморегулируемой организации Ассоциация маркетинговой индустрии «Рекламный совет».

В результате было выявлено два решения территориальных управлений ФАС и три рекламы, рассмотренные АМИ «Рекламный совет». Пересечения в этих делах отсутствуют. В указанных пяти делах от посягательств дважды защищалась – или якобы защищалась – ценность семьи, в двух случаях возникал вопрос о традиционной модели мужского поведения, а однажды – о защите всего комплекса традиционных ценностей, выраженного в образе Деда Мороза. Рассмотрим подробнее дела, содержащие апелляцию к ценности семьи как ценности, прямо охраняемой Конституцией.

В первом случае в Воронежское УФАС обратился гражданин с жалобой на рекламу рынка «Центральный». В звуковой рекламе, распространявшейся на радио «Воронеж», а также в «Центральном парке культуры и отдыха» г. Воронежа, звучал диалог: «Скажите, а где Вы покупаете продукты? – На Центральном рынке. Это уже семейная традиция, я хожу, и дети мои, и внуки заглядывают. – А почему именно Центральный рынок? – Так, продукты натуральные, выбор большой и вечером скидки от 20 %, бюджетно. Центральный рынок для меня это – качество, натуральность и выгодная цена». Однако заявителю не удалось купить на Центральном рынке товары со скидкой. В процессе рассмотрения жалобы выяснилось, что в другой рекламе – наружной, в маршрутных такси, на городских сайтах – имелась дополнительная информация о том, что скидки предоставляются только арендаторами, использующими специальный знак. Представитель рекламодателя, СПОК «СРКР «Центральный», указал на это обстоятельство, особо подчеркнув, что в аудиоролике есть вся существенная информация: традиционные семейные ценности, качество, натуральные продукты, вечером скидки до 20 %. Воронежское УФАС не приняло во внимание ссылку на традиционные ценности и признало указанную рекламу неадекватной [6].

Апелляцией к традиционным ценностям попытался защититься и петербургский рекламодатель в ответ на серию жалоб, поступивших в разные государственные и негосударственные органы по поводу рекламы ООО «КВС-Выборгский». На билбордах изображалась молодая женщина в шортах с французским багетом в руках. Сопроводительный текст гласил: «НА ВСЕ ГОТОВАЯ квартира с отделкой + мебель в подарок». Когда в АМИ «Рекламный совет» поступила жалоба на «унижение российских девушек», ООО «КВС-Выборгский» ответило: «...хотим отметить, что наша компания является хранителем традиционных ценностей РФ. Считаем, что красивая женщина на кухне это то, что так хочется мужчине с традиционными ценностями! Поэтому наша компания делает рекламу с социальным оттенком и призывает девушек ждать мужей на кухне. А мужчина, зная, что его ждет такая женщина дома, никогда не сойдет с праведного пути. Такие семьи будут надежны и долговечны и, конечно, все это только увеличит деторождаемость в стране. А значит, наша компания выполняет еще одну важную социальную задачу – увеличение деторождаемости в РФ» (орфография и пунктуация оригинала). Эксперты не согласились с позицией рекламодателя. В отношении традиционных ценностей ими было, в частности, отмечено: «Вопреки его собственному утверждению рекламодатель грубо попирает традиционные ценности российского об-

щества. В соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей” на первом месте среди этих ценностей значатся “жизнь, достоинство, права и свободы человека”, а не ожидание мужчины на кухне. Пояснения о “традиционных ценностях” только усугубляют ситуацию, указывая на неприемлемое понимание ценностей в Российской Федерации, поскольку в ст. 19 Конституции РФ содержится четкое указание на равенство всех перед законом и судом (ч. 1, а также в ч. 2). Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Кроме гарантий равных прав, не допускающих сексистский подход, в ч. 3 указано на равные права и свободы и равные возможности для реализации прав мужчин и женщин» [7].

Обратим внимание, что эксперты не столько опровергали аргумент рекламодателя о том, что его сообщение способствует укреплению семейных ценностей, сколько противопоставляли ему довод о попрании ценности прав и свобод, достоинства человека. Представляется, что приоритет этих ценностей при возникновении их конкуренции с другими традиционными ценностями соответствует Конституции, а в случае конкуренции с семейными ценностями – и семейному законодательству.

При значительном количестве дел об оскорбительных образах и выражениях в рекламе, т. е. фактически о защите человеческого достоинства традиционным ценностям именно как традиционным в сфере рекламного регулирования и саморегулирования уделяется мало внимания. А на основании рассмотренных нами случаев можно констатировать, что термин в основном используется недобросовестными акторами в манипулятивных целях.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <https://online1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=430906&rnd=OMGk1g#LHOuNITGQ32QQ7WQ1> (дата обращения: 27.07.2023).
2. Ульяновский А. В. Селекция ценностной платформы молодежи: явная реклама и брэндинг как технологии поставки референтных образов уже неактуальны // Современные СМИ в контексте информационных технологий : сб. науч. тр. IV Всерос. науч.-практ. конф. 2018. СПб., 2019. С. 19–22.
3. Ульяновский А. В. Прагматические коммуникации: одержимые и эпатажные от Telegram до Youtube : учеб. пособие. М., 2022. 115 с.

4. Косинцева Т. Д. Эффекты массовой коммуникации: психологическое влияние рекламы на студенческую молодежь // Перспективы науки. 2023. № 3 (162). С. 152–155.

5. Андросова Л. А., Кондратьева И. Г. Ценности молодежи в современной рекламе: социологический анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 4 (4). С. 54–58.

6. Решение Воронежского УФАС № 036/05/5-619/2019 от 19 сент. 2019 г. // Федеральная Антимонопольная Служба. База решений и правовых актов. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/voronezhskoe-ufas-rossii/564d6dcd-3986-4c92-91b8-38448408361d/> (дата обращения: 27.07.2023).

7. Рассмотрение прямой жалобы потребителя № 12-13.02.2023 // Об ассоциации. Решение. URL: <https://sovetreklama.ru/ob-assocziaczii/resheniya/2023-god> (дата обращения: 27.07.2023).

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GROUNDS FOR PROTECTING TRADITIONAL VALUES IN ADVERTISING COMMUNICATION

© A. Yu. Dorskii, 2023

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The year 2020 witnessed the incorporation of the concept of traditional family values into the Constitution of the Russian Federation. Advertising plays a significant role in shaping the values and behavior patterns of its audience. In this context, observance of ethical standards in advertising is vital. The study displays how traditional values are protected from encroachments in Russian advertising. The activities of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation and the Marketing Industry Association “Advertising Council” are analyzed. It has been concluded that as of summer 2023 traditional values have not yet emerged as a significant criterion for regulating advertising.

Keywords: Constitution, traditional values, family values, human rights and freedoms, advertising.

Дорский Андрей Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры рекламы, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.dorsky@spbu.ru

Dorskii Andrei Yuryevich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Advertising, Head of the Department of Management in Mass Communications, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: a.dorsky@spbu.ru

УДК 342.553

ИНСТИТУТ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

© И. И. Иванова, 2023

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации
Иркутск, Россия

Аннотация. В исследовании предпринята попытка общей периодизации развития научных приоритетов к избранию объекта и предмета исследования в тематике муниципальных выборов. Выделяя тематические и иные особенности научных трудов каждого из рассматриваемых периодов, обозначается общая проблематика для них, актуальная и для современной публично-правовой науки.

Ключевые слова: муниципальные выборы, избирательное право, качество правового регулирования.

С провозглашением в ст. 12 Конституции РФ института местного самоуправления одной из важнейших конституционных основ российской государственности муниципальные выборы как форма реализации данного конституционного положения стали важнейшим объектом законодательного регулирования, правоприменительной практики и, разумеется, научных исследований.

По истечении трех десятков лет, на наш взгляд, уже можно подводить серьезные итоги и даже попытаться выделить этапы развития института муниципальных выборов как в практике государственно-правового строительства современной России, нормативного регулирования, так и научных подходов к исследованию наиболее актуальных для каждого периода вопросов. В этой связи представляется рациональным выделить три этапа развития в исследовании муниципальных выборов:

1. Первый этап (1993–2003 гг.) стал этапом становления института местного самоуправления в целом, так и института муниципальных выборов в частности. Процедуры организации и проведения муниципальных выборов регулировались действующими в тот период Федеральным законом № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ № 154), а также Федеральным законом № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2].

На данном этапе предпринимались только первые попытки правового регулирования муниципальных выборов, которые даже на федеральном уровне не всегда отличались высоким качеством. Что же касается субъектового и муниципального нормотворчества, то их качество было настолько низким, что нередко приводило не просто к противоречию федеральному законодательству, но и нарушению прав граждан, гарантированных ст. 32, 130 и 131 Конституции РФ. Значительную роль в защите конституционных прав граждан на этом этапе развития института муниципальных выборов сыграли органы конституционного правосудия и суды общей юрисдикции.

Научное сообщество в этот период только «присматривалось» к новому формирующемуся институту, предпринимало первые шаги по осмыслению качества его нормативного регулирования. Общей характерной тенденцией данного этапа стало стремление ученых к комплексному осмыслению проблем первого опыта правового регулирования и функционирования муниципальных выборов, воплотившееся не в отдельных публикациях, а сразу в диссертационных исследованиях [3; 4]. Исключение составляют публикации О. Н. Костюкова [5], посвященная

комплексному исследованию форм непосредственной демократии на муниципальном уровне, а также статья С. В. Смирнова о муниципальных выборах как показателе политического отношения населения к органам местного самоуправления [6].

2. С принятием в октябре 2003 г. действующего Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] свой отчет начал второй этап (2003–2013 гг.) не только в развитии института отечественных муниципальных выборов, но и всей системы местного самоуправления. Статьей 23 указанного Закона, как и аналогичной статьей предшествующего ФЗ № 154, достаточно подробно регулируются вопросы муниципальных выборов. Кроме того, на тот момент уже как год действовал Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [8] (далее – ФЗ № 67), комплексно регулирующий порядок организации и проведения всех видов выборов в России.

На данном этапе законодатель активно «экспериментировал» с моделями местного самоуправления, порядком наделения полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления, «набором полномочий» региональных и местных органов (в том числе по правовому регулированию организации и проведения местных выборов).

Поиск оптимальных вариантов развития института муниципальных выборов, разумеется, не мог не найти своего отражения и в юридической науке. Наибольшее число публикаций второго периода посвящено анализу избирательных систем, применяемых при проведении муниципальных выборов. Кроме этого, активно исследовались вопросы, связанные с проблемами формирования избирательных округов, подкупа избирателей, единых дней голосования и дополнительных гарантий избирательных прав¹.

Внимание исследователей привлекал и опыт законодательного регулирования муниципальных электоральных процедур в регионах. Большое число региональных актов, ставших доступных к правовому анализу позволили проводить содержательные сравнительно-правовые исследования.

3. Третий период развития института муниципальных выборов, переживаемый в настоящее время, характеризуется большим интересом научного сообщества к применению на выборах (в том числе муниципальных) современных технологий, а также к проблемам избира-

¹Информация с сайта научной электронной библиотеки elibrary. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp

тельного абсентеизма. Продолжает сохранять интерес ученых и порядок выборов должностных лиц муниципальных образований.

Кроме того, на втором и третьем этапах научного осмысления института муниципальных выборов обоснованный интерес авторов вызвали вопросы качества правового регулирования данного института [9; 10]. Следует отметить, что оценка такого качества не всегда «лежит на поверхности», в связи с тем, что правовое регулирование может и не содержать очевидного противоречия, но порождать немало вопросов в правоприменительной практике. Приведем лишь один из таких примеров.

Так, п. 2.5.2 Положения о Государственной системе регистрации (учета) избирателей, участников референдума в Российской Федерации, утвержденным постановлением ЦИК России [11] предусмотрено правило об исключении граждан, проходящих военную службу по призыву, из списков избирателей при проведении муниципальных выборов на время прохождения такой службы. Как показал анализ правоприменительной практики органов прокуратуры, указанные органы в ходе осуществления надзорной деятельности за соблюдением участниками выборов избирательного законодательства, активно следят за реализацией данной нормы территориальными избирательными комиссиями. Исключение из списка избирателей является ничем иным как ограничением активного избирательного права пусть даже на определенный и достаточно короткий срок. Одновременно с этим ФЗ № 67, устанавливающим исчерпывающий перечень оснований ограничений активного избирательного права, факт прохождения избирателем военной службы по призыву, не рассматривается в качестве такого основания. Представляется, что ограничение любого из избирательных прав, в силу предписаний ч. 3 ст. 55 Конституции РФ может быть закреплено только в ФЗ № 67.

Подводя итог, отметим, что именно вопросы правового качества должны быть «ядром» научных исследований в данной области общественных отношений, независимо от периода, территории и вида проводимых выборов.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 28 авг. 1995 г. № 154-ФЗ (утратил силу) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 28.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 19 сент. 1997 г. № 124-ФЗ (утратил силу) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 33.
3. Мартынов С. А. Муниципальные выборы как фактор демократизации политического процесса : дис. канд. ... полит. наук. М., 2002. 184 с.
4. Кудилинский М. Н. Проблемы правового регулирования муниципальных выборов в Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000. 195 с.

5. Костюков А. Н. Непосредственное участие населения в осуществлении местного самоуправления. Омск, 2002. 125 с.

6. Смирнов С. В. Муниципальные выборы как показатель политического отношения населения к органам местного самоуправления // Вестник КГУ им. Некрасова. 2003. Т. 8, № 1. С. 114–122.

7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40.

8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 24.

9. Смирнов Д. С., Реуф В. М. Организационно-правовые основы регулирования института муниципальных выборов в Российской Федерации // Актуальные проблемы правоведения. 2019. № 2 (62). С. 10–12.

10. Провоторов Р. А. Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 114–118.

11. Положение о Государственной системе регистрации (учета) избирателей, участников референдума в РФ : утв. Постановлением ЦИК России от 6 нояб. 1997 г. № 134/973–II // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

INSTITUTE OF MUNICIPAL ELECTIONS: PROBLEMS OF FORMATION, DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT

© E. L. Ivanova, 2023

Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The issues of development of most of the legal institutions in our country, as a rule, are studied through the prism of the development of their legal regulation (including periodization of legislation). Recognizing the validity of this approach, it still seems that for a more complete picture of the development of a particular legal phenomenon, an institution, it is important to use a similar approach to scientific materials. The article attempts a general periodization of the development of scientific priorities for the selection of the object and subject of research in the subject of municipal elections. Highlighting the thematic and other features of the scientific works of each of the periods considered in the article, the author identifies a common problem for them, which is also relevant for modern public law science.

Keywords: municipal elections, suffrage, quality of legal regulation.

Иванова Елена Леонидовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, lenai@list.ru

Ivanova Elena Leonidovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of State and Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, lenai@list.ru

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

© Е. В. Ильина, 2023

Государственный архив Иркутской области
Иркутск, Россия

Аннотация. Представлен обзор документальных источников Государственного архива Иркутской области и его филиала по истории подготовки проекта Конституции Российской Федерации: указы Президента РФ, стенограммы совещаний, распоряжения по участию иркутских экспертов в работе Конституционного совещания, а также документы по проведению всенародного референдума по проекту Конституции на территории Иркутской области. Сделан вывод, что обзор документальных источников имеет научную значимость для проведения более глубоких исследований по истории российской государственности новейшего времени.

Ключевые слова: Конституция, конституционное совещание, референдум 12 декабря 1993 г., Государственный архив Иркутской области, центр документации новейшей истории, воспоминания

25 декабря 1993 г. по результатам референдума 12 декабря 1993 г. была принята Конституция Российской Федерации. Работа по ее созданию (написанию) проводилась в течение нескольких месяцев силами многих экспертов от республик, краев и областей. Представители от Иркутской области принимали активное участие в этой работе.

Работа над проектом Конституции Российской Федерации проводилась в несколько этапов. С 1990 г. над проектом Конституции работала Конституционная комиссия Верховного Совета РСФСР. В 1993 г., в период государственного кризиса, когда необходимость в новой Конституции ощущалась особенно остро, по Указу Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 12.05.1993 № 660 в июне 1993 г. начало свою работу Конституционное совещание. На совещании эксперты дорабатывали два проекта конституций – Конституционной комиссии и Президента России. В результате совместной работы представителей от субъектов Российской Федерации, депутатов, юристов былработан новый единый проект Конституции России, который в дальнейшем был вынесен Президентом на всенародный референдум. В регионах страны проекты конституций обсуждались региональными парламентами (советами), вырабатывались соответствующие замечания.

В Государственном архиве Иркутской области документальные материалы по данной тематике хранятся в фондах Р-1933 «Иркутский областной Совет и исполком», Р-3511 «Администрация Иркутской об-

ласти», Р-3529 «Личный фонд Ножикова Ю. А., губернатора Иркутской области» и др. фондах, а также в научно-справочной библиотеке.

В научно-справочной библиотеке архива имеются на хранении Указы Президента РФ Б. Н. Ельцина: Указ № 660 от 12.05.1993 «О мерах по завершению подготовки новой Конституции Российской Федерации», Указ № 718 от 20.05.1993 «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки Конституции РФ», Указ № 790 от 31.05.1993 «О внесении дополнений в Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 1993 г. № 718 «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки Конституции РФ», Указ № 840 от 02.06.1993 «О порядке работы Конституционного совещания», Указ № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации». Указами Президента РФ были обозначены даты созыва Конституционного совещания, даты окончания работы над проектом Конституции, регулировался состав участников совещания, назначена дата референдума.

В фондах Иркутского облсовета и Администрация Иркутской области сохранились распорядительные документы органов государственной власти области, связанные с работой над проектом Конституции. Это решение 13 сессии 21 созыва Иркутского областного Совета народных депутатов 313/20 от 21.05.1993 «О проекте новой Конституции Российской Федерации», которым был согласован созыв Конституционного совещания как консультативного органа для подготовки проекта Конституции на основе существующих проектов. Также в это решение был включен пункт об обязательном включении в проект гарантий местного самоуправления и равенства статусов субъектов Российской Федерации. Для участия в совещании утверждалась группа в составе 9 чел. [1]

Особый интерес представляет стенограмма совещания представителей субъектов Федерации (Иркутской, Читинской областей, Красноярского, Хабаровского краев, Усть-Ордынского, Агинского, Таймырского автономных округов) по обсуждению проекта Конституции Российской Федерации. Совещание состоялось 20 мая 1993 г. в Иркутске. На совещании присутствовала делегация из Москвы во главе с заместителем председателя Совета министров Шахраем Сергеем Михайловичем и советником Президента Станкевичем Сергеем Борисовичем [2]. С. М. Шахрай представил «президентский» проект Конституции и объяснял присутствующим представителям органов власти регионов, зачем нужна доработка и принятие новой единой Конституции Российской Федерации. Основной причиной, по мнению Шахрая, стало то, что действующая Конституция 1989 г. с ее многочисленными измене-

ниями и дополнениями привела к созданию нового расклада политических сил и двоевластию. «...Двоевластие продолжается, двоевластие имеет основу в тексте действующей Конституции, в жизни это приводит к безвластию», – констатировал Шахрай [Там же].

В сохранившейся стенограмме совещания с заместителями главы администрации Иркутской области, проходившего 22 июля 1993 г. представляет интерес доклад главы администрации Ю. А. Ножикова. В своем докладе он рассказал о работе Конституционного совещания, о доработанном проекте Конституции. Эксперты от Иркутской области подписали новый проект Конституции с двумя замечаниями, а в проекте были учтены их поправки в вопросе равноправия субъектов Федерации [3].

К 20-летию Конституции РФ сотрудники государственного архива Иркутской области подготовили книгу – сборник документов и воспоминаний на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области, ЦДНИ ГАИО, Государственного архива Российской Федерации, а также воспоминаний участников Конституционного совещания [4]. В составе Конституционного совещания Иркутская область была представлена 4 экспертами: глава администрации Иркутской области Ю. А. Ножиков, председатель Иркутского областного совета народных депутатов В. В. Игнатенко, представитель Президента РФ по Иркутской области И. И. Ширококов, заведующий кафедрой ИГУ С. И. Шишкин. По доверенности работал председатель государственно-правового комитета администрации области Ю. Г. Курин [5], помощник представителя Президента России в Иркутской области В. Г. Татарников.

В книгу включены расшифрованные записи фонограмм с воспоминаниями о работе Конституционного совещания Ю. А. Ножикова, Ю. Г. Курина, В. В. Игнатенко, С. И. Шишкина, В. Г. Татарникова и С. С. Босхолова (представитель от Усть-Ордынского Бурятского автономного округа). В своих воспоминаниях участники описали ход работы совещания, какие поправки в проект вносили, дали оценку существующей Конституции [4, с. 6–65].

Документы по принятию новой Конституции РФ и проведению референдума сохранились в филиале архива – Центре документации новейшей истории Иркутской области, в архивной коллекции № 6696 «Документы по подготовке и проведению Всесоюзного и Всероссийского референдумов, выборов Президента РСФСР, Государственной Думы и Совета Федерации, Федерального собрания РФ, проводимых на территории Иркутской области».

В состав коллекции вошли документы по проведению всенародного референдума по проекту Конституции РФ 12 декабря 1993 г. Отложились документы избирательных комиссий о результатах голосова-

ния по проекту Конституции (протоколы, таблицы, акты, справки) по Усть-Ордынскому бурятскому округу, г. Нижнеудинску и Нижнеудинскому району, Тулунскому избирательному округу № 84, г. Усть-Илимску и району, г. Черемхово, Мамско-Чуйскому и Ольхонскому районам. Документы поступили в архив в неполном составе (нет итоговых результатов по Иркутской области, областному центру – г. Иркутску и другим районам), но они дают представление о подготовительных мероприятиях, порядке и проведении референдума. В составе коллекции отложились образцы бюллетеней для голосования, в том числе бланк бюллетеня для голосования по проекту Конституции, разъяснительные материалы. Вырезки из районных газет с текстом проекта Конституции и статьями с отзывами и обсуждениями [6].

В полном объеме сохранились итоговые бюллетени по голосованию за проект Конституции РФ по Усть-Ордынскому Бурятскому автономному округу (избирательный округ № 220). Из итогового документа можно узнать, что за проект Конституции РФ по округу проголосовало 45 477, против 10 764 [7].

В целом 74,16 % жителей Иркутской области одобрили принятие Конституции РФ (результаты сохранились в Государственном архиве Российской Федерации, фонд 10115, оп. 1, д. 1341) [4, с. 188]

Документальные источники по истории подготовки и принятии Конституции Российской Федерации, сохранившиеся в Государственном архиве Иркутской области, имеют историческую значимость и могут помочь в изучении государственно-политического устройства Российской Федерации.

Литература

1. ОГКУ ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 5, Д. 615. Л. 11–13.
2. ОГКУ ГАИО. Ф. Р-3511. Оп. 1. Д. 98.
3. ОГКУ ГАИО. Ф. Р-3511. Оп. 1. Д. 101. Л. 68–70.
4. Иркутская область и реформы 1990-х. Кн. 1. Конституция, принятая народом (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации). Воспоминания и документы. Иркутск : Репроцентр А1, 2013. 200 с.
5. ОГКУ ГАИО. Ф. Р-3511. Оп. 1. Д. 72. Л. 62.
6. ЦДНИ ГАИО. Ф. 6696. Оп. 1. Д. 264.
7. ЦДНИ ГАИО. Ф. 6696. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–8.

THE HISTORY OF THE CREATION AND ADOPTION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE IRKUTSK REGION

© E. V. Ilyina, 2023

State Archive of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article provides an overview of the documentary sources of the State Archive of the Irkutsk region and its branch on the history of the preparation of the draft Constitution of the Russian Federation. These are Decrees of the President of the Russian Federation, transcripts of meetings, orders on the participation of

Irkutsk experts in the work of the Constitutional Meeting, as well as documents on holding a national referendum on the draft Constitution in the Irkutsk region. A book of documents and memoirs prepared by archivists for the 20th anniversary of the adoption of the Constitution based on the memoirs of participants of the Constitutional Meeting is presented. The review of documentary sources has scientific significance for conducting more in-depth research on the history of modern Russian statehood.

Keywords: Constitution, Constitutional Conference, referendum of December 12, 1993, State Archive of Irkutsk region, Documentation Center of Modern History, memoirs

Ильина Елена Викторовна – директор, Центр документации новейшей истории – филиал областного государственного казенного учреждения «Государственный архив Иркутской области», г. Иркутск, Россия, e-mail: lena19712@yandex.ru

Irina Elena Viktorovna – Director, Center for Documentation of Modern History – Branch of the Regional State Institution “State Archive of the Irkutsk Region”, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: lena19712@yandex.ru

УДК 342:94

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПРОШЛОМ (В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 67.1 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

© М. А. Кожевина, 2023

Омская академия МВД России
Омск, Россия

Аннотация. Раскрываются теоретические, историко-правовые и нравственные аспекты реализации ст. 67.1 Конституции РФ. Научное знание и историческая память о прошлом человека, общества и государства рассматриваются как определенная гарантия в формировании личности и гражданина, устойчивого к непониманию своей национальной идентичности.

Ключевые слова: история права, теория права, права человека, преемственность, историческая память, историческая правда.

Статья 67.1 Конституции РФ была введена в правовое поле после всенародного голосования 1 июля 2020 г. Накал страстей вокруг внесения этой поправки значительно угас, но, как нам представляется, вопросы о формах и средствах, обеспечивающих ее реализацию, остались и требуют, прежде всего от научной и иной общественности поиска эффективных решений, имеющих не только теоретико-правовой и исторический вектор, но в большей степени определяющихся нравственным началом. Это два взаимонаправленных специфических процесса, но одновременно нацеленных на один результат – сохранение исторического наследия будущими поколениями россиян, обусловленное неотъемлемой потребностью патриотического единения народа для перспективы устойчивого развития. В этой связи определим некоторые аспекты, в совокупности влияющие на благоприятную социальную среду для достижения этой цели.

Статья 67.1 включает четыре части, где юридическим смыслом, во-первых, наполняется понятие преемственности государственного развития (часть первая). Во-вторых, закрепляется положение о том, что Россия – это государство, исторически сложившееся на территории, объединенной тысячелетней историей (часть вторая). Таким образом, ее территориальная целостность видится не только как геополитическое пространство, но и как сфера, где сформировалась социокультурная общность людей. В-третьих, у этого народа есть устойчивые ценности, которые поддерживают национальное единство и их разрушение не допустимо (часть третья). И, в-четвертых, в этой связи воспитание подрастающего поколения и физическое, и духовное, и нравственное выступает гарантом сохранения этого государственного единства и социокультурных ценностей (часть четвертая).

Итак, теоретические основания реализации обозначенных выше конституционных положений связаны с обоснованием моделей регулирования специфических общественных отношений – отношений к прошлому. Историко-правовые аспекты находятся в поле научной аналитики и напрямую связаны с процессом установления и систематизации исторических, юридических фактов, обуславливающих целостность исторического времени. Однако важны и те факторы, которые способствуют отграничению юридических и неюридических средств воздействия на эти специфические отношения, к числу последних относятся духовно-нравственные регуляторы.

Указанное в полной мере согласуется с социальным предназначением конституционного права и законодательства – юридически закреплять механизм воздействия на ключевые (фундаментальные) общественные отношения [1, с. 22–23]. Такая правовая традиция соотносима с основными целями общественного развития, так как позволяет определить не только принципы регулирования общественных отношений, но и обусловить нравственные ценности общности людей, исторически сложившейся на соответствующей государственной территории с соответствующей публичной властью.

Поэтому рассуждения о правде и неправде, о праве и неправе, об ответственности и безответственности и т. п., как нам кажется, «небезобидная риторика, направленная на формирование отношений государства и общества повышенной конфликтности в решении вопросов цивилизованного развития» [2, с. 8].

Отметим, что право как социокультурный феномен стоит в одном ряду с моралью, религией, традицией, поэтому наделено всем потенциалом информационного, воспитательного, просветительского и иного положительного влияния на государство, общество, личность. Вместе с

тем оно в силу своей социально-юридической сущности индифферентно к интеллектуально-психологической, чувственной стороне общественной жизни. Поэтому в процесс реализации права на достоверную информацию о прошлом, важно вовлечь неправовые средства, в их численачные и педагогические.

Так, роль научного сообщества в значительной степени возрастает в решении вопросов о достоверности исторических фактов, получивших юридическое закрепление. Педагогика, используя в качестве транслятора моральных общественных ценностей иные социальные институты (семью, образовательные организации, институты гражданского общества и т. д.), способна усилить воспитательную функцию права, укрепить нравственный иммунитет российского общества.

Установление достоверного исторического факта есть задача науки, юридизация достоверного исторического факта осуществляется законодателем. Статья 67.1, введенная в Конституцию Российской Федерации, казалось бы, подкреплена общественным признанием и научным знанием, все-таки требует конкретизации в вопросе о возможности юридизации эмоционально окрашенных понятий, таких как преемственность, государственное единство, память предков, подвиг народа, историческая правда, историческое наследие.

Для обычного человека, не имеющего профессиональных исторических и юридических знаний, такая постановка вопроса сложна, ответ будет находится приоритетно на чувственном уровне, т. е. рационально-эмоциональном представлении об Отечестве и его истории, патриотизме, человеческих ценностях, определяться парными контрпонятиями «хорошо и плохо», «важно и не важно», «правда и ложь», «дорого как память и не дорого», «ценно лично для меня и для всех или не ценно ни для кого» и т. п. В этом случае реализуется право свободно мыслить, свобода совести, право выражать публично собственное мнение. Основной Закон Российской Федерации гарантирует защиту этих состояний и действий (см., например: ст. 2, 17, 21, 28, 29 и др.) [2, с. 10].

Но в этой связи более важным, на наш взгляд, является в вопросе о реализации права на получение достоверной информации о прошлом стоит вопрос о гарантиях. Одной из таких гарантий нам видится широкая популяризация научного опыта познания прошлого, основанного на принципах объективности, предметности, воспроизводимости, доказательности. Историческая экспертиза в этом случае становится одним из эффективных средств верификации исторического факта, проверки объективности исторической информации. Потребность в привлечении экспертов историков и правоведов для законодателя важна при определении степени необходимости закрепления памятной даты, присвоения

статуса памятных мест топонимическим объектам, установления памятников историческим личностям, определения исторической ценности историко-культурного объекта и т. п., для правоприменителя является подспорьем в формировании позиции относительно правомерности или неправомерности поведения субъекта.

Отметить, что обращение к прошлому также находится в зависимости от степени взаимодействия компонентов трех социальных сфер – истории, памяти о ней и политики [3, с. 9]. Историческое время не может быть воспроизведено буквально. Оно объективируется в фактах и конструкциях, получивших научное описание, исключающих эмоциональный контекст восприятия отдельных исторических событий и эпизодов, свойственный исторической памяти. Поэтому история одновременно является объектом и научной гуманитаристики, и исторической памяти в разных проявлениях. Опосредующей средой, позволяющей этим двум состояниям находиться в балансе, становится соответствующая (мемориальная – понятие, получившее свое признание) политика государства. Именно различными методами можно обеспечить взаимодействие научного знания с иными формами человеческого воспроизведения прошлого, где наука выполняет роль «каркаса исторической памяти, существенно участвуя в формировании «социальных рамок памяти»» [4, с. 431], способствует системному научно обоснованному воспроизведению исторического знания, позволяет укрепить национальную идентичность личности, общества, государства (подробнее см.: [5]).

Статья 67.1 Конституции РФ наглядно демонстрирует одну из форм такой политики в части реализации права на получение достоверной информации о прошлом. Статья вбирает различные нормы. К нормам-принципам мы бы отнесли языковые обороты: сохранять память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства (ч. 2.); чтить память защитников Отечества, защита исторической правды (ч. 3); «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» (ч. 4); к нормам-декларациям: является правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР (ч. 1); объединенная тысячелетней историей, признает исторически сложившееся государственное единство (ч. 2); подвиг народа при защите Отечества (ч. 3); к нормам-предписаниям прямого действия: умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается (ч. 3); к нормам-предписаниям опосредованного действия: государство обеспечивает защиту исторической правды (ч. 3) государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию

детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4), государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (ч. 4).

Именно эта совокупность конституционных положений обеспечивает реализацию субъективного права на обладание выверенного знания о прошлом государства и общества, а также права на гарантии в получении такого знания. Вместе с тем Конституция устанавливает для субъекта границы возможного и должного поведения, закрепляет обязанности, запреты на неправомерные действия, а также определяет условия наступления юридической ответственности.

Таким образом, государство, наука и общество имеют достаточный ресурс, чтобы получать систематизированное научное знание, направленное на минимизацию эмоционального накала вокруг собственной истории как очень далекой, так и приближенной к современности, пресечение мифов и слухов, тем самым обеспечивая стабильность и перспективность своего развития.

Литература

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. М., 2014. Т. 1. 864 с.
2. Кожевина М. А. Реализация статьи 67.1 Конституции Российской Федерации в контексте научного историко-правового опыта // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 3. С. 5–19.
3. Воробьева О. В. Профессиональная историография и историческая память: аспекты взаимодействия // Профессиональная историография и историческая память. Опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе М., 2017. С. 9–20.
4. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание прошлого: теория и история : в 2 т. СПб., 2003.
5. Юридические формы переживания истории: практики и пределы : монография. СПб., 2020. 694 с.

THEORETICAL-HISTORICAL AND MORAL ASPECTS OF REALIZING THE RIGHT TO RELIABLE INFORMATION ABOUT THE PAST (IN THE CONTEXT OF ARTICLE 67.1 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION)

© М. А. Kozhevina, 2023

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Abstract. The article reveals the theoretical, historical, legal and moral aspects of the implementation of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation. Scientific knowledge and historical memory of the past of a person, society and the state are considered as a certain guarantee in the formation of an individual and a citizen who is resistant to misunderstanding of his national identity.

Keywords: history of law, theory of law, human rights, continuity, historical memory, historical truth.

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный деятель науки Омской области, профессор кафедры теории и истории права и государства, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, e-mail: kozhevina1@rambler.ru

Kozhevina Marina Anatolievna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Scientist of the Omsk Region, Professor of the Department of Theory and History of Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, e-mail: kozhevina1@rambler.ru

ПОЛНОМОЧИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© А. Д. Котельников, 2023

Аппарат губернатора Иркутской области
и правительства Иркутской области
Иркутск, Россия

Аннотация. Анализируются изменения, внесенные на протяжении последних лет в законодательство, определяющее полномочия избирательных комиссий в Российской Федерации. Отмечается, что существующие тенденции правового регулирования в указанной сфере обусловлены стремлением законодателя найти ответ на современные принципиально новые вызовы, следствием чего является комплексный характер рассматриваемых новелл и их связь с чрезвычайными правовыми режимами.

Ключевые слова: полномочия, избирательные комиссии, правовое регулирование, реформа законодательства.

Избирательное право в новейшей истории России было и остается одной из наиболее сложных и динамично развивающихся отраслей, при том, что свободные выборы являются формой высшего непосредственного осуществления народом своей власти и фундаментом демократического правового государства. Ввиду этого любые концептуальные изменения в законодательном регулировании полномочий избирательных комиссий как основных органов правоприменения и подзаконного правотворчества в указанной сфере должны отвечать требованиям актуальности, обоснованности и целесообразности. Эти критерии позволяют объективно оценить современные тенденции правового регулирования полномочий избирательных комиссий в Российской Федерации.

Начало третьего десятилетия XXI в. принесло значительные перемены как в политико-правовой, так и в общесоциальной российской действительности. Анонсированная в начале 2020 г. конституционная реформа предусматривала новую, отличную от предусмотренной действовавшим законодательством процедуру внесения поправок в Основной закон страны. Статьей 2 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправке) избирательные комиссии были наделены принципиально новыми полномочиями по подготовке и проведению общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ. К числу ключевых новелл тогда относилось предоставление Центризбир-

кому РФ конкретного перечня полномочий в данной сфере, наиболее интересным из которых представляется утверждение порядка общероссийского голосования (ч. 15 ст. 2 Закона о поправке). Именно в указанном порядке, утвержденном постановлением от 20 марта 2020 г. № 244/1804-7, ЦИК России, опираясь на «молчание» федерального законодателя, установил полномочия, которые, исходя из их природы, в иной ситуации, представляется, никак не могли бы оказаться в нормативно-правовом акте подзаконного уровня – так, была конкретизирована система избирательных комиссий, подготавливавших и проводивших голосование, определены сроки и содержание их полномочий, а также порядок создания участков, формирования территориальных и участковых комиссий временного характера. При этом Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) демонстрирует совершенно иную законотворческую логику, предусматривая в п. 7, 8 ст. 20 установление компетенции, полномочий и порядка деятельности избирательных комиссий, в зависимости от уровня выборов и самих комиссий, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов РФ, уставами муниципальных образований. Таким образом, единственным объяснением широты подзаконного регулирования процедуры общероссийского голосования постановлением ЦИК РФ является тот факт, что «молчание» законодателя носило квалифицированный, намеренный характер. Косвенное подтверждение этому можно найти в позиции Конституционного Суда РФ, который, хотя и не дал прямого ответа на вопрос о соответствии Конституции рассматриваемой нормы Закона о поправке в своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3, все же встал на ее защиту при вынесении Определения от 23 июля 2020 г. № 1691-О по жалобе В. П. Мещеринова, указав, что неопределенность в вопросе о соответствии Конституции РФ оспариваемых гражданином положений ст. 2 Закона о поправке, в том числе п. 1 ч. 15, отсутствует. Если же обратиться к мнению самих основных авторов поправок, то они неоднократно подчеркивали важность процедуры дополнительной легитимации вносимых в Конституцию изменений путем проведения общероссийского голосования, что вызывает еще больше вопросов к обоснованности вынесения на подзаконное регулирование столь значимой процедуры [1, с. 215].

Почти одновременно с принятием конституционных поправок произошел еще один виток расширения полномочий избирательных комиссий, когда Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ в Федеральный закон № 67-ФЗ была введена ст. 10¹, предоставившая

избирательным комиссиям, организующим подготовку и проведение выборов всех уровней, право на принятие решений об отложении голосования и определение сроков и порядка совершения связанных с этим избирательных действий, руководствуясь лишь особенностями соответствующего чрезвычайного правового режима без учета иных положений того же закона. Хотя здесь объективность и актуальность введения нормы с учетом распространявшейся на тот момент пандемии COVID-19 не вызывают вопросов, сама формулировка представляется нецелесообразно широкой, открывающей возможности для почти безграничного правоприменения, поскольку предельные сроки отложения избирательных действий никак не обозначены.

Немногочисленная судебная практика времен пандемии коронавирусной инфекции позволяет говорить о том, что при отложении голосования на выборах различного уровня в 2020 г. органы публичной власти объективно оценивали угрозу жизни и здоровью избирателей и принимали не более чем вынужденные меры. Вместе с тем представляет интерес исключение в соответствии с Федеральным законом от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ из положений рассматриваемой статьи требования о наличии угрозы жизни и (или) здоровью избирателей как обязательном основании отложения голосования, так же как и исключение из процедуры принятия решения об отложении голосования вышестоящей избирательной комиссией элемента направления в такую комиссию мотивированного предложения избирательной комиссии, организующей выборы. Данное обстоятельство свидетельствует о явном намерении законодателя «сработать на опережение» и предусмотреть возможность применять указанные нормы при новых обстоятельствах, которые невозможно предугадать.

Что могут представлять собой принципиально новые обстоятельства, гражданам России довелось увидеть в феврале 2022 г., когда Президентом РФ было принято решение о начале специальной военной операции, одним из промежуточных результатов которой стало включение в состав РФ четырех новых субъектов федерации одновременно с введением на их территориях военного положения. Перед федеральным законодателем встал закономерный вопрос – как разрешить противоречие между запретом на проведение выборов в органы публичной власти новых субъектов в соответствии с ФКЗ «О военном положении» и необходимостью провести такие выборы в соответствии с федеральными конституционными законами о принятии в РФ и образовании в ее составе указанных субъектов федерации? Федеральным конституционным законом № 2-ФКЗ и Федеральным законом № 184-ФЗ от 29 мая 2023 г. противоречие было устранено путем внесения в ФКЗ «О

военном положении» и Федеральный закон № 67-ФЗ изменений и дополнений, вводящих механизм проведения выборов в условиях военного положения. Новеллы предусматривают совершенно нетипичную роль ЦИК России как с точки зрения предоставления ей новых полномочий по назначению выборов в субъекте РФ, на территории которого введено военное положение, отложении и возобновлении их подготовки и проведения в зависимости от возникновения и устранения угрозы жизни и здоровью граждан, так и с точки зрения появления специальных участников избирательного процесса, без взаимодействия с которыми реализация новых полномочий ЦИК РФ невозможна – Министерства обороны и Федеральной службы безопасности России. Лишь по итогам консультаций с указанными органами Центризбирком вправе принять или отклонить предложение высшего должностного лица соответствующего субъекта федерации о назначении (проведении) выборов, при этом требование о наличии прямо выраженного согласия органов обороны и безопасности в законе отсутствует. К сожалению, на момент проведения настоящего исследования не представляется возможным проанализировать практику реализации рассматриваемых норм, но можно предположить, что высокий уровень компетенции и оперативное межведомственное взаимодействие позволят не допустить возникновения на выборах ситуаций, при которых будут поставлены под угрозу жизнь и здоровье граждан, общественная и государственная безопасность.

Таким образом, на протяжении последних лет в российском законодательстве наблюдается тенденция расширения полномочий избирательных комиссий и повышения их институциональной значимости применительно к условиям чрезвычайных правовых режимов как с требованием взаимодействия с иными публично-властными органами, так и без такового. Однако нововведения в данной сфере пока что носят точечный характер, лишь обретая отдельные признаки системности. Представляется, что в ближайшие годы законодателю предстоит решить непростую задачу по обеспечению баланса между оперативностью и удобством подзаконного регулирования избирательных правоотношений и необходимостью фундаментального законодательного закрепления механизмов реализации и защиты прав и свобод граждан, подразумевающего при этом возможность гибко реагировать на новые, возможно, еще неизвестные нам вызовы.

Литература

1. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О

совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 240 с.

POWERS OF ELECTION COMMISSIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN TRENDS IN LEGAL REGULATION

© A. D. Kotelnikov, 2023

Office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government
of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the changes made over the past years to the legislation that defines the powers of election commissions in the Russian Federation. It is noted that the existing trends in legal regulation in this area are due to the desire of the legislator to find an answer to modern fundamentally new challenges, which results in the complex nature of the novels under consideration and their connection with emergency legal regimes.

Keywords: powers, election commissions, legal regulation, legislation reform.

Котельников Алексей Дмитриевич – советник отдела государственного права и местного самоуправления главного правового управления губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области, аппарат губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области, г. Иркутск, Россия, e-mail: ADK8897@yandex.ru

Kotelnikov Aleksey Dmitrievich – Adviser of the Department of State Law and Local Self-Government of the Main Legal Department of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region, Office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ADK8897@yandex.ru

УДК 342(470+571)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© И. А Кузьмин, 2023

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы понимания и функционирования правовых наказаний и их системы в Российской Федерации с позиции общей теории права. Сформулированы основные конституционно-правовые и духовно-нравственные ориентиры для данной системы. Проанализированы отдельные проблемы и перспективы развития системы правовых наказаний в России.

Ключевые слова: общая теория права, правовое наказание, система правовых наказаний, Российская Федерация, конституционно-правовые ориентиры, духовно-нравственные ориентиры.

Российская государственность как сложный правовой феномен проявляется во всех сферах общественной жизни нашего государства и выступает в качестве сплачивающего (цементирующего) начала для становления и дальнейшего развития целого ряда экономических, политических, социальных, а также идеологических институтов, включая

их уникальные совокупности и формы выражения. Подчиняясь законам социогенеза, российская государственность играет важную роль кибернетической платформы для создания, накопления, преобразования, распространения и передачи информации от государственных (публичных) органов к институтам гражданского общества и различным коллективам людей по принципу прямых и обратных связей.

Правовая оболочка (матрица) российской государственности предполагает обязательное наличие специальных социально-правовых механизмов (блоков), обеспечивающих правопорядок и безопасность в обществе, включая принудительно-реализуемые средства. Соответствующие правовые средства создают необходимые условия для нормального функционирования и взаимодействия государственных и негосударственных органов и организаций, самостоятельных социальных общностей. Долгое время наиболее жестким (суровым) средством правового принуждения называли единственную категорию – юридическую ответственность, которая подверглась качественному и всестороннему исследованию. В свою очередь категория «правовое наказание» (наказание), составляющая главное содержание юридической ответственности и обладающая общетеоретическим значением и межотраслевым характером [1, с. 202–218], до настоящего времени так и не стала объектом изучения для общей теории права и иных (помимо уголовного и административного права) отраслевых юридических наук. Что же касается системы правовых наказаний Российской Федерации, то попытки ее научного осмысления за рамками уголовного и административного права являются скорее исключением [2], чем правилом, хотя Н. В. Витрук давно обращал внимание на необходимость понимания наказания в широком, а не в узком (уголовно-правовом смысле), признавая даже за мерами конституционно-правовой ответственности форму наказаний [3, с. 44, 174].

Воздерживаясь от избыточного погружения в дискуссию о научном статусе «правового наказания», его конституционно-правовых и духовно-нравственных ориентирах, обозначим собственную точку зрения по данному вопросу.

Во-первых, правовые наказания – это меры юридической ответственности в любых отраслях права, выраженные в лишениях / правоограничениях личного, имущественного или организационного характера, которые назначаются за противоправное поведение и укореняются в правовом статусе правонарушителя в виде дополнительной негативной обязанности. Наказания выполняют множество утилитарных функций, связанных с профилактикой и пресечением правонарушений, но основная задача любого правового наказания заключается в порица-

нии противоправных деяний таким образом, чтобы их повторение стало наименее вероятным. Другими словами, правовое наказание нацелено на охрану наиболее важных общественных отношений от негативного воздействия и обеспечение нормального действия норм права, что составляет юридическую установку наказания. Социальная установка наказания заключается в стремлении достичь состояния общественной (в том числе национальной) безопасности. В связи с этим М. Н. Артеменков обоснованно заявил, что утилитарная перспектива наказания заключается в том, чтобы гарантировать стабильное существование общества и удержать людей от совершения правонарушений [4, с. 17].

Во-вторых, система наказаний представляет собой единую целостную совокупность всех действующих в государстве (и юридических выделенных в качестве таковых) наказаний. Отраслевые институты правовых наказаний (уголовно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых и иных) фактически являются подсистемами системы наказаний и обладают своими специфическими чертами и характеристиками. Структурирование наказаний производится в зависимости от степени интенсивности (тяжести) их предполагаемого воздействия на правонарушителя. В данной системе не должно быть совпадающих (пересекающихся, дублирующих) наказаний, а «плотность покрытия противоправного поведения» различными типами наказаний (публично-правовыми и частноправовыми, материально-правовыми и процессуально-правовыми и др.) требует возможности их субсидиарного применения и исключения фактора безнаказанности. Внесистемные [5] виды наказаний (например, лишение организации лицензии за правонарушение или конфискация в уголовном праве) следует внедрить в систему, надлежаще обеспечив их исполнение требуемыми ресурсами. Нельзя допускать появления заведомо неисполнимых наказаний как это получилось с уголовным наказанием в виде ареста, предусмотренного ст. 54 действующей редакции Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, для реализации которого так и не были созданы арестные дома.

В-третьих, должное функционирование и совершенствование системы правовых наказаний в России требует единого конституционно-правового подхода к официальному закреплению и ранжированию вытекающих из конституционных норм права ценностей, подлежащих охране мерами юридической ответственности. Важнейшим общеправовым принципом наказаний в России признается их адекватность, подразумевающая справедливость, определенность, исполнимость, соразмерность, гуманизм и соответствие социальным реалиям назначаемых принудительных мер на что, в частности, обратил внимание Кон-

ституционный Суд РФ в постановлении от 29 ноября 2016 г. № 26-П и в определении от 19 мая 2009 г. № 572-О-О. Законодатель и правоприменитель остро нуждаются в научно-методических рекомендациях и иных специальных материалах, которые бы содержали алгоритм оценки (выявления соответствия) уровня адекватности конкретного правового наказания или их совокупности с точки зрения объективного и субъективного права. Правильное понимание конституционно-правовых ориентиров системы наказаний позволит исключить излишне суровые и избыточно мягкие наказания, конкретизировать (индивидуализировать) их, исходя из социально-значимых обстоятельств и, в перспективе, уточнять и оптимизировать критерии их применимости.

В-четвертых, духовно-нравственные ориентиры системы правовых наказаний выражают «дух закона» и показывают ментальное и нравственное содержание любых правовых явлений и процессов, включая наказания. Деидеологизация правовой науки негативно отразилась на системе наказаний, поскольку публичные органы власти, по умолчанию преследуя цели «общественного блага», длительное время были дезориентированы положениями ст. 13 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. об идеологическом многообразии и запрете на установление государственной (обязательной) идеологии. Л. А. Мукова и Е. А. Попов аргументировано заявили, что в разумных пределах идеология способна объединить нацию, народ и все общество на основе общих условий и факторов экономического, культурно-исторического (и иных форм) развития [6, с. 52]. Принятие Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» было, в известном плане, ответом на вопрос о том какие объекты и отношения нуждаются в повышенном уровне безопасности. В том числе это достигается путем установления правовых наказаний. Реалии жизни, демонстрирующие лицемерие и крах системы западных псевдоценностей, угроза российской государственности и расслоение российского общества, убеждают в правильности дальнейшего проведения междисциплинарных исследований в области системы правовых наказаний.

Таким образом, проблемы понимания и применения системы правовых наказаний в Российской Федерации являются перспективным объектом для научных исследований в области общей и отраслевой теории права, находятся на начальном этапе своего осмысления. При этом система правовых наказаний обладает уникальными характеристиками и свойствами, вытекающими из конституционно-правовых и

духовно-нравственных ориентиров, подлежащих установлению и качественному анализу.

Литература

1. Кузьмин И. А. Наказание как объект научных исследований: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 200–220.
2. Родионова А. С. Система наказаний в российском праве: общетеоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2012. 160 с.
3. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2023. 432 с.
4. Артеменков М. Н. Утилитарная теория наказания и ее роль в формировании современной пенитенциарной системы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-1. С. 17–20.
5. Лапшин В. Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 55–67.
6. Мукова Л. А., Попов Е. А. Вопросы идеологизации или деидеологизации методологии государственно-правовых наук // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. № 12. С. 45–52.

CONSTITUTIONAL AND SPIRITUAL AND IDEOLOGICAL ORIENTATIONS OF THE SYSTEM OF LEGAL PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

© I. A. Kuzmin, 2023

Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The problems of understanding and functioning of legal punishments and their system in the Russian Federation are considered from the standpoint of the general theory of law. The main constitutional-legal and spiritual-moral orienteers of this system are formulated. Some problems and prospects for the development of the system of legal punishments in Russia are analyzed.

Keywords: general theory of law, legal punishment, system of legal punishments, Russian Federation, constitutional and legal orienteers, spiritual and moral orienteers.

Кузьмин Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск; Россия, e-mail: grafik-87@mail.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: grafik-87@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОЙ ПЕРСНИФИКАЦИИ В СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ КОНСТИТУЦИЯХ

© И. А. Минникес, 2023

Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Для понимания современного состояния правовой персонификации на национальном конституционном уровне методологически оправданным прослеживается становление критериев правовой персонификации, которые получают свое развитие в конституционных актах государства и соответствуют историческим этапам развития государства, при этом отчетливо наблюдаются элементы преемственности. Основными методами исследования являются сравнительно-правовой, формально-юридический и историко-правовой методы, которые позволяют наиболее полно и всестороннее рассмотреть процесс становления такого явления как правовая персонификация. Отмечается, что в конституции каждого суверенного государства отражается его национальная идентичность, но при этом общие тенденции правовой персонификации сохраняются.

Ключевые слова: Конституция, история российской Конституции, правовая персонификация, критерии правовой персонификации.

Правовая персонификация – это закрепление на нормативном уровне особенностей субъекта или характерных особенностей ситуации, которые являются юридически значимыми для урегулирования конкретного случая в индивидуальном порядке.

Такие универсальные критерии как *возрастной, психический, критерий гражданства* применяются практически ко всем индивидуальным субъектам правоотношений. Далее в процессе персонификации во внимание принимаются дополнительные критерии – *пол или особый статус субъекта*. Эти критерии являются юридически значимыми для определенной группы правоотношений, однако, в отличие от общих критериев, не являются универсальными.

Кроме того, критерии правовой персонификации, применяемые к индивидуальным субъектам можно разделить на две группы. Первая группа – это *материальные* критерии, которыми субъект обладает независимо от воли законодателя. Но законодатель вынужден их учитывать в процессе правового регулирования. К таким критериям относятся пол субъекта, его возраст, психическое состояние и т. п. Вторая группа – это *формальные* критерии, которые устанавливает законодатель. К этой группе следует отнести такие критерии как гражданство, статус субъекта и т. д.

Познавательно с научной точки зрения и практически значимо с позиций конституционного развития проследить развитие элементов правовой персонификации в конституциях нашей страны.

Конституция РСФСР 1918 г., с одной стороны, признавала за гражданами равные права, с другой стороны, лишала отдельных лиц прав, которые использовались ими в ущерб интересам социалистической революции (ст. 23).

Особенно показательно это в отношении активного и пассивного избирательного права. Изначально Конституция декларировала, что правом избирать и быть избранными в Советы пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет. Но при этом ст. 64 уточняет круг лиц, которые попадают в эту категорию. Кроме того, местные Советы могли с утверждения центральной власти понижать установленную возрастную норму (прим. 1 ст. 64 Конституции).

Достаточно своеобразно применялся критерий гражданства. Примечание 2 к данной статье, которое со ссылкой на ст. 20 Конституции говорит о возможности предоставления активного и пассивного избирательного права иностранцам.

И еще одной особенностью Конституции 1918 г. является то, что для лиц, избираемых на выборные должности, никаких дополнительных возрастных критериев не установлено. Для активного и пассивного избирательного права установлены одни возрастные границы.

Особенностью Конституции СССР 1924 г. являлось то, что ней в очень малой степени присущи какие-либо элементы правовой персонификации. Лишь только в ст. 7 говорилось о том, что для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство.

Возможно, это обусловлено тем, что основной задачей данного конституционного акта было юридическое закрепление создания нового государства – Союза Советских Социалистических Республик. И критерии правовой персонификации получили развитие в иных нормативных актах.

В Конституции СССР 1936 г. также мало внимания уделялось элементам правовой персонификации.

Критерий гражданства упоминался в статье, закрепляющей равноправие граждан: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом» (ст. 123).

Возрастной и психический критерии использовались в статье об активном и пассивном избирательном праве: «Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имуще-

ственного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав» (ст. 125). И уже не допускалось снижение избирательного возраста и наделение избирательными правами иностранцев.

Использовался в Конституции и половой критерий. Так, ст. 122 закреплялось равноправие мужчин и женщин: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни».

Что же касается Конституции СССР 1977 г., то уже в преамбуле этого акта говорилось, что новая Конституция сохраняет преемственность идей и принципов первой советской Конституции 1918 г., Конституции СССР 1924 г. и Конституции СССР 1936 г.

В Конституции СССР 1977 г. активно применяется критерий гражданства. Так, гл. 6 называется «Гражданство СССР. Равноправие граждан». Устанавливалось единое союзное гражданство, равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни, женщина и мужчина имеют равные права, граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права (ст. 33–36).

В гл. 7 Конституции подробно расписаны основные права, свободы и обязанности граждан СССР (ст. 39–69).

Использовал законодатель и возрастной критерий применительно к активному и пассивному избирательному праву. Так, ст. 96 Конституции говорит о том, что «выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, имеют право избирать и быть избранными, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными». Здесь законодатель применял и психический критерий, лишая избирательного права лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными.

Этой же статьей устанавливался иной возрастной критерий для депутатов Верховного Совета СССР: «Депутатом Верховного Совета СССР может быть избран гражданин СССР, достигший 21 года».

Таким образом, в Конституции СССР критерии правовой персонафикации были расписаны более подробно.

Ныне действующая Конституция РФ 1993 г. (с изменениями 2020 г.) оперирует терминами «каждый», «никто», «все», перечисляя основные права, свободы и обязанности, закрепленные Конституцией. Однако необходимо отметить, что в главе о правах и свободах Конституции Российской Федерации используется и термин «гражданин Рос-

сийской Федерации» (ст. 31–33, 36, 60–62), из чего следует, что в данном случае персонификация осуществляется по критерию гражданства.

Но если в главе о правах и свободах критерии персонификации обозначены в самом общем плане, то в других главах Конституции Российской Федерации критерии персонификации, касающиеся индивидуальных особенностей субъекта, прописаны более четко. Это относится, прежде всего, к требованиям, которые предъявляются к кандидатам на выборные должности – Президента Российской Федерации, депутата Государственной Думы (ст. 81, 97).

Различные критерии правовой персонификации содержатся в законодательстве любого государства. Однако каждое суверенное государство самостоятельно устанавливает конкретные критерии.

DEVELOPMENT OF ELEMENTS OF LEGAL PERSONIFICATION IN SOVIET AND RUSSIAN CONSTITUTIONS

© I. A. Minnikes, 2023

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. To understand the current state of legal personification at the national constitutional level, it is methodologically justified to trace the formation of the criteria of legal personification, which are developed in the constitutional acts of the state and correspond to the historical stages of the development of the state, while elements of continuity are clearly observed. The main research methods used in this article are comparative legal, formal legal and historical legal methods. It is they who allow the most complete and comprehensive consideration of the process of formation of such a phenomenon as legal personification. The Constitution of each sovereign State reflects its national identity, but at the same time the general trends of legal personification remain.

Keywords: Constitution, history of the Russian Constitution, legal personification, criteria of legal personification.

Минникес Илья Анисимович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения, Институт правовых исследований, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: iaminnikes@yandex.ru

Minnikes Ilya Anisimovich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: iaminnikes@yandex.ru

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© В. Е. Подшивалов, 2023

Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Анализируются исторические условия, сложившиеся после принятия Конституции Российской Федерации применительно к формированию нового российского избирательного законодательства в 1990-х гг. Рассмотрены и охарактеризованы факторы, повлиявшие на содержание ранних законодательных актов в указанной сфере, а также источники и тенденции развития правового регулирования в последующие годы. Обсуждаются возможные направления юридического межкультурного взаимодействия для достижения полезных долгосрочных результатов в области законотворчества.

Ключевые слова: Конституция РФ, выборы, избирательное законодательство, межкультурное взаимодействие.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. произошло коренное изменение государственной политики в области выборов, связанное с переходом от советской системы формирования государственных органов к системе, основанной на образцах «западных демократий». Важнейшими элементами данного политического процесса стали провозглашение независимости РСФСР и иных союзных республик, предопределившее распад ранее единого государства – Союза ССР, а также разработка и принятие на референдуме Конституции Российской Федерации [1]. Как основополагающий акт, Конституция закрепила наиболее существенные черты правового регулирования избирательных правоотношений в России путем провозглашения избирательных прав граждан, установления их основных ограничений, а также путем закрепления главных требований к организации выборов (ст. 3, 32, 81 [1]). Следует отметить, что по данному конкретному вопросу по сравнению с Конституцией (Основным законом) РСФСР [2] существенного развития конституционных положений не произошло, более того, в структуре Конституции Российской Федерации отсутствует отдельная глава, посвященная вопросам избирательной системы (глава 11 [2]). Однако в силу общих положений Конституции Российской Федерации, прежде всего провозглашенных основ конституционного строя, нормы, касающиеся выборов, приобрели совершенно новый общественно-политический смысл.

Эти новые общественно-политические реалии потребовали своего учета в текущем законодательстве, а фактически поставили задачу раз-

работки нового избирательного законодательства. Разумеется, политические и правовые преобразования в те годы затронули все без исключения стороны общественной жизни, но избирательное законодательство и некоторые другие отрасли законодательства, тесно связанные с социально-политическими, идеологическими факторами, испытали на себе наиболее значительное воздействие. Не будет особенным преувеличением утверждать, что избирательное законодательство советского и постсоветского (до принятия Конституции Российской Федерации) периода было «отправлено в отставку» и образовался разрыв в преемственности правового регулирования.

Радикальная смена подхода к регулированию общественных отношений сама по себе порождает самые разнообразные правовые и организационные последствия и соответственно может оцениваться неоднозначно. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что выборы как сфера общественных отношений с вступлением в силу Конституции Российской Федерации получили редкий шанс пересмотра, переосмысления основ, построения совершенно новых взаимоотношений среди нового круга участников. Дополнительным фактором, обеспечивающим как новизну, так и сложность складывающегося правового регулирования, стала федеративная природа российской государственности, в конечном итоге приведшая к формированию двухуровневой структуры избирательного законодательства (федеральное и субъектов Российской Федерации).

Этот пересмотр, переосмысление основ на концептуальном уровне столкнулись с рядом обстоятельств. Во-первых, даже в научных публикациях того периода заметна некоторая идеалистичность, романтизация предполагаемых результатов демократических преобразований. Лишь электоральная практика, относящаяся уже ко второй половине 1990-х гг., со всей определенностью показала несостоятельность надежд на высокие моральные и управленческие качества избираемых лиц, честность ведения ими избирательных кампаний, высокую эффективность выборных коллегиальных органов, достигаемые без надлежащих процедурных гарантий со стороны государства. Это задавало определенный вектор развития российскому избирательному законодательству в направлении конкретизации правового регулирования избирательных процедур, а также формулированию специфических ограничений и запретов. Накопление и анализ отечественного опыта проведения выборов послужили главной движущей силой смены «поколений» избирательного законодательства.

Во-вторых, обнаружился общественный запрос на изучение и внедрение в российскую избирательную практику достижений «западных демократий» (т. е. западноевропейских и североамериканских гос-

ударств) в части места выборов в системе воспроизведения публичной (государственной и муниципальной) власти, а также в части соответствующих процедурных моментов [3; 4]. Составляющей этого общественного запроса стало и изучение международных избирательных стандартов (см, напр., [5]), т. е. политико-правовых требований, сформулированных и оцениваемых уже на международном уровне. В этом же ключе Российской Федерацией были предприняты такие шаги, как вступление в Совет Европы, признание юрисдикции Европейского суда по правам человека, участие в работе Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) и ряд других, поставившие свободу усмотрения российского законодателя в определенные политические и (или) юридические рамки [6]. Подобный образ действий характерен для многих, если не всех, стран – республик бывшего Союза ССР, а также государств Центральной и Восточной Европы, решавших аналогичные задачи в тот же исторический период.

Вместе с тем предметное знакомство с конкретными актами избирательного законодательства «западных демократий» и теперь приводит к выводам об отсутствии единства подходов соответствующих государств не только в юридикто-техническом [7], но и в содержательном плане, что выражается в различной степени детализации правовых норм, наличии казуистичных или архаичных элементов избирательной системы, слабой взаимосвязи законодательных норм с подзаконным правовым регулированием и т. д. Безусловно, все эти обстоятельства существовали в период первоначальной разработки нового российского избирательного законодательства после принятия Конституции Российской Федерации. Отечественные специалисты в ходе изучения зарубежного опыта воспользовались этим нормотворческим материалом, проанализировали его и положили в основу этого российского избирательного законодательства, но не допустили некритичного заимствования иностранного законодательства.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что имело место параллельное существование в период примерно 1993–2020 гг. двух разнонаправленных тенденций развития российского избирательного законодательства: тенденции к его гармонизации с международными избирательными стандартами, рецепции лучших технологических и юридикто-технических решений иностранного законодательства и тенденции к опоре на внутренние либо внутригосударственные источники развития избирательного законодательства в Российской Федерации. С течением времени влияние первой из отмеченных тенденций последовательно ослабевало, чему способствовало достижение определенного уровня совершенства отечественного законодательства,

а также выявление «двойных стандартов», а также «острых граней» в деятельности Европейского Суда по правам человека, Венецианской комиссии и отдельных государств – их участников, затрагивающей Российскую Федерацию. Несмотря на констатацию этих обстоятельств полагаю, что учет только внутривнутриполитических реалий либо сосредоточенность законодателя и экспертного сообщества на совершенствовании однажды учрежденных правовых институтов в отрыве от международного опыта способно привести к существенным общественно-политическим деформациям.

Юридическое межкультурное взаимодействие в области избирательного законодательства, однако, не исчерпывается направлением заимствования Российской Федерацией иностранного опыта проведения выборов. Следует отметить попытку взаимного «экспорта достижений» в области избирательного законодательства на постсоветском пространстве в виде заключения международного договора [8], имевшего целью в том числе обеспечить взаимопонимание государств в этом вопросе в пределах географического региона. С сожалением можно констатировать отсутствие заметного успеха в этом направлении, так как особенности политического взаимодействия постсоветских государств не оставляют надежд на содержательное обсуждение чувствительных вопросов, к которым относятся и вопросы реализации форм непосредственной демократии.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution> (дата обращения: 31.07.2023).
2. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
3. Современное зарубежное избирательное право / под ред. А. Г. Орлова, Е. А. Кремянской. М., 2013. 334 с.
4. Серия книг «Современные избирательные системы», издаваемая РЦИОТ при ЦИК России: URL: <https://www.rcoit.ru/lib/books> (дата обращения: 31.07.2023).
5. Вешняков А. А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Вешняков Александр Альбертович. М., 1997. 170 с.
6. Матвеев Д. Ю. Европейские правовые стандарты в правовой системе Российской Федерации: конституционно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Матвеев Дмитрий Юрьевич. М., 2003. 32 с.
7. Подшивалов В. Е. Структура и юридическая техника актов избирательного законодательства России и зарубежных стран // Байкальские компаративистские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22–23 апреля 2022 года. Иркутск : Байкальский гос. ун-т, 2022. С. 97–104.
8. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств : закл. в г. Кишиневе 07.10.2002 : вступ. в силу 11 нояб. 2003 г. // Бюллетень международных договоров. 2006. № 2. С. 18–34

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ELECTORAL LEGISLATION AFTER THE ADOPTION OF THE CONSTITUTION OF RUSSIAN FEDERATION IN CONTEXT OF LEGAL INTER-CULTURAL COMMUNICATION

© V. E. Podshivalov, 2023

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the historical conditions that developed after the adoption of the Constitution of the Russian Federation in relation to the formation of the new Russian electoral legislation in the 1990s. The factors that influenced the content of early legislative acts in this area, as well as the sources and trends in the development of legal regulation in subsequent years, are considered and characterized. The importance and possible directions of legal inter-cultural interaction for achieving useful long-term results in the field of lawmaking are discussed.

Keywords: Constitution of Russian Federation, elections, electoral legislation, inter-cultural communication.

Подшивалов Владимир Евгеньевич – кандидат юридических наук, директор Института правовых исследований, Байкальский государственный университет, член Избирательной комиссии Иркутской области с правом решающего голоса, г. Иркутск, Россия, e-mail: helgon@yandex.ru

Podshivalov Vladimir Evgenievich – Candidate of Legal Sciences, Head of the Legal Research Institute, Baikal State University, Member of the Electoral Commission of Irkutsk Region with a Decisive Vote, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: helgon@yandex.ru

УДК 347.965(470+571)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

© A. B. Ушаков, 2023

Государственное юридическое бюро Иркутской области
Иркутск, Россия

Аннотация. Исследуется развитие института бесплатной юридической помощи в России и Иркутской области. Формулируется вывод о социальной направленности развития законодательства о бесплатной юридической помощи.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, госюрбюро, малоимущие граждане, судебная защита.

Создание системы оказания бесплатной юридической помощи, которая устраним экономические препятствия для доступа малоимущих граждан к правосудию и обеспечит реальную возможность защиты ими своих прав, является одной из основных задач любого демократического государства.

В Основных принципах, касающихся роли юристов [1], к обязанности правительств отнесено обеспечение предоставления достаточных финансовых и иных средств для оказания юридических услуг бедным, и в случае необходимости, другим лицам, находящимся в неблагоприятном положении.

Статья 7 Конституции РФ [2] провозгласила, что Россия – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка инвалидов и пожилых граждан, устанавливаются иные гарантии социальной защиты.

Статьей 48 Конституции РФ гарантируется каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

Более 11 лет с момента принятия Конституции РФ конституционное право на бесплатную юридическую помощь в России не имело практической реализации ввиду отсутствия дальнейшего законодательного регулирования (т. е. норма ст. 48 была «мертвой»).

В развитие указанной конституционной нормы должен быть принят федеральный закон о бесплатной юридической помощи. Однако для апробирования института бесплатной юридической помощи в России было принято решение о проведении с 1 января 2006 г. эксперимента. Постановлением Правительства РФ № 534 от 22 августа 2005 г. [3] (далее – постановление Правительства 534) были созданы федеральные государственные учреждения – государственные юридические бюро в десяти регионах России, в том числе на территории Иркутской области. Для реализации эксперимента в качестве положительного примера применялся опыт Финляндии и финская модель структуры государственных защитников (штатных юристов).

Основной целью деятельности государственных юридических бюро стало обеспечение функционирования государственной системы бесплатной юридической помощи, а также оказание бесплатной юридической помощи социально незащищенным категориям граждан.

В рамках реализации эксперимента в Иркутской области в октябре 2005 г. Главным управлением Федеральной регистрационной службы по Иркутской области и Усть-Ордынскому Бурятскому автономному округу было проведено совместное совещание с Управлением судебного департамента в Иркутской области, адвокатской палатой Иркутской области, Главным управлением социальной защиты населения Иркутской области, юридическими клиниками Иркутских вузов, оказывающими бесплатную юридическую помощь населению. По результатам совещания определены принципы размещения бюро, достигнута договоренность о сотрудничестве в период проведения эксперимента.

Деятельность Государственного юридического бюро по Иркутской области (далее – Госюрбюро, Госюрбюро по Иркутской области) отличалась разнообразными формами работы. Специалисты Госюрбю-

ро работали в крупных городах и выезжали в близлежащие районы. Таким образом, юридическая помощь оказывалась тем гражданам, которые в силу отдаленности населенного пункта, отсутствия адвокатов, финансовых возможностей не могут получить квалифицированную юридическую помощь.

Представляя интересы граждан в судах общей юрисдикции, специалисты Госюрбюро добивались восстановления на работе незаконно уволенных, выплаты задолженности по заработной плате, назначения или перерасчета пенсий по старости и по случаю потери кормильца, решения жилищных вопросов, возмещения ущерба, причиненного в результате неправильного лечения, решая множество других вопросов. Некоторые резонансные факты судебной защиты прав и свобод малоимущих граждан освещались в средствах массовой информации.

В разные периоды обострялась социально-экономическая ситуация в стране, вызывавшая социальные проблемы и юридические вопросы, в первую очередь у социально незащищенной части населения. Именно этим продиктовано тесное сотрудничество Госюрбюро с общественными организациями инвалидов. Также были заключены соглашения о взаимодействии и с другими общественными организациями, с муниципальными образованиями, юридическими клиниками и т. д.

Внедрено в практику работы органов исполнительной власти федерального и регионального проведение ежегодной масштабной акции – Всероссийского дня правовой помощи детям, который проводится 20 ноября. При этом важнейшей составляющей акции стали мероприятия, связанные с правовой помощью детям-сиротам, опекунам и приемным семьям, а также детям-инвалидам и их родителям.

Следует отметить такую форму работы как оказание бесплатной юридической помощи гражданам, неспособным к самостоятельному передвижению, с выездом на дом. Эта форма работы практиковалась только в одном субъекте Российской Федерации – Иркутской области, о чем неоднократно отмечалось на совещаниях Минюста России.

Исходя из проводимого Минюстом России мониторинга деятельности в данной сфере следует, что Госюрбюро по Иркутской области в течение нескольких лет занимало второе место среди существующих в России государственных юридических бюро по количеству оказанной юридической помощи (диаграмма прилагается).

Прошедшие годы функционирования созданной Правительством Российской Федерации государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам показали актуальность и необходимость оказываемых государственными юридическими бюро услуг, а эксперимент был признан удавшимся.

В этой связи был принят Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [4] (далее – Федеральный закон 324-ФЗ). Распоряжением Правительства РФ от 16 октября 2012 г. № 1928-р [5] государственные юридические бюро были переданы в ведение субъектов Российской Федерации, которые продолжили работу в организационно-правовой форме государственных казенных учреждений.

Учитывая, что Федеральным законом 324-ФЗ (ст. 20) установлена основная (минимальная) категория граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, то субъектам Российской Федерации предоставлены полномочия по повышению степени социальной защиты граждан, проживающих на данных территориях. Законом Иркутской области «Об обеспечении оказания юридической помощи в Иркутской области» [6], установлены дополнительные категории граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, к числу которых отнесены инвалиды 3 группы, ветераны труда, ветераны боевых действий и члены семьи погибших ветеранов боевых действий, граждане, имеющие трех и более детей, одинокие родители, имеющие несовершеннолетних детей, неработающие граждане, получающие страховую пенсию по старости, и другие категории. Также областным законом установлены дополнительные случаи оказания бесплатной юридической помощи (установление фактов, имеющих юридическое значение; возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу граждан; защита родительских прав в судебном порядке, определение места жительства детей, лишение родительских прав). Таким образом, можно констатировать ярко выраженную социальную направленность бесплатной юридической помощи в Иркутской области.

С каждым годом институт бесплатной юридической помощи в России развивается и укрепляется, приобретая черты общероссийского стабильно функционирующего института. Если в 2006 г. основным элементом данного института – государственные юридические бюро начинали работать в 10 регионах, то на сегодняшний день они существуют уже в 39 регионах.

Если в 2006 г. деятельность Госюрбюро по Иркутской области осуществлялась в 4 обособленных подразделениях, расположенных в разных городах области, то в связи с ежегодным увеличением количества обращений граждан, в целях обеспечения принципа доступности в получении бесплатной юридической помощи на сегодня – в 9 обособленных подразделениях.

Количество граждан, получивших бесплатную юридическую помощь в Госюрбюро, с 2006 по 2022 г. возросло с 2 тыс. до 12 тыс. граждан.

С мая 2022 г. приступила к работе «Мобильная приемная»: спецавтомобиль со специалистами Госюрбюро выезжает в труднодоступные и отдаленные местности.

С 2022 г. Иркутская область в лице Госюрбюро является участником эксперимента по оказанию бесплатной юридической помощи в дистанционном формате посредством федеральной государственной информационной системы «Правовая помощь» (далее – ФГИС «Правовая помощь»). В настоящее время все подразделения Госюрбюро подключены к ФГИС «Правовая помощь», осуществляется работа по ее тестированию.

Пользуясь конституционным правом на получение квалифицированной юридической помощи, опираясь при этом на опыт и знания специалистов государственного юридического бюро, малообеспеченные граждане реализуют свое конституционное право на судебную защиту. С помощью Госюрбюро социально незащищенные категории граждан имеют возможность реализовывать и защищать иные конституционные права.

Подводя итог можно сказать, что практически нет такой сферы жизни или человеческой деятельности, в которой не нужно было бы знать и применять те или иные правовые нормы. Уровень юридической грамотности среди граждан, которые обращаются в Госюрбюро, невысокий, к тому же в силу возраста и ограниченного финансового ресурса они не могут самостоятельно защищать свои права. Результаты деятельности Госюрбюро показали, что с каждым годом происходит увеличение обращений за оказанием бесплатной юридической помощи.

Литература

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Основные принципы, касающиеся роли юристов : принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 7 сент. 1990 г. // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, Нью-Йорк, 1992. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901809401?section=status>
3. О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи маломужим гражданам : постановление Правительства Российской Федерации от 22 авг. 2005 г. № 534 // Рос. газ. 2005. 30 авг.
4. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 324-ФЗ // Рос. газ. 2011. 23 нояб.
5. О передаче субъектам РФ федеральных казенных учреждений, подведомственных Минюсту России : распоряжение Правительства РФ от 16 окт. 2012 года № 1928-р // Собр. законодательства РФ. 2012. № 43. Ст. 5919.
6. Об обеспечении оказания юридической помощи в Иркутской области : закон Иркутской области от 6 нояб. 2012 г. № 105-ОЗ // Областная. 2012. 14 нояб.

EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF FREE LEGAL AID IN RUSSIA: SOCIAL AND MORAL ASPECT

© A. V. Ushakov, 2023

State Legal Bureau of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article discusses the development of the institution of free legal aid in Russia and the Irkutsk region. A conclusion is made about the social orientation of the development of legislation on free legal aid.

Keywords: free legal aid, State Law Bureau, low-income citizens, judicial protection.

Ушаков Александр Владимирович – начальник государственного юридического бюро Иркутской области, г. Иркутск, Россия, e-mail: ushakov_a_t@rambler.ru

Ushakov Alexander Vladimirovich – Head of the State Legal Bureau of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ushakov_a_t@rambler.ru

УДК 342.4(470+571)

КОММУНИКАТИВНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

© Е. М. Якимова, 2023

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Целью исследования является выявление особенностей закрепление на конституционном уровне в современной России коммуникативных конституционных принципов, в которых нашли отражение духовно-нравственные основы российской государственности. Сделан вывод, что указанные принципы охватывают все сферы жизни общества: политическую, экономическую, социальную, культурную. Коммуникативные принципы содержатся в преамбуле, гл. 1, 2 и в особенности в положениях гл. 3 Конституции РФ, включенных в ходе конституционной реформы 2020 г.

Ключевые слова: коммуникация, конституционная ценность, конституционный принцип, конституция, норма права.

Особенности конституционного регулирования как регулирования преимущественно общего, программного ставят перед создателями конституции достаточно сложную задачу определить в основном законе ориентиры для развития политической, социальной, экономической системы, однако не впадать к ситуационное регулирование.

Конституционное регулирование является показательным примером использования как конкретных юридических норм, так и норм-принципов. При этом вопрос о значении норм-принципов и возможности их применения в ситуации коллизии не имеет однозначного решения, как и отсутствует единый подход к правомерности применения норм-принципов в ситуации наличия пробела в законе. В любом случае стоит признать, что использование правовой наукой понятия «принцип права», «конституционный принцип», «конституционная ценность»

позволяет выявить сущностные характеристики правовой регламентации той или иной сферы жизни общества или функционирования социума в целом, установить идейно-ценностные ориентиры правовой регламентации общественных отношений.

Для российской науки конституционного права в настоящее время в свете конституционной реформы – 2020 особый интерес стал представлять вопрос о конституционных ценностях, об их значении в конституционном регулировании правоотношений, хотя стоит признать, что по данной тематике и ранее велись доктринальные разработки. Выделение в Конституции России не только конституционных принципов, но и конституционных ценностей, нашедших отражение прежде всего в гл. 3 Конституции, скорректированной в ходе конституционной реформы, усложнило и так достаточно сложную систему идейно-ценностных детерминантов конституционного регулирования общественных отношений.

В доктрине сложились как минимум два подхода к роли конституционных ценностей в конституционном регулировании: встраивание конституционных ценностей в правовое пространство [1; 2] и отрицание возможности и даже неприемлемость правового регулирования и толкования норм через конституционные ценности [3; 4]. Примирение двух противоположных подходов вряд ли возможно, поскольку речь идет не о конституционных ценностях как таковых, а о самой возможности их «взвешивания».

Вместе с тем стоит признать, что признание той или иной ценности в качестве конституционного принципа и даже собственно включения в тексты конституций таких ценностных концептов как справедливость, солидарность, доверие, достоинство и т. п. не только в тексты преамбул, традиционно выступающих в качестве ценностных ориентиров, но и тексты основной части конституций имеет широкое распространение и многовековую историю.

Мировая практика конституционного строительства прошла несколько этапов конституционного регулирования духовно-нравственных ориентиров.

В конституциях первого поколения, неразвернутых правовых актах, базовые принципы социальных и экономических отношений в отдельном блоке норм не означались, однако их можно вывести через анализ положений о правах и свободах. Основы политической системы общества наиболее четко описывались в конституциях, поскольку изначально основной целью создания конституции являлось закрепление законного способа передачи власти. Отметим, что традиция обозначать конституционные ценности в преамбулах восходит к первым консти-

туциям, однако стоит учитывать, что юридического значения преамбулы не имели. Опять же в процессе развития институтов конституционного контроля при применении доктрины «подразумеваемых полномочий» положения преамбул задавали общий вектор при расширительном толковании конституций.

В конституциях второго «поколения» широкое применение получил подход о необходимости подробного регулирования экономических, социальных отношений, включение ценностей в тексты конституций стало распространенной практикой.

Конституции второго «поколения» дают много примеров включения конституционных ценностей не только в главу (раздел) об общих принципах конституционного строя в качестве конституционных принципов, но и в положения других глав (разделов) конституций. Например, в Конституция Германского рейха 1919 г. можно встретить такие ценности: справедливость, обеспечение достойного человека существования (ст. 151), сохранение в чистоте, оздоровление и социальная защита семьи (ст. 119), воспитание подрастающего поколения для выработки в нем хороших физических, духовных и общественных качеств (ст. 120), охрана молодежи от эксплуатации, нравственной, умственной или физической заброшенности (ст. 122), поощрение среднего класса в сельском хозяйстве, промышленности и торговле и его защита от чрезмерного обременения тяготами и от истощения (ст. 164) и т. д.

Современные конституции (конституции, принятые после Второй мировой войны) отошли от хаотичного регулирования общественных отношений, хотя нельзя говорить о снижении влияния конституционных ценностей на формирование правового пространства. В частности, может отражаться социальный характер права собственности (ст. 26 Конституции Аргентины 1949 г.), устанавливаются основы энергетической политики (ст. 89 Конституции Швейцарии 1999 г.).

Конституция России 1993 г. с учетом поправки 2020 г. отражает основные тенденции конституционного регулирования общественных отношений.

Так, в Конституции установлены основы конституционного строя (гл. 1), преамбула Конституции России содержит идейно-ценностные ориентиры конституционного строительства, нашли отражения конституционные ценности как ориентиры построения композиции правового пространства (ст. 75.1).

Конституционная реформа 2020 г. внесла значительные изменения в определение ценностных ориентиров государственной политики. Без изменения гл. 1 Конституции в гл. 3 были включены положения, которые можно назвать выявленными конституционными ценностями (в

другой трактовке – новыми конституционными принципами). Новые не означает, что данные ориентиры ранее не были свойственны Российской Федерации, однако они получили конституционное закрепление и хоть и не стали основами конституционного строя. Прежде всего речь идет о положениях ст. 75.1 Конституции России. Данную группу ценностей предлагается именовать коммуникативными принципами, поскольку они отражают основу непротиворечивости этических и правовых основ регулирования общественных отношений в процессе взаимодействия участников общественных отношений. Если отождествлять конституционные ценности и конституционные принципы, то данные конституционными принципами можно обозначить как принципы синтетические (см. подробнее [5]).

К коммуникативным ценностям можно отнести создание условий для устойчивого экономического роста страны, политическую, социальную, экономическую солидарность, создание условия для повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, защиту достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство.

Раскроем содержание некоторых коммуникативных принципов на примере принципов экономической деятельности.

Создание условия для устойчивого экономического роста страны как конституционная ценность отражает базовый этический императив предпринимательской деятельности. При этом следование ему обусловлено не только внутренним разумным принуждением субъектов предпринимательской деятельности к нравственным поступкам, но и разумным поведением участников экономического оборота [6, с. 32].

Экономическая солидарность как конституционная ценность также выступает одним из ориентиров взаимодействия участников экономических отношений. Конституционный Суд России активно ссылается в своих решениях на необходимость соблюдения принципа экономической солидарности. Суд подчеркивает задачу законодателя: устанавливая права одного субъекта, не создавать неблагоприятные последствия для других. При Суд призывает избегать декларативности и неприменимости правовых инструментов в конкретных условиях, поскольку иное способно нарушить равновесие между принципом экономической солидарности, признанием ценности прав и законных интересов каждого гражданина и обязанностью государства создавать условия для их реализации (Постановление от 18 апреля 2023 г. № 18-П).

Обобщая вышеизложенное можно заключить следующее. Несмотря на стремление обеспечить достижение качеств полноты, недвусмысленности, непротиворечивости правового регулирования представляется невозможным отказаться от определения идейно-ценностных основ при осуществлении конституционного регулирования общественных отношений. Включение в тексты основных законов положений, отражающих конституционные ценности, как в преамбуле конституции, так и в основной текст связано с наличием у основных законов специфических задач: идеологической функции, функции программности. Нормы конституции определяют ориентир развития общественной системы, хотя достижение данного ориентира может быть растянуто во времени.

Литература

1. Ключко Е. И. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 184 с.
2. Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.
3. Варламова Н. В. Права человека и «юриспруденция ценностей» // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6(151). С. 11–45.
4. Тимошина Е. В. Проблема юстициальности прав человека в ситуациях их конкуренции и принцип пропорциональности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21, № 4. С. 464–485. DOI: 10.22363/2313-2337-2017-21-4-464-485
5. Гаджиев Г. А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 16–28. DOI: 10.12737/jrl.2022.002
6. Якимова Е. М. Особенности административно-правового регулирования предпринимательской деятельности в современных российских реалиях // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2(101). С. 30–34.

COMMUNICATIVE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AS A REFLECTION OF THE SPIRITUAL AND MORAL GUIDELINES OF THE RUSSIAN CONSTITUTION

© Е. М. Yakimova, 2023

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The purpose of the study is to identify the peculiarities of consolidation at the constitutional level in modern Russia of communicative constitutional principles, which reflect the spiritual and moral foundations of Russian statehood. It was concluded that these principles cover all spheres of society: political, economic, social, cultural. Communicative principles are contained in the preamble of the constitution, Chapter 1 and 2 of the Constitution of Russia, and especially in the provisions of Chapter 3 of the Constitution of Russia, included in the course of the constitutional reform – 2020.

Keywords: communication, constitutional value, constitutional principle, constitution, legal norms.

Якимова Екатерина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Институт государственного права и национальной безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru

Yakimova Ekaterina Mihailovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of State Law and National Security, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru

СЕКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО
РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

УДК 94(571)

НАСЛЕДИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕТОДОВ
В СОВЕТСКИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ
1920-Х ГГ.

©А. И. Бакшеев, 2023

Красноярский государственный медицинский университет
им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого
Красноярск, Россия

Аннотация. Для изучения административно-командной системы анализируется военно-политический аспект НЭПа. Отмечено, что Большевицкая партия подчеркивала свое тяготение к методам штурма. Проведен краткий анализ представлений о войнах будущего, сложившихся в СССР к середине 1920-х гг. и предопределивших внутривполитические решения. Сделан вывод, что публикации 1920-х гг. характеризуют интеллектуальную атмосферу и намечавшихся путей развития Советского государства. Вопросы классовой солидарности занимали ключевое место в военной теории и текущей пропаганде большевиков, тесно смыкаясь с осмыслением мирового военного опыта. Подчеркивалось, что необходимо объединить руководство политической, экономической и вооруженной борьбой, обеспечив советскую стратегию «секретом и единогласием, централизацией и единовластием».

Ключевые слова: большевики, 1920-е гг., военная теория, осмысление, политика, закономерности.

Всесоюзная коммунистическая партия являлась основой политической системы, созданной большевиками после октября 1917 г. В дальнейшем партийный аппарат прошел испытания «пробами и ошибками», закалил дисциплину и обрел первые управленческие навыки, позволившие к середине 1920-х гг. сосредоточить ключевые властные функции.

Для изучения зарождения системы, позднее названной административно-командной, и уяснения ее природы и закономерностей весьма перспективно проанализировать военно-политический аспект НЭПа

на примере Сибири. Рассмотрение и объяснение аграрных аспектов НЭПа в терминах и логике войны актуально, целесообразно и обусловлено рядом взаимосвязанных причин:

Во-первых, правящая партия большевиков всегда подчеркивала свое тяготение к методам штурма, атаки и соответствующим образом готовило и идейно обрабатывало народные массы. Этот фактор являлся определяющим при избрании партийным аппаратом той или иной линии политического поведения.

Во-вторых, избрание военного ракурса при рассмотрении 1920-х гг. обусловлено феноменом крестьянского сопротивления. На политику военного коммунизма сельское население ответило сокращением производства и массовыми восстаниями, что наряду с угрозой повсеместного голода и заставило большевиков перейти к НЭПу, допустив комбинацию государственного плана и частного рынка.

В-третьих, НЭП реализовывался в условиях надежд на мировую революцию, что предопределяло значительное внимание властей проблемам международной обстановки и геополитической ситуации, тесной увязки с ними внутривнутриполитических мероприятий.

В-четвертых, и современная НЭПу и последующая научная и публицистическая литература пронизана военной терминологией и риторикой («фронт», «борьба», «враг»), выстроена по столько же военной логике: «на классовом фронте борьбы», «создание условий для полной победы над кулачеством», «на экономическом фронте», «в условиях современной классовой борьбы», «враждебная Советской власти экономическая линия», «маневры врагов», «героическая борьба коммунистов за социалистическое будущее деревни», «классовый враг», «наступление на нэпмана и кулака», «вредительство классовых врагов», «на национальном фронте», «борьба за перевоспитание мелкобуржуазных масс и интеллигенции», «на литературном фронте», «примиренческая позиция в развернувшейся в литературе идейной борьбе», «против реакционных теорий на военно-научном фронте» и т. д.

В-пятых, необходимо учесть и по возможности оценить влияние на государственные решения современного НЭПу экспертного настроения в СССР (В. И. Ленин, И. В. Сталин, С. И. Гусев, М. В. Фрунзе, А. А. Свечин, П. П. Лебедев, Б. М. Шапошников, А. С. Бубнов, М. Н. Тухачевский и т. д.) о необходимости готовить мобилизацию, концентрацию людских и материальных ресурсов на случай войны. Многие реплики откровенно обозначает желаемый социальный уклад, который будет сформирован через несколько лет в результате коллективизации. Предвзятый, а потому предельно критический (и тем научно особо интересный) анализ советских военно-политических воззре-

ний проведен белоэмигрантами А. В. Геруа, А. А. Зайцовым, Н. В. Пятницким. Продуктивно сопоставить трактовки советских партийных функционеров, военных теоретиков и их идейных оппонентов из белого лагеря. Тяготы в условиях войны являются не только минусом – причиной революций и восстаний, но и перспективным путем сплочения населения, способом напомнить глубокому тылу об идущих на далеком фронте сражениях.

В-шестых, анализ политической работы с крестьянами в Красной армии дает дополнительный материал для понимания приоритетов государственной политики, позволяя в деталях показать механизм практической работы с настроениями сельской молодежи.

Разберем теоретические представления о крупномасштабных войнах будущего, сложившиеся в СССР к середине 1920-х гг. и оказавшие определяющее влияние на внутривнутриполитические решения. Несмотря на смысловую «мозаичность» разноплановые публикации 1920-х гг. способны обеспечить исследователя картиной общей интеллектуальной атмосферы и намечавшихся путях развития Советского государства.

Основные задачи большевистской партии на 1921 г. – «всемерное поддержание» диктатуры пролетариата в России до торжества революции на Западе и «всемерное ускорение» развития революции в Европе и колониальных странах. В. И. Ленин неоднократно особо подчеркивал, что «правильно, полезно и необходимо все то, что содействует и помогает осуществлению этих задач. Неправильно, вредно и должно быть решительно отвергнуто все то, что мешает их осуществлению».

Правильная политика в осуществлении и укреплении диктатуры пролетариата включала пять основных направлений:

- 1) правильной внешней политики по отношению к окружающим социалистическую страну буржуазным государствам;
- 2) установления прочного союза с крестьянством внутри страны;
- 3) удовлетворительного разрешения вопроса о средствах существования для пролетариата;
- 4) неуклонного, планомерного развития крупного производства;
- 5) ясного, недвусмысленного определения роли Российской коммунистической партии в осуществлении диктатуры пролетариата.

Внешняя политика, проводившаяся РКП(б) в 1918–1920 гг., включала:

- а) оборону от империалистических держав и ускорение развития в них революционного движения пролетариата;
- б) мирную политику по отношению к мелким национальным государствам, возникшим в результате Первой мировой войны;
- в) ускорение развития революции в колониальных странах.

В результате этой политики РСФСР, отбив вооруженное наступление, добилась военной передышки и установления неустойчивого равновесия, временно поддерживаемого резкой оппозицией пролетариата и отчасти мелкой буржуазии против войны с Советской Россией и ростом мировой революции, выражавшимся в росте влияния Коминтерна, а также стихийных движений масс в зарубежных странах.

Начальник Политического управления Революционного Военного Совета Республики С. И. Гусев в 1921 г. дал следующую характеристику текущего положения большевиков: «Правильное разрешение вопроса о средствах существования для пролетариата заключается в осуществлении социализма на основе крупного производства. Пока крупная промышленность нами не восстановлена, мы вынуждены идти на ряд уступок, временно деклассирующих и развращающих некоторые слои пролетариата путем их вовлечения в мелкое производство на обмен с деревней и в спекуляцию. Этим мы легализуем то, что в действительности в силу голода давно уже идет на фабриках и заводах. Но такая легализация ни в коем случае не означает признания правильности такой политики. Против такого взгляда, нашедшего свое выражение в анархо-синдикалистских тенденциях внутри нашей партии в форме подмены вопроса о существовании диктатуры пролетариата вопросом о средствах существования для пролетариата, необходимо вести самую решительную борьбу.

Восстановление крупной промышленности и развитие ее до таких пределов, когда она сможет заменить мелкое производство, стать базой социализма, в условиях крайней отсталости промышленного развития и чрезвычайной разрухи РСФСР не может быть осуществлено без совместной работы с западноевропейским пролетариатом, т. е. без победы революции на Западе... Понимание задач революционной войны чуждо в настоящее время широким рабочим и крестьянским массам, а также и партийным кругам...

Поэтому теперь же необходимо приступить к длительной и упорной работе по выяснению, рабочим и крестьянским массам того, что без победы мировой революции пролетарская диктатура в РСФСР рухнет, и земля неминуемо будет возвращена помещикам» [1, с. 105–106]. Таким образом, перед нами весьма откровенное изложение отношения к НЭПу, причем в существенных акцентах весьма отличное от последующих (1930-х гг. и далее) его объяснений, в которых основной упор делался на внутренние причины, а не наступление мировой революции никак не объяснялось.

Вопросы классовой, в частности пролетарской солидарности занимали ключевое место в военной теории и текущей пропаганде боль-

шевилов, тесно смыкаясь с осмыслением иных аспектов мирового опыта. Тот же С. И. Гусев особо подчеркивал: «Необходимо непрерывное «воспитание крестьянина в духе интернационализма, в понимании прямой связи между судьбою его участка земли и судьбою мировой революции, в усвоении им на практике помощи со стороны западноевропейских рабочих во время гражданской войны и теперь (помощь голодным и борьба против новой интервенции), идей международной солидарности трудящихся классов в их общей борьбе против эксплуататорских классов» [1, с. 163].

Теоретиками анализировались оптимальные комбинации действий на сокрушение и измор. Также в СССР тщательно анализировался мировой военно-мобилизационный опыт.

Оценка И. В. Сталина в изложении «Краткого курса истории ВКП(б) 1938 г.: «Для уничтожения опасности капиталистической интервенции необходимо уничтожить капиталистическое окружение, а уничтожить капиталистическое окружение возможно лишь в результате победоносной пролетарской революции по крайней мере в нескольких странах. Но из этого следует, что победа социализма в СССР, выражающаяся в ликвидации капиталистической системы хозяйства и в построении социалистической системы хозяйства, все же не может считаться окончательной победой, поскольку опасность вооруженной иностранной интервенции и попыток реставрации капитализма остается не устраненной, поскольку страна социализма остается не гарантированной от такой опасности. Чтобы уничтожить опасность иностранной капиталистической интервенции, нужно уничтожить капиталистическое окружение» [2, с. 261–263].

А. А. Свечин откровенно писал: «Город и деревня. При экономической мобилизации необходимо удержать существующее экономическое равновесие между городом и деревней, рабочими и крестьянами» [3, с. 66]. Интересна и его забегающая вперед констатация середины 1925 г.: Поскольку СССР постепенно переставал быть государством, ведущим крупную экспортную торговлю зерном и стремиться заменить ее вывозом более ценного сельскохозяйственного сырья, придется, вероятно, поставить и вопрос об организации крупных хлебных резервов, которые позволили бы преодолеть стихию крестьянского рынка» [3, с. 67]. Как мы знаем, структура экспорта так и не изменилась, но коллективизация государству зерновые резервы дала.

Советская Россия, затем СССР готовились не только к обороне, но и к наступлению, реорганизуя Красную армию соответствующим образом и нацеливая политическую подготовку на усиление классового характера вооруженных сил. Общий подход, что Гражданская война как

война против помещичье-буржуазной контрреволюции закончена и в дальнейшем перед Красной армией могут стать совершенно новые задачи революционной войны. Политическим органам предписывалось выработать меры по противодействию «демобилизационным, ликвидационным» настроениям крестьян – Земля завоевана, помещик разбит, зачем же нам армия? зачем нам новые войны?

Вопросы классовой, в частности пролетарской солидарности занимали ключевое место в военной теории и текущей пропаганде большевиков, тесно смыкаясь с осмыслением иных аспектов мирового опыта. Считалось, что будущие войны будут происходить, несомненно, в атмосфере очень острой классовой борьбы, которая создаст во всех государствах, принимающих участие в борьбе, более или менее сильные пораженческие группировки. Отсюда рост значимости внутренней политики, выработка силовой, охранительной политики, социального переустройства.

Предметное внимание военная теория уделяла вопросам экономики, выдвинутые обобщения многое объясняют в выбранном большевиками народно-хозяйственном курсе. В СССР тщательно анализировался мировой военно-мобилизационный опыт, разбирались мероприятия в Германии, Англии, США и т. д. Примечательна критическая оценка военными отечественных экономических практик 1918–1920 гг.

Военные теоретики указывались на необходимость твердой и планомерной экономической подготовки к будущей войне: перенос промышленности в менее уязвимые районы, продуманная политика цен и железнодорожных тарифов, энергичное социалистическое накопление с доведением его не менее чем 10 % производительности всего народного труда, военизация всей государственной и общественной деятельности. Минимальная рекомендация гласила: «Крайняя осторожность при воздействии на естественный ход экономического развития все же неравносильна предоставлению ему возможности расти стихийно». Преимущество в том, что советская промышленность уже в мирное время работала по общему плану.

Учет всего необходимого сырья и распределение его, учет и наиболее рациональное использование фабричного оборудования, перегруппировка технических руководителей и рабочих, полное использование труда безработных, привлечение новой рабочей силы из деревни, задания, сообразованные с возможностями имеющихся средств и нуждами войны, – составляют сущность этой мобилизации. Практика руководства мирной экономической жизнью СССР представляло лучшую школу для составителей и исполнителей мобилизационных планов.

Особо подчеркивалось, что необходимо объединить и согласовать руководство на фронтах политической, экономической и вооруженной борьбы – идея «интегрального полководца». Подчеркивалось, что стратегии нужен секрет и единогласие, централизация и единовластие.

Теоретиками анализировались оптимальные комбинации действий на сокрушение и измор. Рекомендовалось план военных операций тщательно увязать с существующими материальными возможностями. Любые сбои в учете могли привести к построению оперативных «воздушных замков или мобилизационных карточных домиков». Рекомендовалось создать крупные хлебные резервы, чтобы преодолеть стихию крестьянского рынка.

Обеспечение вооруженных сил гужевым транспортом, сокращение нестроевого элемента, максимальное омоложение полевых частей, рациональное внедрение автомобилей – те практические вопросы военного строительства, где напрямую отражался намечаемый руководством большевиков социально-экономический курс.

Литература

1. Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия : сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М. : Л. : Гос. изд-во, 1925. 220 с.
2. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. : Госполитиздат, 1953. 350 с.
3. Свечин А. А. Стратегия. 2-е изд. М. : Военный вестник, 1927. 265 с.

THE LEGACY OF EXTRAORDINARY METHODS IN THE SOVIET MILITARY-POLITICAL VIEWS OF THE 1920S

© A. I. Baksheev, 2023

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor
V. F. Voino-Yasenetsky, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. To study the administrative and command system, it is promising to analyze the military-political aspect of the NEP. The Bolshevik Party emphasized its attraction to the methods of assault. A brief analysis of the ideas about the wars of the future that developed in the USSR by the mid-1920s and predetermined domestic political decisions is carried out. Publications of the 1920s characterize the intellectual atmosphere and the planned ways of development of the Soviet state. The issues of class solidarity occupied a key place in the military theory and current propaganda of the Bolsheviks, closely intertwined with the understanding of the world military experience. It was emphasized that it was necessary to unite the leadership of the political, economic and armed struggle, providing the Soviet strategy with “secrecy and unanimity, centralization and autocracy”.

Keywords: Bolsheviks, 1920s, military theory, comprehension, politics, regularities.

Бакшеев Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск, Россия; e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Baksheev Andrey Ivanovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voino-Yasenetsky, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: baksh-ai@yandex.ru

СИБИРЬ КАК ИДЕЯ ДУХОВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

© И. А. Борисов, 2023

Иркутский государственный медицинский университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Проводится мысль, что Сибирь обладает не только богатством материальных ресурсов, но и мощнейшими духовными ресурсами, которые пока только минимально открылись в осуществившейся в Сибири преобразовательной человеческой деятельности. Утверждается, что Сибирь поэтому есть одновременно историческая площадка и идея для духовного самоутверждения российской цивилизации

Ключевые слова: духовная российская цивилизация, идеалистический тип культуры, мир миров, золотая осень цивилизации.

По некоторым оценкам, в Сибири находится до 40 % запасов мировых ресурсов. Сибирь богата огромными запасами нефти и газа, каменного угля, различными минеральными и огромными лесными ресурсами. Но также Сибирь обладает мощнейшим духовным потенциалом, который может быть раскрыт в преобразовательной деятельности человека, в опоре на освоении богатств Сибири. Рискнем утверждать, что этот духовный потенциал является самым приоритетным ресурсом Сибири.

Арнольд Тойнби, отмечая уникальное место России в мировом историческом процессе, сформулировал концепцию русско-сибирской цивилизации в своей работе «A Study of History» («Исследование истории»). Согласно его теории, русско-сибирская цивилизация является одной из 21 основных цивилизаций, которые образуют исторический процесс [1].

Тойнби писал, что Россия располагается на пересечении Евразийского континента, что дает ей стратегическое положение и влияет на ее внешние и внутренние дела.

Тойнби уделял внимание сибирским ресурсам и их значению для развития русско-сибирской цивилизации. Он отмечал, что освоение территории Сибири играли важную роль в формировании Российской империи и Советского Союза.

Зададимся вопросом: на каком этапе развития находится наша русско-сибирская цивилизация?

Лев Николаевич Гумилев, так же как и Тойнби, представитель цивилизационного подхода, говоря о цивилизационном возрасте России, выразил убеждение в том, что Россия вступает в период своей “золотой

осени” [2, с. 28] – поры, когда весь потенциал цивилизации раскрывается во всей своей полноте. И эта пора, по мнению Гумилева, должна длиться порядка четырех столетий.

Уникальной сущностью и основой величия нашей российской цивилизации является приоритет духовного над материальным [3, с. 91]. Поэтому естественно будет утверждать, что Россия выразит свою сущность в грядущем историческом процессе, раскрывшись как духовная цивилизация на особой материальной и информационно-технической основе.

Стратегическая мудрость состоит в том, что для того, чтобы победить, нужно играть на своем поле. Необходимо констатировать, что пока нам приходилось играть на чужом поле – в пространстве материальной, экономической цивилизационной акцентуации, которую задают страны Запада.

Начиная со времена Петра Великого мы активно осваиваем эту экономическую акцентуацию и, например, во времена Советского Союза вышли по доле мирового ВВП на второе место в мире после США. Но даже в лучшие годы мы имели только 40 % от ВВП США.

Текущий исторический момент – это момент подлинного самоопределения России, в который мы можем сделать ставку на выражение нашей духовной цивилизационной сущности. Или не сделать такую ставку и упустить свой исторический шанс. Духовная цивилизация не означает слабую экономику. Духовная цивилизация означает лишь то, что экономика в таком типе цивилизации не является господствующим приоритетом. Выскажем предположение, что именно тогда и решатся наши экономические вопросы, когда мы сориентируем нашу цивилизацию на духовное самовыражение, в котором приоритет будет отдан науке, культуре и образованию.

Россия выступила в защиту традиционных ценностей, но это только небольшая часть возможной сильной позиции в современном мировом информационном пространстве. Россия вполне способна выступить за сохранение духовных ценностей, самой духовной природы человека. Российская цивилизация может объявить, что пришло время решить главную проблему мира – кризис его духовных основ.

Духовный кризис современного общества – это состояние, характеризующееся потерей или ослаблением духовных ценностей, отсутствием веры и смысла жизни у значительной части населения. Он возникает в результате социальных, экономических, культурных и других изменений, которые могут влиять на понимание человеком собственного места в мире.

Духовный кризис может проявляться в различных аспектах общественной жизни, таких как утрата нравственных ориентиров, разруше-

ние традиционных ценностей, возрастание индивидуализма и эгоизма, рост апатии и безразличия к общественным проблемам.

В современном обществе многие люди все больше ориентируются на материальные ценности, потребительство, успех и внешнюю самореализацию, что может создавать пустоту и неудовлетворенность. Отсутствие духовности может приводить к чувству беспомощности, депрессии, одиночеству и трудностям в межличностных отношениях.

Духовный кризис общества вызван также отчуждением от традиционных религиозных убеждений, потерей веры в религиозные институты и усиливающимся секуляризмом. Люди могут осуществлять поиск смысла жизни и пытаться заполнить эту пустоту через новые формы духовности, обращаться к философским исследованиям, практиковать молитву, медитацию или искать внутреннюю гармонию.

Российским ответом на мировой духовный кризис может стать ориентация российского многонационального народа на построение духовной цивилизации.

Духовная цивилизация в качестве приоритетов рассматривает понятия духовности, веры, морально-этических ценностей. Она отличается от материальной цивилизации, которая сконцентрирована на техническом и экономическом прогрессе. Духовная цивилизация подразумевает развитие человеческого духа, поиск высших смыслов и истин, стремление к нравственному совершенству. Именно об этом наша русская классическая литература, выразившая нашу духовную цивилизационную сущность.

Духовная цивилизация подразумевает на приоритетных началах развитие внутренней мудрости, человечности, эмпатии, доброты и сострадания. Именно это будет влиять на политику, социальные нормы, образование и другие сферы общественной жизни.

Интересным образом нам здесь дает подсказку Питирим Сорокин, известный российско-американский социолог и философ. В своих работах он занимался анализом различных типов культуры и их влиянием на общественное развитие. Сорокин выдвинул идею идеалистического типа культуры, который сменит отживающий свое материально-сенситивный тип культуры. И основываться этот идеалистический тип культуры будет на понятии многоликой реальности [4, с. 238].

Согласно Сорокину, идеалистический тип культуры характеризуется преимущественным признанием духовных ценностей, идеалов и идей. Сорокин отражал наличие многоликой реальности в идеалистическом типе культуры с помощью понятия "пластичности реальности".

Питирим Сорокин интерпретировал идеалистический тип культуры как сферу, где многоликая реальность признается и ценится, а ре-

альность воспринимается и интерпретируется различными социальными группами или индивидами через различные идеи, символы и ценности, формирующие многообразие мировоззрений.

Россия обладает потенциалом осуществить этот идеалистический тип культуры в своей исторической судьбе. Россия всегда была многолика и многопланова, она не умещается в прокрустово ложе материально-экономических экспертиз.

Чтобы выразить эту многоликость России, такой мыслитель как Михаил Гефтер сформулировал такой термин как «мир миров» [5, с. 126]. Данный термин отражает специфику культурного ландшафта России, ее многонациональный и многопространственный характер. Мир миров предполагает существование нескольких культурных контекстов, традиций, языков и идентичностей внутри одного государства.

Через понятие «мир миров» Михаил Гефтер предлагает воспринимать Россию как многомерную палитру культурных выражений и взаимодействий. В этом контексте Россия не является одной культурой, а, скорее, совокупностью различных культурных миров, каждый из которых имеет свои ценности, нравы и традиции.

Да, в России как в «мире миров» существуют сложности и противоречия. Иногда культурные миры могут испытывать конфликты из-за разногласий в ценностях, интересах и идеях. Именно поэтому и важно всемерно поощрять диалог между культурами, чтобы смягчить конфликты и создать духовную цивилизацию, где культурное многообразие является источником обогащения и развития для всех.

Такое разнообразие культур и их взаимодействие способствуют формированию уникального культурного ландшафта России. В высших своих проявлениях главными чертами этого мира миров является взаимопонимание и уважение между культурами, что содействует культурной синергии, обмену и взаимному влиянию, создавая уникальный творческий синтез.

И особенно ярко этот синтез проявляется в Сибири. Сибирь будто ждет суверенного утверждения России в своей духовной сущности, чтобы именно здесь, в Сибири через уникальный творческий и культурный синтез произошло полное раскрытие потенциала российской цивилизации. Сибирь поэтому не только территория с материальными ресурсами. В рамках многолико понимаемой реальности Сибирь есть идея духовной российской цивилизации, стоящей на пороге своего исторического самоутверждения.

Литература

1. Тойнби А. Постигание истории: сборник. Айрис-Пресс, 2010. 640 с.
2. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М. : АСТ, 2008. 346 с.

3. Борисов И. А. Роль идеала красоты в генезисе русской духовности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2004. № 3. С. 89–93.

4. Сорокин П. А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 429 с.

5. Гефтер М. Я. Мир миров: российский зачин // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания : сб. ст. / ред. С. Б. Чернышева. М. : Аргус, 1995. 456 с.

SIBERIA AS AN IDEA OF SPIRITUAL RUSSIAN CIVILIZATION

© I. A. Borisov, 2023

Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. In this article, the idea is carried out that Siberia has not only a wealth of material resources, but Siberia has the most powerful spiritual resources, which have so far only minimally opened up in the transformative human activity carried out in Siberia. Siberia is therefore both a historical platform and an idea for the spiritual self-affirmation of Russian civilization

Keywords: spiritual Russian civilization, idealistic type of culture, world of worlds, golden autumn of civilization.

Борисов Игорь Альбертович – кандидат философских наук, доцент кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук, Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mibia@yandex.ru

Borisov Igor Albertovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Clinical, Social Psychology and Humanities, Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mibia@yandex.ru

УДК 355/359(571.5)

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В 1945 Г.: ИСХОДНЫЕ УСЛОВИЯ РЕОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

© В. Н. Воронцов, 2023

Иркутский государственный университет путей сообщения
Иркутск, Россия

Аннотация. В исследовании реконструируются социально-экономические, демографические и географические условия формирования Восточно-Сибирского военного округа в 1945 г. Дается обзор гарнизонов и связанных с ними воинских соединений первой половины XX в., а также стрелковых дивизий, сформированных в 1941–1943 гг. Отмечается, что после Великой Отечественной войны для нужд нового строительства в Восточной Сибири была значительно расширена сеть исправительно-трудовых лагерей. Кроме того, были развернуты пять лагерей японских военнопленных, а с лета 1946 г. началась репатриация в Японию. Приводится характеристика действовавших и строившихся железных дорог. Делается вывод, что необходимость восстанавливать экономику вынудили руководство СССР значительно сократить Вооруженные Силы, продумав сохранение их боевого ядра.

Ключевые слова: советские вооруженные силы, Восточно-Сибирский военный округ, экономика, география, демография, Великая Отечественная война, послевоенные мероприятия.

Восточно-Сибирский военный округ – территориальное общевойсковое объединение вооруженных сил Советского Союза в 1945–1953 гг. со штабом в Иркутске. Формирование ВСВО в 1945 г. было

третьим: с августа 1865 по июль 1884 г. существовал (по старой орфографии «Восточный Сибирский») [1] со штабом в Иркутске и с марта 1920 г. по январь 1923 г. со штабом в Красноярске. Эти предшественники внесли большой вклад в военную историю нашего Отечества, а созданный (преимущественно после 1906 г.) на их территории гарнизонный фонд активно использовался и в дальнейшем.

Третье, интересующее нас, объединение появилось в условиях начавшейся с 5 июля 1945 г. демобилизации и планомерного перевода армии на мирное положение. Старт процессам сокращения был дан 28 июня 1945 г., когда приказом № 32 заместителя народного комиссара обороны генерала армии Н. А. Булганина объявлен «Закон о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», утвержденный XII сессией Верховного Совета СССР 23 июня 1945 г. Закон касался 13 возрастов.

Приказ народного комиссара обороны СССР маршала И. В. Сталина № 0139 от 9 июля 1945 г. предусматривал организацию новых военных округов (с формированием их управления из полевых управлений той или иной армии, или изредка полевого управления фронта) и изменение границ, ранее существовавших (путем разукрупнения одного в два-три или уменьшения территории). При этом документ не касался территории восточнее Байкала, где два, а затем три фронта готовились обрушиться на японскую Квантунскую армию.

Таким образом в июле 1945 г. число военных округов на территории СССР выросло с 13 до 29. На формирование управления Восточно-Сибирского военного округа (далее ВСВО) было обращено полевое управление 50-й армии, завершившее Великую Отечественную войну в составе 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии. Однако высший командный состав этой армии в Восточную Сибирь не направлялся, как и сами ее соединения (к 1 августа 1945 г. три стрелковых корпуса (69-й, 81-й, 124-й) по три (110-я, 153-я, 324-я и 2-я, 307-я и 343-я и 51-я, 208-я, 216-я) [2, л. 435] стрелковые дивизии в каждом) [3, л. 1]. Перечисленные дивизии были выведены вглубь СССР и расформированы соответственно (по указанным тройкам) в Белоруссии, на Украине, на юге РСФСР в конце 1945 г. – начале 1946 гг. в первую волну сокращения, когда расформировывались в основном не гвардейские соединения. Сохранилась лишь 216-я стрелковая дивизия, размещенная в Баку.

С февраля 1946 г. Рабоче-крестьянская Красная армия стала официально именоваться Советской армией. Армия и флот были сокращены с 11,5 млн чел. в май 1945 г. до 2,87 млн в январе 1948 г. Из 72 управлений общевойсковых армией спустя 21 месяц осталось 16, из 174 стрелковых корпусов – 67, из 513 стрелковых дивизий – 78, но

число отдельных стрелковых и горно-стрелковых бригад выросло с 17 до 69 [4, с. 127]. Доля прямых военных расходов в бюджете СССР уменьшилась с 54,3 % в 1945 г. до 24 % в 1946 г. и 18 % в 1947 г. С развитием холодной войны в 1948–1949 гг. армия опять увеличилась на 1,5 млн чел. [5, с. 5]. К 1954 г. в Вооруженных Силах СССР числилось 5,76 млн чел.

Крупнейшие из дореволюционных гарнизонов в границах ВСВО военного округа 1945 г располагались в городах: Ачинск (население на 1939 г. 32 484 чел.), Иркутск (250 181), Канск (41 584), Красноярск (189 977), Нижнеудинск (27 721). С данными гарнизонами связана история ряда прославленных воинских соединений, участвовавших в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах. Например, 2-я Сибирская пехотная дивизия или множество стрелковых дивизий: 7-я, 8-я, 12-я и 13-я Сибирские (русской императорской армии), 3-я Иркутская Сибирская (антибольшевистской Сибирской, затем «колчаковской» армии, 26-я Златоустовская, 30-я Иркутская, 51-я стрелковая (Рабоче-Крестьянской Красной армии) и т. д.

Накануне и во время Великой Отечественной войны с территории округа было сформировано или пополнено с последующей отправкой в действующую армию не менее целой дюжины стрелковых дивизий. Эти соединения частью погибли (46-я и 91-я) в окружениях 1941 г. и боях 1942 г. на Дону (228-я, 301-я), частью расформированы в течении 1945–1946 гг. (378-я на 1-м Прибалтийском фронте в марте 1945 г., остальные после победы в Центральной группе войск 309-я, на Ленинградском фронте 374-я и 382-я, в центральной Карелии 114-я, в Забайкальско-Амурском военном округе 292-я), либо расквартированы в других регионах СССР (26-я гвардейская – бывшая 93-я в гг. Гусев и Нестеров Калининградской области) или за рубежом (в Китае, на Квантунском полуострове 19-я гвардейская – бывшая 119-я).

Пополнения для фронта готовили запасные стрелковые бригады: 35-я на ст. Мальта Усольского района Иркутской области и 43-я в городах Ачинск, Красноярск, Канск и т. д. Перегоном поставляемых по программе ленд-лиза американских самолетов на трассе Фербенкс – Уэлькаль – Сеймчан – Якутск – Киренск – Красноярск в 1942–1945 гг. занималась 1-я перегоночная авиационная дивизия со штабом в Якутске. Этим путем СССР получил 7908 самолетов (в том числе более 5 тыс. самолетов типа «Аэрокобра» и «Кингкобра») или 42,8 % полученных из США единиц авиационной техники. Над территорией СССР в ходе перегонки было потеряно около 60 самолетов и 115 чел. летного состава.

На будущей территории ВСВО в период Великой Отечественной войны подготовку офицеров для Красной армии вели не менее 16 военных училищ разного профиля, в большинстве эвакуированных из западных районов СССР. Так, в частности, в Иркутске действовали училища: Марьинское артиллерийское, политическое Забайкальского фронта, Черниговское инженерное, Воронежское связи, Иркутское военно-топографическое, а также Иркутская школа авиационных механиков [6, с. 479–485; 7].

Площадь ВСВО в 6419 тыс. км² сделала его самым большим по площади в СССР. При этом в нем размещалось наименьшая по численности группировка войск. Народное хозяйство Иркутской области и Красноярского края в послевоенный период динамично развивались, получая в приоритетном порядке капитальные вложения. Социально-экономические процессы освещены в обширной историографии, в данном же материале целесообразно привести лишь наиболее показательные географические и демографические данные.

Население, проживавшее на территории округа, насчитывало в 1939 г. – 3 млн 746 тыс. чел. (включая Тунну-Тувинскую народную республику), в 1951 – 4 млн 56 тыс. чел. За время Великой Отечественной 1941–1945 гг. и Советско-японской 1945 г. войн в трех регионах РСФСР было призвано (включая перемещенное население) свыше 20 % жителей или до 750 тыс. чел., безвозвратные потери оцениваются в 282 500 чел., или более трети от числа призванных.

В послевоенный период на территории округа для обеспечения практически всего нового промышленного и городского строительства значительно (особенно в Иркутской области) расширилась сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа. Крупнейшие из них к началу 1951 г.: Норильлаг (72 940 чел.), Ангарлаг (41 018), Комбинат № 16 (ранее Китойлаг) (38 640), Озерлаг (33 325), ИТЛ строительства № 503 (железная дорога Пур-Игарка) (28 774), ИТЛ Краслаг (28 354), ИТЛ и строительство № 994 («Красноярск-26») (15793), ИТЛ Енисейстроя (13 436), Бодайбинлаг (от 5000 до 6000), итого свыше 278,2 тыс. чел., не считая более мелких лагерей. Установленный лимит военизированной охраны 9 % от численности заключенных или около 25 тыс. чел.

В более ранний период, с осени 1945 г. на территории округа были развернуты пять управления лагерей японских военнопленных: 7-е (Тайшетлаг) (около 40 000 чел.), 31-е (Черемховлаг) (16 000), 32-е (Иркутсклаг) (15 000), 33-е (6500) в Абакане, 34-е (15000) в Красноярске [8]. При этом в прямом подчинении командования ВСВО находились отдельные рабочие батальоны военнопленных, например 421-й, 424-й

(в Иркутске), 434-й. Их командный состав составляли советские военнослужащие, все работы велись в интересах военных, а сами подразделения расформированы в конце 1948–1949 гг.

С лета 1946 г. началась (с больных) репатриация японских военнопленных на Японию, в основном завершившаяся к концу 1948 г.

В пределах ВСВО проходили Красноярская (Мариинск – Тайшет, Ачинск – Абакан) и Восточно-Сибирская (большей западной частью главного участка Тайшет – Петровский завод, ветка Черемхово – Макарьево) железные дороги, имевшие большое транзитное значение. Велось строительство ж.д. веток Пур – Игарка (в марте 1953 г. законченное на половине протяженности строительство прекращено) и Тайшет – Братск – Лена (временное движение открыто в ноябре 1950 г., постоянная эксплуатация с 1958 г.). С марта 1941 г. велось строительство 123-км горного (перевального) обхода Кругобайкальского участка Иркутск – Слюдянка, причем работы были резко форсированы с апреля 1945 г. после прибытия железнодорожных войск, а с начала 1946 г. опять замедлились. В однопутном варианте трасса принята в постоянную эксплуатацию 1 января 1949 г. [9]

Основные грузы в погрузке на Красноярской ж. д.: уголь (Черногорские копи, бурые угли Канского района), лес. Марганцевая руда и значительная часть угля, леса, хлеба вывозилась за пределы дороги. Ввозились нефтегрузы, черные металлы, металлоизделия.

На Восточно-Сибирской ж. д.: каменный уголь (Черемхово и Касьяновка), лесные, простейшие минерально-строительные материалы. Большая часть каменного угля и лесных грузов вывозилась за пределы дороги. С начала апреля по конец июля 1945 г. по Транссибу на восток были переброшены дополнительные войска для участия в советско-японской войне (из-под Праги 6-я гвардейская танковая и 53-я общевойсковая армии, из-под Инстербурга 39-я в Монголию, из Восточной Пруссии в Приморье 5-я армия).

Победное окончание Второй мировой войны поставило перед властями СССР сложную и многогранную задачу демобилизации вооруженных сил, перевода экономики на сравнительно «мирные рельсы» и трудного обеспечения общего хозяйственного восстановления после колоссальных военных разрушений и разнообразных потерь. Сокращение численности войск проводилось с учетом ограниченных экономических возможностей страны и отчетливо осознаваемой необходимости тщательно продуманного сохранения боевого ядра для надежного обеспечения безопасности государства. Исключительно интересна и весьма поучительна панорама распоряжений по реорганизации Советской армии.

Литература

1. Авилов Р. С. Восточный Сибирский военный округ (1865–1884 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2013. № 12. С. 3–9.
2. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 405 – Полевое управление 50-й армии. Оп. 9815. Д. 117.
3. ЦАМО. Фонд 1618 – Управление 307-й стрелковой Новозыбковской Краснознаменной дивизии. Оп. 1. Д. 6.
4. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Ч. 1. Сухопутные войска / В. И. Фесьяков, В. И. Голиков, К. А. Калашников, С. А. Слугин; под науч. ред. В. И. Голикова. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. 369 с.
5. Фесьяков В. И., Калашников К. А., Голиков В. И. Советская Армия в годы «холодной войны» (1945–1991). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. 246 с.
6. Ростов Н. Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны: монография. Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та им. И. И. Ползунова, 2007. 516 с.
7. Астраханцев О. Н. История подготовки летно-технических кадров в Сибири (1910–1945 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 348 с.
8. Кузнецов С. И. Лагеря ГУЛАГа и ГУПВИ на территории Иркутской области. URL: https://sibir-ssylka.ucoz.com/publ/sovetskij_period/lagerja_gulaga_i_gupvi_na_territorii_irkutskoj_oblasti/5-1-0-11 (дата обращения: 15.07.2023).
9. Асеева А. С., Хобта А. В. Строительство новой железнодорожной линии Иркутск-Слюдянка в 1941–1949 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 1 (15). С. 92–108.

EASTERN SIBERIA IN 1945: INITIAL CONDITIONS FOR THE REORGANIZATION OF SOVIET TROOPS

© V. N. Vorontsov, 2023

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The author reconstructs the socio-economic, demographic and geographical conditions of the formation of the East Siberian Military District in 1945. A brief digression of the 1st half of the XX century is given – an overview of the garrisons and a list of military formations associated with them. The rifle divisions formed in 1941–1943 and their fate are also listed. After the war, the network of correctional labor camps was significantly expanded for the needs of new construction in Eastern Siberia. In addition, five management camps of Japanese prisoners of war were deployed. In the summer of 1946, repatriation to Japan began. The characteristics of existing and under construction railways are given. The need to restore the economy forced the leadership of the USSR to significantly reduce the armed forces, having thought through the preservation of their combat core.

Keywords: Soviet armed forces, East Siberian Military District, economy, geography, demography, the Great Patriotic War, post-dinner events.

Воронцов Владислав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия, e-mail: woronzow@mail.ru

Vorontsov Vladislav Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, currently an associate professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: woronzow@mail.ru

СИБИРЬ В ИМПЕРИИ – ИМПЕРИЯ В СИБИРИ: К ИТОГАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНКОРПОРАЦИИ СИБИРИ В РОССИЮ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

© Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Отмечается, что на протяжении всего имперского периода место Сибири в России оставалось неизменным как поставщика сырья, а само понятие «сырье» менялось. Место пушнины постепенно заменили золото и серебро, а затем сельскохозяйственная продукция. Делается вывод, что экономическая политика правительства в Сибири отражала интересы императорского Кабинета и связанного с ним сословных и финансовых групп.

Ключевые слова: Сибирь, экономика, Российская империя, инкорпорация.

Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Россия только тогда стала Россией, когда вобрала в себя Сибирь. Начавшаяся одновременно с освоением промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со строительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из сопутствующего промысла в самостоятельную отрасль хозяйства. Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные, по тем временам, отношения с центром, усилило поток новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединенных землях. Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего, духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Поэтому переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса, и несмотря на определенные временные колебания, всегда привлекала к себе правительственное внимание. За 81 год с 1816 по 1897 г. численность пришлого, главным образом русского населения, возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. За этот же отрезок времени численность ко-

ренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. Темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышала темпы роста коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г. (цифровые показатели рассчитаны автором по материалам [1, с. 265; 2, с. 3]). На протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс особенно усилился в начале XX столетия после строительства транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Отличительной чертой демографической картины Сибири на протяжении всего изучаемого столетия было явное преобладание сельского населения над городским.

Крестьянское движение на восток объективно приводило к изменению этнической картины Азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала Европейскую метрополию. Таким образом, задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и коррелировалась идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым, по замыслу правительства, решалась стратегическая задача окраинной политики – усиление политического единства империи. Перераспределение трудовых ресурсов создавало широкий рынок рабочей силы, резко возрастал спрос на сельскохозяйственную продукцию, активизировались социокультурные процессы. Все это в период перехода от аграрного общества к индустриальному имело немаловажное влияние на характер развития экономики региона. Сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией, свидетельствует о том, что темпы аграрной колонизации существенно опережали индустриальную [3, с. 185–193].

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча через сто лет выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 т пуд. золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пуд., или 11,9 %, то к 1856–1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пуд. Иными словами, доля сибирской золотодобычи в масштабах государства составляла 78 %. Характерно, что основным районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа, принадлежащие императорскому Кабинету (подробнее см.: [4, с. 27]). Накануне отмены крепостного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95 % общероссийского производства серебра, свинца и меди. В конце XIX –

начале XX в. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те ее отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья. Наиболее значительный отряд рабочих обрабатывающей промышленности был сосредоточен в пищевом и овчинно-шубном производствах. Сопоставляя показатели о числе занятых рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири с ведущими промышленными районами страны, следует признать его вполне сопоставимое» с аналогичными показателями других окраин государства, например, Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Дальнего Востока. Оно было порождено основными принципами экономической политики империи в отношении Азиатских окраин государства, которое рассматривало эти территории как сырьевой придаток промышленно развитого центра.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясомолочном скотоводстве. Сибирское маслоделие росло столь стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пуд., что в стоимостном выражении составило 68 млн руб. [5, с. 3–11].

Отмеченные явления, связанные с развитием различных отраслей сибирской экономики, были невозможны без создания устойчивой системы коммуникаций, связывающими Сибирь с основными промышленными и финансовыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией.

Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитыми районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шел основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения была невысокой – от 30 до 55 верст в день в зависимости от качества дороги.

Первой из сибирских железных дорог стала Екатеринбург – Тюменская, сданная в эксплуатацию в 1885 г. Однако в последующие годы строительство железных дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К 1913 г. в Азиатской России функционировали Амурская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкальская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка Тюмень – Омск, проходившая по густо населенным уездам с развитым маслоделием и излишками товарного хлеба, строились Алтайская, Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. Всего в 1915–1917 гг. на территории Сибири функционировали Омская (2318 км), Томская (1815 км), Забайкальская (1720 км) железные дороги, принадлежащие казне и являю-

щиеся составными частями Транссибирской железнодорожной магистрали. Кроме того, четыре дороги принадлежали частным акционерным обществам: Алтайская (750 км), Кальчугинская (245 км), Минусинская (454 км). Эти железные дороги соединяли важные экономические районы с транссибирской магистралью. Таким образом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено около 6000 км железных дорог, или около 700 км в год и 45 крупных мостов через такие реки, как Иртыш, Обь, Енисей.

Транссибирская магистраль прочно связывала Сибирь с центром страны. Она являлась основной артерией, по которой в обоих направлениях непрерывно перемещались потоки грузов. Стремительно растущий водный транспорт уступал ей по грузообороту и в основном обслуживал внутренние потребности. К 1917 г. общее число транспортных рабочих Сибири достигло 160 тыс. чел. Из этого числа железнодорожники составляли 118,5 тыс., водники – примерно 40–45 тыс. чел. [6, с. 262].

На протяжении всего имперского периода место Сибири в экономике России оставалось неизменным как поставщика сырья. Правда само понятие «сырье» менялось. Ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числе перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. В городах проживало 12 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность.

Литература

1. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973.
2. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1.
3. Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVII–XX вв. : сб. мат. Всерос. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX в.» Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г. С. 185–193.
4. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990.
5. Горюшкин Л. М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX века. Новосибирск, 1990. С. 3–11.
6. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири. Новосибирск, 1996.

SIBERIA IN AN EMPIRE – AN EMPIRE IN SIBERIA: ON THE RESULTS OF THE ECONOMIC INCORPORATION OF SIBERIA INTO RUSSIA IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

© L. M. Dameshek, I. L. Dameshek, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Throughout the imperial period, the place of Siberia in Russia remained unchanged as a supplier of raw materials. At the same time, the very concept of “raw materials” was changing. Gold and silver, then agricultural products gradually replaced furs. The economic policy of the government in Siberia reflected the interests of the Imperial Cabinet and the class and financial groups associated with it.

Keywords: Siberia, economy, Russian Empire, incorporation.

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет; директор научно-исследовательского центра отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: levdameshkek@gmail.com

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и методики, Педагогический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: dameshkek@rambler.ru

Dameshek Lev Mikhailovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Faculty of History, Irkutsk State University; Director of the National History Research Center, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: levdameshkek@gmail.com

Dameshek Irina Lvovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Methods, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: dameshkek@rambler.ru

УДК 94(57)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ПОНЯТИЯ «СИБИРЬ/СИБИРСКИЙ»

© В. В. Журавлев, 2023

Институт истории СО РАН

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация. Обсуждается историческое наполнение и адекватность применения понятия «Сибирь» и «Сибирский». Дается экскурс в историю термина, разобрана его этимология. В 1637–1763 гг. за управление территориями восточнее Урала отвечал Сибирский приказ. Отмечается, что в течение XIX в. происходит административно-территориальное разделение Сибири, а для ее обозначения все шире используется замещающая дефиниция «Азиатская Россия». Показывается, что к началу XX в. Сибирь не имела единства административного управления, правового положения, социально-экономической жизни. Лишь распад Российского государства, последовавший за революцией 1917 г., возродил исследуемый термин. Утверждается, что применительно к исследованиям XIX и XX вв. термин «Сибирь» представляет собою «выдуманное сообщество», используется неоправданно расширительно и во многом исторически фиктивно.

Ключевые слова: Сибирь, понятие, термин, этимология, административное использование, чрезвычайность, единообразие.

Географическое и историческое понятие «Сибирь» и образованное от него «сибирский» прочно вошло в обыденную речь, присутствует в политико-правовом и организационно-управленческом лексиконе, в частности оно используется в наименованиях современного федерального округа, отделения Российской академии наук и ряде др. Присутствует оно и образованные от него более частные «Западная Сибирь/западносибирский», «Восточная Сибирь/восточносибирский» и в языке научных, в том числе исторических исследований. Однако применительно к языку исторических исследований возникает требование именно исторического наполнения и адекватности применения понятий данной группы.

У слова «Сибирь» в территориальном смысле имелась своя предыстория, известная и первым сибирским летописцам, жившему и работавшему в Тобольске в 1660–70-х гг., южнославянскому эрудиту и католическому священнику Юрию Крижаничу. Речь шла о названии столицы государственного образования, которое к началу ермаковского похода возглавлял хан Кучум, чингизид, уроженец Бухары и представитель рода шейбанидов. Штурм именно этого укрепленного населенного пункта и назывался «сибирским взятием». «И так россияне от сего городка, который они прежде других мест покорили, все как окрестные, так и отдаленные страны наименовали Сибирью» [1, с. 4], писал он в своем трактате «*Historiola de Sibiria*» (1680 г.). Действительно, «название столицы ханства... было перенесено затем на Прииртышье и на все области в востоку от Урала-Камня» [2, с. 493].

Однако основателем Сибири как города и политического центра примерно за век до ермакова похода был представитель конкурировавшей с Шейбанидами местной, автохтонной и не-чингизидской по происхождению династии Тайбугинов хан Мамет. Причем важно отметить, что само это наименование первоначально было не именем собственным, а родовым понятием примерно аналогичным по смыслу русскому «чуждское городище», т. е. «место, где сохранились следы прежнего проживания аборигенов местности, чуждых современному населению». Известны еще несколько мест в междуречье Тавды и Конды, имеющих это значение.

Городок Сибирь (тобольск.-тат. *Seber-qala*, крепость себеров, где *qala* от арабск. *alqal'a* – крепость, цитадель), получил свое название от этнонима сипыр, себер, сыбыр или савир, названия этнической группы, обитавшей, по легендам сибирских татар, на их территориях до их прихода» [2, с. 494].

Большинство исследователей этот этноним возводят к имени народа Σάβειροι (савиры, сабиры). О них как о части гуннских племен

говорилось в византийских и армянских хрониках [3, с. 100], в частности у Прокопия Кесарийского и Моисея Каланкатуйского [4, с. 124–128].

Хочется подчеркнуть, что Кучума называли «сибирским царем» именно по названию его ставки, а на территории его данников и сопредельные местности это имя было перенесено уже русскими.

В 1637–1763 гг. центральный государственный орган, ведавший управлением территориями на восток от Камня назывался Сибирским приказом, Тобольская кафедра учреждена в 1620 г. с наименованием Сибирская и Тобольская, какое-то время ее архиерей носили титул «всея Сибири». Однако ее территория поэтапно сокращалась и с 1834 г. Тобольская епархия окончательно потеряла статус главной епархии для восточно-российских территорий.

Тот же процесс происходил с административными образованиями, включавших в свои названия термин «Сибирь» и производные термины: Западносибирское генерал-губернаторство было ликвидировано, Восточносибирское переименовано в Иркутское. М. В. Шиловский сделал очень существенный вывод: «На протяжении XIX в. происходит территориальное дробление Сибири, и само название “Сибирь” постепенно исчезает с административно-территориальной карты региона ... В обращении все чаще используется дефиниция “Азиатская Россия”» [3, с. 100].

К началу XX в. Сибирь остается лишь элементом императорского титула как «Царя Сибирского». Эти территории практически не обладали единством административного управления, правового положения, социального состава, экономической жизни.

Лишь распад государства, последовавший за революцией 1917 г. привел к возрождению термина. И большевистская Центросибирь, и Сибирские областные съезды, и Временное Сибирское правительство были эпифеноменами деструкции постимперского политического пространства. Характерны трения, которые возникали в Сибирской областной думе между ее руководством и представителями Дальнего Востока.

Характерно и то, что Временная Сибирская областная дума сосредоточила все свое внимание на вопросах общероссийского характера, и главным вопросом своей деятельности видела процесс образования антибольшевистской всероссийской власти.

После военного переворота, приведшего к власти адмирала А. В. Колчака, в названии органов власти возглавляемого им политического режима не только исчезают какие-либо «сибирские» реминисценции, но и прилагательное «всероссийский», трактовавшееся как отсылка к концепции федерации. Правительство Колчака как известно именовалось «Российским». Разгром Российской армии адмирала А. В. Колчака, окончание гражданской войны, тем не менее ни привел к исчезновению термина «Сибирь».

Большевистская администрация территорий, ранее подвластных колчаковскому режиму, именовалась «Сибирским революционным комитетом», затем был образован Сибирский край, несколько позднее разделенный на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. Как только чрезвычайный характер управления территориями, ранее отложившимися от территориального ядра российской государственности, стал сменяться единообразным общегосударственным режимом управления термин «Сибирь» и его производные исчезает из правового лексикона.

Автор абсолютно убежден, что сам этот термин, особенно применительно к историческим исследованиям в рамках XIX и XX вв., представляет собой не только «выдуманное сообщество» в терминологии Эрика Хобсбаума, но вовсе используется неоправданно расширительно и во многом исторически фиктивно.

Литература

1. Крижанич Ю. Повествование о Сибири: Латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григорием Спасским. СПб., 1822. 56 с.
2. Аникин А. Е. Сибирь // Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М. ; Новосибирск : Наука, 2000. С. 493–494
3. Шиловский М. В. Сибирь // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С. 99–100.
4. Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк / пер., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна ; ред. С. А. Авакяна. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1984. 258 с.

ON THE QUESTION OF THE HISTORICITY OF THE CONCEPT OF "SIBERIA/SIBERIAN"

© V. V. Zhuravlev, 2023

Institute of History SB RAS, Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article discusses the historical content and the adequacy of the application of the concepts "Siberia" and "Siberian". An excursion into the history of the term is given, its etymology is analyzed. In 1637–1763, the Siberian Order was responsible for the management of territories east of the Urals. During the XIX century, the administrative and territorial division of Siberia took place, and the replacement definition "Asian Russia" is increasingly used to designate it. By the beginning of the twentieth century, Siberia had no unity of administrative management, legal status, socio-economic life. Only the collapse of the Russian state, following the revolution of 1917, revived the term. The author claims that in relation to the studies of the XIX and XX centuries, the term "Siberia" is a "fictitious community", is used unreasonably expansively and in many ways historically fictitious.

Keywords: Siberia, concept, term, etymology, administrative use, emergency, uniformity.

Журавлев Вадим Викторович – кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский технический университет, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия, e-mail: vvzh@mail.ru

Zhuravlev Vadim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk National Research Technical University, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: vvzh@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ССЫЛКА КАК ФОРМА ИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ В XIX В.

© А. А. Иванов, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрены два вида уголовной ссылки в Сибирь – ссылку на поселение и ссылку на каторгу, осуществлявшиеся государством в течение XIX в. На основе разнообразного фактического материала сделан вывод о неравнозначном вкладе этих видов наказания в процесс интеграции Восточной Сибири в единое экономическое и социальное пространство России. Применение «штрафной колонизации» способствовало развитию региона по экстенсивному пути и являлось сдерживающим фактором его экономической модернизации.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, уголовная ссылка и каторга, Иркутская губерния, XIX в.

Известно, что одной из особенностей формирования Российского государства был постоянный рост территории. Этот процесс, начатый объединением княжеств вокруг Москвы, особое развитие получил с присоединением огромнейшего сибирского региона, однако, в отличие от земель центра страны, новая территория была населена малочисленными коренными народами, которые не могли противостоять внешней экспансии. Проблема скорейшего заселения и охраны новых границ стояла остро. При этом при хронической нехватке населения, можно предположить, что решить эту задачу тогда, в XVII в., можно было исключительно с помощью штрафной колонизации. Именно поэтому сибирская ссылка изначально выполняла две разнородных цели: с одной стороны, использовалась как часть пенитенциарной практики, с другой – выступала одним из способов заселения новых территорий.

Ссыльнопоселенцы. В XIX в. уголовная ссылка как форма интеграции Восточной Сибири в единое пространство России реализовывалась, в основном, двумя путями: путем причисления ссыльных к крестьянским общинам; и как ссылка в каторжные работы. И будущие поселенцы, и каторжане поступали в Сибирь только с этапом. Путь от Москвы до Иркутска или Нерчинска занимал несколько месяцев, нередко мог длиться год и более. Внутри сибирских губерний ссыльные поступали в распоряжение окружных полицейских управлений, затем их отправляли в правления тех волостей, где они подлежали причислению. По прибытии в волость, волостное правление распределяло их по селениям. Со дня прибытия в волость выдача кормовых денег прекращалась. После проверки численности и документов прибывших, партия

разбивалась писарем на мелкие части, которые в сопровождении сотских из крестьян должны были отправляться по деревням для водворения.

На деле на место водворения отправлялись практически только семейные, те, для кого труд на земле был знаком и привычен. Одинокие же, а таких было 90 %, меняли или продавали казенную одежду и шли кто куда. Многие продолжали оставаться в этих же волостных центрах, сбивались в шайки, жили подаянием, а чаще скрытым разбоем и воровством. Местные жители относились к таким ссыльным крайне враждебно и, не находя защиты у властей, часто прибегали к самосуду, не давая попавшимся на краже бродягам никакой пощады.

Положение большинства прибывших ссыльных было удручающим. Не имея денежных средств, не ориентируясь в местных условиях, привыкнув к казенному пайку, они оставались в селах по существу брошенными на произвол судьбы и целиком зависели от «добротного» крестьянина-старожила. Имевшие намерение заняться хлебопашеством, обращались к сельскому старосте с просьбой отвести им землю. На основании постановления Совета ГУВС, ссыльным в губернии полагалось 15 десятин на душу, однако получить их было крайне сложно, почти невозможно, так как в губерниях и областях Восточной Сибири у крестьянских общин в распоряжении пашни обыкновенно не было, так как вся она находилась в исключительном пользовании отдельных лиц, — захватчиков и потомков захватчиков данных участков.

Кроме затруднений в получении земли при водворении, ссыльным было сложно завести свое хозяйство и из-за недостатка или полного отсутствия материальных средств. Деньги с собой в ссылку привозили очень немногие, пособий же, положенных при водворении, у местных властей не было и правительственная поддержка для водворяемых, существовала во многом формально. Например, согласно ст. 329 Устава о ссыльных, старожил, пускающий ссыльнопоселенцев к себе в дом на житье, должен был в течение четырех месяцев получать вознаграждение в виде полплаката арестантского содержания за каждого принятого. На деле же подобные случаи были скорее исключением.

Были редким явлением и браки ссыльных с местными сибирячками, хотя закон всячески поощрял подобную практику. Например, женщина «свободного состояния», выходя замуж за ссыльнопоселенца в Иркутской губернии или Забайкальской области, получала одновременно денежную помощь в размере 57 руб. 14 ½ коп. Такое пособие было самым большим в Сибири: к примеру, в Енисейской губернии выплачивали лишь 28 руб. 57 ¼ коп., однако, если учесть стоимость сельскохозяйственных орудий, например, в том же Забайкалье, где одна соха стоила 10 руб., станет понятным, что такое «вспомоществование» не могло решить проблем с обустройством своим хозяйством [1, с. 111].

Среди ссыльных Иркутской губернии безземелье было обычным явлением. На 100 наличных хозяйств ссыльных приходилось: не имевших пашни – 82,6 %, арендовавших пашню – 25 %, не получавших душевых покосов – 88 %, не имеющих своей усадьбы – 47,9 %. Те немногие, кто сумел завести земледельческое хозяйство, вели его далеко не в таких размерах, как старожилы – в среднем запахивали не более трех десятин земли. Такая же ситуация наблюдалась и в животноводстве: 65,5% ссыльных вели хозяйство без крупного рогатого скота, 70 % не имели рабочих лошадей. На одно хозяйство ссыльнопоселенца приходилась одна лошадь против трех у старожилов. [2, с. 222–224].

После окончания трехлетней льготы, ссыльные обязаны были платить подати и нести повинности. В сумме сборов и податей у ссыльнопоселенцев было значительно больше, чем у казаков и инородцев и несколько больше в сравнении с крестьянами-старожилами. Если ссыльный не владел каким-либо ремеслом, способным его прокормить, он шел в наем к крестьянам-старожилам. Состояние такого работника было крайне тяжелым: старожилы пользовались его безвыходным положением и платили гораздо меньше, чем крестьянину-поселыщику, держали в многолетней кабале, изначально накрепко опутывая долгами и ссудами. Озлобленные таким отношением, ссыльные нередко оказывали стихийное сопротивление – обворовывали хозяина, сжигали его сено, расхищали урожай.

Каторжане. В XIX в. труд каторжан по-прежнему широко использовался на промышленных предприятиях Восточной Сибири. На принудительном труде была основана вся деятельность Нерчинских горнодобывающих предприятий. Здесь на некоторых заводах, таких как Петровский, Троицкий, Селенгинский каторжных рабочих насчитывалось от 300 до 600, а на Александровском в 1853 г. было задействовано до 1000 каторжан. Только на заводах Нерчинского горного округа в 1840 г. было занято почти 3000 каторжников, на винокуренных заводах Иркутской губернии – более 2200, солеваренных – около 1200, на Тельминской суконной фабрике – более 350, в Иркутском ремесленном доме – 365 каторжан. Можно с уверенностью сказать, что именно каторга стала основой формирующемуся промышленному пролетариату Восточной Сибири [3, с. 595].

После отмены крепостного права на предприятиях региона повсеместно шел процесс сокращения каторжного труда, однако его доля здесь оставалась традиционно высокой. Так, по подсчетам авторов монографии «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период», в 1880 г. из 1574 рабочих частных металлургических заводов Восточной Сибири, выходцами из крестьян был 651 чел., а из ссыльных и каторжни-

ков – 744. В 1885 г. из 728 рабочих солеваренных заводов края в прошлом были: крестьянами – 254 чел., ссыльными – 399 [4, с. 111].

Помимо золотодобывающих приисков и предприятий перерабатывающей отрасли, строительства и рыбных промыслов, труд каторжан широко применялся на сооружении железной дороги. Так, в 1895 г. на Средне-Сибирском участке было занято около 2 тысяч арестантов из тюрем Иркутской и Енисейской губерний, а также более 500 ссыльно-поселенцев. [4, с. 194]. Каторжане работали и на Кругобайкальской железной дороге. По свидетельству начальника ГТУ П. К. Грана, бывшего в Восточной Сибири летом 1913 г. с инспекторской поездкой, на сооружении вторых путей дороги были заняты четыре команды арестантов в количестве 922 чел. Труд арестантов использовался на неквалифицированных и низкооплачиваемых работах, в основном, земляных, а также в тоннелях и на возведении каменных мостов [5, с. 29].

Крупнейшей каторжной тюрьмой Восточной Сибири была Александровская центральная, располагавшаяся недалеко от Иркутска. Арестанты тюрьмы (от 700 до 1500 чел.) ежегодно выполняли значительный объем подрядных работ на строительстве Забайкальской и Амурской железных дорог, на добыче угля на Бархатовских каменноугольных копях, отсыпке грунтовых дорог, строительстве административных зданий в Иркутске, рыбном промысле на Байкале. Мастерские центра постоянно выполняли заказы Военного ведомства, шили солдатское нижнее белье, а в годы Первой мировой войны, наряду с арестантами Иркутского тюремного замка, собирали ручные гранаты [6, с. 348].

Подведем некоторые итоги. Уголовная ссылка как форма интеграции Восточной Сибири в единое пространство России, в XIX в. применялась в двух видах: в качестве причисления к крестьянским общинам, и в каторжные работы. Вклад ссыльных и каторжан в социально-экономическое развитие Восточной Сибири не был равноценным и определялся как реальной потребностью в их труде, так и организацией помощи со стороны государства. Сосланные на поселение практически не имели экономической и социальной поддержки со стороны государства. Лишь небольшая часть ссыльных, в основном семейных, пустила здесь прочные корни. Их вклад в экономическую интеграцию региона в единое пространство страны был незначительным.

В отличие от сельского хозяйства, роль уголовной ссылки в развитии горной и местной промышленности региона была существенным. Именно каторжане стали основой для формирования здесь кадров постоянных рабочих в горнодобывающих отраслях, винокурении, строительстве путей сообщения. Вместе с тем следует учитывать, что труд ссыlnокаторжных был менее эффективным в сравнении с трудом

свободного рабочего, и в этом смысле, не соответствовал задачам модернизационного развития восточносибирского региона. Со второй половины XIX в. ссылка, таким образом, выступала сдерживающим фактором перехода сибирского общества от традиционного аграрного уклада к преимущественно промышленному. Именно отсюда следовала настоятельная необходимость отмены и каторги, и ссылки в Сибирь.

Литература

1. Свод учреждений и уставов о ссыльных // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857. С. 1–177.
2. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. 407 с.
3. Константинов М. Каторга и ссылка // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2: 3–К. Новосибирск : Зап. Сиб. отд. ОГИЗ, 1931. С. 575–622.
4. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск : Наука, 1982. 459 с.
5. История пенитенциарной системы в Бурятии / под общ. ред. С. П. Суша ; сост. Л. В. Курас [и др.]. Улан-Удэ, 2006. 157 с.
6. Башкиров В. Г. Работа иркутской промышленности «на оборону» в 1914–1917 гг. // История Иркутска XX века. Хрестоматия. Т. 1: 1900–1920 год. /сост.: А. Н. Гарашенко, А. А. Иванов. Иркутск : Оттиск, 2016. С. 345–351.

CRIMINAL EXILE AS A FORM OF EASTERN SIBERIA INTEGRATION INTO A SINGLE SPACE OF RUSSIA IN THE XIX CENTURY

© A. A. Ivanov, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article considers two types of criminal exile to Siberia – exile to a settlement and exile to hard labor, carried out by the state during the 19th century. Based on a variety of factual material, a conclusion was made about the unequal contribution of these types of punishment to the process of integrating Eastern Siberia into the single economic and social space of Russia. The use of "penal colonization" contributed to the development of the region along an extensive path and was a deterrent to its economic modernization.

Keywords: Eastern Siberia, criminal exile and penal servitude, Irkutsk province, 19th century.

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, Россия, г. Иркутск, e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Alexander Alexandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk, e-mail: ottisk@irmail.ru

ССЫЛКА УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг. В СИБИРЬ, ИХ РОЛЬ В ОСВОЕНИИ КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИДЕРОВ ВОССТАНИЯ ИЗ ВИЛЕЙСКОГО УЕЗДА)

© А. Ю. Каркотко, 2023

Вилейский краеведческий музей
Вилейка, Республика Беларусь

Аннотация. Статья посвящена последствиям драматического события, произошедшего на белорусских землях – Польскому освободительному восстанию 1863–1864 гг. Рассмотрена судьба лидеров и некоторых участников восстания, действовавших на территории Вилейского уезда, их ссылка на каторгу и поселения в Сибирь. Обозначены заслуги бывших повстанцев и их потомков в освоении окраин Российской империи.

Ключевые слова: восстание 1863–1864 гг., национальные восстания, Козелл-Поклевский, Вилейский уезд.

Выходцы из белорусских земель довольно давно стали селиться в Сибири. Одни отправлялись туда добровольно, другие оказались на поселении вынуждено. Часто сюда ссылали неблагонадежных поляков и белорусов, боровшихся за восстановление польского государства Речи Посполитой.

Особенно много выходцев из Северо-Западного края оказалось в Сибири после восстания 1863–1864 гг. Причем это были в большей части хорошо образованные люди, элита того времени. Многие из них в Сибири нашли себе применение и добились успехов, став промышленниками, купцами, инженерами-строителями.

Другие же напротив решили вести борьбу до конца и в Сибири в 1866 г. польские каторжники подняли Кругобайкальское восстание, в котором приняли участие более 700 чел. Восстание было подавлено, а четверо его зачинщиков казнены.

В ходе Польского освободительного восстания 1863–1864 гг. на территории Вилейского района Минской области в Республике Беларусь, произошли два боя: у деревни Владыки 16 мая 1863 г. (здесь и далее все даты даны по старому стилю) [1, с. 136, 138, 140] и местечка Ижа 24 мая 1863 г. [2, с. 130–132]. Этот второй бой произошел в лощине между деревнями Королевцы, Любки и Утки, место боя известно как урочище «Битый Лог».

Сохранились братские могилы восставших у деревни Владыки и в агрогородке Куренец. Известно и место боя у д. Любки, так называе-

мое учрочище «Битый Лог», где установлен мемориальный знак в память об этом событии [1, с. 134].

Уже зимой 1864 г. на территории Беларуси восстание было полностью подавлено. После окончания кампании начались суды над ее участниками. По имеющимся сведениям, в тюрьме в Вилейке содержалось до 100 чел. [3, с. 36], участвовавших в восстании или подозреваемых в его поддержке. Многие активные участники восстания лишлись своих имений и были сосланы, кто на каторгу или поселения в Сибирь, на Кавказ или Среднюю Азию. Кто был рекрутирован в солдаты и направлен в дальние гарнизоны.

Проследить судьбу всех повстанцев в настоящее время нет возможности остановимся на основных деятелях, руководителях восстания в Вилейском уезде. Судьба у многих руководителей восстания оказалась схожей и можно указать три возможных варианта.

1. Смерть в бою. Такая почетная участь постигла руководителя отряда Винцента Козелл-Поклевского (1837–1863) который погиб в бою под Владыками [2, с. 138; 3, с. 46–47] и Юлиана Бокшанского (1824–1863) его отряд был почти полностью уничтожен в бою 4 апреля 1863 г. у деревень Плебань и Свечки, недалеко от поселка Красное, теперь в Молодеченском районе Минской области [1, с. 136].

2. Эмиграция без возможности возвращения на родину. Например Густав Ромуальдович Чехович (1837 – после 1887) командовал отрядом который был разбит в «Битом логге». После подавления восстания скрылся и эмигрировал во Францию [2, с. 130].

3. Арест, суд и высылка. Людей которых постигла такая судьба рассмотрим подробнее.

Род Козел-Поклевских оставил глубокий след в истории Сибири. Некоторые представители рода сюда попали добровольно, но некоторые здесь поселились в качестве наказания. Одним из таких был Иосиф (Юзаф) Козелл-Поклевский (1845–1915).

Он и его братья Ян (1837–1896), Винцент (1838–1863), Зенон (1842–1878) и Михаил (1847–1863), уроженцы имения Большая Сервечь (Сервач), Вилейского уезда были активными участниками восстания 1863 г., двое из которых погибли в бою у Владык [3, с. 52]. Родители Ян Наполеон Козелл-Поклевский и Юзефа Таленсдорф тоже помогали повстанцем. Сейчас на территории Вилейского района сохранились остатки указанного имения.

Юзаф не был командиром, но являлся братом двух руководителей восстания, поэтому после его подавления был отдан в солдаты в Омск. Благодаря связям свояка Альфонса Фомича Поклевского-Козелл был

направлен отбывать наказание на принадлежащий ему Талицкий винокуренный завод.

С 1890 г. руководил конторой Талицких заводов, был уполномоченным по делам торгового дома «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл». Занимал ряд должностей в Пермской губернии. Пожертвовал много денег на развитие образования и медицины на Урале.

Умер Иосиф Козелл-Поклевский в 1915 г. в г. Талица Камышловского уезда Пермской губернии. [3, с. 48].

После его смерти его вдова Юлия Павловна Козелл-Поклевская возвращается в Сервачь для раздела наследства между наследниками. Их сыновья получили ряд имений (Сервач, Людвиново, Костыки) на территории современного Вилейского района.

Еще более интересно сложилась судьба у старшего брата Яна (Ивана Ивановича) Козелл-Поклевского (1837–1896). Который был командующий 3-м корпусом повстанческих войск и одним из главных лидеров восстания 1863 г. Что не удивительно, ведь Ян был кадровым военным и даже окончил с золотой медалью Николаевскую инженерную академию. После подавления восстания скрылся и эмигрировал во Францию, но в январе 1872 г. вернулся в Россию.

После приезда в Царство Польское в январе 1872 г., несмотря на обещания российских властей, был арестован. Во время следствия предстал перед комиссией, где дал развернутые показания и клятву верности. Был отправлен в ссылку в Туркестанский край и зачислен в рядовые казаки Семиреченского казачьего войска.

В 1872–1885 гг. вместе с семьей пребывал в ссылке в г. Верный (ныне Алма-Аты), где в полной мере раскрыл свой талант инженера. Он проектировал дороги, мосты, плотины, жилые и казенные строения. Козелл-Поклевского составил проект и руководил строительством архиерейского дома и Гостиного двор в Верном. Он организовал камнетесную и камнерезную мастерскую, наладил добычу и обработку мрамора, и обжиг известняка в Каскеленском ущелье. Ян Козелл-Поклевский автор ряда научных работ по ирригации и архитектуре. Многие строения, построенные по его проектам, существуют по сей день.

Иван Иванович Козелл-Поклевский скончался в 1896 г. в белорусском городе Бобруйск [3, с. 44–46]. Его сын Иосиф Иванович Поклевский-Козелл (1876–1911) служил в русском флоте, подполковник корпуса инженер-механиков флота. На крейсере «Аскольд» участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., в том числе в обороне Порт-Артура и бое в Желтом море [4].

Еще одним руководителем восстания был Мельхиор Теодор Ромуальд Бальтазар Чижик. Он родился в 1836 г. в семье преподавателя

математики минской гимназии Юзефа (Осипа) Чижики. Образование Мельхиор получил в Минской губернской мужской гимназии, в Полоцком кадетском корпусе и Константиновском военном училище. Был кадровым военным служил в гренадерских полках, последний чин штабс-капитан.

Организовал партизанский отряд в Борисовском уезде, затем присоединился к отряду Козел-Поклевского, в котором был назначен командиром одного из взводов.

После боя у д. Владыки отвел оставшихся повстанцев отряда в Игуменский уезд, где соединился с повстанцами С. Лесковского. Взаимоотношения между отрядом Чижики и местными крестьянами были враждебные. При таких условиях группа не могла долго существовать, и в середине июля она разошлась [5, с. 235].

Мельхиор Чижик пытался уехать за границу, но сдался властям в Ельне. И из Смоленска передан в Минскую следственную комиссию [6, с. 401].

В 1864 г. как политический преступник по суду лишен прав состояния, имущество конфисковано в казну, а сам сослан на 20 лет на каторжные работы в рудниках.

Каторгу Мельхиор Чижик отбывал в Сивяково в Забайкальской области, в 32 км на юго-запад от Читы на правом берегу реки Ингода, где во 2-й половине 1860-х гг. разместили временную Сивяковскую тюрьму Нерчинской каторги. Всемиловейший манифест от 1 апреля 1866 г. Мельхиору сократил срок каторги, и он вышел на поселение в село Урик Уриковской волости Иркутской губернии.

За Чижиком в Сибирь последовала его нареченная панна Гедройц из Вилейки, где соединилась браком. У них родились дети, так появилась сибирская династия Чижики.

В 1878 г. император Александр II освободил Чижику от надзора полиции и предоставил на выбор места жительства, за исключением столиц, столичных и западных губерний и Царства Польского, с воспрещением поступления на государственную службу.

Скончался Мельхиор Чижик 12 августа 1900 г. от рака желудка [2, с. 139–140].

Константин Тукало (1819–1880) из имения Остюковичи, был назначен повстанцами гражданским начальником Вилейского уезда. В 1864 г. Тукало был арестован и сослан в Сибирь. В основном находился в Томске, будучи настоящим спасителем изгнанников помогая им финансово, чем привлекал на свою сторону влиятельных людей. Поместье Остюковичи у него было конфисковано, однако поскольку, на нем числился, значительная часть имения брата (Альфонса) (душев-

нобольного), в связи с этим оно было, потом возвращено роду Тукало. Умер Константин Тукало после возвращения на родину около 1880 г. [7, с. 139].

Это только небольшая часть повстанцев, кто волею судьбы оказался связан с развитием дальних регионов России.

Литература

1. Каркотко А. Ю. Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Ч. 1. Бой у деревни Владыки // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 15, № 1. 2019. С. 133–147.
2. Каркотко А. Ю. Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Ч. 2. Битый Лог // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 15. № 3. 2019. С. 129–142.
3. Хаценчык З. Падзеі паўстання 1863 г. На Вілейшчыне: Гістарычныя нарысы / Зміцер Хаценчык, Дзяніс Канецкі; выд. 2-е, дапрац. Мінск : Кнігазбор, 2013. 76 с.
4. Поклевский-Козелл Иосиф Иванович. URL: <https://wiki.lesta.ru/ru/Navы:Поклевский-Козелл, Иосиф Иванович> (дата обращения: 19.07.2023).
5. Ігнатойскі У. 1863 год на Беларусі. Нарыспадзей. Беларуская Акадэмія Навук // Запіскі ад дзелу гуманітарных навук. Кн. 13. Працы Інстытуту гістарычных навук. Т. 5. Менск, 1930. 280 с.
6. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края // Виленский временник. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильно, 1915. Кн. 6. Ч. 2. 530 с.
7. Памяць: Гісторыка – дакументальная хроніка Вілейскага раёна. Мінск : БЕЛТА, 2003. 704 с.

THE LINK OF THE PARTICIPANTS OF THE UPRISING OF 1863–1864 TO SIBERIA, THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION, ON THE EXAMPLE OF THE LEADERS OF THE UPRISING FROM THE VILEIKA DISTRICT

© A. Yu. Karkotko, 2023

State Institution “Vileika Museum of Local Lore”
Vileyka, Republic of Belarus

Abstract. The article is devoted to the consequences of the dramatic event that took place on the Belarusian lands – the Polish liberation uprising of 1863–1864. The article discusses the fate of the leaders and some participants in the uprising operating on the territory of the Vileika district, their exile to hard labor and settlements in Siberia. The merits of the former rebels and their descendants in the development of the outskirts of the Russian Empire.

Keywords: uprising of 1863–1864, national uprisings, Kozell-Poklevsky, Vileika district.

Каркотко Андрей Юрьевич – магистр политических наук, директор Государственного учреждения «Вилейский краеведческий музей», г. Вилейка, Республика Беларусь, e-mail: karkotko@tut.by

Karkotko Andrey Yuryevich – Master of Political Sciences, Director of the State Institution “Vileika Museum of Local Lore”, Vileyka, Republic of Belarus, e-mail: karkotko@tut.by

СИБИРСКИЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ В ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

© Д. В. Козлов, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Для изучения включения Сибири в российское пространство выделены три кластера значений для развития «воображаемой географии» Сибири. Внутри этих кластеров переплетаются разные методологические подходы. Первый – кластер власти. Второй кластер связан с оппозицией власти. Третий кластер связан с интерпретацией завоевания Сибири как части русского национального самосознания и русского национализма. Сделан вывод о взаимодействии указанных кластеров в процессе производства значений и смыслов в «воображаемой географии» Сибири. Обосновано существование преемственности в этом взаимодействии, которая проявлялась и в имперской России, и в советский период, и в постсоветское время.

Ключевые слова: Сибирь, власть, оппозиция власти, русский национализм, освоение Сибири, образы Сибири.

Важной составляющей процесса интеграции Сибири в российское пространство во все исторические периоды выступал процесс возникновения и развития определенных образов Сибири. Исследование динамики развития этих образов может опираться на различную методологическую основу, связанную, например, с развитием образа Сибири как образа Другого; отслеживание использования техник «ориентализации» (по Э. Саиду). В последнем случае на ранних этапах освоения Сибири это облегчалось описанием Сибири как *terraincognita*. Также на начальных этапах освоения существовало и описание Сибири как азиатской колонии, которое интересным образом затем дополнилось восприятием Сибири как места продолжения русской культуры и русского общества. В этом случае Сибирь могла описываться в рамках дискурса фронта чем то напоминая американские описания освоения Дикого Запада. Но при этом этот образ служил основой для дискуссий и размышлений для сопоставления с опытом развития не европейских колоний. В случае восприятия как азиатской колонии могла развиваться и тенденция «азиатизации» Сибири по отношению к Европейской России.

Можно предложить выделить три кластера значений для процесса развития воображаемой географии Сибири. Внутри этих кластеров разные методологические подходы переплетаются между собой. Первый кластер – кластер власти. В рамках этого кластера в XVIII в. – использование обозначений «Великая Тартария», которое пришло с Запада. Каталогизация и описание сибирских народов подобно ацтекам в

Мексике. Но без описания русских старожилов. Сравнения – «Наше Перу», «Наша Мексика» как часть дискурса имперской России М. Ломоносов (1747) – сравнение рек Нила и Лены с имперской точки зрения. Начало XIX в. – изменение образа – заснеженные пространства, тундра. Динамично развивающийся Санкт-Петербург и неразвитая Сибирь.

Отдельная тема – романтическая формула Сибири. Появление романтической формулы Сибири (1820–1830 гг.) Противопоставление нечеловеческих природных условий и величия героя, оказавшегося в таких условиях. Образ Сибири как места ссылки и каторги. Страхи со стороны власти сибирского сепаратизма. Традиция мрачного – и при этом высокохудожественного – изображения Сибири восходит к протопопу Аввакуму (до романтиков). Природа Сибири для Аввакума не только фон, на котором протекают его тяжелые испытания, но неотделимый элемент последних и их орудие. Описывает Аввакум голод и холод и ужасные страдания в Сибири: «Страна варварская, иноземцы немирные... Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится». И пеняет мужу, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?». А он отвечает: «Марковна, до самыя до смерти!». Знаменитый образ Сибири как «гиблого места». Образ Сибири как края дикости, безысходности и inferнального ужаса формировали виднейшие русские писатели и поэты. К. Ф. Рылеев создал запавший в народное сознание образ дикой страны, где царствует роковая неотвратимость («...Роковой его удел // Уже сидел с героем рядом», «Сила року уступила»). Стихотворно-песенные аллитерации Рылеева («Ермак», «ревела буря», «гром гремел», «бреге», «стране суровой и угрюмой») западали в подсознание и отозвались в последующих литературных творениях («Угрюм-река», «На диком бреге» и т. д.). Мощное продолжение в культуре. Образ Сибири как каторги. В Сибири же получила развитие самая печальная струя русского фольклора – тема глухомани, бесприютности, бродяжничества, сиротства и непоправимо несчастной личной судьбы и, вдобавок к этому, тема бегства, возвращения на родину, к родным и близким.

В советское время эта тема – в лагерном фольклоре и в так называемой лагерной литературе – получила дальнейшее развитие, но в более сниженном, лишенном подлинной поэтики, виде. Оппозиция власти и образы Сибири (второй кластер). Оппозиция власти – изменение образа. Очень интересным в этом плане для исследования представляется декабристское наследие. Подчеркивание отсутствия института рабства. Сравнение не с испанскими колониями, а с североамериканскими. Идея возможностей нового развития Востока. Образы Америки у декабристов. Важнее не сходство в развитии, а отношение к Европе как к Старому Свету и возможность нового типа развития. Сибирь как

молодая, демократичная, эгалитарная и возможный будущий резервуар развития России. В данном случае модно рассуждать о видении Сибири как обещания будущего. Третий кластер значений связан с интерпретацией завоевания Сибири как части русского национального самосознания и русского национализма. Новая историография XIX в. (Н. Полевой, А. Хомяков) и столь значимых исторических фигур как Ермак, Атласов, Хабаров. Сравнение Кортеса и Ермака. В журнале «Москвитинин» М. Погодин в этом контексте описывает сохранения в Сибири истинно русских обычаев и традиций в отличие от «оевропеившихся» русских Центральной России. Но интересно, что Сибирь в этом случае часто рассматривается как просто сцена для действий героев – Ермак с товарищами, казаки. В данном случае тоже присутствуют яркие образцы «воображаемой географии». В советское время – продолжение прежних тенденций. Сибирь рассматривается как кладовая ресурсов. Как потенциала для развития страны. Отдельно тема – сибирский Гулаг. Отдельно – идея сохранения русских корней и русской идентичности, которая проявляется в литературе сибирских «деревенщиков».

В формировании образа Сибири была тенденция, родоначальником которой был М. В. Ломоносов, отличная от описания ее как гиблого и заброшенного места. За ним следовали А. Н. Радищев, декабристы, Н. Г. Чернышевский, областники. Они говорили о том, что Сибирь суждено великое будущее, но для этого «понадобятся еще столетия». Эти надежды соседствовали с химерическими мечтами вроде плаванья в Русскую Америку через Ледовитый океан западным путем или вступления Сибири в непосредственную связь с Европой через льды этого океана.

А. Радищев писал: «Какая богатая страна эта Сибирь, какой мощный край! Понадобятся еще столетия, но когда со временем она будет заселена, то сыграет великую роль в анналах мира. Когда некая высшая сила, когда непреодолимый ход вещей покажет благотворное воздействие на закосневшие народы этих мест, тогда увидят еще как потомкам сподвижников Ермака откроется путь через слывшие непроходимыми льды Северного океана, тогда увидят, как, приведя Сибирь в непосредственные сношения с Европой, эти потомки выведут земледелие этой необъятной страны из состояния застоя, в котором она находится...». В период столыпинских реформ и переселений намечается новое отношение к Сибири, напоминающее по тональности первоначальный восторг Ломоносова. Так, в одном из циркуляров Министерства внутренних дел говорилось: «... Наступило время принять самые решительные меры со стороны правительства к скорейшему оживле-

нию богатейшего края империи». Тема освоения потенциала Сибири получила мощное развитие и в советский период. Покорять в высшей степени суровую природу можно было только коллективно. Коммунистическое созидание в Сибири, как и рытье платоновскими героями котлованов, было способом преодоления страха. Огни ГЭС и металлургических комбинатов среди дикой природы и в условиях политического бесправия создавали иллюзию защищенности. Воздействие отрицательного образа Сибири на народное сознание и литературную традицию было столь глубоким, что, несмотря на официальную идеологическую установку превратить Сибирь из места каторги и ссылки в цветущий край и поприще для социалистического строительства, такое отношение и эта традиция перешли в первоначальную советскую литературу. Таким образом, можно говорить о взаимодействии трех кластеров (власть, оппозиция, национальная идентичность) в процессе производства значений и смыслов в области «воображаемой географии» Сибири. Существует преемственность в этом взаимодействии, которая проявляется и в имперской России, и в советский период, и в постсоветской России.

SIBERIAN EXPERIENCE OF INTEGRATION INTO THE UNIFIED SPACE OF RUSSIA

© D. V. Kozlov, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. An important aspect of the inclusion of Siberia in the Russian space was the evolution of the images of Siberia. The study of this evolution can be based on different kinds of methodology. It is advisable to single out three clusters of meanings for the development of the “imaginary geography” of Siberia. Within these clusters, different methodological approaches are intertwined. The first is the power cluster. The second cluster is connected with the opposition to the authorities. The third cluster of meanings is associated with the interpretation of the conquest of Siberia as part of Russian national identity and Russian nationalism. We can talk about the interaction of three clusters (power, opposition, national identity) in the process of producing meanings by the “imaginary geography” of Siberia. There is continuity in this interaction, which manifested itself as in imperial Russia so as in the Soviet and the post-Soviet periods of time.

Keywords: Siberia, power, opposition to power, Russian nationalism, development of Siberia, images of Siberia.

Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений, исторический факультет, научный директор Межрегионального института общественных наук при Иркутском государственном университете, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mimoirk@hist.isu.ru

Kozlov Dmitry Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Faculty of History, Scientific Director of the Interregional Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mimoirk@hist.isu.ru

СТЕПНЫЕ ДУМЫ КАК ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ 1822 г. – НАЧАЛО XX ВЕКА²

© Л. В. Курас, 2023

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Рассматривается деятельность органов местного самоуправления сибирских народов, созданных в результате реформы М. М. Сперанского и действовавших на основе обычного права в пределах своего ведомства. Отмечено, что органы местного самоуправления решали административные, хозяйственные задачи, судебные дела первой инстанции, занимались развитием народного образования, здравоохранения, социальным призрением и благотворительностью, не противоречив российскому законодательству. Все это способствовало тому, что аборигенные народы безболезненно инкорпорировались в имперскую систему власти.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Устав об управлении инородцев, обычное право, родовое управление, инородная управа, Степная дума.

История местного самоуправления народов Сибири получила новое звучание, причем не только научное, но и социальное в связи с 30-летием принятия Конституции Российской Федерации, а также в связи с принятием и реализацией Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В этой связи опыт строительства и укрепления вертикали власти Российской империи представляет и научный, и практический интерес, имеет богатую современную историографию [1; 2] и в настоящем материале представляет систематизацию известных знаний.

История Степных дум занимает важное место в системе местного самоуправления сибирских народов в XIX – начале XX в., установленной по Уставу об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского. Следует подчеркнуть, что в процессе присоединения сибирских территорий на протяжении XVII–XVIII вв. к Российскому государству, империя активно использовала ранее существовавшие формы социальной самоорганизации сибирских народов, в основе которых лежали нормы обычного права и обычаи сибирских народов. Так, у бурят существовали Степные конторы и инородные управы как органы самоуправления, суланы, как высшая законодательная власть, тайши, зайсаны, шуленги,

² Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

совмещавшие в себе руководителей родов и административную должность [3].

Согласно Уставу 1822 г., «устанавливалось трехступенчатое управление сибирскими кочевыми народами: Степная дума, инородная управа, родовое управление. Степные думы как высшая ступень органов инородческого самоуправления, были образованы у бурят, хакасов, эвенков и якутов. У бурят было учреждено 12 Степных дум – Агинская, Аларская, Балаганская, Баргузинская, Верхоленская, Идинская, Кударинская, Кудинская, Ольхонская, Селенгинская, Тункинская, Хоринская; у хакасов – четыре думы: Кызыльская, Койбальская, Качинская, Аскызская; у эвенков – Урульгинская Степная дума и у якутов – Якутская Степная дума. Всего по Уставу 1822 г. было образовано 18 Степных дум в Сибири» [4, с. 207]. Процесс образования и развития органов местного управления был не одномоментный, а длился на протяжении нескольких десятилетий. У якутов Степная дума действовала всего 11 лет – с 1827 по 1838 г. [5]. У хакасов же особенностью системы местного самоуправления является то, что «трехступенчатая система была создана исходя не из исторического опыта, а по настоянию енисейского гражданского губернатора А. П. Степанова в нарушении «Устава об управлении инородцев» 1822 г. По его инициативе от минусинских и ачинских инородцев были собраны «приговоры, утвержденные рукоприкладством и печатями князьцов» с просьбой об учреждении у них Степных дум «по образцу забайкальских». На основе этих приговоров в Енисейском губернском совете вынесли соответствующее решение, утвержденное генерал-губернатором Восточной Сибири» [6, с. 29]. К 1872 г. в Минусинском округе Енисейской губернии население инородцев было представлено двумя ведомствами: Абаканской инородной управой и Сагайской Степной думой, которые были разделены на родовые управления. В Ачинском округе Енисейской губернии имелись два инородческих ведомства: Кызыльская Степная дума и Мелецкая отдельная инородная управа, население которых вели кочевую жизнь. В 1893 г. оставшиеся две Степные думы были упразднены, и установилась двухступенчатая система органов местного самоуправления: инородная управа – родовое управление.

Бурятские Степные думы оказались не только самыми многочисленными, но и функционировавшими в течение длительного периода, вплоть до проведения волостной реформы в начале XX в. Кроме Степных дум, также действовали самостоятельные инородные управы и родовые управления.

Новая система органов местного самоуправления была достаточно эффективной системой органов местного самоуправления, когда ино-

родческие общества самостоятельно, в пределах своего ведомства, при четком следовании общероссийским законам решали все административные, хозяйственные, судебные, кроме уголовных, вопросы, занимались развитием народного образования, здравоохранения, социальным призрением и благотворительностью [7].

Таким образом, в первой половине XIX в. происходит процесс формирования и развития органов местного самоуправления сибирских народов, учрежденных по Уставу об управлении инородцев 1822 г. Следует подчеркнуть, что при формировании системы инородческого самоуправления было допущено значительное отклонение от норм Устава 1822 г., выразившееся в учреждении Степных дум и должности тайшей у западной части бурят, которым принадлежала вся власть в своих ведомствах. До середины XIX в., наблюдается «расцвет» инородческого самоуправления, когда бурятские ведомства в пределах своих полномочий занимались вопросами местного значения, чему способствовали: во-первых, политика Российского государства, которое смотрело на Сибирь и сибирские народы как на источник налогового поступления в казну, во-вторых, старые «традиции» самоуправления бурят в виде Степных контор, сугланов, норм обычного права.

В связи с принятием крестьянской реформы 1861 г. и последующими реформами 1860–1870-х гг. появляются проекты реформирования инородческого самоуправления: ликвидация Степных дум и должности тайши, изменение системы налогообложения, привлечение инородцев к воинской службе. Но эти проекты не получили дальнейшего развития.

«В конце XIX – начале XX века наблюдается качественное изменение политики Российского государства в отношении сибирских народов. На смену политике регионализма с учетом национальных особенностей приходит политика, направленная на унификацию управления инородцами» [8, с. 633] по образу русских крестьян, а также унификацию их прав и обязанностей с крестьянскими. Правительство предпринимает попытки ликвидации инородческого управления в Сибири, что удается провести в Енисейской и Иркутской губерниях. Степные думы в Енисейской губернии были упразднены в 1892 г. и вместо них были образованы инородные управы, а в Иркутской губернии к 1890 г. были ликвидированы все семь Степных дум, вместо которых учреждались, по мнению царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы.

Литература

1. Очерки историографии Сибири эпохи империализма (XVIII – начало XX века) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, В. П. Шахеров, А. С. Маджаров, Т. А. Перцева. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 261 с.
2. Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX века) : учеб. пособие / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. А. Иванов, В. П. Шахеров. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 319 с.
3. Жалсанова Б. Ц. Инородные управы как органы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Улан-Удэ : ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 240 с.
4. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск : Изд-во ИГУ, 213. 503 с.
5. Борисов А. А. Деятельность Якутской Степной думы в контексте общероссийских тенденций в организации управления первой половины XIX в. // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления: материалы научно-практической конференции, (г. Якутск, 3 апреля 2007 г.). Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. Якутск, 2007. С. 10–16.
6. Мамышева Е. П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.). Абакан : Изд-во Хакасс. гос. ун-та, 2008. 124 с.
7. Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Вост.-Сиб. гос. технол. ун-т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2005. 230 с.
8. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.). Иркутск : Оттиск, 2020. 740 с.

STEEP DUMAS AS LOCAL SELF-ADMINISTRATION AUTHORITIES OF SIBERIAN NATIVE ETHNIC GROUPS. 1822 – THE BEGINNING OF XX CENTURY

©L. V. Kuras, 2023

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. This article reviews local self-administration authorities of Siberian native ethnic groups that were formed as a result of M. M. Speransky's reform and functioned based on common law and within the framework of their instrumentality. Without contradicting the Russian legal system, they solved administrative, economical problems, judicial cases of original jurisdiction, worked to develop national education, health service, social care and charity. All of this allowed for smooth incorporation of native ethnic groups into imperial government system.

Keywords: M. M. Speransky, Organizational charter of administration of members of national minorities, common law, patrimonial administration, national minority's government, Steep дума.

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Scientist, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru

ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕОГРАФИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: КАКИЕ ОКРАИНЫ ИМПЕРИИ СТАНОВИЛИСЬ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ И КАК ЭТО БЫЛО

© А. И. Миллер, 2023

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия

Аннотация. Обсуждается российский вариант адаптации к вызову национализма и рост воображаемой русской национальной территории за счет Сибири. Массовая миграция меняла демографический баланс в пользу русских и запустила ассимиляцию местных этносов. В Сибири возник проект «альтернативной» русской идентичности, вдохновленный опытом британских колоний – Австралии, Новой Зеландии. Указывается и на значение внешнеполитического фактора: защищающей удаленности Сибири от влияния крупных европейских держав на фоне угроз от Китая и Японии, что в сумме повышало лояльность властному центру своего государства.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, национализм, вызовы, идентичность, лояльность, воображаемая география, исторические нарративы.

Российская империя, как и другие империи в Европе XIX в., приспособлялась к новому идеологическому вызову национализма. Вызов национализма состоял не только в стремлении периферийных сообществ к политической автономии. Династиям предстояло национализироваться. А главное, империи должны были взаимодействовать с национализмом в ядре империи и сделать так, чтобы строительство имперской нации укрепляло имперское здание.

Важной частью строительства нации в ядре империи являлось воображение определенной части имперской территории как национальной, т. е. не только как имперской, но и как национальной собственности. Особенность российского случая в том, что территория империи продолжала расти в XIX в., а внутри этой расширяющейся территории империи росла и воображаемая русская национальная территория.

Эта воображаемая география опиралась на исторические нарративы («исконно русская земля», «земля, завоеванная кровью русского солдата»), топографическое «присвоение» территории (русские названия местностей, изменение природного ландшафта) и в первую очередь демографическое присвоение – за счет миграций, по преимуществу крестьянских.

Первым регионом массовых миграций, который изменил баланс населения в пользу русских, запустил процессы ассимиляции местных этнических групп и сделал уже во второй половине XIX в. регион ча-

стью воображаемой русской национальной территории, было Поволжье. Затем тот же механизм сработал в Новороссии, Кубани и Ставрополье, и Степном крае.

Более поздним, во многом связанным со строительством современной инфраструктуры, стало освоение и присвоение как национальной территории Сибири. Здесь проект русского имперского национального строительства не встречал сильного вызова со стороны «коренного» населения. Но в Сибири возник проект «альтернативной» русской идентичности, сравнимый с идентичностью «белых» колоний Британии, и во многом их опытом вдохновленный.

Важная часть успеха присвоения Сибири как русской национальной территории состояла в ее защищенности (прежде всего за счет географической удаленности) от влияния крупных внешних европейских игроков, в то время как «желтая опасность» способствовала укреплению лояльности имперскому центру.

THE IMAGINARY GEOGRAPHY OF NATION-BUILDING – WHICH OUTSKIRTS OF THE EMPIRE BECAME THE RUSSIAN NATIONAL TERRITORY, AND HOW IT WAS

© A. I. Miller, 2023

Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The Russian version of adaptation to the challenge of nationalism and the growth of an imaginary Russian national territory at the expense of Siberia are discussed. Mass migration changed the demographic balance in favor of the Russians and launched the assimilation of local ethnic groups. In Siberia, a project of an "alternative" Russian identity emerged, inspired by the experience of the British colonies – Australia, New Zealand. The importance of the foreign policy factor is also pointed out: protecting the remoteness of Siberia from the influence of large European powers against the backdrop of threats from China and Japan, which in total increased loyalty to the power center of the state.

Keywords: Russian Empire, Siberia, nationalism, challenges, identity, loyalty, imaginary geography, historical narrative.

Миллер Алексей Ильич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия, e-mail: millera2006@yandex.ru

Miller Alexey Ilyich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, Moscow, Russian Federation, e-mail: millera2006@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШТАБА ИРКУТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ПО УТОЧНЕНИЮ ТРУДОВЫХ ПРАВ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© В. В. Синиченко, 2023

Академия управления МВД России
Москва, Россия

Аннотация. Анализируется деятельность военных органов России по организации труда военнопленных времен Первой мировой войны на территории Восточной Сибири. Отмечается, что основанием для использования труда военнопленных были положения Гаагской конференции 1907 г., разрешавшие привлекать к труду только нижние чины, однако что к концу войны на хозяйственные работы привлекали и пленных унтер-офицеров. На примере переписки Военного министерства и Министерства земледелия России показывается, что российские власти долгое время не могли определиться с вопросами оплаты труда военнопленных. Указывается, что инфляция, ослабление покупательного курса рубля, вызвало в 1917 г. ряд новаций; штаб Иркутского военного округа стал проводить междоведомственные совещания и разрабатывать новые нормы денежного и вещевого довольствия трудообязанных военнопленных.

Ключевые слова: Российская империя, военнопленные, трудообязанные, Иркутское генерал-губернаторство, сельскохозяйственные работы.

Первая мировая война отличалась от предыдущих военных компаний, помимо технического оснащения воюющих армий и глобального распространения по всему земному шару театров боевых действий, также беспрецедентным числом попавших в плен военнослужащих. В годы Первой мировой войны более 1,5 миллиона человек прошли через лагеря для военнопленных и в Российской империи. Размещение и обеспечение такого огромного числа военнослужащих Германии, Австро-Венгрии и Османской империи стало серьезной проблемой для российского правительства.

Решая эти задачи российские власти посчитали целесообразным использовать труд военнопленных мужчин в различных отраслях национальной экономики. Анализ деятельности российских властей по использованию труда военнопленных ранее уже проводился в отдельных исторических и историко-правовых исследованиях (см.: [13–15; 17]).

Кроме того, тема труда военнопленных периода Первой мировой войны изучается российскими исследователями в общем комплексе вопросов, связанных с пленом (см.: [1; 6–12; 15]).

В данной статье автор постарается кратко осветить основные моменты правовых коллизий использования труда военнопленных Германии и Австро-Венгрии, находившихся в лагерях Российской империи в Восточной Сибири в обозначенный период.

На Гаагской конференции 1907 г. была принята Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, согласно ст. 6 военнопленных (за исключением офицеров) было разрешено привлекать к хозяйственным работам, но этот принудительный труд был все же положениями Конвенции обременен различными декларативными правами. Во-первых, труд военнопленных не должен был для них обременительным и тяжелым, во-вторых, принудительный труд обязан был соответствовать их гражданской специальности, в-третьих, эти трудовые повинности не должны были иметь никакого отношения к военным действиям, например, запрещалось использовать военнопленных на создании военной фортификации. В-четвертых, труд военнопленных не мог быть даровым. Военнопленные имели право на денежную компенсацию, после удержания администрацией лагерей для военнопленных сумм на их содержание [16, с. 24].

Таким образом, могли трудиться только нижние чины, попавшие в плен и труд их, должен был быть оплачен.

Однако, как показала практика, некоторые офицеры вражеских армий, не хотели празднично сидеть в плену, а просили предоставить им работу по их гражданским специальностям.

Так, 14 сентября 1917 г. начальнику Даурского гарнизона поступила просьба отвоеннопленных офицеров – прапорщиков австро-венгерской армии дать им работу на местном производстве. У Александра Шимона род гражданского занятия был – мыловар, а у Габриэля Варга – электротехник [3, л. 44].

Начальник штаба Иркутского гарнизона 29 декабря 1917 г. подписал запрос за № 37119 «по прошению военнопленного сербской национальности офицера Эмиля Алексича о предоставлении ему какой-либо работы, как знакомому с бухгалтерией на фабрике или на заводе». Председатель заводского совещания Сибирского района в ответ сообщил, что труд этого офицера может быть использован Судженскими каменноугольными копиями, и просил командировать Эмиля Алексича на станцию Судженка Томской железной дороги [2, л. 597].

Но если труд офицеров был добровольный, по инициативе пребывающего в российском плену, то для нижних чинов с 1 марта 1915 г. вводился такой термин как «трудообязанный». Однако относительного того военнопленных каких званий отнести к категории «нижних чинов» российская правовая система долгое время нормативного определения не вырабатывала [17, с. 139–140].

Лишь 13 марта 1917 г. Отдел эвакуационный и по заведыванию военнопленными Главного Управления Генерального Штаба информировал военные власти на местах, что по докладу Военному Министру

вопроса о привлечении военнопленных унтер-офицеров младших званий к обязательному труду, он решил, что обязательному назначению на работы не подлежат: подпрапорщики, вахмистры, фельдфебеля и вице-фельдфебеля и вольноопределяющиеся. Поэтому Отдел эвакуационный и по заведыванию военнопленными всех остальных унтер-офицеров (без портупей), относил к категории, «трудообязанных» или подлежащих обязательному, принудительному труду [5, л. 93].

Вторым, не регулируемым Конвенцией правом, стал вопрос о праве военнопленных на оплачиваемый отдых.

Так, 23 апреля 1915 г. в письме за № 16 производитель работ Иркутской поземельно-устроительной партии И. П. Токарев запрашивал свое начальство – Главное управление земледелия и землеустройства, – платить ли военнопленным деньги за то время, что они не выполняют трудовые функции – в нерабочие праздничные дни и дни, когда те получили заболевание [4, л. 12].

Топографу И. П. Токареву 24 июня 1915 г. было сообщено, что по согласованию со штабом Иркутского военного округа, решено, что праздничные дни могли быть включены в рабочие дни лишь в том случае, если в означенные дни военнопленные изъявили свое желание работать, в противном случае они не подлежали к включению в число оплачиваемых рабочих дней [4, л. 14].

Однако эта совместная инициатива провинциальных властей не нашла поддержки в Петрограде. 18 Февраля 1916 г. за № 15 Министерство Земледелия (наследник ГУЗиЗ) приказало начальникам местных его учреждений и организаций, пользующих труд военнопленных, соблюдать правило обязательного оплачиваемого воскресного отдыха.

Главное управление Генерального штаба, со своей стороны, сделало внушение Штабу Иркутского военного округа о необходимости сохранения для военнопленных оплачиваемого воскресного отдыха. Однако в нерабочие дни, включили дни непогоды, в которые не представлялось возможным производить полевые работы [5, л. 261].

Февральская революция 1917 г. застает военнопленных, трудившихся в Российской империи не только в сельскохозяйственном секторе экономики, но и в промышленности, на железнодорожном и водном транспорте [5, л. 262].

Инфляция и девальвация рубля в 1917 г. привела к тому, что Отдел эвакуационный и по заведыванию военнопленными Главного управления Генерального штаба 16 Июля 1917 г. № 12796 информировал канцелярию министерства земледелия, что военный министр А. Ф. Керенский приказал установить следующий алгоритм оплаты труда военнопленных. Из заработной платы военнопленных, сообразно

местным ценам, вычитались деньги на их пропитание и обмундирование. На руки пленным предлагалось выдавать от 20 до 50 коп. в зависимости от продуктивности их работы. Прочая же часть заработной платы, должна была передаваться в доход казны [5, л. 263].

Однако, как видно из решений от 12 сентября 1917 г. междоуведомственной Комиссии по распределению военнопленных на работы в Иркутском военном округе, организованной согласно приказу № 354-1917 г. при штабе Иркутского военного округа, установленный Александром Федоровичем Керенским порядок оплаты труда военнопленных породил огромное количество проблем [2, л. 597].

Так, при проведении в жизнь распоряжения военного министра на практике возникли вопросы:

1. Сколько из общей заработной платы должно было отчисляться в пользу работодателя за содержание военнопленных и сколько подлежало сдаче в казну?

2. Кто и каким порядком должен был контролировать правильность выдачи военнопленным части их заработной платы?

3. Распространялось ли это распоряжение военного министра также и на казенные учреждения и предприятия, имеющие на работах пленных?

Комиссия, решая эти вопросы постановила:

1. Оплата труда военнопленных устанавливалась по местным справочным ценам для данной категории работ, причем 50 % заработной платы распределялись так: от 20 до 50 копеек, в зависимости от продуктивности труда, выдалось на руки военнопленным, а остальная часть сдавалась в казну.

2. Сдача положенной части заработной платы военнопленных в казну осуществлялась через организации, учреждения и управления у которых находились пленные на работах. Так, за отпущенных на полевые работы, по постановлению губернских управ, надзор осуществлялся через продовольственные управы: губернские, уездные, волостные и сельские; за пленных, отпущенных на фабрики, заводы через фабричные и горные инспекции; за пленных отпущенных разным мастерским и отдельным лицам, работающим на оборону, через военно-промышленные комитеты, и за пленных, отпущенных разным лицам и мастерским, работающим исключительно для собственных интересов, через городских и уездных комиссаров.

3. Определение затрат на содержание военнопленных, было решено возложить на указанные в п. 2 организации, управления и учреждения, причем у последних должны были иметься средние местные справочные цены на денежную категорию работ. Было решено ознакомить

работодателей с этими правилами и взять с них подписки в обязательстве их выполнения при отпуске им военнопленных.

4. Производство контроля за правильностью передачи военнопленным наличных денег также было решено возложить на губернские учреждения, фабричные и горные инспекции, и иных уполномоченных лиц.

5. Установленный порядок оплаты труда военнопленных распространялся и на военнопленных, находящихся на казенных работах не военного ведомства. Относительно же военнопленных, выполняющих работы военного ведомства, оставили порядок, установленный приказом по военному министерству 1915 г. № 433. Согласно приказу военный подрядчик выдавал военнопленным деньги по отдельному согласованию с военным министром [5, л. 264].

Однако уже 1 декабря 1917 г. вышеприведенный порядок оплаты труда военнопленных новыми советскими властями был отменен и военнопленные отпускались для работ частным и общественным предприятием за полную плату. Означенная заработная плата, за вычетом из нее всех расходов по содержанию пленных, должна выдаваться военнопленным на руки [3, л. 28].

Итак, на протяжении Первой мировой войны российские власти в целом и военные учреждения в Восточной Сибири в частности, были заняты решением следующих вопросов: во-первых, уточнением понятия военнопленный унтер-офицер и его отнесения к категории «нижний чин». Дело в том, что для нижних чинов труд был обязательен, а для офицеров добровольный. Во-вторых, офицеры штаба Иркутского военного округа были вовлечены в процесс создания алгоритма оплаты труда военнопленного и юридического закрепления для него времени работы и времени отдыха (в том числе и оплачиваемого).

Литература

1. Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны : учеб. пособие к спецкурсу. М. : Ред.-издат. центр «Альфа» МГОПУ, 1999. 146 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-38, ОАФ Уголовно- розыскное бюро и Комиссары 2, 4, 6 районов (участков) Иркутской городской милиции, г. Иркутск. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАИО. Ф. 141. Заводское совещание военно-промышленных комитетов Сибирского района в городе Иркутске, г. Иркутск. Оп. 1. Д. 110.
4. ГАИО. Ф. 172. Иркутская поземельно-устроительная партия, г. Иркутск Оп. 1. Д. 193.
5. ГАИО. Ф. 173. Дорожно-строительный отдел Иркутского района землеустройства и переселения, г. Иркутск. Оп. 1. Д. 116.
6. Гергилёва А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Красноярск, 2006. 186 с.
7. Гордеев О. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.): историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные вопросы теории и истории государства и права : сб. ст. / отв. ред. С. А. Дробышевский. Красноярск : Универс, 2002. С. 30–62.
8. Иванов Ю А Военнопленные Первой мировой войны в российской провинции // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 100–103.

9. Журбина Н. Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Вестник ВГУ. 2008. № 22. С. 230–235.
10. Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск : Изд-во ГОУ ВПО «Хабар. гос. пед. ун-т», 2004. 177 с.
11. Кондратьев А. В. Щербинин П. П. Военнопленные и провинциальное общество в период Первой мировой войны // Вестник ТГУ. 2009. № 12. С. 354–357.
12. Клеванский А. Х. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М. : Наука, 1967. С. 21–65.
13. Кротт И. И. Использование труда военнопленных в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в годы первой мировой войны // Омский научный вестник. 2012. № 1. С. 24–28.
14. Липина С. А. Использование труда военнопленных как попытка частичного возмещения трудовых ресурсов в дореволюционный период Первой мировой войны (по материалам Вятской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13), ч. 1. С. 65–70.
15. Ниманов Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.
16. Приложение к IV гаагской конвенции 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны // Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных / сост. Г. П. Альбат. М., 1917. С. 23–32.
17. Синиченко В. В., Климов А. Ю. Роль МВД России в изменении правового статуса и организации труда военнопленных в годы Первой мировой войны // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4. С. 138–146.
18. Смирнов Ю. И., Скрипникова М. И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 1 (22). С. 135–139.

ACTIVITIES OF THE HEADQUARTERS OF THE IRKUTSK MILITARY DISTRICT TO CLARIFY THE LABOR RIGHTS OF PRISONERS OF WAR DURING THE FIRST WORLD WAR

© V. V. Sinichenko

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the activities of the Russian military authorities on the organization of labor of prisoners of war during the First World War in Eastern Siberia. It is noted that the basis for the use of prisoner of war was the provisions of the Hague Conference of 1907. Although the provisions of the convention allowed to work only the lower ranks, which from the beginning of the war included only privates, by the end of the war began to attract prisoners of war and captured non-commissioned officers. At the same time, the Russian authorities, as can be seen from the correspondence of the Ministry of War and the Ministry of Agriculture of Russia, for a long time could not decide on the issues of remuneration of prisoners of war. Inflation, the weakening of the purchasing exchange rate of the ruble, caused a number of innovations in this area in 1917. The headquarters of the Irkutsk Military District began to hold interdepartmental meetings and develop new norms for monetary and clothing allowances for prisoners of war liable for work.

Keywords: Russian Empire, prisoners of war, labor-obliged, Irkutsk Governor-General, agricultural work.

Синиченко Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования стратегических проблем управления НИЦ Академии управления МВД России, г. Москва, Россия, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru; ORCID: 0000-0001-9384-2175

Sinichenko Vladimir Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Research on Strategic Problems of Management, Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru; ORCID: 0000-0001-9384-2175

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В СОВЕТСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЛАНАХ 1939 Г.

© Чжункай Сунь, Лун Шен, 2023

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Обобщается исторический опыт советского экономического планирования в Восточной Сибири в 30-х гг. XX в. Сначала характеризуется развитие сельского хозяйства, затем формирование региональной индустрии. Приведены разнообразные показатели как достижения в физических объемах производства, так и финансовые цифры капиталовложений. Планы хозяйственного развития были в марте 1939 г. конкретизированы на 18-м съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Рассмотрено содержание докладов партийных руководителей регионов Восточной Сибири К. И. Качалина и И. В. Муругова.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, экономические планы, сельское хозяйство, промышленность, СССР, 18-й съезд коммунистической партии, К. И. Качалин, И. В. Муругов.

В современных условиях возрастает интерес к советскому экономическому опыту, к плановым практикам. В рамках небольших тезисов нет возможности осветить развитие хозяйственного комплекса Восточной Сибири в полном объеме, поэтому хотелось бы остановиться исключительно на обзоре планов промышленного и аграрного развития. За рамками нашего рассмотрения остаются и вопросы достоверности советской статистики, равно как и вопрос реалистичности замыслов на этапе их зарождения.

Поскольку на 1939 г. доля сельского населения региона существенно превосходила городское, то и рассмотрение планов мы начнем с аграрного сектора [1, с. 16]. По территориальному делению 1930–1936 гг. речь идет о Восточно-Сибирском крае (включавшем и Бурят-Монгольскую автономную советскую социалистическую республику), по последующему административному устройству об Иркутской и Читинской областях, а также об указанной республике.

В области сельского хозяйства в годы первой пятилетки на территории Восточно-Сибирского края создано 49 трестированных совхозов и 39 машинно-тракторных станций. Коллективизацией охвачено 49,3 % крестьянских хозяйств. Организовано 2320 колхозных товарных ферм. Удельный вес социалистического сектора достиг 71 % площади посева. На базе коллективизации посевная площадь увеличилась на 17 %. При наличии отмеченных достижений в первой пятилетке край еще имеет большие площади неосвоенных, но пригодных для распашки земель, а также огромные богатства пастбищ и сенокосных угодий, создающих исключительно благоприятные условия для укрепления и развития животноводства.

Во втором пятилетии проектируется расширение посевных площадей и повышение урожайности для удовлетворения растущих внутрикраевых потребностей, а также снабжения северных районов края и прилегающих восточных районов. Дальнейшее развитие сельского хозяйства обуславливается завершением его социалистической реконструкции. Колхозы будут охвачены мощной сетью машинно-тракторных станций. Мощность тракторного парка к концу второго пятилетия достигает 125 тыс. л. с. против 45 тыс. л. с. в 1932 г.

В полеводстве намечается значительное повышение удельного веса посевов пшеницы и огородно-бахчевых культур. Большое внимание во втором пятилетии будет уделено агромероприятиям, обеспечивающим повышение урожайности: введение севооборотов, расширение зяблевой вспашки, сортовых посевов, внесение удобрений и т. д.

Восточно-Сибирский край представляет крупный животноводческий район Союза, поэтому рост и укрепление животноводства в районах края и Бурят-Монгольской АССР является важнейшим звеном в плане развития сельского хозяйства. К концу второго пятилетия край будет иметь 860 тыс. лошадей, 1830 тыс. голов крупного рогатого скота, 2196 тыс. овец и 1451 тыс. свиней. Планом предусматривается общий рост поголовья крупного рогатого скота на 40,3 % при росте его в совхозах на 81,8 % и в колхозно-товарных фермах – на 47,6 %.

Поголовье овец в совхозах увеличится на 66,7 % и в колхозно-товарных фермах – на 361,7 %, при общем росте поголовья на 56 %. Большими темпами будет расти свиноводство.

Во втором пятилетии будут развернуты мероприятия, обеспечивающие повышение качественных показателей животноводства по линии массовой метизации, а также улучшения условий содержания и кормления скота [2, с. 174–179].

Весьма высоки советские оценки собственных достижений в развитии промышленности: «В первой пятилетке Восточносибирский край с его огромными сырьевыми и энергетическими ресурсами вступил на путь развернутой индустриализации своего хозяйства. За этот период проведена коренная реконструкция золотой промышленности. Быстрыми темпами шло развитие каменноугольной промышленности, давшей рост продукции с 0,88 млн т в 1928 г. до 2,2 млн т в 1932 г.; слюдяная промышленность края была реорганизована и стала основным поставщиком слюды для нужд советской электропромышленности. Положено начало освоения новых отраслей горнодобывающей промышленности (вольфрам, олово, плавиковый шпат и другие). Построен ряд новых лесопильных заводов в старых районах и работающих на экспорт лесокOMBинат в составе 3 лесопильных заводов на

Игарке. Для обслуживания нужд золотой промышленности построен механический завод в Иркутске и приступлено к строительству машиностроительного завода в Красноярске. Начато строительство крупнейшего паровозо-вагоноремонтного завода в Верхнеудинске, подготовлено строительство Петровско-Забайкальского металлургического завода. Реконструирована легкая и пищевая промышленность. Построены и введены в эксплуатацию Читинская и Канская городские электростанции, Черемховская станция и ряд фабрично-заводских установок на предприятиях золотой и лесной промышленности. В первой пятилетке приступлено к изучению гидроресурсов Ангары и Енисея и поставлена проблема их использования. Проведены большие работы по линии изучения природных ресурсов, вскрывшие громадные запасы железных руд, полиметаллов, редких металлов и ряда других полезных ископаемых» [2, с. 174].

Общий объем капиталовложений по краю во втором пятилетии должен был составить 2 328 млн руб. (без золотой промышленности, Главного управления Северного морского пути и КомзагСНК – Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при Совете народных комиссаров). Капиталовложения по промышленности намечались в 1 115 млн руб., из которых в тяжелую промышленность – 623 млн руб., легкую – 138 млн руб., лесную – 284 млн руб., пищевую – 70 млн руб.

Таким образом индустриальное строительство в крае во втором пятилетии планировалось в основном по линии ускоренного развития отраслей тяжелой и лесной промышленности. Наряду с этим большое развитие получит легкая и пищевая промышленность в соответствии с растущими запросами самого Восточно-Сибирского края. Большое значение приобретает местная промышленность, которая должна дать населению товары повседневного спроса (в терминах того времени «фонды ширпотреба»).

Во втором пятилетии «одной из основных отраслей» промышленности края провозглашалась каменноугольная промышленность, в которую вкладывалось 130,9 млн руб., или 21 % капиталовложений в тяжелую промышленность. К концу второго пятилетия добыча угля должна была вырасти с 2,2 до 4,5 млн т. Наряду с дальнейшим ростом добычи угля в Черемховском бассейне и на действующих каменноугольных копях Забайкалья во втором пятилетии будет начата разработка новых месторождений (Тарбагатайское, Гусинозерское и др.). Планом намечался и значительный рост машиностроения со специализацией для обслуживания нужд золотой промышленности и транспорта.

В обеспечении промышленности квалифицированными инженерными кадрами огромная роль принадлежала образовательным учреждениям высшего образования, в том числе и Иркутскому горному институту [3], в дальнейшем превратившемуся в Иркутский национальный исследовательский технический университет.

Планы хозяйственного развития Восточной Сибири были уточнены и конкретизированы на 18-м съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), проходившем в Москве 10–21 марта 1939 г. С развернутыми обзорами достижений и планов на съезде выступили первые секретари областных комитетов партии: Иркутского Кирилл Иванович Качалин (выступал 17 марта) и Читинского – Иван Васильевич Муругов (19 марта). Муругов впоследствии 8 июля 1941 г. был расстрелян.

Что же планировалось весной 1939 г. сделать в ближайшее время?

В Иркутской области: ликвидировать отставание лесной промышленности, быстрее развивать местную промышленность, рыбную ловлю на озере Байкал, повысить урожайность социалистических полей, наладить речной транспорт и использовать все богатства. Предлагалось наладить производства жидкого топлива из черемховских углей – построить соответствующий завод. Сочетание изученных богатых залежей железной руды и угля могло стать хорошей базой для металлургического завода, который сможет обеспечить металлом Восточную Сибирь. На момент доклада нехватка металла задерживало капитальное строительство [4, с. 489–490].

В Читинской области: в развитии животноводства, по оценке Муругова, имелись большие возможности (богатейшие пастбища и сенокосы), чем в сфере зернового хозяйства. Необходимо значительно повысить продуктивность животноводства и обеспечить сплошную метизацию скота в ближайшие годы. По добыче золота область занимает второе место (в СССР), но эта добыча может быть удвоена. Запасы олова составляют 65 % всех союзных запасов. Имеются также большие запасы молибдена, вольфрама, мышьяка, плавикового шпата. Все разведанные запасы редчайшего металла – лития сосредоточены в Читинской области. Недавно обнаружены огромные залежи высококачественного белого мрамора [4, с. 616–617].

В течение 1930-х гг. был сделан важный шаг и в подготовке сооружения будущей Байкало-Амурской магистрали (БАМа). Именно тогда определились начальный и конечный пункты трассы – Тайшет и Советская Гавань, и началось строительство силами заключенных железнодорожных подходов к будущему БАМу: в Приамурье от Транссиба (станция Бам) до Тынды, от Известковой до Ургала, от Волочаевки до Комсомольска-на-Амуре, а в Приангарье от Тайшета до Усть-

Кута. Однако вскоре строительство было приостановлено, поскольку в условиях Великой Отечественной войны возникли другие приоритеты.

Таким образом, в течение 1930-х гг. в Советском Союзе были приняты важные решения как в области планирования хозяйственного развития Восточной Сибири, так и в сфере успешной реализации этих государственных замыслов.

Литература

1. Развитие отраслей народного хозяйства Иркутской области : стат. сб. Иркутск, 1957. 199 с.
2. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.) Т. 2. План развития районов. М. : Изд-во Госплана СССР. 582 с.
3. Карасев С. В., Сальникова Е. С. Инженерные достижения – для Отечества. Горный институт у истоков Восточно-Сибирской индустрии 1930-х гг. : монография. Иркутск : Изд-во ИРНТУ, 2021. 156 с.
4. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1939. 742 с.

EASTERN SIBERIA IN THE SOVIET ECONOMIC PLANS OF 1939

© Zhongkai Sun, Lun Shen, 2023

Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Abstract. The historical experience of Soviet economic planning in Eastern Siberia in the 30s of the XX century is considered. First, the development of agriculture is characterized, then the formation of a regional industry. Various indicators are given, both achievements in physical volumes of production and financial figures of capital investments. Economic development plans were concretized in March 1939 at the 18th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). The content of the reports of the party leaders of the regions of Eastern Siberia K. I. Kachalin and I. V. Murugov is considered.

Keywords: Eastern Siberia, economic plans, agriculture, industry, USSR, 18th Congress of the Communist Party, K. I. Kachalin, I. V. Murugov.

Сунь Чжункай – гражданин Китайской Народной Республики, аспирант 3-го года обучения кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий, Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Sundjunkai@yandex.ru

Шен Лун – гражданин Китайской Народной Республики, магистрант кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий, Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: schen.lun@yandex.ru

Sun Zhongkai – Citizen of the People's Republic of China, Postgraduate Student of the Department of Economics and Digital Business Technologies, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Sundjunkai@yandex.ru

Shen Lun – Citizen of the People's Republic of China, Master's Student of the Department of Economics and Digital Business Technologies, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: schen.lun@yandex.ru

«ПОСЛЕВОЕННЫЕ РЕАЛИИ»: РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 1945–1953-х гг.

© Линьчун Сюй, Хэнань Ван, 2023

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрено развитие народного хозяйства Восточной Сибири после Второй мировой войны. Охарактеризован боевой и трудовой вклад региона и его жителей в победу СССР. Показаны послевоенные социально-экономические особенности, в том числе роль значительно расширенной сети исправительно-трудовых лагерей и колоний. Отмечено, что первоочередной целью СССР было крупномасштабное строительство новых отраслей промышленности и новых городов, а применительно к Иркутской области – сооружение Иркутской гидроэлектростанции, комбината жидкого топлива и г. Ангарска.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Великая Отечественная война, население, экономика, строительство, города, гидроэлектростанции, промышленность, СССР.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. колхозы Восточной Сибири добросовестно снабжали армию и города продовольствием. Колхозники стойко преодолевали многочисленные трудности военных лет: нехватку техники, запасных частей и горючего, вынужденное нарушение агротехники и т. п. В течении всей войны срывались планы тракторных работ, пришлось расширять тягловое использование лошадей, а порой и коров. Мобилизация в армию, в промышленность в школы и училища трудовых резервов сократила на 20 % численность сельского населения, причем в его наиболее трудоспособной части. Женщин и подростков пришлось обучать работе на тракторах и других машинах. Руководящие кадры находились под постоянной угрозой суда за невыполнения заданий по хлебосдаче, по поставкам. Расцвели пышным цветом администрирование и грубые начальственные окрики. Крестьянские семьи пообносились, постройки обветшали. Несмотря на материально-бытовые сложности, жители пригородных сел предоставили приют семьям эвакуированных из западных районов СССР. Каждый колхоз выделял помощь районам, освобожденным от немецкой оккупации.

Восточная Сибирь имела большое значение в поставках древесины. Например, по долине Китоя заготовку леса (преимущественно зимой) вели Широкопадский и Моргудейский механизированные лесопункты с привлечением колхозников с лошадьми в рамках гужевой повинности, затем весной проводился силами Китойской сплавной конторы молевой сплав заготовленных бревен по Китую с последую-

щей погрузкой на станции Китой. Китойский лесозавод занимался лесопилением. Работу объединял Восточно-Сибирский государственный лесозаготовительный трест («Востсиблес») с конторой в Иркутске.

В перевозочной работе Восточно-Сибирской железной дороги (управление в Иркутске) за время Великой Отечественной войны существенно выросло значение транзита, усилились транспортные связи с районами СССР к западу от Иркутской области. Основные грузы в погрузке: каменный уголь, лесные, минерально-строительные материалы. Большая часть каменного угля и лесных грузов вывозилась за пределы дороги.

Высочайшее стратегическое значение имела переброска по Транссибу части дивизий Забайкальского и Дальневосточного фронтов в 1941–1943 гг. в западную часть СССР, равно как и масштабная передислокация советских войск на восток накануне советско-японской войны 1945 г. Сибирские, забайкальские и дальневосточные дивизии покрыли себя неувядаемой славой.

А. Т. Твардовский в поэме «За далью даль» так поэтически обобщил роль Сибири: «Могучий край всемирной славы, что грозно щедростью стяжал, завод и житница державы, ее рудник и арсенал. Край, где несметный клад заложен, под слоем – слой мощней в двойне. Иной еще не потревожен, как донный лед на глубине. Родимый край лихих сибирских трем войнам памятных полков». Таков баланс боевых и трудовых усилий сибиряков и Сибири к концу 1945 г.

Обзорно обозначив эти «исходные» данные, перейдем к послевоенному социально-экономическому развитию Сибири, его временным и территориальным особенностям. Олицетворением советских достижений считались именно крупные стройки – заводы, гидроэлектростанции, города. Недаром главной целью было избрано и четко провозглашено строительство – строительство коммунизма, строительство человека нового типа и новой общественной культуры, строительство новых отраслей промышленности, строительство новых городов. Советский Союз форсировано из аграрной державы превратился в аграрно-индустриальную, а затем и индустриальную. Резко и управляемо меняли облик старые города, а новые там создавались там, где ранее их не было. «Новый» или «молодой» город являлся многогранным феноменом истории СССР 1930–1980-хх гг.

Ангарск – и самобытная, и типичная звезда в хронологически последовательном созвездии Комсомольска-на-Амуре, Норильска, Магадана, Северска, Железногорска, Братска, Шелехова, Байкальска, Усть-Илимска, Лесосибирска, Нерюнгри, Тынды, Саянска и многих других.

Хозяйственное освоение территории велось на основе согласования промышленного развития с природными, географическими и экономическими характеристиками – через создание территориально-производственных комплексов. Такое строительство предполагало и создание предприятий, и организацию социальной сферы, и демографические изменения, включая внутрирегиональные и межрегиональные переселения и т. д. Промышленность и энергетика Иркутской области в послевоенный период динамично развивались, получая в приоритетном порядке капитальные вложения и управленческое внимание Москвы. Достаточно отметить, что за последние 100 лет население в границах Иркутской области увеличилось примерно в 4 раза, тогда как в пределах Российской Федерации только в 1,5.

Для обеспечения же практически всего нового промышленного и городского строительства в Иркутской области с 1945 г. была расширена сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний. Летом 1945 г. комиссией под руководством Н. И. Ярополова выбрала площадку для строительства комбината искусственного жидкого топлива, чье оборудование демонтировалось в Германии в рамках репараций. Был запланирован рабочий поселок (впоследствии превратившийся в г. Ангарск) на 30 тыс. чел. 15 октября 1945 г. прибыли первые 13 строителей, соорудившие первые землянки на улице, неофициально названной ими Октябрьской.

В августе 1947 г. по инициативе Академии наук СССР, Иркутского областного комитета коммунистической партии и областного исполнительного комитета Советов в Иркутске состоялась Конференция по изучению производительных сил Иркутской области. Проведение мероприятия возглавлял вице-президент АН СССР академик И. П. Бардин. Конференция подтвердила стратегию индустриального освоения Иркутской области, определив ее наиболее перспективным и первоочередным районом гидроэнергетического строительства Восточной Сибири. Здесь предполагалось разместить крупные производства цветной и черной металлургии, химической и горнодобывающей промышленности. На конференции было заслушано 150 докладов по направлениям экономического развития. Среди докладчиков известнейшие ученые – И. П. Бардин, С. Г. Струмилин, В. Н. Образцов, А. В. Винтер, В. С. Немчинов, Л. Д. Шивяков. Все они обосновывали целесообразность создания в Приангарье мощного энергопромышленного района на базе гидроэнергии Ангары, черемховских углей, ангаро-илимских железных руд, солей и известняков, богатейших лесных ресурсов. В материалах конференции отмечалось, что новый энергопромышленный район Приангарья должен стать ядром будущей крупной угольно-

металлургической и химической базы Восточной Сибири и СССР в целом. Были намечены реальные шаги по использованию энергетического потенциала Ангары, предусмотрено проведение изысканий для подготовки проектирования гидроузла в районе Иркутска.

До середины 1950-х гг. основные объемы работ по возведению промышленных и жилых объектов в районе Ангарска выполняли заключенные КИТОЙЛАГа (строительное управление № 16 Исправительно-трудовых лагерей МВД во главе с генерал-лейтенантом С. Н. Бурдаковым). Они сооружали комбинаты № 16 и № 820, прокладывали шоссейные дороги и подъездные железнодорожные пути, обслуживали Ангарский завод железобетонных изделий, Майский бетонный комбинат, два алебастровых и три кирпичных завода, занимались жилым и коммунальным строительством, строили хлебозавод, холодильник, швейную и мебельную фабрики, военные объекты, трудились в совхозе «Усольский» и на лесозаготовках.

30 мая 1951 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР рабочий поселок Ангарский был преобразован в город Ангарск областного подчинения. За 1951 г. введено в строй 158 тыс. кв. м жилья, а также здания техникума, 9 детских садов, 3 клуба, 6 медицинских учреждений, 6 бань и т. д.

Помимо «новых» городов символом развития экономики СССР 2-й половины XX в. стали рукотворные сибирские моря – искусственные водохранилища при крупных гидроэлектростанциях. Гидроэлектростанции обеспечили дешевой электроэнергией энергоемкие производства, но потребовали затопления больших площадей сельскохозяйственных земель. Первыми в Сибири строились гидроэлектростанции выше Новосибирска и Иркутска. Сооружение обоих началось в 1950 г. В экономике Сибири в 1950-х гг. возобладало индустриальное направление, а промышленность превратилась в основу хозяйственного развития.

"POST-WAR REALITIES": THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF EASTERN SIBERIA 1945–1953

© Lingchong Xu, Henan Wang, 2023

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The development of the national economy of Eastern Siberia after the Second World War is considered. The combat and labor contribution of the region and its inhabitants to the victory of the USSR is characterized. The post-war socio-economic features are shown, including the role of a significantly expanded network of correctional labor camps and colonies. The primary goal of the USSR was the large-scale construction of new industries and new cities, and in relation to the Irkutsk region – the construction of the Irkutsk hydroelectric power plant, a liquid fuel plant and the city of Angarsk.

Keywords: Eastern Siberia, the Great Patriotic War, population, economy, construction, cities, hydroelectric power plants, industry, USSR.

Сюй Линьчун – гражданин Китайской Народной Республики, аспирант 3-го года обучения кафедры экономики и цифровых бизнес-технологии, Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: linchunsyui@yandex.ru

Ван Хэнань – гражданин Китайской Народной Республики, аспирант 3-го года обучения кафедры экономики и цифровых бизнес-технологии, Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: van.henan@yandex.ru

Xu Lingchong – Citizen of the People's Republic of China, Postgraduate Student of the Department of Economics and Digital Business Technologies, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: linchunsyui@yandex.ru

Wang Henan – Citizen of the People's Republic of China, Postgraduate Student of the Department of Economics and Digital Business Technologies, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: van.henan@yandex.ru

СЕКЦИЯ

**«ОТ БАЙКАЛА ДО АМУРА...»:
ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В РЕАЛИЗАЦИИ
ОБЩЕРОССИЙСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЕКТОВ XVII–XXI вв.**

УДК 94(470.6)

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЙСК
ПО ОХРАНЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

© А. В. Ануфриев, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Исследование основано на архивных материалах и посвящено становлению и развитию войск НКВД по охране железных дорог в Восточной Сибири. Особое внимание уделяется частям НКВД, принявшим участие в Великой Отечественной войне, сформированным в Восточной Сибири. Подробно рассматривается изменение структуры, численность и дислокация частей и соединений НКВД в Восточной Сибири; их служебная деятельность и вклад в великую Победу. В заключение показывается, как применялся опыт войск по охране железных дорог на востоке страны в 70–80-х гг.

Ключевые слова: БАМ, Великая Отечественная война, войска НКВД, железная дорога, охрана.

В советский период охрана железных дорог осуществлялось последовательно военизированной охраной, а затем специально созданными частями ОГПУ (НКВД).

В апреле 1939 г. на основании приказа Главного Управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений № 11/сс от 10 апреля 1939 г. во исполнения приказа НКВД СССР № 00206 от 8 марта 1939 г. «О реорганизации Управления пограничных и внутренних войск НКВД Союза ССР», Постановления СНК СССР № 154-16сс от 2 февраля 1939 г. «О реорганизации управления пограничными и внутренними войсками» в Восточной Сибири была вновь сформирована на базе бригады 8-я стрелковая дивизия войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений. Кроме этого, в г. Красноярске по линии железных дорог охрану нес 111 полк 27 бригады войск НКВД по охране железных дорог, численностью 1365 чел.

На самом востоке Забайкалья (на ст. Могоча) дислоцировался созданный 20.04.1942 60 полк НКВД по охране железных дорог, входивший в состав войск, охранявших Амурскую железную дорогу. Полк был укомплектован за счет других частей Хабаровской дивизии и имел в своем составе 1981 военнотруженика.

На соединении войск по охране железных дорог выпала сложнейшая задача – они должны были обеспечить бесперебойную работу железных дорог Прибайкалья и Забайкалья.

Массированная переброска войск с Дальнего Востока на Запад началась еще до начала войны. Так, согласно Директиве Генерального Штаба 25.05.1941 16-й армии (Забайкалье) уже 26-го мая начала грузиться в эшелоны. Под Смоленск уже в начале июля была переброшена из Иркутска 46 стрелковая дивизия.

В тяжелейшем для Москвы и для всей страны октябре 1941 г. сибирские железнодорожники получили задание Государственного комитета обороны (ГКО) как можно быстрее перебросить под Москву часть войск из Дальневосточного и Забайкальского военных округов.

Для обеспечения безопасности КБЖД в августе 1941 г. на основании приказа НКВД СССР № 001092 от 15 августа 1941 г. «О формировании в составе 8 дивизии войск НКВД горнострелкового полка» во исполнение Постановления ГКО СССР № 443 – сс от 9 августа 1941 г. «Об усилении охраны тоннельного участка Восточно-Сибирской железной дороги» был сформирован 86-й горнострелковый полк внутренних войск НКВД СССР. Управление полка было размещено ж. д. ст. Маритуй (КБЖД) Иркутской области.

Костяк полка формировался из воинов – срочников дивизии. Главным «донором» для горнострелков стали 67 и 68 полки. Полк формировался с 15 по 31.08.1941. К 01.09.1941 формирование закончено и полк вышел на боевое дежурство. Полк осуществлял охрану объектов КБЖД «по принципу пограничных войск, руководствуясь уставом службы войск и отдельными моими (командира дивизии. – *Прим. авт.*) указаниями» [3, л. 13].

Доформирование полка продолжалось и позднее – так в 1944 г. из Читинского полка в Маритуй было передано 100 военнотружеников (50 рядовых и 50 ефрейторов) [5, л. 12].

В 1945 г. на базе 86 горнострелкового полка была развернута единственная в войсках НКВД 33-я горнострелковая бригада.

33-я горно-стрелковая бригада по охране железных дорог была сформирована на ст. Иркутск-2 ВСЖД 10.04.1945 по штатам управления бригады № 260. Формирование бригады было возложено на командира 29-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог генерал – майора Юманова.

Штатная численность бригады составила: 365 офицеров, 735 сержантов и 2482 рядовых. Бригада была сформирована в составе: управления бригады, комендантского взвода, взвода ПВО, авторемонтных мастерских, узла связи, бригадной школы сержантского состава и пяти отдельных горно – стрелковых батальонов (25, 26, 27, 28, 29). Управление бригады и школа сержантского состава были размещены на ст. Слюдянка. Батальоны заняли всю линию КБЖД (25-й батальон – ст. Байкал, 26 – Шарыжалгай, 27 – ст. Маритуй, 28 – ст. Утулик, 29 – ст. Мысовая). Всего бригада приняла под охрану 418 км. Железной дороги от ст. Байкал до разъезда Мостовой. В состав батальона входили стрелковые роты, пулеметная и минометная роты, саперный взвод и взвод связи, взвод конной разведки.

Первый военный год был очень сложен для дивизии. Командир в своем приказе № 009СС от 12.11.1941 «Об итогах боевой, политической подготовки и службы 1941 г. и задачах на 1942 г.», подвел общие итоги года.

«В течении года части дивизии успешно справились с выполнением оперативно – служебных заданий... и обеспечили сохранность охраняемых ими железнодорожных сооружений... Личный состав дивизии сплочен вокруг партии Ленина – Сталина и Советского правительства и во всей своей массе готов выполнить любое задание партии и Советского правительства».

Отмечалось, что по итогам года воины дивизии задержали 33 бежавших из мест заключения, 308 нарушителей охранного режима, 18 бандитов и уголовников, предотвращено 45 крушений поездов, ликвидировано и предотвращено 21 пожар, обнаружено 27 обвалов.

Однако далее бравурный тон уходит и начинается реальная жизнь – «в летний период в части влилось 45–50 % личного состава, призванного из запаса. Значительная часть ... не проходила вовсе подготовку или проходила в других частях». Отмечалось, что «живучим оказались старые порочные методы руководства. Не изжиты нечеткость, опоздания и невыполнение распоряжений в срок (особенно в 67-м полку)».

Наряду с положительными моментами, отличался и негатив – за год зафиксирована гибель 18 бойцов (6 погибших военнослужащих в железнодорожных авариях, один человек погиб от неосторожного отношения с оружием, 7 стали самострелами, 2 – утонули, 2 – погибли от угарного газа).

Общая оценка по итогам проверки оперативно – служебной деятельности – «посредственно».

Отмечаются и недостатки в политической подготовке военнослужащих: «В связи с Отечественной войной, части дивизии получили большое пополнение из запаса, в числе которых много неграмотных и

малограмотных красноармейцев». Значительное количество бойцов плохо знали политическую карту мира и карту СССР. «Красноармейцы не знают назначение и задачи войск и органов НКВД..., плохо знают руководителей партии и советского государства». Общая оценка дивизии по политической подготовке за учебный период «посредственно».

Однако самыми проблемными стала физическая и огневая подготовка, по которым дивизия получила оценки «плохо».

Отмечалась слабая подготовка личного состава по технике рукопашного боя, «наиболее слабым участком в огневой подготовке остается подготовка ручных пулеметчиков и в совершенном застое подготовка снайперов. Плохо подготовлены истребительные группы, вооруженные ППД».

Общая оценка дивизии, по совокупности составила «плохо» [2, л. 15–33].

Полки НКВД в 1942–1943 гг. стали «донорами» действующей армии. В приграничных сражениях растаяли регулярные подразделения РККА. Резервисты по своим характеристикам не могли заменить кадровые части и тогда на фронт стали отправлять целые части и подразделения, сформированные на базе сохранившихся кадровых частей НКВД.

На базе дивизии был развернут 272 стрелковый полк НКВД, прославившийся при обороне Сталинграда [1].

В ноябре 1942 г. согласно приказа НКВД СССР № 002353 от 26.10.1942 во исполнении Постановления ГКО СССР № 2411 сс от 14.10.1942 «О формировании армии войск НКВД» началось формирование отдельной армии НКВД. В ее состав были включены как воевавшие части (например, 10 Сталинградская стрелковая дивизия НКВД), так и вновь формируемые дивизии из числа воинов – пограничников и иных частей и соединений ВВ НКВД.

На базе пограничников Забайкалья была развернута Забайкальская стрелковая дивизия войск НКВД СССР. А подразделения воинов – чекистов по охране железных дорог отправили на фронт Сибирскую стрелковую дивизию НКВД...

Чекисты Восточной Сибири активно помогали народному хозяйству, принимая участие в уборке урожая, так в 1942 г. 68-го полка по охране железных дорог отработал в колхозах Забайкалья 3328 чел. – дней (всего в помощи селянам было задействовано 961 боец), в субботниках приняли участие 841 чел.

По инициативе чекистов в 1943 г. в действующую армию была передана танковая колонна «Дальневосточный чекист». Танки были построены на средства, собранные пограничниками и бойцами внутренних войск: так 68 полк собрал на строительство «своего» танка

97 351 руб. [5, л. 50–52]. Воины 33 горно-стрелковой бригады подписались на 4-й Государственный военный заем на сумму 744 200 руб.

В период советско-японской войны (9 августа – 3 сентября 1945 г.) 29-я дивизия по охране железных дорог и горнострелковая бригада в полном составе включена в состав действующей Красной армии в соответствии с приказом НКВД СССР/НКГБ СССР № 001376/00459 от 17 ноября 1945 г.

5 мая 1945 г. на основании приказа НКВД СССР № 00455 от 5 мая 1945 г. в служебно-боевом отношении перешла в подчинение 29-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР по охране железной дороги.

Не обошли наградами чекистов, охранявших в далеком тылу особо важные объекты. Конечно, статус наград был на порядок ниже. Так, чекисты 68-го полка НКВД по охране железных дорог получили 328 медалей «За победу над Германией» и 650 медалей «За победу над Японией» [5, л. 50–52].

Особенно много награжденных было в 33-й горно-стрелковой бригаде: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 09.05.1945 медалью за победу над Германией награждено 338 офицеров, 698 сержантов и 809 рядовых бригады. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.09.1945 медалью «За победу над Японией» награждено 338 офицеров, 698 сержантов и 2327 рядовых бригады [4, л. 9].

Воины, охранявшие Трансиб, не допустили ни одной диверсии и крупной аварии на линии, обеспечив бесперебойную работу железной дороги. Десятки задержанных дезертиров, бандитов и беглецов из ИТЛ на их счету. Воины 29 дивизии по охране железных дорог обеспечили бесперебойную эвакуацию десятков предприятий на восток в 1941–1942 гг. и дали «зеленый свет» десяткам частей и соединений, шедших на фронт с востока страны. А в 1945 г., войдя в состав действующей армии, обеспечили скрытную переброску наших войск на восток.

После победоносного окончания войны с Японией части НКВД Восточной Сибири подверглись резкому сокращению, прежде всего это коснулось войск по охране железных дорог. В октябре 1945 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 001130 от 4 октября 1945 г. и Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР № 2417-643 от 21 сентября 1945 г. «О сокращении численности войск НКВД» была расформирована горно – стрелковая бригада.

В период с 3 по 30.10.1945 бригада передала в 29-ю дивизию часть личного состава: 11 офицеров, 192 сержанта, 919 рядовых, в состав 27-й дивизии НКВД по охране железных дорог: 6 офицеров, 107 сержантов и 271 рядовых; часть личного состава ушла в бригады подобного профиля – 27-ю, 30-ю и 32-ю.

Знамена бригады и батальонов и грамоты к ним фельдъегерской связью отправлены в Москву в центральный аппарат НКВД.

Одновременно был расформирован и развернутый в 1941 г. в Иркутске 193-й стрелковый полк войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности.

Чуть позднее, 05.02.1947, в соответствии приказом МВД № 001179 от 21.11.1946 был расформирован 68-й полк НКВД по охране железных дорог. Охраняемые объекты вместе с частью личным составом были переданы 1-му батальону 70-го полка войск МВД по охране железных дорог, знамя полка передано в штаб 27-й дивизии МВД охране железных дорог, а офицерский, рядовой и сержантско – старшинский состав был переведен в другие части НКВД [5, л. 21].

Однако опыт, полученный при охране железных дорог, пригодился еще один раз. На стыке 70–80-х гг. на фоне резкого ухудшения отношения с Китаем, возникла потребность обезопасить железнодорожные пути и сооружения от возможности диверсий разведывательно-диверсионных групп противника. Единственными связующими нитями являлись Транссибирская магистраль и строящийся БАМ. Именно на них и были развернуты 103-я «хабаровская» и 104-я «тындинская» дивизии внутренних войск МВД. Подчинены они были командованию Управления специальных частей ВВ МВД.

Зоной ответственности 103-й дивизии УСЧ стали Забайкальская и Дальневосточная железные дороги, а 104-й дивизий – строящийся БАМ. Интересной была и структура соединений, кроме линейных полков, они получили: «тындинская» дивизия – дивизионы бронепоездов; а «хабаровская» – 1-й морской отряд сторожевых катеров (СКА) внутренних войск (Хабаровск). Учебный центр водолазов этого отряда был развернут в Северобайкальске.

Дивизии, выполнив свою задачу, были расформированы. И в настоящий момент в Сибири и на Дальнем Востоке охрану железных дорог несет ведомственная охрана РЖД. Единственной воинской частью, охраняющей железнодорожные мосты, через крупные реки, является 1-й морской отряд Росгвардии (в/ч 3800) (Хабаровск) и сохранившийся в Северобайкальске 31-й учебный морской отряд (в/ч 7628).

Литература

1. Ануфриев А. В., Чапыгин И. В., Южаков А. В. Так сражались чекисты: история и боевой путь 272-го Иркутского полка от Байкала до Сталинграда. Иркутск, 2021. 336 с.
2. РГВА. Ф. 38281. Оп. 1. Д. 8.
3. РГВА. Ф. 38281. Оп. 1. Д. 84.
4. РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 164.
5. РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 409.

RAILWAY KEEPERS. FORMATION AND DEVELOPMENT OF RAILWAY PROTECTION TROOPS IN EASTERN SIBERIA

©A. V. Anufriev, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is based on archival materials and is devoted to the formation and development of the NKVD troops for the protection of railways in Eastern Siberia. Special attention is paid to the NKVD units that took part in the Great Patriotic War, formed in Eastern Siberia. The changes in the structure, number and deployment of NKVD units and formations in Eastern Siberia are considered in detail; their official activities and contribution to the great Victory. In conclusion of the article, the author shows how the experience of the troops for the protection of railways in the east of the country was applied in the 70s – 80s.

Keywords: BAM, the Great Patriotic War, NKVD troops, railway, security.

Ануфриев Александр Валерьевич – старший преподаватель кафедры истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Anufriev Alexander Valerievich – Senior Lecturer of the Department of Russian History, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nnnadezhda@mail.ru

УДК 94(571.54)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РАЙОНОВ ЗАПАДНОГО УЧАСТКА БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

© Н. С. Байкалов, 2023

Бурятский государственный университет им. Доржи Базарова
Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Обобщен исторический опыт сооружения и развития новых поселений в зоне западного участка БАМа. Отмечено, что проектирование городов и поселков БАМа осуществлялось одновременно с процессом их возведения в предельно сжатые сроки в условиях недостаточного проектно-изыскательского изучения условий местности. В результате населенные пункты западного участка БАМа характеризуются отсутствием планировочной целостности, пространственной и ведомственной разобщенностью, неясностью перспектив развития градообразующих структур, интенсивным оттоком населения.

Ключевые слова: Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, Всесоюзная ударная комсомольская стройка, градостроительство, урбанизация.

В процессе сооружения Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1989) на карте Восточной Сибири и Дальнего Востока возникло несколько десятков новых населенных пунктов. В Генеральной схеме районной планировки зоны строительства БАМа (1977) было выделено 14 планировочных районов, располагавшихся в пределах шести краев, республик и областей. Для организации управления социально-экономическим развитием новых территорий потребовалось тщательное районирование притрассовой зоны. В состав зоны западно-

го («малого западного») участка БАМа включались Усть-Кутский, Качинско-Ленский, Киренский, Жигаловский, Бодайбинский, Мамско-Чуйский районы Иркутской области.

В рамках хозяйственного освоения западного участка БАМа было предусмотрено выделение Братско-Усть-Илимского и Верхне-Ленского территориально-производственных комплексов. В первом предполагалось разместить мощности по выпуску мобильных, легко-сборных деталей и узлов из алюминия, древесины, полимеров и пластика. Второй комплекс должен был стать центром лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Система расселения в зоне БАМа формировалась одновременно с процессом развертывания вдоль будущей магистрали сети поселений транспортных строителей. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1974 г. № 561 «О строительстве БАМ» содержалось указание предусмотреть в технических проектах на строительство участков магистрали создание благоустроенных жилых поселков [1].

Строительство постоянных поселков и железнодорожных станций БАМа осуществлялось в форме шефской помощи. Всего за рассматриваемый период в систему шефской помощи было вовлечено 13 союзных республик и 22 автономные административные единицы РСФСР, из которых 9 коллективов работало на иркутском участке БАМа. Станцию Лена и микрорайон железнодорожников в Усть-Куте возводили предприятия «СтавропольБАМстрой» и «КраснодарБАМстрой», Звездный – «АрмстройБАМ», Нию – «ГрузстройБАМ», Магистральный – СМП «Донской», Улькан – «АзербайджанБАМстрой», Кунерму – коллективы «ЧеченБАМстрой», «ДагестанБАМстрой» и «ОсетинБАМстрой» [2].

Возникновение и развитие новых поселений на иркутском участке шло наиболее быстрыми темпами на рубеже 1970–1980-х гг., что объяснялось более ранним началом строительных работ, близостью промышленных центров (Тайшет, Братск), наличием транспортных коммуникаций (железнодорожная линия Тайшет – Лена, порт Осетрово). Опорной базой западного участка магистрали стал г. Усть-Кут, численность населения которого планировалась в пределах 90–100 тыс. чел. [3, с. 117–118]. 2 мая 1974 г. в Усть-Кут прибыл Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVII съезда ВЛКСМ, возглавляемый В. Лакомовым, а уже в октябре началась укладка рельсов западного участка. К этому времени в городе имелись судостроительное объединение «Леналес», аэропорт, речное училище и предприятия местной промышленности.

В городе расположились головные организации трестов «ЗапБАМстроймеханизация», «Мостострой-9», «ЛенаБАМстрой», что привело к формированию ведомственных микрорайонов и рабочих поселков. В 1976–1977 гг. в Усть-Кут прибыли шефствующие коллективы из Ставрополя и Краснодара с целью модернизации железнодорожного узла Лена и возведении одноименного микрорайона железнодорожников. За первые десять лет шефскими предприятиями было введено 21,4 тыс. кв. м жилья, школа на 1176 учащихся, больничный комплекс, ТОЦ, детский сад на 240 мест, дворец культуры «Железнодорожник» на 400 мест, стадион, инженерные сети [4, л. 19].

Строительство железной дороги послужило толчком для развития ряда отраслей экономики города. Увеличились заготовки леса на предприятиях «Леналеса», в 1981 г. был сдан в эксплуатацию мясокомбинат, в 1986 г. вступила в строй четвертая очередь Осетровского речного порта, грузооборот которого вырос в 20 раз. В 1987 г. в город пришел первый скорый поезд Москва – Северобайкальск. Население Усть-Кута к концу комсомольской стройки составляло более 60 тыс. жителей [5, л. 33].

Первым бамовским поселением на западном участке стройки стал Звездный. Первоначально поселок именовался Снежным, в проектной документации использовалось название Таюра (по гидрониму правого притока Лены). Строители высадились на месте будущего поселка в декабре 1973 г., чтобы подготовить базу для бойцов ударного комсомольского отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, прибывших в составе СМП-266 в начале мая 1974 г. В первый год существования во временном поселке были построены школа, детский сад, больница, несколько клубов, включая знаменитый клуб «Таежник», где был организован народный театр «Молодая Гвардия».

Стационарный поселок для железнодорожников на 630 жителей возводился строителями из Армянской ССР. Длительное время шефы не справлялись с ежегодными плановыми заданиями. Поселок располагается на склоне горы, в которой следовало ярусами прорубить специальные полки для размещения на них улиц и жилых домов. Ускорению работ способствовало проведение к Звездному железнодорожных путей. Уже в декабре 1975 г. на станцию Таюра прибыл первый поезд. В целом постоянный поселок железнодорожников был сдан в эксплуатацию в объемах пускового комплекса в конце 1982 г. Однако завершение строительства ряда гражданских и производственных объектов продолжалось вплоть до конца 1980 – начала 1990-х гг.

Поселок Ния (первоначально, Ния-Грузинская) расположен в восточной части Усть-Кутского района на левом берегу одноименной

реки. В марте 1975 г. на место будущей станции вышел десант строительно-монтажного поезда «ГрузстройБАМ», состоящий из 70 чел. во главе с А. Двалишвили. За короткий период во временном поселке были построены школа, клуб, детский сад, магазины, столовую, медпункт, спортивный зал.

Возведение постоянного поселка, в генплан которого входили школа на 192 ученика, детсад на 90 мест, ТОЦ и прочие объекты, началось в апреле 1975 г. Крутой рельеф определил посадку зданий на искусственно созданных террасах, связанных лестницами. Ния считалась образцом шефской помощи БАМу. В поселке была создана художественная мастерская по оформлению основных объектов. Черты грузинской архитектуры были отражены в малых архитектурных формах и элементах благоустройства. Фасады здания вокзала были отделаны базальтом и темным туфом, с декорированием интерьеров традиционной грузинской деревянной резьбой и металлической чеканкой с грузинскими орнаментами. В декабре 1981 г. ССМП «ГрузстройБАМ» на полгода раньше сдал объекты пускового комплекса и впоследствии первым на БАМе получил премию Совета министров СССР.

История Магистрального началась в июне 1974 г., когда в район будущего поселка высадился первый отряд строителей во главе с А. А. Коротневым, составивший костяк коллектива будущего СМП-391 УС «Ангарстрой». Первоначально поселок хотели назвать Корчагинском, однако данная инициатива была отклонена как не предусмотренная советским законодательством [7, с. 318].

В 1976 г. в Магистральный прибыл шефский коллектив из Ростовской области. План постоянного поселка железнодорожной станции Киренга предусматривал сооружение школы на 464 ученика, аптеки, врачебной амбулатории на 70 посещений в смену, детского сада на 140 мест, ТОЦ, вокзала на 100 пассажиров, жилья, инженерных сетей [4, л. 19–20]. Рассчитанный на 1400 жителей Магистральный начал быстро расти и к началу 1980-х гг. вмещал уже 12 тыс. чел.

Улькан стал базовым поселком СМП-571 «Ангарстроя». Поселок расположен на берегу одноименной реки в Казачинско-Ленском районе Иркутской области. В отличие от многих других поселков, которые возникали на абсолютно необжитом месте, рядом с будущим Ульканом располагалась деревня Юхта.

Первый комсомольский десант во главе с А. Н. Фроловым высадился здесь в ноябре 1974 г. К 1978 г. были созданы промбаза для авторемонта, слесарные мастерские, банно-прачечный комбинат, построены шесть брусовых жилых домов, клуб и временное здание вокзала. До 1983 г. застройка велась внепланово по разовым отводам земельных

участков. В этот период в рассчитанном на 630 жителей поселке фактически проживало около 10 тыс. человек [8, л. 38–40].

Возведение стационарного поселка осуществлялось с 1978 г. строителями из Азербайджана. В архитектуре вокзала ст. Улькан проявились элементы национального азербайджанского зодчества: здание облицовано травертином и мрамором из азербайджанских месторождений; решетки на окнах выполнены в стиле традиционной техники шебеке; зал ожидания украшен масштабным мозаичным панно «Сказание об Азербайджане». На привокзальной площади в 1985 г. была установлена бронзовая статуя героя азербайджанского эпоса Фархада.

У западного склона Байкальского хребта строители разместили пос. Кунерма с одноименной станцией третьего класса. Генплан постоянного поселка на 530 жителей был разработан Чечингражданпроектом. Головной организацией было определено Чечено-Ингушское УС, которое осуществляло строительство канализационных, очистных и водозаборных сооружений. Северо-Осетинское УС было занято на возведении жилых домов и ТОЦа, а Дагестанское – на строительстве котельной, вокзала и детского сада.

Из-за слабой изученности района и отсутствия наблюдений за количеством осадков все предусмотренные в проекте здания не выдерживали фактической снеговой нагрузки. В связи с этим Томгипротранс в феврале – марте 1980 г. отозвал часть проектов, по которым уже велось строительство, вследствие чего строительные организации длительное время были лишены возможности вести работы. К 1980 г. строительство Кунермы находилось в начальной стадии. Только совместными усилиями генподрядчика и субподрядных организаций работы были выполнены с учетом внесения корректировок по сокращению числа объектов пускового комплекса [9, с. 53–56].

С распадом СССР планы социально-экономического развития притрассовых поселений зоны БАМа прервались. Социально-экономический кризис спровоцировал интенсивный отток населения из районов БАМа. В результате число жителей некоторых населенных пунктов сократилось в два-три раза. Часть населения пристанционных поселков была полностью расселена по соседним районам.

В 1997 г. по предложению МПС и органов исполнительной власти заинтересованных субъектов РФ было принято решение о создании акционерного общества «БАМинвест», на которое возлагались функции координации деятельности по экономическому развитию районов БАМа. С целью привлечения инвесторов в районы нового хозяйственного освоения в Государственной Думе был разработан законопроект об объявлении БАМа особой экономической зоной. После прений за-

конопроект был принят Госдумой и Советом Федерации в ноябре-декабре 1999 г., однако отклонен президентом Б. Н. Ельциным. Вопрос о дальнейшей судьбе бамовских поселков остался открытым вплоть до настоящего времени.

Литература

1. О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1974 г. № 561 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901853768> (дата обращения: 07.07.2023)
2. О мерах по обеспечению строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали: постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 23 августа 1979 г. № 798 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901853768> (дата обращения: 07.07.2023)
3. БАМ: строительство и хозяйственное освоение / ред. А. Г. Аганбегян, А. А. Кин, В. П. Можин. М.: Экономика, 1984. 144 с.
4. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-2080. Оп. 1. Д. 1195.
5. Архивный отдел Усть-Кутского муниципального образования Иркутской области (АО УКМО). Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 701.
6. ГААО. Ф. Р-2080. Оп. 1. Д. 566.
7. Казачинско-Ленский район. 90 лет / сост. С. Б. Седих. Иркутск: Принт Лайн, 2017. 484 с.
8. Архивный отдел Казачинско-Ленского муниципального района Иркутской области (АО КЛМР). Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 68.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ.). Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 3392.

PECULIARITIES OF THE URBAN SETTLEMENTS FORMATION IN THE REGIONS OF THE WESTERN SECTION OF BAIKAL-AMUR MAINLINE

© N. S. Baikalov, 2023

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article considers the historical experience of building and developing new settlements in the zone of the western section of the BAM. The design of cities and towns of BAM was carried out simultaneously with the process of their construction in the shortest possible time in the conditions of insufficient design and survey study of the terrain conditions. As a result, the settlements of the western section of the BAM are characterized by a lack of planning integrity, spatial and departmental disunity, unclear prospects for the development of city-forming structures, and an intensive outflow of the population.

Keywords: Baikal-Amur Railway Mainline, All-Union Shock Komsomol construction project, urban planning, urbanization.

Баикалов Николай Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет им. Д. Базарова, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: baikalov@bsu.ru

Baikalov Nikolai Sergeevich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Institute for History and Philology, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: baikalov@bsu.ru

ДИНАМИКА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РОЛИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

© Д. В. Воронцов, 2023

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрено военно-стратегическое значение боевых действий Гражданской войны на территории Восточной Сибири. На важность изучения региональных событий ранее уже обращалось исследовательское внимание, наработан методологический и фактологический задел. Проведено сопоставление (по содержанию, хронологии и масштабам) начальной вооруженной борьбы в Забайкалье, на Южном Урале и на Дону и Кубани. Отмечено, что с начала лета 1918 г. боевые действия в разных частях России приобрели больший размах. Противники неоднократно сталкивались с выбором направления приоритетных усилий, в связи с чем затрагивается фактор упущенных возможностей, упущенных и белыми, и красными. Комплексно рассмотрены и ключевые обстоятельства противоборства в Восточном Забайкалье в течение весны – осени 1920 г.

Ключевые слова: Гражданская война, стратегия, белые, красные, боевые действия, Восточное Забайкалье, Южной Прибайкалье, Иркутск, историография.

Предметное изучение военного строительства и боевой работы противоборствующих войск в Гражданской войне в России дает разноплановый и ценный аналитический материал. Комплексная реконструкция всего комплекса событий силового противоборства позволяет преодолеть выдвинутой советской пропагандой и сохраняющийся в части современной историографии тезис о предопределенности триумфа большевиков, тезис о «обреченности антинародного белого движения». Кроме того и в историографии и в учебной литературе по истории сохраняется и неравномерность (если угодно «европоцентризм») рассмотрения событий Гражданской войны в России, когда военно-стратегическое значение боевых действий в некоторых регионах, в том числе и в Восточной Сибири недооценивается или же они рассматриваются как исключительно типичные, «рутинные» – не представляющие интереса для предметного исследования. К числу подобных недооцененных, на наш взгляд, можно отнести вооруженную борьбу в восточном Забайкалье весной-летом 1918 г. и весной-осенью 1920 г., равно как и напряженное противоборство на южном побережье озера Байкал летом 1918 г. Подтверждением общероссийского значения данных событий может являться как существенная доля задействованных сторонами войск от их наличных военных сил, так и глубокая приоритетность военного и политико-идеологического внимания к указанным территориям в указанное время. Сопоставление, сравнение событий на Юге России и в Забайкалье позволит представить более убедительную

картину, а также глубже вскрыть кадрово-территориальные закономерности силового противоборства. Тот отмеченный Н. П. Ухтомским исторический парадокс, что «сибирскому казаку генералу Корнилову пришлось вести борьбу в степях Черноморья, а командующему Черноморским флотом адмиралу Колчаку в необозримых равнинах чуждой ему Сибири» [цит по: 1, с. 330].

Отметим, что на важность изучения вклада региональных событий в общий исход Гражданской войны ранее уже обращалось исследовательское внимание, наработан методологический и обширный фактологический задел [2, с. 4–6; 3; 4].

Начальные эпизоды Гражданской войны в Восточной Сибири были непродолжительны по времени и ограничены по территориальному охвату. Таковы исключительно напряженные бои 21–30 декабря 1917 г. (все даты по новому стилю) в Иркутске [5, с. 21–37], выступление Енисейского казачьего дивизиона в Красноярске в январе 1918 г., деятельность отряда штаб-ротмистра Э. Г. Фрейберга. На фоне этого ряда резко отличаются боевые действия на юго-востоке Забайкалья в апреле–июне 1918 г. Здесь на пике одновременно большевики задействовали до 13 000 бойцов (собранных с территории от Тюмени до Владивостока) во главе с С. Г. Лазо. Помимо сил из Азиатской России, на Даурском фронте оказался Люботинский партизанский отряд аж из-под Чернигова [6, с. 25–26]. Советским силам противостоял Особый Маньчжурский отряд есаула Г. М. Семенова, объединивший под своими знаменами до 7 тыс. чел. [7, с. 126]

Для сравнения, напомним масштабы военных событий на Южном Урале и на Дону и Кубани: 8 ноября 1917 г. атаман Оренбургского казачьего войска полковник А. И. Дутов (ранее заявивший о себя как об общероссийском казачьем лидере) и глава войскового правительства объявил о непризнании захвата власти большевиками, ввел военное положение, а 28 ноября инициировал арест членов Оренбургского Советов. Дутов располагал 2000–3000 бойцов, против которых большевики с середины декабря начали собирать все возможные силы, направляя красногвардейские отряды из Петрограда, Самары, Екатеринбургa, Казани, Перми, Иващенкова, Уфы, Бузулука, Челябинска, Москвы и других городов, а также из заводов Урала [8, с. 135, 138]. К началу января их численность достигла 10–12 тыс. чел. во главе с чрезвычайным комиссаром П. А. Кобозевым и после чуть менее месяца боев 31 января они овладели Оренбургом.

В Первый Кубанский («Ледяной») поход из Ростова-на-Дону в ночь на 23 февраля 1918 г. выступило около 4 тыс. бойцов, а к 27 марта на Кубани силы пополнилась почти вдвое. 9–13 апреля белые во главе

с Л. Г. Корниловым (до его гибели) вели штурм Екатеринодара, который оборонял 35 тыс. красных бойцов (войска Кубанской и Черноморской Советских республик) под общим началом А. И. Автономова [1, с. 400]. Таким образом в первой половине 1918 г. восточное Забайкалье стала одним из эпицентров Гражданской войны, а необходимость противодействовать отряду Г. М. Семенова вынуждала большевиков формировать войска по всей территории Азиатской России. Противники получили важный опыт военного строительства в принципиально новых в морально-политическом смысле условиях Гражданской войны. Этот опыт в той мере, в которой был осмыслен участниками, оказал определяющее влияние и на их последующее поведение, включая ожидания смены политических настроений населения России.

С начала лета 1918 г. боевые действия в разных частях России приобрели больший размах, а противники перешли к планомерному военному строительству, одновременно добиваясь максимальной консолидации своего лагеря, образовали полноценные фронты. И красные, и белые неоднократно сталкивались со сложнейшей проблемой выбора мест (географии) приоритетного приложения военных усилий или вида военных действий (наступления или обороны). Одна из таких дилемм отмечена у антибольшевистских войск на рубеже июля-августа 1918 г., наступавших на восток от Иркутска, в Южном Прибайкалье. Звучали, но не были реализованы предложения об отправке до половины наличных в Иркутской губернии белых сил (до 3500 чел.) в район Екатеринбург – Пермь или что почти фантастично под Казань и Симбирск.

Отметим, что в условиях Гражданской войны дивизии (и у красных и у белых), как основное тактическое соединение, отличала определенная самостоятельность боевой судьбы, в зависимости от опыта, географической принадлежности личного состава, морального авторитета командного состава и т. д. Требуем основательной проверки утверждение известного военного теоретика А. А. Свечина, что в 1919 г. «Наступление против Колчака производилось, по существу, силами и средствами лишь самой Сибири, собравшимися вокруг кадров, пришедших из России» [9, с. 96].

На фронтах и в тылах Гражданской войны наблюдались сдачи в более или менее полном составе противнику или переходы на его сторону с последующими действиями на его стороне, как, например, было в январе 1920 г. с частями расквартированной в Иркутске 14-й Сибирской стрелковой дивизии, ставшей затем основой Народно-революционной армии (далее НРА) Дальневосточной республики (далее ДВР). Особенно же большую роль в исходе Гражданской войны сыграла, на наш взгляд, сыграла переброска из Иркутской и Енисейской губерний ле-

том 1920 г. 27-й, 30-й и 51-й стрелковых дивизий и Добровольческой бригады (из бывших партизан) на борьбу с поляками и войсками барона П. Н. Врангеля.

Вооруженная борьба регулярных войск в марте-ноябре 1920 г. охватывала главным образом территорию Восточного Забайкалья. Оказавшиеся в регионе белые войска не имели единства сработавшихся соратников, взаимные трения существенно ослабляли антибольшевистские силы. Противостояние семеновцев и каппелевцев придавало особый характер попыткам белых пойти на компромисс, если не с большевиками, то с переходными к ним «демократическими» властями Дальнего Востока. Наряду с попытками добиться своих целей военным силовым путем и красные и белые широко обращались к политике и дипломатии, агитации и пропаганде.

Два весенних (10–13 апреля и 25 апреля – 5 мая 1920 г.) наступления НРА показали, что, несмотря на военно-техническую помощь Советской России, части ДВР численностью 10–12 тыс. чел. в условиях опасения вмешательства свыше 5 тыс. японцев настойчиво пытались, но не смогли ликвидировать «Читинскую пробку», обороняемую 9 тыс. белыми. Тогда руководство ДВР временно отказалось от новых попыток занятия Восточного Забайкалья с запада, предприняв одновременно меры по командно-кадровому и военно-техническому усилению 30 тыс. восточно-забайкальских и амурских партизан и превращению их в регулярный «второй» фронт, действующий с востока.

Массив военных документов ДВР впечатляет исследователя обилием документов, отражающих многочисленные реорганизации вооруженных сил и массой приказов, пафосно апеллирующих к эмоциям и настроениям военнослужащих как своих, так и вражеских войск – отражение масштабной политической работы большевиков. Прочитруем два фрагмента приказа № 3 Главнокомандующего НРА Г. Х. Эйхе от 3 ноября 1920 г.: «Декларация объединенной конференции областей Дальнего Востока и акт временного делового президиума правительства ДВР от 1 ноября сего года требуют от все истинных сынов русского Дальнего Востока немедленного прекращения братоубийственной бойни для восстановления порядка и законности в стране, возвращения к мирному труду на благо и пользу трудового народа... Приказываю: 1) Всем партизанским отрядам, повстанческим частям и остаткам армий Колчака, Семенова и Каппеля немедленно прекратить всякие военные действия, сложить оружие и беспрекословно подчиниться всем моим приказаниям...» [10, с. 222].

Ход Гражданской войны на востоке России осени 1919 г. – осени 1920 г. показали общую неготовность большевиков к столкновению с

японской армией. Военно-организационные мероприятия большевиков в начале 1920 г., как сознательные прямо вытекающие из идеологических представлений, так и вынужденные обстоятельствами, отложили широкомасштабную победу в Гражданской войне на юге России на срок до года, на Дальнем Востоке – до трех лет, перспектива европейской (в дальнейшем мировой) революции была упущена навсегда.

Литература

1. Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года) / науч. ред. Н. Н. Смирнов. СПб. : Владимир Даль, 2021. 813 с.
2. Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск : Наука, 1973. 308 с.
3. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг. Краткая очерки истории. Чита : Поиск, 2000. 182 с.
4. Новиков П. А. Национально-пограничная специфика Гражданской войны в Забайкалье // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее : материалы регион. науч.-практ. конф. 12–15 ноября 2003 г. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. С. 184–187
5. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.
6. Хипхенов Г. И. Крушения Центросибири : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.
7. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова : монография / науч. ред. И. В. Наумов. Иркутск : Оттиск, 2013. 308 с.
8. Ганин А. В., Атаман А. И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 623 с.
9. Свечин А. А. Стратегия. 2-е изд. М. : Военный вестник, 1927. 265 с.
10. Шли дивизии вперед. 1920–1921 гг. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья : сб. док-ов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 486 с.

DYNAMICS OF THE STRATEGIC ROLE OF EASTERN SIBERIA DURING THE CIVIL WAR

© D. V. Vorontsov, 2023

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The military-strategic importance of the Civil War fighting on the territory of Eastern Siberia. Research attention has already been paid to the importance of studying regional events, methodological and factual groundwork has been developed. The article compares (in terms of content, chronology and scale) the initial armed struggle in Transbaikalia, the Southern Urals and the Don and Kuban. Since the beginning of the summer of 1918, the fighting in different parts of Russia has become more widespread. Opponents have repeatedly faced the choice of the direction of priority efforts, in connection with which the factor of missed opportunities, missed by both white and red, is affected. The key circumstances of the confrontation in Eastern Transbaikalia during the spring-autumn of 1920 are also comprehensively considered.

Keywords: Civil War, strategy, white, red, fighting, Eastern Transbaikalia, Southern Baikal, Irkutsk, historiography.

Воронцов Денис Владиславович – аспирант кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия. E-mail: denis081997@mail.ru

Vorontsov Denis Vladislavovich – Postgraduate student of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: denis081997@mail.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ. 1917–1922 гг.: НАЧАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

© Р. Г. Гагкуев

Институт российской истории РАН
Москва, Россия

Аннотация. Обсуждается исключительное историческое значение русской смуты 1917–1922 г., дискутируется, кто ответственен за развязывание междоусобной войны, каким временем правильнее датировать ее начало. Отмечается, что исход Гражданской войны во многом предопределили успехи или неудачи в военном строительстве. Рассматриваются самые первые реализованные мероприятия красных и белых. Делаются выводы о сломе многих стереотипов и о том, что наибольших успехов достигал военачальник, использовавший все доступные средства.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, начало, военное строительство, этапы, территории.

В череде трагических событий XX в. русская смута 1917–1922 г. занимает особое место как по своему значению, так и по последствиям для следующих поколений. Коренная ломка многовековых устоев российской государственности и начавшееся после октября 1917 г. радикальное социальное переустройство страны привели к нескольким годам кровопролитной братоубийственной войны, резкой смене политической и экономической модели развития, исходу за пределы Родины сотен тысяч наших соотечественников, многие из которых составляли элиты российского общества.

К числу ключевых для исхода Гражданской войны вопросов следует отнести проблематику военного строительства. Стремление достичь победы силовым путем вынуждало всех участников конфликта уделять приоритетное внимание мероприятиям, призванным создать и всемерно усилить свою военную мощь. Успех в развитии вооруженных сил, наряду с разрешением широкого спектра внутри и внешнеполитических вопросов, в итоге и определил победителя.

Более 100 лет отделяют нас от событий Гражданской войны, но ее события по-прежнему остаются предметом интереса не только профессиональных историков, но и всего российского общества. Не стихают споры, кто ответственен за развязывание междоусобной войны, кто прав, а кто виноват. Очевидное подтверждение тому – все новые и новые книги, документальные и художественные фильмы, электронные ресурсы, вводимые в оборот ранее малоизвестные источники и свидетельства. В коммуникативном поле не стихает яростная дискуссия между современными «красными» и «белыми», «левыми» и «правыми»,

«республиканцами» и «монархистами», «консерваторами» и «либералами».

Также и датировка начала Гражданской войны по-прежнему предмет споров среди историков. В отечественной историографии представлены разные взгляды на начальную точку междоусобного конфликта. В советской исторической литературе начало Гражданской войны датировалось летом-осенью 1918 г., когда на разных фронтах началось полномасштабное военное противостояние между двумя главными противниками – красными и белыми [1, с. 9].

По высказываниям самого В. И. Ленина, Гражданская война как форма классовой борьбы продолжалась с октября 1917 г. по октябрь 1922 г. [2, с. 277], но с весны – лета 1918 г. и до конца 1920 г. вопрос «военных событий» – «главный, коренной вопрос революции» [3, с. 14]. Другая точка зрения, которой придерживался, например, историк Л. М. Спирин, увязывала начало войны с взятием власти партий большевиков 25 октября (7 ноября) 1917 г. и последовавшим расколом на их сторонников и противников.

В действующей Концепции учебно-методического комплекса по отечественной истории (составной частью которого является Историко-культурный стандарт), события Гражданской войны включены в тематический раздел V «Россия во время Первой мировой войны и Великой Российской революции (1914–1922 гг.)». Начало же Гражданской войны связывается с провозглашением советской власти в центре и на местах с конца октября 1917 г.

Захватывая власть, большевики признавали неизбежность Гражданской войны. Ставшая основой для консолидации антибольшевистских сил на Юге России Алексеевская организация (будущая Добровольческая армия), создавалась с 7 (20) октября в Петрограде первоначально для недопущения большевиков к власти [4, с. 22]. Фактически и большевики и их противники синхронно готовились к назревавшей борьбе.

Провозглашение 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов советской власти и начавшееся ее установление в стране встретило вооруженное сопротивление. Ожесточенные столкновения между сторонниками и противниками советской власти происходили в октябре – декабре 1917 г. в Москве, Казани, Иркутске, на Дону и других городах, став первыми актами Гражданской войны.

Одной из «точек невозврата» начинавшейся Гражданской войны стал силовой разгон советской властью Учредительного собрания. Другим важным поворотным пунктом стало подписание 3 марта 1918 г. СНК Брест-Литовского (Брестского) мирного договора. Унизи-

тельные условия этого мира, привели на антибольшевистские позиции наиболее патриотически настроенную часть населения.

Согласно декрету «об организации Рабоче-крестьянской Красной армии» (РККА) от 28 января 1918 г. она формировалась на добровольной основе из «наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс». На службу в РККА мог поступить «каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма» [5, с. 356–358]. Основой новой армии стали отряды рабочей милиции и Красной гвардии, «сочувствовавшие» революции части старой русской армии.

Первоначально предполагалось набирать в ряды Красной армии исключительно добровольцев. Кандидатам требовалось представить рекомендации от войсковых комитетов или общественных демократических организаций, «стоящих на платформе советской власти». Однако начавшаяся Гражданская война показала низкую боеспособность разнородных частей Красной армии. Партизанщина (с выборностью командиров и митинговым управлением) и низкая дисциплина вели к поражениям, даже несмотря на многократный численный перевес над противником.

Поэтому уже весной 1918 г. советское военно-политическое руководство шаг за шагом стало переходить от добровольческого принципа к строительству армии на регулярной основе. 22 апреля 1918 г. ВЦИК выпустил декрет «О сроке службы в Красной армии», что вступающий «обязуется служить не менее 6 месяцев», а покинувший службу «подвергается ответственности по всей строгости революционного времени» [6, с. 156]. Одновременно отменялась выборность командного состава.

Наконец, 29 мая 1918 г. последовало постановление ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную армию», причем «представляется начать, с одной стороны с наиболее угрожаемых областей, с другой стороны, с главных центров рабочего движения» [6, с. 334–335].

С марта по сентябрь 1918 г. в деле строительства РККА по сути произошел переход от добровольчества к формированию армии на основе воинской повинности. Создавались регулярные части во главе с военными специалистами (бывшими офицерами) и комиссарами. Советские вооруженные силы получили достаточно стройную структуру управления и были обеспечены вооружением из запасов старой русской армии. Советская власть наладила снабжение армии и обеспечила работу на ее нужды оборонных предприятий центра России.

Одновременно с началом советского военного строительства возникали и центры «контрреволюции» – белого или антибольшевистского движения (г. Новочеркасск, г. Оренбург, станция Даурия (в Забайкалье) и др.).

Весной-летом 1918 г. Гражданская война, постепенно разрастаясь, стала суровой реальностью для огромной страны, распадавшейся на десятки государственных образований. Одни из них стремились к автономии в составе России, другие добивались независимости. Все они не признавали советскую власть, а в ряде случаев – и власть ее противников, стремившихся воссоздать «Единую и Неделимую Россию». Кроме того существовали и советские республики, отрезанные от основной советской территории.

На этом фоне весной – летом 1918 г. в России началась полномасштабная Гражданская война. «При количестве технических средств меньшем, чем в (Первую мировую) войну 1914–1918 гг., при ухудшении их качества, слабая насыщенность техникой огромных по протяжению фронтов... порождала основную черту всех подобных войн – крайнюю маневренность, большой размах операций» [6, с. 220]. Война «получила свое выражение в большой прерывчатости боевого фронта, в громадном пространстве театров борьбы, относительной малочисленности войск, в слабой технике дерущихся сторон, в недостаточной сколоченности быстро формировавшихся частей и в недостаточно развитой сети железных дорог, что часто влекло за собой усиленную работу конницы» [7, с. 139].

Современные российские историки выделяют в Гражданской войне четыре этапа: 1) оформление противоборствующих лагерей и создание ими вооруженных сил, бои между малочисленными отрядами (октябрь 1917 г. – май – июнь 1918 г.); 2) образование фронтов и начало полномасштабной войны с участие многотысячных армий (конец мая – июнь 1918 г. – ноябрь – декабрь 1918 г.); 3) период решающих сражений на всех фронтах с переломом в пользу Красной армии (декабрь 1918 г. – март 1920 г.); советско-польская война, ликвидация последних очагов сопротивления советской власти в Крыму и на Дальнем Востоке (апрель 1920 г. – декабрь 1922 г.).

Гражданская война стала временем слома стереотипов управления войсками, а также системы их пополнения и традиционной военной дисциплины. Наибольших успехов достигал военачальник, который извлекал максимальную пользу из сложившейся ситуации, использовал все доступные средства для решения поставленной задачи.

Литература

1. Гражданская война в СССР / под ред. Н. Н. Азовцева. Т. 1. М., 1980. 383 с.
2. Ленин В. И. IV Всемирному конгрессу Коминтерна, Петроградскому совету рабочих и красноармейских депутатов // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45 : Март 1922 – март 1923. М., 1970.
3. Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы. 29 июля 1918 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 37: Июль 1918 – март 1919. М., 1969.

4. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. / [сост. В. Е. Павлов]. Кн. 1. Зарождение Добровольческой армии. Первый и Второй Кубанский походы. Париж, 1962. 393 с.

5. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / сост.: С. Н. Валк [и др.]. М., 1957.

6. Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 2 июля 1918 г. / подгот. к печ. С. Н. Валк [и др.]. М., 1959.

7. Циффер Р. [С.] Ценность опыта Гражданской войны в области тактики // Гражданская война. 1918–1921 / под ред.: А. С. Бубнова, С. С. Каменева, Р. П. Эйдемана. Т. 2: Военное искусство Красной армии. М., 1928.

THE CIVIL WAR IN RUSSIA. 1917–1922: INITIAL PROCESSES

© R. G. Gagkuev

Institute of Russian History RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The Russian turmoil of 1917–1922 has exceptional historical significance. There is still a debate about who is responsible for unleashing an internecine war, and what time it is more correct to date its beginning. The outcome of the Civil War was largely predetermined by successes or failures in military construction, and this article provides an overview of the very first organizational measures implemented by the red and white. Modern historians distinguish four stages of the Civil War: October 1917 – May-June 1918; The end of May-June 1918 – November-December 1918; December 1918 – March 1920; April 1920 – December 1922. The scrapping of many stereotypes was observed. The greatest success was achieved by a military commander who used all available means.

Keywords: Civil war, Russian Federation, beginning, military construction, stages, territories.

Гагкуев Руслан Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия; e-mail: gagkuev@yandex.ru

Gagkuev Ruslan Grigorievich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History RAS, Moscow, Russian Federation, e-mail: gagkuev@yandex.ru

УДК 94 (47+57)

«ВЕЛИКАЯ ИМПЕРСКАЯ ДИАГОНАЛЬ»: ЗНАЧЕНИЕ ТРАНЗИТНОГО КОРИДОРА КЯХТА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В ОСВОЕНИИ СИБИРИ В XVIII–XIX ВВ.

© А. В. Ермаков, 2023

Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского
Иркутск, Россия

Аннотация. Исследуется мощнейшая транспортная артерия России – Сибирский тракт, возникший на месте караванной тропы к концу XVIII в. Отмечается, что Сибирский тракт как часть Великого чайного пути был крупнейшим инфраструктурным проектом Евразии и ежегодно привлекал тысячи новых переселенцев, фактически своей работой «оплачивая» и это переселение, и бурный рост сотен новых населенных пунктов в зоне обслуживания пути. Делается вывод, что именно этот процесс в значительной мере и обеспечил успешную интеграцию Сибири в состав Российской империи в течение XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Россия, Евразия, Сибирь, Сибирский тракт, Великий чайный путь, транспортные коридоры, экономика России.

На странице за 1698 г. в хранящейся в книжном фонде Иркутского областного краеведческого музея «Сибиряковской летописи» есть такая запись: «Апреля 8 дня приехал в Ыркуцк отправленной в Китай с казною первый купчина Спиридон Лянгусов, которой того ж году и отправился из Иркутца, а з границы в Китай отправился 1699 года» [1].

Русские купцы пытались наладить китайскую торговлю и прежде, но делу мешало сопротивление маньчжурских властей. И вот теперь, после заключения Нерчинского мирного договора 1689 г. и ряда удачных посольских миссий в Пекин караваны из Москвы и обратно, наконец, пошли на регулярной основе. Окончательная стабилизация маршрута пути произошла в первой трети XVIII в., когда перенос столицы России в Санкт-Петербург (1714) не только удлинил российские пути сообщения в направлении на северо-запад, но и срастил их с европейскими морскими коммуникациями. Что касается восточных границ России, то здесь урегулирование транзита связано с дипломатической миссией С. Л. Рагузинского, заключившего с империей Цин в 1727 г. ряд договоров, хотя и несколько сокративших собственно русскую заграничную караванную торговлю и перенаправивших забайкальские торговые пути от Нерчинска во вновь построенный Троицкосавск (Кяхту), но зато позволивших русским купцам круглый год беспопылинно торговать с Китаем и Монголией в районе этого нового пограничного перехода.

Сложившийся по итогам этих событий новый транспортный коридор России шел из Санкт-Петербурга в Москву, и далее через Муром, Арзамас, Казань, Осу, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Каинск, Колывань, Томск, Енисейск, Иркутск, Верхнеудинск до Кяхты (на границе с Китаем). Далее путешественники и купцы пересекали Гоби и другие степи Внешней и Внутренней Монголии и прибывали в Калган (ныне Чжанцзякоу – древняя застава на Великой Китайской стене; участок пути из южных, чаепроизводящих провинций Китая до этого пункта требует отдельного исследования). В первой половине XIX в. маршрут местами прошел южнее: от Тюмени он прошел через Ялуторовск, Ишим, Омск, Томск, Ачинск и Красноярск до Иркутска и далее по прежнему маршруту.

Как видим, главным восточным административно-логистическим центром России в следующие два столетия оставался Иркутск. Именно от него через всю страну на северо-запад протянулась сначала караванная тропа, а потом полноценная санно-тележная дорога, напоминавшая о древнем Шелковом пути. Стоит отметить, что сама эта древнейшая транспортная и торговая артерия мира, обеспечивавшая экономические потребности множества народов Евразии со II в. до н. э. по XV в., в начале XVIII в. практически не действовала как из-за долго-

срочных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, так и в связи с появлением всемирной сети морских коммуникаций, монопольно организованных западноевропейскими перевозчиками. Единственным независимым от западноевропейского контроля крупным внутренним маршрутом Евразии на конец XVII в., оставался только Беломорско-Волго-Каспийский, который тоже принадлежал России. Однако после открытия европейским перевозчикам портов южной Персии и Западной Индии его значение стало падать. Кроме того, это был традиционный для русской истории водный, преимущественно речной, меридиональный коридор, организация обслуживания которого не требовала больших инфраструктурных усилий. Претензия же на создание и развитие постоянно действующего сухопутного транспортного маршрута длиной более 9000 километров (не считая южно-китайской части и ответвлений на северо-восток Азиатской России) сразу выводила Российскую империю в ряд ведущих мировых держав и обеспечивала ее ключевое положение в Евразии.

Однако такую претензию надо было еще реализовать. Появление «транспортной диагонали» Кяхта – Санкт-Петербург не было всерьез воспринято конкурентами России. Низкое качество пути и нерегулярное сообщение долгое время не позволяли наладить здесь значимый грузооборот. Российская империя постоянно, хотя и без особой рекламы, занималась развитием своих коммуникаций. Так решающей вехой в проектировании и прокладке возникшего на месте караванной тропы Главного Сибирского тракта и первой комплексной оценки ресурсов Сибири в 1733–1743 гг. становится работа Великой Северной экспедиции под руководством Витуса Беринга (исторически принято считать заслугой данной экспедиции, прежде всего, исследования в Тихом и Северном Ледовитом океанах, но они были только одной из задач, поставленных перед Берингом руководством империи; бюджет экспедиции составил полтора миллиона рублей, но эти средства до сих пор не рассматривались историками с точки зрения государственных инфраструктурных инвестиций). В результате, к концу XVIII в. только пошлины с купцов, торговавших в Кяхте, составляют 38,5 % всех таможенных поступлений в бюджет Российской империи. Товарооборот этой торговли в 1800 г. превышает 8 миллионов рублей. А Сибирский тракт становится мощнейшей транспортной артерией, по которой ежегодно проходит около 4 миллионов пудов грузов, перевозимых на 80–100 тысячах подвод. В перевозках участвовало до 20 тысяч возчиков. Помимо собственно торгового, тракт получил значение крупнейшего инфраструктурного проекта Евразии, ежегодно привлекающего тысячи, а позже десятки тысяч новых переселенцев в Азиатскую Россию, фактически, своей работой «оплачивающего» и это переселение, и

бурный рост сотен новых населенных пунктов в зоне обслуживания пути [2–6]. Косвенные выгоды от работы коридора получали и коренные народы. Именно этот процесс в значительной мере и обеспечил успешную интеграцию Сибири в состав Российской империи в течение XVIII–XIX вв. Русский же народ на Великом чайном пути осуществлял не только политическую и земельную колонизацию Северной Азии (о чем написано сравнительно много), но и ту самую торгово-промышленную роль «посредника между разными хозяйственно-природными областями», о которой пишет один из теоретиков-евразийцев Г. В. Вернадский [7].

При этом мировое значение данного транспортного коридора, почти на два столетия ставшего основной широтной осью Российской империи, и единственным(!) постоянно работающим трансконтинентальным маршрутом Евразии до сих пор недооценивается. Его историческая роль, как и исторический феномен роста и развития Иркутска и других городов Восточной Сибири, остаются в тени истории строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и других русско-азиатских инфраструктурных проектов конца XIX – XX в. Масштаб и механизмы влияния его работы на развитие российской и мировой экономики еще ждут своих исследователей.

Литература

1. Сибиряковы В. и А. Летопись г. Иркутска 1652–1763 гг. / публ. А. С. Ковалевой, Т. Д. Романцовой // Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1996. 320 с.
2. Бойко В. П. Роль Московско-Сибирского тракта в хозяйственном и культурном развитии Сибири XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 45–48.
3. Катюнов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. 568 с.
4. Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту. М. : Издание кяхтинского купечества, 1896. 117 с.
5. Рыженко Л. И. Великий Сибирский тракт: справочник. Омск : Ассоциация «Сибирский тракт», 2022. 391 с.
6. Martha Avery. The Tea Road: China and Russia Meet Across the Steppe. 五洲传播出版, 2003. 256 с.
7. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М. : Алгоритм, 2014. 336 с.

THE GREAT IMPERIAL DIAGONAL: THE VALUE OF THE TRANSIT CORRIDOR KYAKHTA – SAINT PETERSBURG IN THE DEVELOPMENT OF SIBERIA IN THE XVIII-XIX CENTURIES

© A. V. Ermakov, 2023

Irkutsk Regional Museum of Local History named after N. N. Muravyev-Amursky
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The Great Tea Road connected China with Europe through Russia since the end of the XVII century, resuming the transcontinental function of the Great Silk Road. By the end of the XVIII century, the Siberian Tract, which appeared on the site of the caravan trail, became the most powerful transport artery of Russia. The

Siberian Highway, as part of the Great Tea Road, was the largest infrastructure project in Eurasia. Every year, he attracted thousands of new settlers, in fact, by his work "paying" for both this resettlement and the rapid growth of hundreds of new settlements in the service area of the way. It was this process that largely ensured the successful integration of Siberia into the Russian Empire during the XVIII-XIX centuries.

Keywords: Russia, Eurasia, Siberia, Siberian Tract, Great Tea Way, transport corridors, Russian economy.

Ермаков Артем Валерьевич – кандидат исторических наук, секретарь Совета отделения РИО в Иркутской области, ученый секретарь, Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского, г. Иркутск, Россия, -mail: iokm-nauka@yandex.ru

Ermakov Artem Valerievich – Candidate of Historical Sciences, Secretary of the Council of the RIO Branch in the Irkutsk Region, Scientific Secretary, Irkutsk Regional Museum of Local History named after N. N. Muravyev-Amursky, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: iokm-nauka@yandex.ru

УДК 94(57)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920 г.

© **И. В. Наумов**

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Обзорно охарактеризованы условия восстановления деятельности советских органов государственной безопасности в Иркутской губернии в начале 1920 г. Предметно проанализировано развитие организационной структуры карательного аппарата, призванного пресекать любые покушения на новый политический строй. Отмечено, что Иркутская губернская чрезвычайная комиссия занималась розыском и арестом активных участников белого движения, что позволило подготовить ряд открытых судебных процессов. Велось наблюдение за эсерами и меньшевиками, которых большевики в 1920 г. считали своими главными политическими врагами, сведя их активность к нулю. Органы госбезопасности превратились в инструмент репрессии против социальных слоев, которых большевики считали классовыми врагами.

Ключевые слова: большевики, Чрезвычайная комиссия, Особый отдел 5-й армии, Гражданская война, карательный аппарат, организационная структура, государственная безопасность.

К концу 1919 г. и удары Красной армии и мощное партизанское движение привели к краху белой власти в Сибири. В ноябре 1919 г. в Иркутске на Всесибирском съезде земств и городов был создан Политический центр. В него вошли эсеры, меньшевики и другие политические силы, оппозиционные военной диктатуре адмирала А. В. Колчака. В это же время здесь же большевики воссоздали новый подпольный Сибирский комитет РКП(б) во главе с А. А. Ширямовым. Политцентр и большевики договорились о совместных действиях.

24 декабря 1919 г. в Иркутске началось антиколчаковское восстание, к 5 января 1920 г. завершившееся переходом власти к Политцентру. Сразу же были образованы комиссариат юстиции во главе с известным сибирским областником, правым эсером Г. Б. Патушинским и при нем контрразведывательный отдел и Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) во главе с меньшевиком К. А. Поповым [1, л. 13]. В середине января иркутские большевики создали свою контрразведку, которая затем объединилась с отделом комиссариата юстиции [2, л. 4].

Чрезвычайная следственная комиссия вела расследование деятельности высших белых властей. Контрразведывательный отдел занимался оперативно-разыскной работой. С переходом власти к большевистскому Иркутскому ревкому 21–23 января 1920 г. и комиссию, и отдел возглавил большевик С. Г. Чудновский. Комиссариат же юстиции вместе с контрразведкой перешел под юрисдикцию ревкома.

Все эти вновь образованные службы носили временный, промежуточный характер. Они состояли из разнородных политических сил, еще недавно враждебных друг другу. Их аппарат только-только складывался и был малодеспособен. Решения об арестах и обысках принимались спонтанно, без системы, отсутствовали какие-либо критерии для применения репрессий. Из-за этого в работе было много неразберихи, волокиты.

В начале февраля к Иркутску с запада приблизились остатки колчаковских войск и возникла опасность захвата ими города. ЧСК, не закончив расследования, представила на утверждение Ревкома список из 18 видных колчаковцев, подлежащих по мнению ЧСК немедленно расстрелу. Из этого списка ревком отобрал лишь двух самых главных и 6 февраля принял постановление об их расстреле. В соответствии с ним утром 7 февраля 1920 г. под руководством С. Г. Чудновского были расстреляны бывший Верховный правитель А. В. Колчак и глава его правительства В. Н. Пепеляев.

После того, как отступавшие колчаковские войска ушли в Забайкалье, прямая угроза Иркутску миновала. Иркутский ревком в соответствии со сложившейся в стране практикой 17 февраля 1920 г. принял решение на базе Чрезвычайной следственной комиссии создать губернскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (ГубЧК). Председателем Иркутской ГубЧК стал ЧСК С. Г. Чудновский, а его заместителем К. А. Попов. Из органа преследования ключевых деятелей белого движения ГубЧК предстояло стать всеохватывающим и всепроникающим «социальным карательным аппаратом, пресекающим в корне всякое покушение на новый трудовой строй» [2, л. 4]. По сравнению с ЧСК штаты ЧК значительно расширились, уже в марте достигнув 109 сотрудников. Причем в наиболее важ-

ных отделах – секретно-оперативном и разведывательном, которые возглавлял А. Н. Сперанский, числилось 70 чел. (из них 20 совмещали по две должности) [3].

В отличие от ЧК других губерний и ВЧК, которые уже повсеместно стали однопартийными, чисто большевистскими, в Иркутской ГубЧК работали представители и других политических партий социалистической ориентации. Лишь к лету 1920 г. Коллегия ГубЧК стала однопартийной, но и тогда дееспособность Иркутской ЧК повысилась не намного, вследствие отсутствия у местной партийной организации достаточного количества интеллектуальных сил.

Взять «правильный курс» иркутским чекистам помог Особый отдел ВЧК 5-й Красной армии, прибывший в город в марте 1920 г. Его сотрудники за 2 года гражданской войны приобрели огромный опыт. Например, летом-осенью 1919 г. они провели оперативную игру с колчаковской разведкой, благодаря чему выявили около 80 ее агентов.

В Иркутске основные усилия Особого отдела 5-й армии были направлены на розыск и арест видных деятелей белого движения, членов карательных отрядов и контрразведки. Ряд операций такого рода он осуществил совместно с местными чекистами. Например, были задержаны бывший руководитель иркутского офицерского подполья в 1918 г. генерал А. В. Эллерц-Усов, начальник белой иркутской контрразведки в 1919 г. штабс-капитан Д. П. Черепанов и др.

Уполномоченный Особого отдела 5-й армии А. А. Косухин обеспечивал охрану золотого запаса. 14 марта 1920 г. «золотой эшелон» из 26 вагонов, в том числе 13 с золотом и 13 с охраной, выехал из Иркутска и через полтора месяца благополучно прибыл в Казань 3 мая. Учитывая огромную важность этой операции, А. А. Косухина вызвали в Москву для доклада о ней председателю Совнаркома В. И. Ленину, который поблагодарил чекистов за отлично выполненное задание.

В сентябре 1920 г. в целях улучшения работы Иркутской ЧК и координации усилий было принято решение о слиянии Особого отдела 5-й армии и Иркутской ГубЧК. 4 сентября 1920 г. начальника Особого отдела армии А. П. Марцинковского назначили председателем ГубЧК. Вместе с ним сюда пришла большая группа особистов – А. В. Ковальчук, К. Д. Танаисов и другие, составивших костяк Иркутской ЧК.

К концу 1920 г. определилась и структура Иркутской ЧК. Согласно данным приказа № 1 по ГубЧК за 1921 г. на 1 января того года в ней числилось 175 чел. [4, л. 1–2]. В ЧК было 2 отдела – общий и секретно-оперативный. Общий отдел (начальник Ф. В. Бебрекаркле) состоял из: а) управления – старшие и младшие делопроизводители, письмоводители, машинистки, журналистки, курьеры, шифровальщик, всего

26 сотрудников; б) бухгалтерии – 12 чел.; в) хозяйственной части – 22 сотрудника, обслуживавших внутренние нужды ГубЧК и г) комендатуры – шоферы, кучера, стол справок, всего 15 чел. В Секретно-оперативный отдел (начальник М. П. Белов) входили: а) управление – 9 сотрудников (начальник, 2 заместителя, делопроизводитель, писмоводитель, машинистки); б) следственно-разыскная часть – 44 чел. (6 уполномоченных, 31 помощник уполномоченного, 7 канцеляристов); в) оперативная часть – 32 чел. (29 сотрудников для поручений, фотограф с помощником, канцелярист) и г) регистрационно-статистическая часть – 14 чел. (статистики, канцеляристы, архивариус). Руководила работой ГубЧК Коллегия из 4 чел. во главе с председателем.

Кроме того, структуры ЧК были созданы в уездах и аймаках Иркутской губернии. Приказ Полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского № 113 от 15 сентября 1920 г. обязал ГубЧК создать политические бюро (УПБ/АПБ) из представителей ЧК, милиции и комитетов РКП(б), штаты которых должны были войти в структуру ГубЧК. Всего предполагалось создать 13 политбюро. Однако недостаток сотрудников не позволил в 1920 г. завершить эту работу. Как следует из документов ГубЧК, к началу 1921 г. в губернии было всего 5 политбюро: Балаганское, Верхотенское, Нижнеудинское, Селенгинское уездные и Ангарское аймачное. Их штаты включали уполномоченных, информаторов и канцелярских работников. Численность сотрудников колебалась от 4 чел. в Ангарском АПБ до 18 чел. в Нижнеудинском УПБ. Всего по губернии в политбюро числилось 62 сотрудника.

В первой половине 1920 г. Иркутская ГубЧК основные усилия направила на выявление, розыск и арест активных участников белого движения: министров колчаковского правительства, генералов и офицеров белой армии, служащих контрразведки, милиции и гражданских учреждений.

В ходе расследования удалось раскрыть ключевые аспекты их деятельности в Сибири в 1918–1919 гг. В частности, обстоятельства организации и деятельности в 1918 г. антисоветского подполья в регионе, связи подпольщиков с иностранными спецслужбами и чехословацким корпусом. Чекистам удалось выяснить методы белой контрразведки, обстоятельства проникновения ее агентуры в руководящие центры большевистского подполья. Много внимания иркутские чекисты уделяли расследованию конкретных эпизодов белого террора.

В этом плане показательным делом о расстреле заключенных Александровского централа в декабре 1919 г., когда его узники подняли восстание. При его подавлении было убито 192 заключенных и еще 9 расстреляно [5, л. 108]. Иркутская окружная прокуратура еще при

власти Колчака пыталась выяснить не было ли превышения власти со стороны администрации тюрьмы, но столкнулась с активным противодействием военных. После восстановления Советской власти расследование было кропотливо и обстоятельно продолжено уже чекистами. Следствие позволило воссоздать картину событий в Александровском центре 8–11 декабря 1919 г. Удалось задержать участников расправы над заключенными: начальника Александровского гарнизона Н. Ф. Жбанова, начальника тюрьмы Н. А. Богданова, его помощников – М. Н. Шурьгина, А. С. Шеметкина, офицеров К. Т. Верниковского и др. Несмотря на то что арестованные всячески отрицали свою ответственность, следователям ЧК удалось доказать их виновность. Последовали открытые судебные процессы.

Сотрудники Иркутской ЧК вели наблюдение за членами социалистических партий – эсерами и меньшевиками, которых большевики после гражданской войны считали своими главными политическими врагами. К концу 1920 г. чекистам удалось свести их активность к нулю.

Ориентация захватившей власть в стране коммунистической партии на теорию классово-борьбы, сама обстановка ожесточенной гражданской войны делали неизбежным превращение органов ЧК в инструмент репрессии против той части населения, которую правительство считало своим классовым врагом.

Литература

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 1739. Оп. 2. Д. 132.
2. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАИО. Ф. р. 42. Оп. 1. Д. 81–87.
4. ГАИО. Ф. 8с. Оп. 2. Д. 22.
5. ГАИО. Ф. 873. Оп. 1. Д. 10.

RESTORATION OF SOVIET STATE SECURITY BODIES IN IRKUTSK PROVINCE IN 1920

© I. V. Naumov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The review describes the conditions for the restoration of the activities of the Soviet state security agencies in the Irkutsk province in early 1920. The development of the organizational structure of the punitive apparatus, designed to stop any attempts on the new political system, is analyzed in detail. The Irkutsk provincial Emergency Commission was engaged in the search and arrest of active participants in the white movement, which allowed the preparation of a number of open trials. The SRS and Mensheviks, whom the Bolsheviks in 1920, were being monitored. they considered their main political enemies, reducing their activity to zero. The state security agencies turned into an instrument of repression against the social strata, which the Bolsheviks considered class enemies.

Keywords: Bolsheviks, Emergency Commission, Special Department of the 5th Army, Civil War, punitive apparatus, organizational structure, state security.

Наумов Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: nigorv54@mail.ru

Naumov Igor Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nigorv54@mail.ru

УДК 930

МЕХАНИЗМ ВЫРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ

© П. А. Новиков, 2023

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Обсуждаются исторические концепции пространственного расширения российского государства, приводятся наиболее характерные объяснения. Отмечается, что исследователи геополитических задач испытывают спектр трудностей (в том числе источниковедческих), усиливающих спорность выводов и упреки в конъюнктурности. Обзорно изучается источниковедческий аспект геополитических трактовок и обобщений. Ставится вопрос – вытекают ли авторские версии из исторических источников или же носят умозрительный характер, строясь «на здравом смысле»? Делается вывод, что невозможно представить исторический источник, который бы давал бесспорные основания для обширных обобщений, и это не является основанием признать выводы классиков ошибочными, но требуется их дополнительное обоснование (например, на фундаменте высказываний, отражающих общественные представления того или иного периода).

Ключевые слова: Российское государство, геополитика, территориальное расширение, историография, исторические источники, концепции, трактовки, обобщения.

В числе признанных особенностей исторического развития Российского государства особое место занимает его длительное пространственное расширение. Многие поколения отечественных и зарубежных историков исследовали и описывали этот процесс освоения, колонизации, процесс присоединения тех или иных территории, взаимодополняющие процессы военной экспансии на них и их хозяйственного обустройства. Показательно, что к числу относительно поздних (XIX–XX вв.) приобретений в состав России относятся территории непосредственно соседние с Восточной Сибирью – Приамурье, Приморье, Тува (Тыва). Высшая власть с большим или меньшим успехом стремилась сделать (через создание территориально-производственных комплексов, строительством БАМа и т. д.) хозяйственное освоение этих территорий «опережающим».

При этом ученые, исследующие механизм постановки и воплощения крупных геополитических задач, очевидно, испытывали и испытывают целый спектр трудностей, которые усиливают степень дискуссионности, спорности авторских выводов, зачастую провоцируя резкие упреки в конъюнктурности, политизированности, ангажированности. В современных условиях геополитическая проблематика представляет интерес и для устоявшихся научных дисциплин, и для формирующихся или даже воспринимаемых как «паранаучные»: отечественной истории, всеобщей истории, военной истории, экономической истории, регионоведения, истории науки и техники, политологии, этнополитологии, демографии, этнодемографии, этнологии, культурологии, этнопсихологии, религиоведения, историософии, философии истории и т. д.

В данном материале нам бы хотелось обзорно остановиться лишь на источниковедческом аспекте геополитических трактовок и обобщений. Иначе говоря поставить вопрос – вытекают ли авторские версии из сведений исторических источников или же они носят умозрительный характер, строясь на общей логике, «на здравом смысле». Понятно, что множество крупных историков, военных теоретиков и государственных деятелей предложили собственные (порой противоположные или взаимоисключающие) концепции и объяснения внешнеполитических успехов Российского государства, их истоков, идейной основы и материально-технологической базы.

Приведем лишь несколько наиболее рельефных примеров, вполне отдавая себе отчет, что цитируемые высказывания сделаны в разное время и с разными целями. Однако по характеру их все можно определить как историософские:

В. О. Ключевский около 1881 г.: «Народность (великоросская) образовалась по отступлении старинного русского населения в глубь нашей равнины с южных и юго-западных окраин перед торжествовавшими врагами... Все национальные, церковные, экономические и другие условия, содействовавшие государственному объединению Великороссии, связались с судьбой Москвы только потому, что она была таким центральным городом боевой Великороссии XIV–XV веков» [1, с. 525].

М. К. Любавский до 1909 г.: «Расселение по обширным диким странам надолго обрекло русский народ на примитивное, промысловое, земледельческое хозяйство... вызвало непомерное развитие государственного центра, его энергии и власти» [2, с. 156].

На этом фоне примечательна статья «Британская империя», подготовленная подполковником Н. Л. Голеевским, лейтенантом Н. Н. фон Гюне и генерал-майором С. С. Абрамовичем-Барановским для «Военной энциклопедии» к 1911 г.: «Военная служба (в Великобритании) как

для государства, так и для отдельных лиц казалась непроизводительной тратой времени и денег, чрезмерно дорогой страховкой против гадательной опасности. Энергия всех слоев прямо или косвенно обращена на торговлю» [3, с. 80].

Цитирование можно продолжать, но главный вывод ясен – трудно, почти невозможно представить исторический источник, который бы давал бесспорные основания для подобных обширных обобщений. Конечно, это не является основанием признать выводы классиков ошибочными, но требуется развернутое обоснование того или иного рода. При этом примечательно, что приведенные и подобные им сентенции, на наш взгляд, исходят из наличия некоего общественного консенсуса, который скоординировано и управляет целенаправленной деятельностью нескольких поколений. Однако природа этого «сочувствия», «сомыслия» не раскрывается и не поясняется. Проявления общественного сознания, социального времени в исторических источниках обнаружить нетрудно и характерные реплики на тему геополитики из разных эпох мы в заключение обязательно приведем.

К числу источниковедческих трудностей следует отнести и всегда неполную сохранность документации, и не отражение в ней тех или иных важных аспектов и нюансов. Утраты источников делают практически неизбежной фрагментарность той или иной степени исторических изысканий. Сюда же примыкает малочисленность и лаконичность воспоминаний разработчиков и исполнителей геополитических проектов, вынуждающая прибегать к дискуссионным аналогиям и экстраполяциям. Применительно к поздней имперской эпохе определенные возможности осмысления механизма представляет предметное изучение практики подготовки и подачи записок и «мнений» по вопросам государственного развития, военного строительства, по теме внешнеполитических усилий с последующим широким и неторопливым обсуждением в верхах бюрократического аппарата.

Теперь же целесообразно обратимся к трактовкам уже советского времени, к авторам, разделявшим или делавшим вид, что разделяют марксистские подходы. При сопоставлении проявляется большее внимание к идейному настрою общества, к его идеологической накачке.

Известный военный теоретик А. А. Свечин в 1927 г. вполне традиционно указывал, различный темп и направление развития экономической жизни дают перевес (в различных материальных проявлениях) одним государствам и нациям над другими. Перевес воплощается «в процессе исторического наступления тех группировок, кои постепенно завоевывают будущее, и в исторической обороне других, которые вынуждены защищать занимаемое ими положение при становящемся все

более невыгодным соотношении сил». Он же приводит три примера наступлений: в XIII–XVIII вв. германских племен на восток от р. Эльбы; русского племени в XVI–XIX вв. на восток от Волги; англосаксонской расы «по всем линиям слабого сопротивления» на Земле [4, с. 27]. Свечин выделяет авантюристичность русско-японской войны в транспортном отношении (Транссиб еще достраивался) и особенно в «совершенно недостаточной подготовке в политическом отношении». Война не базировалась на сознании масс.

Не менее категорична оценка положения России в Первой мировой войны: Наша готовность дипломатическая была превосходна, финансовая и военная – весьма сносная, но во внутренне-политическом отношении мы были совершенно не готовы; удивительным является не революция 1917 г., а запоздание ее на два года [4, с. 49]. Подобные сентенции о важности работы с политическими настроениями населения можно продолжать. Другое дело, что максимально масштабный опыт партийно-политической работы в условиях Великой Отечественной войны не продемонстрировал сколько-нибудь очевидной полезности. Такая работа велась во всех соединениях со схожей интенсивностью, но боеспособность неизменно определялась не ей, а исключительно другими факторами, включая и национальный состав военнослужащих [5]. Не выявлена и какая-либо польза от идеологического воздействия советских пропагандистов на германский индустриальный пролетариат как основу вермахта.

В целом советская пропаганда и советская историография проделали существенную эволюцию, продвигая коммунистические нарративы и воплощая принцип партийности. Этот принцип предписывал показывать историю не такой какой она была («это буржуазный объективизм»), а «руководствуясь интересами передового класса» – пролетариата, ведомого большевистской партией. Отсюда неизбежное умалчивание нелицеприятных страниц, тенденциозное упрощение или скатывание к преимущественно эмоциональному воздействию на читателя, минуя даже видимость формальной логики.

В современных условиях историография на пространстве бывшего СССР приобретает все более этноориентированный характер, когда те или иные геополитические изменения оцениваются с точки зрения интересов конкретного народа. «Российские власти стали проводить демографическую политику в своих интересах» [6, с. 41 и др.]. При этом практически общепризнанно, что военные Российской империи выступали за активное вмешательство в этнодемографические процессы, за регулирование миграционных потоков и за «насаждение русско-православного элемента на окраинах».

В заключение, как и планировалось, приведем зафиксированные в источниках характерные высказывания на тему геополитики, безусловно отражающие общественные представления конкретного времени и дающие богатую почву для более аргументированных обобщений.

Публицист в 1910 г. описывает разговор крестьян одной из черноземных губерний о Русско-японской войне: «А побили нас оттого, что генералы сдались... Что же эта за война: вон из нашей волости всего два человека раненых. А из такой-то деревни никто даже и на войне не был. Разве ж так воюют? Не сдайся господа, разве ж мы уступили бы? Да ни Боже мой!» [7, с. 299].

На станции Дивизионная под г. Улан-Удэ с октября 1939 г. дислоцировалась 114-я стрелковая дивизия. В первой половине февраля 1940 г. выделенный из состава этого соединения лыжный батальон принимал участие в боях советско-финской войны под Выборгом. Из документов политотдела дивизии за апрель 1940 г.: «Отдельные красноармейцы и командиры, не понимая ряда вопросов, высказывали неправильные толкования. Лейтенант 206-го отдельного противотанкового дивизиона Ходунов Л. С. (член ВКП(б)) рабочий высказывал такую мысль: «Советский союз в войне с Финляндией остановился на полпути, не оказав помощи финляндскому народу и народному правительству». Капитан Бронин И. А. 405-й легко-артиллерийский полк (член ВКП(б)) в беседе с красноармейцами также высказал мысль: «Что заставило СССР заключить договор с Финляндией, не доведя до конца начатое дело, надо было контрибуцию установить, а то и этого не сделано, а крови пролито много». Красноармеец этого же полка Гузенко Д. Ф. (беспартийный) на политинформации заявил: «Я все-таки не понимаю почему СССР заключил мир, очевидно, мы совсем не готовы для продолжительной войны, мы жалеем силы для будущих схваток» [8, л. 3].

Приведенный нами материал при всей его мозаичности подчеркивает важность системной проверки источниковой базы. Также отметим, что упомянутые нами историографические трактовки уже сами стали историей, породили за XX–XXI вв. масштабные и разнообразные последствия, воплотились в определенные государственные решения и т. д.

Литература

1. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси: Репринт, с изд. 1902, 1892 гг. М. : Ладомир, 1994. 593 с.
2. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб. : Лань, 2000. 302 с.
3. Британская империя // Военная энциклопедия ; под ред. К. И. Величко. Т. 5. СПб. : Тов-во И. Д. Сытина, 1911. С. 76–92.
4. Свечин А. А. Стратегия. 2-е изд. М. : Военный вестник, 1927. 265 с.
5. Безугольный А. Ю. «Вы допускаете грубую политическую ошибку...» (Кавказские национальные формирования в политических дискуссиях в период обороны Кавказа // Военно-исторический архив. 2004. № 10 (58). С. 60–82.

6. Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М. : Наука, 2015. 813 с.
7. Меньшиков М. О. Национальная империя. М. : Имперская традиция, 2004. 508 с.
8. Российский государственный Военный архив. Ф. 34995 – 114-я стрелковая дивизия. Оп. 1. Д. 2. Материал инспекторской проверки политзанятий и воспитательной работы в частях 114-й стрелковой дивизии.

MECHANISM OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF GEOPOLITICAL TASKS: SOURCE STUDY POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF COMPREHENSION

© P. A. Novikov, 2023

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article touches on the historical concepts of the spatial expansion of the Russian state, provides the most characteristic explanations. Researchers of geopolitical problems are experiencing a range of difficulties (including source studies), reinforcing the controversial conclusions and accusations of opportunism. In this material, we would like to review only the source aspect of geopolitical interpretations and generalizations. The question is raised – do the author's versions follow from historical sources or are they speculative in nature, based on "common sense"? It is impossible to imagine a historical source that would give indisputable grounds for extensive generalizations. This is not a reason to recognize the conclusions of the classics as erroneous, but their additional justification is required, for example, on the basis of statements reflecting public perceptions of a particular period.

Keywords: Russian state, geopolitics, territorial expansion, historiography, historical sources, concepts, interpretations, generalizations.

Новиков Павел Александрович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: novikov710@yandex.ru

Novikov Pavel Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: novikov710@yandex.ru

УДК 94(470)

КОНСТИТУЦИЯ РСФСР 1918 г. – КОНСТИТУЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

©А. В. Олейников, 2023

Астраханский государственный университет
Астраханский государственный технический университет
Астрахань, Россия

БИП – университет права и социально-информационных технологий,
Могилев, Республика Беларусь

Аннотация. Кратко рассмотрены основные принципиальные особенности Конституции РСФСР 1918 г. Отмечена специфика первой Конституции Советского государства. Охарактеризованы разделы этого высшего нормативно-правового акта молодого Советского государства. В итоге выявлено, что из содержания Конституции следует тот факт, что этот высший государственный акт, ущемив и поставив в бесправное положение ряд социальных категорий российского общества, проводя в жизнь постулаты политики военного коммунизма и доля граждан государства по классовому признаку на своих и «классово чуждых», стал немаловажным фактором развязывания Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Конституция 1918 г., РСФСР, избирательная система, Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, диктатура пролетариата.

Конституция РСФСР 1918 г. является первой Конституцией в истории Советского государства.

Начать подготовку этого высшего юридического акта было решено в январе 1918 г. на III Всероссийском Съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Тогда же приняли и Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа (в этом программном документе определялись основные направления государственной, экономической и социальной политики). Декларация, а также статьи о правах и обязанностях граждан вошли в качестве составной части в проект Конституции. ВЦИК 1-го апреля сформировал Конституционную комиссию (представители от большевистской фракции М. Н. Покровский, Я. М. Свердлов и И. В. Сталин, от фракции левых эсеров Д. А. Магеровский и А. А. Шрейдер, от максималистской фракции А. И. Бердников (право совещательного голоса) и от наркоматов – Д. П. Боголепов, В. А. Аванесов, Н. И. Бухарин, М. А. Рейснер, М. Я. Лацис, Э. М. Склянский) [1, с. 280].

Решающая роль в подготовке Конституции принадлежала созданной 28-го июня Комиссии ЦК РКП(б) (председателем являлся В. И. Ленин). Комиссией был разработан, дополнен и исправлен ряд ключевых разделов Конституции (нормы, посвященные ВЦИК и СНК, выборам, основным правам и обязанностям граждан).

10 июля 1918 г. V Всероссийский Съезд Советов утвердил (причем единогласно) Конституцию, которая была опубликована 19-го июля.

Конституция законодательно закрепила последствия Большевистского переворота: диктатуру пролетариата в форме республики Советов в качестве формы правления, федерацию как форму территориально-государственного устройства, национализацию средств производства в качестве экономической базы и интернационализм. В 6 разделах Конституции (Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа; Общие положения Конституции РСФСР; Конструкция советской власти в центре и на местах; Активное и пассивное избирательное право; Бюджетное право; О гербе и флаге РСФСР) были сформированы ее основные принципы.

Декларация определила как социальную (диктатура пролетариата), так и политическую (Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) основы новой государственности. Законодательно закреплялись первые экономические преобразования новой власти, такие как национализация (банков, крупной и части средней (пока) промышленности), недр, земли и лесных угодий, транспорта).

Срок, на который принималась Конституция, определялся как переходный – «от капитализма к социализму». Конституция имела под-

черкнуто классовый характер – открыто ущемляя целый ряд категорий российского общества. В. И. Ленин цинично заявлял, что его правительство не обещает свободу и равенство в принципе. Что и подчеркнуто в Конституции – акте диктатуры рабочих и беднейшего крестьянства для уничтожения и подавления буржуазии. Так, Конституция устанавливала ограничения в правах для т. н. «нетрудящихся» групп населения России, лишенных избирательных прав. Избирательное право (как активное, так и пассивное) предоставлялось с 18-летнего возраста лишь «трудящимся» (рабочим, крестьянам, солдатам, казакам и служащим, которые не использовали наемный труд в целях извлечения прибыли). Более того, даже разные категории «трудящихся» имели неодинаковые права.

Лозунг «Нетрудящийся да не ест», почетное право защищать революцию с оружием в руках лишь трудящимся, отделение церкви от государства и школы от церкви создали столь своеобразную ситуацию, что В. И. Ленин совершенно справедливо указывал на отсутствие в мире аналогичных конституций.

Целей государства по Конституции было 3: 1) уничтожение эксплуатации человека человеком; 2) ликвидация классового деления общества; 3) установление так называемой социалистической организации общества.

Территориально-государственное устройство РСФСР, как мы отметили выше, было федеративным – субъектами стали национальные республики и областные союзы в составе нескольких национальных областей (т. е. уже в это время, как видим, под советское государство была заложена мина замедленного действия).

Конструкция государственной власти также была достаточно своеобразной для нашего государства. Так, необходимость разделения властей отсутствовала – так как вся власть сосредотачивалась в руках законодательной власти в лице Советов. Соответственно, высшим органом государственной власти являлся Всероссийский Съезд Советов депутатов (рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих) [2, с. 247]. Высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом в промежутке между съездами являлся Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), избранный Съездом. ВЦИК формировал Совет Народных комиссаров (правительство РСФСР), состоящий из наркоматов (возглавляемых соответствующими народными комиссарами).

Органами власти на местах являлись местные съезды Советов (областные, губернские, уездные, волостные, городские и сельские) и их исполкомы. Государственная система строилась в соответствии с принципом «демократического централизма».

Соответственно была распределена и компетенция. К ведению Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа относились вопросы утверждения и изменения Конституции, принятия регионов в состав РСФСР, объявления войны и заключения мира, общее руководство внешней и внутренней политикой, установление общегосударственных налогов и повинностей, основ организации Вооруженных Сил, судостроительство и судопроизводство, общегосударственное законодательство. Причем вопросы изменения Конституции и ратификации мирных договоров относились к исключительному ведению Всероссийского съезда Советов.

Конституцией провозглашались свободы: совести, собраний и союзов и пр., а также равноправие (независимо от их национальной и расовой принадлежности) всех граждан. На практике же это означало свободу только для большевистских и союзных последним организаций (поскольку остальные были запрещены) и представителей новых господствующих классов.

Характеристика избирательной системы: 1) не всеобщее избирательное право; 2) неравное представительство при выборах; 3) непрямой порядок выборов; 4) открытое голосование; 5) низкий возрастной избирательный ценз; 6) участие в выборах женщин; 7) ярко выраженный классовый характер избирательной системы.

Допускались к выборам лишь представители отдельных социальных групп, в отношении которых и не применялись ограничения по признакам пола, национальности, оседлости, образования и вероисповедания. Эти группы объединялись понятием «трудящиеся». Значительная часть населения была лишена избирательных прав. К ней относились: лица, использующие наемный труд в целях извлечения прибыли, живущие на «нетрудовые» доходы, частные торговцы и посредники, представители духовенства, сотрудники жандармерии, полиции и охранного отделения.

Исключение из избирательного корпуса «социально чуждых элементов» не позволяло рассматривать избирательное право как всеобщее. Также представительство от социальных групп, имевших избирательное право, не было равным. Так, рабочие в избирательном праве имели преимущества по сравнению с крестьянством — как в нормах представительства при выборах в Советы, так и при выборах на съезды Советов. Способствовали неравному избирательному праву и своеобразные нормы, касающиеся многостепенности выборов (непосредственно население избирало лишь сельские и городские Советы). Так, говоря о неравенстве рабочих и крестьян, можно отметить, что при выборах на Всероссийский Съезд Советов городские Советы имели более высокую норму представительства (1 депутат от 25 тыс. избирателей),

чем губернские Съезды Советов (1 депутат от 125 тыс. избирателей) [3, ст. 25]. Присутствовало преимущество городских Советов при выборах на областные и губернские Съезды Советов.

По мысли законодателя, 5-кратное преимущество должно было обеспечить относительно малочисленному рабочему классу гегемонию во власти. Данная тенденция усиливалась следующим практическим правилом: рабочие участвовали в выборах не только в территориальных округах, но и в своих партийных и профсоюзных организациях. Последнее обстоятельство также должно обеспечить преобладание в представительных органах власти.

Многоступенчатая система выборов в Советы была аналогична схемам, существовавшим ранее (при выборах в земства и Госдуму). Если выборы в сельские и городские советы были прямыми, то делегаты последующих уровней избирались на Съездах Советов.

Своеобразный организационный «фильтр» должен был отсеять «чуждые элементы». Его эффективность усиливалась наличием порядка открытого голосования.

Конституция РСФСР стала образцом для первых советских конституций других республик, появившихся на территории бывшей Российской империи. Конституцию 1918 г. мы можем в полной мере наименовать «Конституцией Гражданской войны». Этот высший государственный акт, ущемив и поставив в бесправное положение ряд социальных категорий российского общества, проводя в жизнь постулаты политики Военного коммунизма и деля граждан государства по классовому признаку на своих и «классово чуждых», стал немаловажным фактором развязывания Гражданской войны в России. Утратившим возможность бороться за свои права категориям российского населения оставалось одно – отстаивать их с оружием в руках на поле боя.

Литература

1. Конституция РСФСР // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 280.
2. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. 364 с.
3. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51.

THE CONSTITUTION OF THE RSFSR 1918 – THE CONSTITUTION OF THE CIVIL WAR

©A. V. Oleynikov, 2023.

Astrakhan State University, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russian Federation
BIP – University of Law and Social and Information Technologies, Mogilev, Republic of Belarus

Abstract. In the article, we briefly reviewed the main fundamental features of the Constitution of the RSFSR of 1918. The specifics of the first Constitution of the Soviet state were revealed. The sections of this highest normative-legal act of the young Soviet state are characterized. As a result, it was revealed that the content of

the Constitution implies the fact that this supreme state act, having infringed and placed in a powerless position a number of social categories of Russian society, putting into practice the postulates of the policy of War Communism and dividing the citizens of the state according to class into their own and "class alien", became an important factor in the unleashing of the Civil War in Russia.

Keywords: Constitution of 1918, RSFSR, electoral system, Soviets of Workers', Peasants' and Soldiers' Deputies, dictatorship of the proletariat.

Олейников Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Астраханский государственный университет; профессор кафедры правоведения, Астраханский государственный технический университет; профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, Международный университет «МИТСО», г. Гомель, Республика Беларусь, e-mail: stratig00@mail.ru

Oleinikov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Astrakhan State University; Professor of the Department of Law, Astrakhan State Technical University; Professor of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines, International University "MITSO", e-mail: stratig00@mail.ru

УДК 94(57)

МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И ВЫДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ НАДЕЛОВ КРЕСТЬЯНАМ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЙТУНСКОЙ ВОЛОСТИ НИЖНЕУДИНСКОГО УЕЗДА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ) (1896–1900 гг.)

© Ю. А. Петрушин

Иркутский государственный университет путей сообщения
Иркутск, Россия

Аннотация. Изучается массовое переселение российских крестьян, которые в поисках лучшей доли решались на переселение в Сибирь, где рассчитывали избавиться от кабального помещичьего землевладения и найти свободные, пригодные для обработки и пропитания семей земли. Отмечается, что с конца XIX в. для крестьян-переселенцев начинают издаваться разъясняющие брошюры, а вступление в строй Транссиба увеличило приток переселенцев. На примере одной из волостей и Нижнеудинского уезда (округа) в целом в главных деталях реконструирован процесс изыскания и образования переселенческих участков.

Ключевые слова: крестьяне, переселение, информирование, Иркутская губерния, села, деревни, отвод земельных наделов.

История сибирских сел неразрывно переплетена с историей России. На территории Нижнеудинского уезда до середины XIX в. в основном были образованы старожильческие села и деревни. В их состав входили первые немногочисленные поселенцы, прибывшие из России, а также переселившиеся сюда пашенные крестьяне из Илима, казаки (458 чел.), ссыльнопоселенцы. На 1896 г. в Нижнеудинском округе насчитывалось (без города) 59 051 жителей. В их числе крестьян 46 475 чел. Другая часть населения Куйтунской волости, наиболее многочисленная, прибывает в Иркутскую губернию в конце XIX – начале

XX в. Она берет свое начало с конца XIX в. и связана с переселенческой политикой в Сибирь. Наши предки, российские крестьяне, были вовлечены в круговорот крупных событий, связанных с решением аграрного вопроса. В поисках свободных земель, лучшей доли они и решались на переселение в далекий, неведомый край. В Сибири они рассчитывали избавиться от кабального помещичьего землевладения и найти свободные, пригодные для обработки и пропитания своих семей земли.

Новые переселенцы, прежде жившие в Орловской, Черниговской губерниях, имели в центральной России небольшие наделы. На мужскую душу в этих губерниях приходилось в среднем от 2 до 5 десятин земли. В Полтавской губернии еще меньше – от 1,6 до 4 десятин. Аренда у помещика стоила от 11 до 15 рублей за десятину, деньги по тем временам для крестьян немалые [1, с. 18]. С ростом населения наделы дробились и уменьшались. Даже официальные опросы, проводимые властями центральных губерний России в конце XIX в., указывали на причины бедственного положения крестьян. Опрашиваемые люди сообщали: «Тяжко от безземелья, жить не причем, земли мало стало, кола вырубить негде, утеснение скотине» [2, с. 276]. Чтобы снять политическое напряжение, власти информировали крестьян Европейской России о наличии больших территорий свободных земель в Сибири. Среди крестьян постоянно заходили разговоры о неведомой, богатой сибирской стороне. Все чаще звучали мнения: идти в Сибирь за людьми, работать на себя.

С конца XIX в. для крестьян-переселенцев начинают издаваться популярные памятные книжки и брошюры. В них говорилось, что в Сибири организованные переселенцы могут получить земельный надел до 15 десятин на мужскую душу. Они на пять лет будут освобождены от уплаты оброчной государственной подати, а следующие пять лет платить ее в половинном размере. Переселенцы освобождались и от воинской повинности сроком до четырех лет. Такие условия вполне устраивали крестьян. В Сибирь потянулись «неорганизованные» переселенцы из центральных губерний России.

В 1896 г. в России было создано Переселенческое управление сначала при МВД, затем при Главном управлении землеустройства и земледелия. На него возлагалась вся организация переселения крестьян в Сибирь. В Иркутской губернии были образованы переселенческие пункты, которые принимали прибывших переселенцев и направляли их к местам водворения. Вопросами переселения на Куйтунские участки ведал заведующий Куйтунским подрайоном, подчинявшийся губернскому Переселенческому управлению в Иркутске.

Строительство Сибирской железной дороги существенно увеличивало приток переселенцев. Участок Красноярск – Иркутск в первоначальном однопутном варианте был сооружен в 1894–1898 гг. Активнее развернулся процесс изыскания и образования новых переселенческих участков. Переселенческое управление создавало специальные партии, осуществлявшие межевание заселенных, а также свободных земель для образования новых участков. Материалы обследования этих партий публиковались в виде специальных отчетов. В одном из таких документов мы и встречаем первые данные об образовании сел и деревень в Куйтунской волости. Он назывался «Отчет о работах по образованию из казенных земель переселенческих и запасных участков. Обследование незаселенных лесных пространств в Иркутской губернии за 1896 г.». Документ был составлен по итогам работы Иркутской особой партии по образованию участков вдоль линии Сибирской железной дороги и издан в Иркутске в 1897 г. В нем сказано, что специальная изыскательская партия была сформирована весной 1896 г., прибыла в Куйтунскую волость и работала здесь до глубокой осени. Она осуществляла обход и межевание земель, проектировала новые участки. При проектировании новых участков партия учитывала наличие проточной воды, близость к железной дороге. Фронт работ в Куйтунской волости составлял 50 тысяч десятин. Вся партия работала на громадной территории 1, 456 тыс. десятин. Землемеры отмечали, что в Нижнеудинском округе много захватов земли старожильским населением. Они имели по 30–40 десятин хорошей земли. Старожилы старались преуменьшить в отчетах размеры своих захватных наделов, иногда относились к членам землеустроительной партии весьма враждебно, хотя изъятия излишков земли у старожилов не осуществлялось.

Все запроектированные участки Нижнеудинского округа (54 общей площадью 197 245 десятин) были внесены на рассмотрение Временной комиссии. Комиссия утвердила образование 47 участков. В разряд переселенческих было отнесено 35 участков площадью 135 744 десятин удобной земли на 8183 душ переселенцев мужского пола. К разряду запасных под будущий прирост населения были отнесены 12 участков. Это 20 % от площади всех участков [3].

Завершение проектирования и образование переселенческих участков в 1897–1900 гг. положило начало организации массового переселения крестьян, началось их перемещение в Сибирь. Проезд в Сибирь стоил 40–50 руб. Переселенцы передвигались крупными партиями от 40 до 100 семей, как правило, выходцев одной губернии или уезда. На переселенческом участке землю могли получить только новоселы, приехавшие по разрешению. Самовольные переселенцы приписы-

вались к старожильческим селам, или арендовали землю у ранее прибывших переселенцев, раскорчевывали кустарник, неудобные для хозяйственного освоения земли. Проектирование запасных участков и прибытие новых переселенцев существенно увеличило прирост населения Нижнеудинского уезда, усилило надежность закрепления территории Восточных рубежей России.

Литература

1. Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение в Сибирь: Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. СПб., 1906. 141 с.
2. Любавский М. К. Историческая география в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 302 с.
3. Отчет о работах по образованию из казенных земель переселенческих и запасных участков. Обследование незаселенных лесных пространств в Иркутской губернии за 1896 г. Иркутск, 1897. 34 с.

MASS RESETTLEMENT AND ALLOCATION OF LAND PLOTS TO PEASANTS (BASED ON THE MATERIALS OF THE KUYTUNSKY VOLOST OF THE NIZHNEUDINSKY DISTRICT OF THE IRKUTSK PROVINCE) (1896–1900)

© Yu. A. Petrushin

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Russian peasants in search of a better life, they decided to move to a distant, unknown land. In Siberia, they hoped to get rid of enslaved landlords and find free land suitable for cultivation and subsistence of families. Since the end of the XIX century explanatory brochures are being published for the displaced peasants. The entry into operation of the Transsib increased the influx of migrants. On the example of one of the volosts and the Nizhneudinsky uyezd (district) in general, the process of exploration and formation of resettlement sites is reconstructed in detail.

Keywords: peasants, resettlement, information, Irkutsk province, villages, allotment of land plots.

Петрушин Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия, e-mail: yurypetrushin@mail.ru

Petrushin Yuri Alexandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: yurypetrushin@mail.ru

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ³

© А. С. Пученков, 2023

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Исследуется вопрос о духовно-нравственной составляющей Белого движения в России в годы Гражданской войны; предпринимается попытка анализа основных составляющих идеологии Белого движения сквозь призму религиозных взглядов его участников.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, революция, Белое движение, религиозный фактор.

Автору этих строк приходилось писать об идеологии Белого движения и политических устремлениях белогвардейцев [1, с. 6–47; 2, с. 138–164]. Вне всякого сомнения, этот вопрос может быть признан в качестве одного из основных в историографии Гражданской войны, поскольку именно Белое движение представляло собой наиболее серьезную альтернативу большевистскому пути развития России. Победив в Гражданской войне своих основных противников – белых, большевики получили возможность приступить к планомерной и последовательной реализации беспримерного в истории по своей амбициозности политического проекта. На долю же проигравших выпала Чужбина и многолетние проклятия и забвение в своей стране. Положительная же составляющая политической программы Белого движения не была предметом самостоятельного исследования для профессиональных историков; рядовой обыватель и вовсе не имел о ней никакого представления.

Помимо политической компоненты, важную роль в Белом движении играл и его духовно-нравственный смысл; нельзя забывать и о его патриотической составляющей, воодушевлявшей как рядовых участников борьбы, так и вождей. «Пусть много темного явила действительность Белого движения в своей массовости, весьма разнокачественной: не только патриотический идеализм самоотверженных подростков, окрыливший самое возникновение Белого движения, определял его положительную сущность. Эта сущность жила и цвела во всем его составе от последнего солдата до верховного главнокомандующего, про-

³ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266, «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны, феномен, значение и региональная специфика».

никая и в гражданскую сторону, необходимо сопровождавшую везде Белое движение, как начаток творимого будущего», – писал архимандрит Константин (Зайцев) [3, с. 19–20].

Говоря о духовной составляющей Белого движения, не будем забывать и о важном значении религиозного фактора в годы Гражданской войны. Согласно мнению петербургского историка В. В. Калиновского, лишь с учетом религиозного фактора можно понять масштаб противостояния в эпоху российской междоусобицы [4, с. 108]. Изучение этой компоненты Гражданской войны в последние годы идет чрезвычайно успешно и интенсивно. Примером может служить, в частности, поддержанный РНФ Проект «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны, феномен, значение и региональная специфика», выполняемый под руководством автора этих строк в Санкт-Петербургском государственном университете. Работа, проводимая коллективом историков в рамках этого Проекта, позволяет, на наш взгляд, скорректировать целый ряд сложившихся в историографии и публицистике заблуждений и стереотипов, к одному из которых относится, например, укоренившаяся трактовка братоубийственного противостояния как столкновения глубоко и искренне верующих участников Белого движения с воинственными безбожниками-красными.

Подобная оценка выглядит односторонней: со всей определенностью можно говорить о том, что для вождей Белого движения на Юге России, в частности, М. В. Алексева, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и П. Н. Врангеля принадлежность к православной вере была не просто фактом их биографии; все они были набожными христианами и смиренными сыновьями Церкви. Оговорим, однако, что и Алексеев, и Корнилов, и Деникин, и Врангель относились к старшему поколению участников Белого движения: вероятно, следует предположить, что немалая часть представителей более молодого поколения, сражавшегося под знаменами «Великой, Единой и Неделимой», относилась к вопросам веры более формально.

Рассматривать войну белых и красных как войну во имя защиты православной веры ни в коем случае нельзя. Так, известный православный иерарх митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях подчеркивал, что белых толкала на путь непримиримой борьбы с красными вовсе не религия, а именно непримиримое отношение к советской власти [5, с. 318–322].

Особо следует указать на внимательное отношение и Деникина, и Врангеля к вопросам устроения церковной жизни на контролируемой белыми территории. При этом не будем забывать и о теплом отношении Деникина – к протопресвитеру русской армии и флота о. Георгию

(Шавельскому) [6, с. 98–114.], а Врангеля – к епископу Севастопольскому Вениамину (Федченкову) [7, с. 115–120]. И Деникин, и Врангель продолжали общение со священнослужителями и в эмиграции. Оба владыки оставили мемуары, хорошо знакомые всем исследователям Гражданской войны [5; 8]. Особый интерес в воспоминаниях священнослужителей вызывают страницы, содержащие яркие портретные характеристики белогвардейских военачальников: М. В. Алексеева, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, Я. А. Слащова, И. П. Романовского. Тяготение к регулярному общению с православными иерархами, безусловно, свидетельствовало о понимании белыми вождями значимости вопросов веры, равно как и о высоком авторитете каждого из этих священнослужителей для Деникина и Врангеля, соответственно.

Не будем забывать и о знаменитом майском воззвании 1920 г. генерала Врангеля к населению Крыма, в котором в качестве первой из перечисленных целей белой борьбы провозглашалась «поруганная вера и оскорбленные ее святыни». Вне всякого сомнения, упоминая «поруганную веру», Врангель рассчитывал на получение политических дивидендов благодаря противопоставлению «добрых христиан»-белогвардейцев «безбожникам»-большевикам.

В годы Гражданской войны Русская православная церковь столкнулась с воинственной агрессией со стороны советской власти по отношению не только к отдельным представителям духовенства, но и к Церкви как институту. Не в последнюю очередь именно из-за этого, Церковь рассматривала Белое движение как в большей степени, чем большевики, приемлемую для себя политическую силу. Белые же, как обоснованно предполагает Н. Н. Смирнов, видели в Церкви «своего важнейшего и надежнейшего союзника, способного донести их идеи и лозунги до народных масс» [9, с. 246].

Безусловно, ядро духовно-нравственной системы ценностей Белого движения основывалось на том укладе, который сложился в России на момент, предшествующий падению монархии. Ввиду этого, пожалуй, можно говорить о Белом движении как политической силе, опирающейся на ценности в известной степени консервативные – патриотизм, уважение к частной собственности, наследственная культура, в какой-то мере сословный строй, монархия – но вовсе не как приверженность легитимизму, а как тот политический строй, который обеспечивал России до Февраля крепкую и устоявшуюся государственность и уважение на европейской арене. Иными словами, Белое движение позиционировало себя как общероссийская государственническая сила, правопреемственная по отношению к имперской государственной власти. Консервативный образ Белого движения, сложившийся в глазах

населения, играл в условиях Гражданской войны едва ли не ключевую роль: белым не верили, считая, что они отстаивают *старое*, в то время как большевики предложили народу новую *государственную* идею. Конечно, это повлияло и на исход беспримерного противостояния красных и белых: народ пошел за теми, кто звал их вперед, а не тянул, как казалось многим, назад, в пережившую уже саму себя эпоху.

Литература

1. Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 года. 2-е изд., испр. и доп. М. : Научно-политическая книга, 2016. 399 с.
2. Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб. : Владимир Даль, 2021. 813 с.
3. Зайцев К. И. Чтобы понять то, что произошло с Россией, надо увидеть две вещи / публ. В. Л. Телицына // Исторический архив. 2019. № 2. С. 15–22.
4. Калиновский В. В. К вопросу о религиозности «белых» вождей // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны. Омск, 2021. С. 107–113.
5. Вениамин (Федченков), митрополит. Россия между верой и безверием. М. : Развитие духовности, культуры и науки, 2003. 732 с.
6. «Если бы Вы нас сразу поддержали!»: письмо о. Георгия Шавельского генералу А. И. Деникину / публ. А. С. Пученкова // Исторический архив. 2022. № 3. С. 98–114.
7. Пученков А. С. Митрополит Вениамин (Федченков) в 1919–1920 гг.: из истории Гражданской войны в Крыму // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023. Омск, 2023. С. 115–120.
8. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии. М. : Вечер, 2019. 493 с.
9. Смирнов Н. Н. Православное духовенство в годы Гражданской войны // Российская история. 2022. № 6. С. 246–249.

THE SPIRITUAL AND MORAL MEANING OF THE WHITE MOVEMENT: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM

© A. S. Puchenkov, 2023

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article deals with the question of the spiritual and moral component of the White movement in Russia during the Civil War; an attempt is made to analyze the main components of the ideology of the White movement through the prism of the religious views of its participants.

Keywords: Russia, Civil War, revolution, White movement, religious factor.

Пученков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Puchenkov Alexander Sergeevich – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: ap80@mail.ru, a.puchenkov@spbu.ru

ГОРОДА БАМА: ОТ КОММУНИЗМА К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ

© О. М. Рой, 2023

Институт философии и права УрО РАН
Екатеринбург, Россия

Аннотация. Строительство второй ветки БАМа становится одним из стратегически значимых инвестиционных проектов России на ближайшие годы. В этих условиях важно оценить состояние социальной инфраструктуры такого проекта, сформированной в прилегающих к трассе городах. Целью статьи является оценка социально-экономического положения городов БАМа, изменений, произошедших за последние десятилетия. Проводится сравнительный анализ этих городов, выявляется их экономический профиль, определяются перспективы их развития. Эмпирическая база исследования включает в себя обзор муниципальной статистики, анализ интервью и газетных материалов, обобщение документов стратегического планирования. Результатом исследования являются рекомендации по развитию городов БАМа в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: Байкало-Амурская магистраль, город, экономический профиль территории.

Летом 2022 г., будучи в музее БАМа в Северобайкальске и разговаривая с гидом о прошлом и настоящем БАМ, я услышал удивительную мысль, что период начала строительства магистрали в начале 70-х гг. прошлого века воспринимается с позиций сегодняшнего дня как «золотой век», по мере ухода от которого, вместе с возведением новых сотен километров железных дорог, условия жизни строителей магистрали с тех пор не только не улучшились, но и в чем то стали ухудшаться.

В то же время за эти пять десятилетий на трассе БАМа возникло несколько городов, воплотивших в себе память о строителях уникального таежного пути, отразивших в своем развитии изменения, которые происходили с людьми, экономикой этих городов и человеческими ожиданиями о их будущем.

Говорить о городах БАМа достаточно трудно, поскольку не все они возникли в период строительства магистрали. Если одни города возникали как центры строительства узловых станций и вспомогательных производств, то другие обеспечивали инфраструктурное сопровождение процесса строительства, выступая своеобразными перевалочными пунктами для перемещения рабочей силы и грузов.

Сложностью в освоении городов БАМа были сложные морфологические условия, требующие принятия сложных технических решений как в области строительства жилья, так и прокладке коммуникационных сетей, возведении инфраструктурных объектов.

Города БАМа сформировали вокруг железнодорожной ветки социальную и инженерную инфраструктуру, призванную обеспечить бесперебойный график пассажирских и грузовых перевозок по важнейшему транспортному направлению. При этом возникает вопрос о том, насколько сбалансированной является государственная политика по развитию железнодорожной магистрали? Какие есть возможности для развития поселений, находящихся в створе стратегически значимой железнодорожной ветки?

Научный характер сформулированных выше вопросов заключается в том, чтобы определить сочетаемость во взаимодействии городов в рамках реализуемого проекта, их способность включения в новые инвестиционные проекты. Важную роль в оценке такой сочетаемости играет экономический профиль городской территории – понятие, позволяющее обеспечить сравнение участвующих в инвестиционных проектах городов. В исследовании целесообразно использовать новейшие подходы [1; 2].

Результаты исследования

На трассе БАМа можно выделить 6 наиболее крупных городских поселений, обеспечивающих социальную поддержку амбициозного советского проекта. Этими городами являются – Братск, Усть-Кут, Тайшет, Тында, Северобайкальск и Комсомольск-на-Амуре. Три города из этого списка представляют Иркутскую область, один – Бурятию, один – Амурскую область, один – Хабаровский край. Каждый из городов имеет свой экономический профиль, обеспечивающий его место в системе национального разделения труда.

Возникший еще в XVII в. Братск стал важным форпостом в освоении Забайкалья. Создание Братской ГЭС не только стимулировало развитие города, но и сформировало мощный энергетический источник разнообразных производств – алюминия, лесопереработки, ферросплавов и пр. Другой город Иркутской области Тайшет, возникший в конце XIX в. как одна из станций Транссибирской железнодорожной магистрали, в рамках строительства БАМа становится его начальной точкой. Именно строительство участка Братск – Тайшет становится первой осью в возведении магистрали. Усть-Кут в 1974 г. был объявлен отправной точкой строительства БАМа, в городе располагался штаб Западного участка строительства дороги. Основная экономическая специализация города сегодня – пиломатериалы, отправляемые в другие регионы страны и Китай. Расположенный на территории Амурской области город Тында, ставший своеобразной столицей БАМа, является крупным транспортным узлом. Здесь пересекаются железнодорожные линии Бама и Амуро-Якутской магистрали, выходящей на Трансиб. Тында стала, пожалуй, самым населенным городом БАМа: здесь в 1991 г. насчитывалось 65 тыс. чел. Однако в дальнейшем начался рез-

кий отток населения. Город Хабаровского края Комсомольск-на-Амуре является важным транспортным узлом на БАМе. Кроме того, в городе сконцентрировано большое количество промышленных предприятий, в первую очередь ВПК.

Общим для всех городов данной группы являются неблагоприятные демографические показатели, значительно ухудшившиеся после пиковых значений 70–80-х гг. прошлого века. Стремление государственной власти разгрузить транссибирскую магистраль за счет перенаправления определенной части транспортных потоков по БАМу оживило в начале нынешнего века экономическую ситуацию в ряде городов. Наилучшие показатели экономической активности продемонстрировали города Братск и Комсомольск-на-Амуре. Братск является крупным энергетическим и промышленным центром Сибири, а Комсомольск-на-Амуре – центром обрабатывающей промышленности, авиа- и судостроения, а также ВПК.

В табл. 1 представлен сравнительный анализ городов БАМа по ключевым социально-экономическим показателям⁴.

Таблица 1

Сравнительный анализ городов БАМа

Города	Численность	Среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства)	Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 чел.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников крупных и средних предприятий и некоммерческих организаций городского округа
Братск	222 528	49 182	106 104	71 492,9
Усть-Кут (Усть-Кутский м.о)	41 860	26 512	3 215 924	102 401,1
Тайшет (вместе с поселениями)	53 744 – в районе 34 491 – в Тайшете	17770	411 168	63 939,3
Тында	28 160	–	482 820	60 570
Северобайкальск	10 805	12,5 % 3226	21 819	84 480,6
Комсомольск-на-Амуре (агломерация)	238 505	3656	9400,7	42 357,6

Составлено: по данным муниципальной статистики.

⁴ Следует учитывать сложности в сопоставлении значений между городами, поскольку отдельные статистические значения взяты в более укрупненном формате, включая входящие в административно-территориальные границы городских округов поселения.

Как показывают данные табл. 1, значительных диспропорций в развитии городов БАМа не наблюдается. В менее населенных городах трассы остаются достаточно высокие значения инвестиций в основной капитал и показатели занятости. Особенно интересными представляются перспективы Усть-Кута, экономика которого основана на добыче природных ресурсов, лесном хозяйстве и деятельности предприятий транспортного узла «железная дорога – порт». Стимул развитию города придает введение подстанции «Усть-Кут» на 500 кВ, которая позволила обеспечить скачок развития промышленности и энергообеспечение второй ветки БАМа.

Произвести сопоставление городов БАМа в рамках реализации перспективных инвестиционных проектов возможно с использованием категории «экономический профиль территории», призванной оценить степень готовности городов к кооперации друг с другом и участия в проектах [1; 2]. Экономический профиль городской территории позволяет рассмотреть возможности кооперации данной территории с другой территорией на основе сопоставления экономической специализации города, структуры его экономического потенциала и перечня стратегических приоритетов (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ экономического профиля городов БАМа
на основе стратегий и программ социально-экономического развития

Города и агломерации	Экономическая специализация	Стратегический приоритет	Структура экономического потенциала
Братск	Энергоснабжение, металлургия, лесопереработка	– обеспечение благоприятной среды. – развитие экономического потенциала города, – совершенствование системы управления	– промышленное производство – 26 %, – операции с недвижимым имуществом и предоставление услуг – 15 %, Торговля – 14 %
Усть-Кут (Усть-Кутский м. о)	– добыча полезных ископаемых, – лесопереработка, – портовое обслуживание	– формирование газотранспортной и газопотребляющей инфраструктуры, строительство дополнительных генерирующих мощностей, – повышение качества жизни	– деревообработка, – топливная и химическая промышленность
Тайшет (вместе с поселениями)	– лесопереработка, – транспортное обслуживание	– повышение уровня жизни, – наращивание стратегического потенциала – эффективное муниципальное управление	– сфера транспорта и связи – 17 % – лесозаготовки – 8 %

Окончание табл. 2

Города и агломерации	Экономическая специализация	Стратегический приоритет	Структура экономического потенциала
Тында	– лесопереработка, – предприятия железнодорожного транспорта	– устойчивое развитие экономического пространства; – комфортная городская среда; – развитый человеческий капитал; – эффективное управление	– транспортировка и хранение – 34,4 %; – строительство – 20 % – обрабатывающее производство – 20 %
Северобайкальск	– рыбопереработка, – лесная промышленность, – туризм	– реконструкция взлетно–посадочной полосы аэропорта Нижнеангарска, – реконструкция инженерных сетей и Тыйского водозабора, – газификация	–
Комсомольск-на-Амуре (агломерация)	– производство транспортных средств, – металлургическое производство	– Кластерная активация в промышленных, агропромышленном, туристическом, строительном и информационно–коммуникационном секторах экономики – Развитие механизмов балансировки на рынке труда, – создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику, – организация и развитие инфраструктурного обеспечения инвестиционной привлекательности.	– предприятия по производству транспортных средств и оборудования (производство самолетов, производство судов) – около 70 % в обрабатывающей сфере, – металлургическое производство – 12%, – производство нефтепродуктов

Составлено по: Стратегия социально-экономического развития г. Братска на 2030 г.; Стратегия социально-экономического развития Усть-Кутского муниципального образования (городского поселения) до 2036 г.; Стратегия социально-экономического развития муниципального образования "Тайшетский район" на 2019–2030 гг.; Стратегия социально-экономического развития муниципального образования города Тында на период до 2030 г.; Комплексный план развития города Северобайкальск; Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре» до 2032 г.

Рекомендации

Во-первых, сформировать кластерную систему организации железнодорожного обслуживания БАМа на основе кооперации городских центров.

Во-вторых, в качестве приоритетных направлений развития экономики городов БАМа предусмотреть: лесопереработку, обрабатывающее производство, транспортное обслуживание и туризм.

В-третьих, сформировать ассоциацию городов БАМа, призванную обеспечить обмен информацией, опытом муниципальных практик, разработать комплексную программу социального развития территории БАМа.

Литература

1. Красносельская Д. Х. Бенчмаркинг как инструмент совершенствования экономического профиля территорий // Вестник МГТУ им. Г. И. Носова. 2013. № 1 (41). С. 101–104.
2. Кангалакова Д. М., Сатпаева З. Т., Ильяс А. Социально-экономический профиль крупных городов Казахстана // Central Asian Economic Review. 2023. № 1(148). С. 60–71. DOI: 10.52821/2789-4401-2023-1-60-71

CITIES OF BAM: FROM “COMMUNISM” TO A BRIGHT FUTURE

© O. M. Roy, 2023

Institute of Philosophy and Law UB RAS, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The construction of the second phase of the Baikal-Amur Mainline (BAM) is becoming one of the strategically significant investment projects in Russia for the coming years. Under these conditions, it is important to assess the state of the social infrastructure of such a project, formed in the cities adjacent to the highway. The purpose of the article is to assess the socio-economic situation of the cities of BAM, the changes that have taken place over the past decades. The article provides a comparative analysis of these cities, reveals their economic profile, and determines the prospects for their development. The empirical base of the article includes a review of municipal statistics, analysis of interviews and newspaper materials, and a synthesis of strategic planning documents. The result of the study are recommendations for the development of these cities in the near future.

Keywords: Baikal-Amur Mainline, city, economic profile of the territory.

Рой Олег Михайлович – доктор социологических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования; ведущий научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, e-mail: roi_omsk@mail.ru

Roy Oleg Mikhailovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Education, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law UB RAS, Yekaterinburg; Professor of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation, e-mail: roi_omsk@mail.ru

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1991–2023)⁵

© Н. Н. Смирнов, 2023

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Дается краткий обзор изучения истории революции 1917 г. и Гражданской войны в России в постсоветской историографии 1991–2023 гг. Определены основные направления исследований, расширение их географии, характер проводимых дискуссий, связь с общемировыми тенденциями изучения означенных проблем.

Ключевые слова: Россия, революция, Гражданская война, власть и общество, международные отношения, советская и постсоветская историография.

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. знаменовал собой с одной стороны, завершение советского этапа развития исторической науки и, с другой стороны, положил начало формированию постсоветского ее этапа, вовлеченными в который оказались не только российские исследователи, но и их коллеги в государствах, сложившихся после распада СССР. И если в Российской Федерации определенное время существовала преемственность в развитии исторической науки, то на государственном пространстве бывших советских республик происходило либо полное, либо частичное отрицание общероссийских исторических корней. Все чаще советская историография оценивалась как средство «расправы с инакомыслящими, с творческими направлениями в науке» [1, с. 252] и аргументировалась необходимостью создавать исследования, отражающие реальную и объективную стороны развития исторического процесса [2, с. 635].

Заметим, что принципиальные споры в среде исследователей не так часто затрагивали дореволюционный период отечественной истории и, напротив, все чаще касались необходимости переосмысления ее советского этапа [3, с. 7 и др.]. Особенно острыми были дискуссии о революции и Гражданской войне в России. Во многом они были вызваны повышенным интересом к проблеме наличия альтернатив в развитии исторического процесса.

Применительно к революционным событиям 1917 г. характер дискуссии 90-х – начала 2000-х гг. определяло положение о возможности реформистского выхода Российской империи из кризиса 1914–1917 гг.,

⁵ Публикация подготовлена при поддержке РНФ, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемом в Санкт-Петербургском государственном университете.

высказанное академиком П. В. Волобуевым еще в 1987 г. [4, с. 17]. Автор справедливо замечал: «Историческая необходимость, как и вытекающее из нее все историческое движение общества, взятые в целом и в составляющих их процессах, явлениях и ситуациях, в каждый данный момент содержат в себе различные возможности, тенденции развития» [4, с. 21]. Современники подчеркивают, что П. В. Волобуев признал возможность альтернативы, но подчеркивал, что «ни либеральная буржуазия, ни мелкобуржуазная демократия не способны реализовать данную альтернативу» [5, с. 42].

Показательно, что уже в 1988 г. на заседаниях круглого стола «Россия 1917 года: выбор исторического пути» видные представители советской исторической науки (Е. Н. Городецкий, Г. З. Иоффе, К. Ф. Шаццлло, Ю. И. Кораблев и др.) открыто рекомендовали отказаться от конфронтационного взгляда на зарубежную историографию и по достоинству оценить ее наработки, говорили о необходимости обновления методологического инструментария исследований [5, с. 43].

Согласимся, что в 1990 – начале 2000 гг. мы наблюдали активную трансформацию структуры исследований по истории революции и Гражданской войны. В научных кругах говорили о заметном снижении исследовательского интереса к этим проблемам, что проявлялось как в количестве защищенных кандидатских и докторских диссертаций, так и в динамике издания книг. Да и в том, что доходило до читателя, преобладали ранее считавшиеся маргинальными темы: религиозный фактор в эпоху революции и гражданской войны, масонский заговор, страдания царской семьи, зарождение и развитие антибольшевистских сил и т. п.

Интересно наблюдение одного из самых известных исследователей истории революции 1917 г. московского историка В. П. Булдакова: «XX век стал временем реализации архаичных утопий через “восстание масс”, а отнюдь не эпохой “пролетарских революций”» [6, с.335]. При этом автор предупреждает, что «антикоммунистический метанарратив, оживившийся после падения СССР, также не сулит познавательных перспектив. Во-первых, в основе его лежит представление, что большевики действовали “не по правилам”, игнорируя демократию западного образца. Во-вторых, победа большевиков связывается то ли с набором “случайностей”, то ли с “роковыми” ошибками российской демократии, то ли с их “дьявольской” изворотливостью Ленина и его последователей. Подобный телеологизм также далек от реалий 1917 года» [6, с. 335]. Однако вряд ли можно согласиться с посылом, что все, происшедшее в России 1917 г., было не более чем «красной смутой».

Когда мы говорим о современной историографии истории российской революции и Гражданской войны, то, как представляется, следует очертить круг проблем, вокруг которых ведутся споры. Несомненно, правы составители сборника «Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии», речь должна идти и об исторических корнях, социально-экономических предпосылках и политических причинах революции, проблемах ее периодизации и возможных альтернативах развития событий, стратегии и тактике различных политических партий и общественных организаций, соотношения демократических и охлократических тенденций в развитии революции, роли внешнего фактора [7, с. 3].

Материалы сборника представляют полемическую статью известного петербургского историка Г. Л. Соболева «Русская революция 1917 года: взгляд историка из 2012 года». Отвечая на провокационный вопрос некоторых исследователей о «немецких деньгах» в истории прихода большевиков к власти, исследователь приводит иной малоизвестный документ из архива МИД Великобритании – меморандум от 23 октября 1917 г. В нем, в частности, отмечалось: «... Из более чем одного источника к нам поступают беспокоящие слухи о том, что Керенский находится на жалованье у Германии и что он и его правительство делают все, чтобы ослабить и дезорганизовать Россию, приведя ее к положению, когда никакой другой курс, кроме сепаратного мира, будет невозможен» [7, с. 35]. Вслед за Г. Л. Соболевым выскажем сожаление, что данный документ остается малоизвестным и не получил публичного обсуждения, вероятно, потому, чтобы «не отвлекать внимание от “главного” германского шпиона – Ленина».

Немало копий в постсоветской историографии сломано по поводу хронологических рамок Гражданской войны в России. Новое поколение историков не без оснований предлагает расширить их периодом осени 1916 г. – концом 20-х гг. прошлого века [8, с. 58–59]. Солидарен с историками старой советской школы относительно указанного предмета: логично считать началом Гражданской войны в России революционные события 1917 г., а завершением – освобождение Сибири и Дальнего Востока в конце 1922 г.

Известный архангельский историк В. И. Голдин справедливо отмечает остроту и актуальность проблемы, сохраняющуюся и в современном российском обществе, «боль и даже раскол по отношению к событиям и участникам Гражданской войны в России», необходимость для современных исследователей «“подняться над схваткой”, раскрыть во всей полноте и противоречивости эту сложную историческую тему и народную драму [9, с. 7].

В постсоветской историографии с историей Гражданской войны происходит удивительная метаморфоза: главными героями кровавых событий становятся участники «Белого движения», а их оппоненты – «красные» – предстают «мальчишами-плохишами», ведущими российское общество в сторону кровавой диктатуры и уничтожения «всего святого». Остается непонятным, почему «красные» победили «белых».

Несомненно, позитивным является факт обращения российских историков, как столичных, так и региональных, к изучению сложнейших проблем и парадоксов эпохи Гражданской войны. Работы Р. Г. Гагкуева, А. С. Пученкова, А. В. Ганина, А. В. Посадского, Д. О. Чуракова, К. Б. Назаренко, многих других представляют в целом оригинальный взгляд на эпоху Гражданской войны в центре и на местах, определяют ключевые проблемы этой эпохи. Именно в постсоветской историографии находит должное отражение региональный аспект революции и Гражданской войны, который находил недостаточное освещение в советской историографии.

Постсоветская историография серьезно обратилась к исследованию проблем воздействия революции и Гражданской войны на российскую деревню, где проживало более 80 % населения страны, воздействию религиозного фактора на действия власть предержащей и рядовых граждан страны. Исследователи справедливо отмечают, что сегодня «можно говорить о растянувшемся на длительный период времени процессе “вхождения” или “вползания” России в Гражданскую войну, и этот процесс имел свои особенности в различных регионах страны» [10, с. 23].

Заслуживают внимание и серьезные усилия современных историков в области изучения положения различных конфессий на территории бывшей Российской империи в годы революции и Гражданской войны; в советский период разработка этой проблемы велась крайне хаотично, по сути, не являясь предметом самостоятельного исследования. Ныне же разработки в этой области ведутся чрезвычайно результативно: за последние десятилетия отечественными и зарубежными историками опубликован ряд серьезных трудов, некоторые из которых имеют важное историографическое значение и основаны на добротной документальной базе. Назрела необходимость в создании обобщающего исследования по этой проблематике. Под руководством профессора А. С. Пученкова в Санкт-Петербургском государственном университете реализуется получивший поддержку РНФ проект «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика». За последние несколько лет участники колллектива упомянутого проекта осуществили целый ряд архивных поездок в самые отдаленные регионы России; надеемся, что собранный ими

уникальный материал будет обработан и опубликован в виде капитальной монографии. Это позволит в какой-то мере закрыть существующую историографическую лакуну.

В заключение отметим, что эпоху революции и Гражданской войны в России правомерно характеризовать как сложный, противоречивый, уникальный исторический феномен, нашедший достойное отражение в постсоветской историографии. Обстоятельный анализ социально-политических, экономических, социокультурных, религиозных, национальных и межнациональных процессов, внутренних и международных споров и столкновений, ряда других проблем еще только предстоит подготовить и осуществить.

Литература

1. Блинов Н. В. Советская историография // Вопросы истории. 1998. № 2.
2. Алексеева Г. Д. Историческая наука России в поисках новых исторических концепций // Россия в XX веке: историки мира спорят / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М., 1994.
3. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. 352 с.
4. Волобуев П. В. Выбор путей исторического развития. Теория, история, современность. М., 1987. 312 с.
5. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: В 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. Т. 1 М.: Политическая энциклопедия, 2017. 743 с.
6. Булдаков В. П. Историк и XXI век. Статьи, рецензии, выступления, интервью. 1991–2021 гг. М.: Новый хронограф, 2023. 712 с.
7. Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: сб. докл. СПб., 2013. 182 с.
8. Смирнов Н. Н. Нельзя отделять церковь от гражданской истории // Омский научный вестник. 2022. Т. 7, № 2.
9. Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. материалов Междунар. науч. конф. / сост. В. И. Голдин, Г. С. Рагозин. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. 368 с.
10. Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2019. 432 с.

REVOLUTION AND CIVIL WAR IN RUSSIA IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY (1991–2023)

© N. N. Smirnov, 2023

Saint Petersburg Institute of History RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. A brief overview of the study of the history of the revolution of 1917 and the Civil War in Russia in the post-Soviet historiography of 1991–2023 is given.

Keywords: Russia, revolution, civil war, power and society, international relations, Soviet and post-Soviet historiography.

Смирнов Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории революций и общественного движения России, Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: niksmirn@live.ru

Smirnov Nikolay Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Revolutions and the Social Movement of Russia, Saint Petersburg Institute of History RAS, Saint Petersburg, Russia; e-mail: niksmirn@live.ru

ПРИМЕР ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ СИБИРИ В РУСЛЕ ПЛАНИРОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1915 Г.)

© А. В. Хобта, 2023

Восточно-Сибирская железная дорога –
филиал ОАО «Российские железные дороги»
Иркутск, Россия

Аннотация. При изучении истории железнодорожного строительства особый интерес вызывают экспертные оценки хозяйственных перспектив тех или иных районов. Важно проследить процесс обоснования перед государственными органами или частными концессионерами того или иного железнодорожного проекта. В исследовании анализируется содержание статьи 1915 г. Г. Ф. Чиркина «О колонизационно-культурных задачах после войны» (Первой мировой). Приводится краткая биографическая справка автора, много лет возглавлявшего Переселенческое управление Российской империи. Делается вывод, что интересны и показательно воззрения Г. Ф. Чиркина на перспективы и методы сохранения и укрепление экономического влияния России в Азии.

Ключевые слова: Г. Ф. Чиркин, журнал «Вопросы колонизации», экономические перспективы, Сибирь, железнодорожное строительство, Первая мировая война.

В 1891 г. началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали от Челябинска до Владивостока длиной около 7,5 тыс. километров. К 1897 г. сооружены участки от Челябинска до Красноярска и от Владивостока до Хабаровска. В 1901 г. открыто сквозное движение до Владивостока с пресечением озера Байкал ледокольной паромной переправой и сквозь Маньчжурию по Китайско-Восточной железной дороге. В Забайкалье вступила в строй и ветка от станции Карымская до Сретенска.

Крупными достижениями русских строителей стали железнодорожные мосты через крупные восточносибирские реки: Чулым, Енисей, Кан, Бирюса, Уда (Чуна), Ия, Ока, Белая, Китой, Иркут, Селенга, Уда, Ингода, Онон. В 1905 г. было закончено строительство Кругобайкальского участка протяженностью около 300 км, ставшего уникальным памятником отечественной архитектурно-инженерной мысли. На нем находится более 40 тоннелей и много других сложных сооружений – галереи, стенки и т. п.

В 1911 г. началось строительство вторых путей на Транссибе на участке от Омска до станции Карымская. В 1916 г. была построена линия от станции Куэнга в Забайкалье до Хабаровска. Теперь Транссиб стал полностью проходить по русской территории. В 1916 г. началось сооружение веток Кольчугино – Кузнецк и Ачинск – Абакан.

В рамках комплексного изучения истории проектирования и сооружения железных дорог особый исследовательский интерес вызывают экспертные оценки хозяйственных перспектив тех или иных районов, сформулированные в разное время и разными авторами. При этом под проектированием мы подразумеваем все стадии подготовительных работ, начиная от первых предложений по прокладке той или иной магистрали через обоснование ее выгоды перед государственными органами или частными концессионерами до собственно инженерных изысканий. То, что по современной терминологии, именуется оценками экспертов и в прошлом являлось обоснованием тех или иных инфраструктурных решений.

В этой связи примечательна публикация в 1915 г. в журнале «Вопросы колонизации» статьи начальника Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия Г. Ф. Чиркина под характерным названием «О колонизационно-культурных задачах после войны» [1]. Причем, автор имел в виду войну, которая станет позднее известной как Первая мировая, в разгар которой он и выступил с развернутыми рекомендациями. Материал можно считать редакционным, поскольку автор наряду с Н. А. Гавриловым был его редактором.

Несколько слов о Геннадии Федоровиче Чиркине (1876 – после 1941). Родился в г. Ветлуга Костромской области, в 1901 г. закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, и в дальнейшем на различных должностях в Переселенческом управлении, в 1904–1917 гг. начальник этого управления, статский советник (V класс таблицы о рангах). Автор многочисленных публикаций по проблемам колонизации различных областей России, также выступал с весьма амбициозными планами территориального переустройства стран-противников России по мировой войне [2].

После революции Чиркин остался в Советский России, неоднократно арестовывался (в апреле 1922 г. за противодействие изъятию церковных ценностей в храмах Петрограда; в октябре 1930 г. по делу «Трудовой крестьянской партии» за «заведомое искажение классовой линии» при колонизации Карело-Мурманского края и укрепление его капиталистических элементов и приговорен к трем годам ссылки в г. Ирбит; в июне 1938 г. за связь с белоэмигрантскими заграничными кругами и сослан в Казахстан на 3 года). С июля 1933 – старший экономист Беломорско-Балтийского комбината НКВД по разработке проектов экономического развития зоны Беломорканала; с 1937 – сотрудник, старший специалист проектного отдела Ленинградского бюро управления проектирования Соликамского гидроузла. Реабилитирован в 1989 г. [3; 4]

Теперь же перескажем и прокомментируем основные тезисы, высказанные Г. Ф. Чиркиным в 1915 г. Отечественные историки, в лице А. И. Бакшеева [5, с. 37–40], уже обращались к военным и аграрным аспектам тезисов, мы же рассмотрим освещение проблем колонизации в целом и железнодорожного строительства.

Статья состоит из 8 проблемных разделов, первые из которых озаглавлены автором «Меры к созданию в Азиатской России колонизационных баз», «Соединение рельсовым путем Сибири с Туркестаном и ускорение сооружения новой южносибирской магистрали», «Согласование деятельности Общества Китайской железной дороги с колонизационными мероприятиями Дальнего Востока».

Вот содержание первого раздела: Если проследить историю любого крупного государства, то в развитии его культурно-хозяйственной жизни можно обнаружить несколько культурно-колонизационных баз. Эти базы являлись очагами, откуда население распространялось в разные стороны по государственной территории и которые служили этапами культурно-экономического развития государства.

У нас на территории Европейской России в историческом нашем развитии таких культурно-колонизационных баз было четыре.

Первая база – Галицкая или Киево-Черниговская земля. Вторая база – Новгородско-Петроградская. Третья – Московская и четвертая база – Средне-Волжская.

Киево-Черниговская и Новгородско-Петроградская базы как обращенные к западным врагам приходили на продолжительное время в полный упадок, но затем снова возрождались, как феникс из пепла. Московская же и Средне-Волжская, как занимавшие более внутреннее географическое положение, росли почти непрерывно, без длительных периодов упадка.

Только благодаря этим четырем базам, давшим возможность твердо укрепиться до самых четырех морей, Европейская Россия и представляет ту культурно-экономическую силу, которая позволила ей стать в ряды великих держав мира. Г. Ф. Чиркин указывает, что в основу вышеописанной схемы легли взгляды В. Семенова-Тянь-Шанского, обнародованные в статье «О могуществе территориальных владений применительно к России» в Томе 51 «Известий Императорского Русского географического общества».

Для успехов русской колонизации на нашем Дальнем Востоке не менее важно согласование деятельности Общества Китайской железной дороги с нашими колонизационными задачами на этой окраине....

Восточная Китайская железная дорога своей тарифной политикой, умело проводимой в коммерческих интересах дороги, сильно содействует развитию в Маньчжурии все новых и новых запашек и перево-

зок хлеба, который своей дешевизной давит наше сельское хозяйство Приамурья и тем самым затрудняет русскую колонизацию нашего Дальнего Востока.

С окончанием постройки Амурской железной дороги, а в дальнейшем – сооружения железной дороги Верхнеудинск – Кяхта – Урга (Монгольской дороги), согласование деятельности сибирских дорог с Китайской Восточной станет еще настоятельней.

Раздельное руководство экономической и коммерческой жизнью каждого из обслуживаемых разными дорогами направлений приведет даже в лучшем случае только к нелепой конкуренции различных касс одной и той же русской казны.

Даже теперь, когда еще Амурская дорога только в начале своего осуществления, необходимость общего руководства в тарифном и в коммерческом деле Сибирской магистрали является насущной. Например, правильная постановка пассажирского транзита до известной степени страдает от раздельного распоряжения этим делом Китайской и Сибирской дорог. Для Китайской Восточной дороги важно, чтобы поток пассажиров направлялся на Владивосток, а не на Дальний. В этих целях она принимает все меры, чтобы поощрить направление через Владивосток и затормозить через Дальний. Между тем направление через Владивосток заставляет европейских путешественников, едущих на Шанхай, Индокитай и Австралию, делать крюк более, чем в тысячу верст по всей Японии. Следовательно, меры, проводимые на Китайской Восточной дороге для направления европейских путешественников через Владивосток, понятные с точки зрения ее интересов, уменьшают общее количество пассажиров по всей Сибирской магистрали и оставляют экспрессы мало населенными.

Успешность колонизации, а следовательно, и создание «экономической базы» на Дальнем Востоке возможно пока через земледелие. Мечты о промышленном развитии Приамурья без крепкого и большого числа русского земледельческого населения останутся навсегда только мечтами. Даже успехи золотопромышленности в Приамурье, от развития которой русское народное хозяйство вправе ожидать существенных выгод, во многом зависят от успешности земледельческой колонизации особенно приисковых районов. С колонизацией края улучшатся пути сообщения к приискам, подешевеют рабочие руки и цены на продукты первой необходимости.

Но все перечисленные меры по содействию русской земледельческой колонизации Приамурья и по борьбе с желтым трудом до настоящего времени сильно ослаблялись мероприятиями Китайской Восточной дороги. Последняя, изыскивая способы увеличения своей доходности, и мерами тарифными и вспомогательными мероприятиями желез-

ной дороги, как, например, собственным пароходством по р. Сунгари, сильно содействует развитию земледелия в Маньчжурии и тем укрепляет ее китайскую колонизацию. Своей тарифной политикой Китайская Восточная дорога содействует развитию в Маньчжурии лесопромышленности и угле-промышленности и тем самым наносит существенный ущерб лесопромышленности и угле-промышленности русского Приамурья.

Вывод – крайне необходимо близкое согласование деятельности Общества Китайской Восточной железной дороги в Северной Маньчжурии с мероприятиями русского правительства по колонизации Дальнего Востока. Ввиду того что все последние, сколько-нибудь крупные, экономические и политические мероприятия по Дальнему Востоку проводились через Комитет по заселению Дальнего Востока как учреждение, созданное для согласования мероприятий отдельных ведомств на Дальнем Востоке, здесь было бы легче найти линию примирения в общегосударственных целях противоречивых интересов. При том нет надобности, конечно, придавать этому Комитету распорядительные функции в отношении Общества Китайской Восточной железной дороги, но предоставить лишь разработку законопроектов и административных распоряжений, утверждаемых Советом Министров и вносимых на разрешение законодательных учреждений.

Литература

1. Чиркин Г. Ф. О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации ; под ред.: Г. Ф. Чиркина, Н. А. Гаврилова. 1915. № 18. С. 25–42.
2. Чиркин Г. Ф. Колониальные интересы в современной войне и наши задачи на Ближнем Востоке // Вопросы колонизации. 1915. № 17. С. 1–25.
3. Геннадий Чиркин. URL: <https://www.livelib.ru/author/1500268-gennadij-chirkin> (дата обращения: 07.07.2023).
4. Чиркин Геннадий Федорович // Кольский север. Энциклопедический лексикон от А до Я. URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ЧИРКИН_Геннадий_Федорович (дата обращения: 07.07.2023).
5. Бакшеев А. И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны : монография. Красноярск : КрасГМУ, 2020. 145 с.

AN EXAMPLE OF ASSESSING THE ECONOMIC PROSPECTS OF SIBERIA IN LINE WITH THE PLANNING OF RAILWAY CONSTRUCTION (1915)

© A. V. Hobta, 2023

East Siberian Railway Branch of JSC “Russian Railways”, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. When studying the history of railway construction, expert assessments of the economic prospects of certain districts are of particular interest. It is important to trace the process of justification before the state authorities or private concessionaires of a railway project. This material analyzes the content of G. F. Chirkin's 1915 article "On colonization and cultural tasks after the War" (World War I). A brief biographical note on the author, who headed the Resettlement Administration of the Russian Empire for many years, is given. His interests and views on the prospects and methods of preserving and strengthening Russia's economic influence in Asia are indicative.

Keywords: G. F. Chirkin, journal “Questions of colonization”, economic prospects, Siberia, railway construction, World War I.

Хобта Александр Викторович – кандидат исторических наук, начальник подразделения по сохранению исторического наследия ВСЦНТИБ, Восточно-Сибирская железная дорога – филиал ОАО «Российские железные дороги», e-mail: irk.sasha2@yandex.ru

Khobta Alexander Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Division for the Preservation of the Historical Heritage of the VSTNTIB, East Siberian Railway Branch of JSC “Russian Railways”, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: irk.sasha2@yandex.ru

УДК 93/94

У ИСТОКОВ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

© Пэйюань Чжан

Шилингольский профессиональный институт
Шилин-Хото, Китайская Народная Республика

Аннотация. Упомянув современное положение, предметно рассматривается история взаимодействия Китая и России в области образования. Указывается, что Россия стала первой европейской страной, направившей в Китай своих учеников, с XVII в. между двумя государствами установились торговые отношения и культурные обмены. Приводится статистика обучающихся и данные о бытовых условиях учебного процесса. Отмечается, что с середины XIX в. в Сибири и на Дальнем Востоке значительно вырос спрос на китаеведов.

Ключевые слова: Россия, Китай, история, образование, китаеведы, Восточный институт, учебный процесс.

В современных условиях международное сотрудничество в сфере образования является важной частью международных отношений. Ведущие вузы мира относятся к лидерам по организации международной деятельности, в которую включены программы академической мобильности, двойных дипломов, включенного обучения; осуществляется довузовская языковая подготовка иностранцев.

В рамках исследования мы отмечаем, что образование в Китае является привлекательным для российских студентов. Существует много стипендий для обучения в Китае: правительственная, Института Конфуция, провинциальная, университетская. Стипендии могут быть полные или частичные: полные покрывают все аспекты (обучение, проживание, страховку, книги); частичные могут быть в различных вариациях. В перспективе образовательные связи России и Китая будут активно развиваться на фоне укрепления политического сотрудничества двух стран и усиления взаимодействия в социальной сфере.

Взаимоотношения России и Китая имеют длительный период исторического развития. Взаимоотношения двух стран всегда подкреплялись взаимодействием в социальной сфере. Благодаря особым геополитическим

тическим отношениям между Китаем и Россией, Россия стала первой европейской страной, направившей в Китай русских учеников.

Начиная с периода Юнчжэна, студенты из России были членами российской духовной миссии в Пекине. Начиная с XVII в. между Китаем и Россией установились не только торговые отношения, но и культурные обмены. Династия Цин построила Русское подворье в Пекине. В книге «Шуо фан бэй шэн», 12 том, указано следующее: «Россия заблокирована северными пустынями и не могла общаться с Китаем со времен династии Мин. В годы Шуньчжи и Канси, Россия восхищалась китайскими добродетелями и обрядами, и послала посланников, чтобы увидеть сына Неба, поэтому построил он подворье для их приема» [1, с. 28]. Так, согласно записям, объектами Русского подворья являются: «Посланники из России, бизнесмены, ученики, которые приезжают в Пекин учиться, миссионеры, живущие в Пекине, и люди, которые приезжают изучать медицину. Независимо от того, в какой отрасли они работают, они будут жить в русском подворье [1, с. 32]. Правительство Цин назначило наблюдателя в Русском подворье, направило одного чиновника, двух учителей из Ман и Хань, двух охранников русского подворья. Эти люди несли ответственность за нормальную работу русского подворья. Существовали четкие правила и нормы для повседневной учебы и жизни. Так, студенты в подворье получают «серебряные таэли, овощи, говядину и баранину, а также сопровождение» [2, с. 43]. Со времен династий Хань и Тан, только во времена Чжэнгуань, представители династий Коре, Пэкче, Силла и Тубо отправляли своих детей учиться в Китай. Во времена династии Мин, королевство Рюкю также отправляло своих детей в Пекин на учебу, но такая практика длилась недолго и вскоре прекратилась.

Во времена династии Цин между российским государством и Китаем установились благоприятные отношения, в связи с чем русские дети отправлялись на учебу в Пекин, по истечении срока обучения партии учеников менялись, такая практика существовала более 200 лет.

В русском подворье существовало две школы. Одна была создана для русских, приезжающих в Пекин на учебу, и использовалась для обучения иностранцев. Вторая была создана для детей воинов Восьмизнаменной армии, которые изучал русский язык, поэтому данная школа была предназначена для несколько других функций [3, с. 29].

С 1727 г. правительство России впервые официально отправило учащихся в Китай, и к 1864 г. в Китае обучалось 48 российских учеников. В середине XIX в. Сибирь и российский Дальний Восток из-за тесных связей с Китаем испытывали большой спрос китаеведов. Поэтому власти Кяхты отправили российских учеников в Китай для обучения.

Различие между учениками из Кяхты и русскими учениками до 1864 г. заключалось в том, что студенты из Кяхты назначались и финансировались местными властями Кяхты, в то время как российские ученики до 1864 г. отправлялись российскими дипломатическими службами. Российские ученики Кяхты обучались основам китайского языка до приезда в Китай. До 1864 г. русские ученики не знали китайского языка или просто проходили кратковременную подготовку. Ученики из Кяхты проживали в миссионерских корпусах. После возвращения в Китай ученики из Кяхты служили в сфере китайско-русской торговли в Сибири. Российские студенты до 1864 г. организовывались российскими дипломатическими службами после окончания обучения.

В 1880-х гг. некоторые российские ученики, приезжающие в Китай, получали стипендию. Чаще всего это были ученики из Восточной Сибири, которые учились и жили в российской духовной миссии в Пекине, и находились под наблюдением руководителя миссии, но не являлись членами российской духовной миссии. Стипендия выделялась благодаря частным пожертвованиям. Фактическим распределителем и исполнителем стипендий было Министерство иностранных дел России.

В конце XIX в., когда российское правительство вело достаточно агрессивную деятельность на северо-востоке Китая, спрос на китаеведов резко возрос. Поэтому в 1899 г. правительство России основало во Владивостоке Восточный институт, специализирующийся на изучении восточных языков. Институт уделял большое внимание развитию языковых навыков учеников и использовал летние каникулы для отправки некоторых учеников в Китай для обучения в летней школе. В 1901 г. профессор Академии Рудаков А. В. отправил студентов в Пекин для стажировки, выделив для этой цели 4800 руб. [4, с. 56]. В 1903 г. еще 12 учеников были отправлены в крупные города Китая. Испытывая нехватку средств, школа достигла соглашения с Министерством путей сообщения Российской империи, позволяющего студентам бесплатно ездить на поездах по линиям Китайско-Восточной железной дороги и железной дороге Наньман (Южно-маньчжурской), а также бесплатно пользоваться пароходами, курсирующими по рекам Амур (Хэйлунцзян) и Сунгари (Сунхуацзян). Ученики, следующие в Шанхай, могли получить 30% скидку на билеты. Во время пребывания в Китае ученики проживали в Российском консульстве в Китае или в Российской духовной миссии в Пекине.

Литература

1. Все об образовании в Китае: как учиться в КНР. URL: <https://redplanetchina.com/blog/obrazovanie-v-kitae/> (дата обращения: 31.07.2022).

2. Краткое описание механизма Китайско-Российского гуманитарного обмена // Официальный сайт Китайской Ассоциации международных обменов в области образования. URL: <https://www.ccaie.edu.cn/zhonggourenwenjiaoliu/1273.html/> (дата обращения: 31.07.2022).

3. Ащеулова Н. А., Душина С. А. Китайская аспирантура: особенности национальной системы подготовки интеллектуальной элиты // Вестник МГИМО университета. 2012. № 2 (23). С. 245–250.

4. Об образовании в Китае. URL: <https://obuchenievkitae.ru/ob-obrazovanii-v-kitae/> (дата обращения: 31.07.2022).

AT THE ORIGINS OF CHINESE-RUSSIAN EDUCATIONAL COOPERATION

© Peiyuan Zhang

Shilingol Professional Institute, Xilin-Hot, People's Republic of China

Abstract. Having mentioned the current situation, the article examines the history of interaction between China and Russia in the field of education in a substantive way. Russia became the first European country to send its students to China. Since the XVII century, trade relations and cultural exchanges have been established between the two states. The statistics of students and data on the living conditions of the educational process are given. Since the middle of the XIX century, Siberia and the Far East have significantly increased the demand for Sinologists.

Keywords: Russia, China, history, education, sinologists, Oriental Institute, educational process.

Чжан Пэйюань – гражданка Китайской Народной Республики, старший преподаватель экономического факультета, Шилингольский профессиональный институт, г. Шилин-Хото, АРВМ, Китай, e-mail: yutu_china@163.com

Zhang Peiyuan – Citizen of the People's Republic of China, Senior Lecturer at the Faculty, Economics of the Shilingol Professional Institute, Xilin-Hot, ARVM, China, e-mail: yutu_china@163.com

СЕКЦИЯ

**ГЕНЕЗИС И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

УДК 32:34(47)(091)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ФОРМИРОВАНИИ
ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РСФСР
В 1920-е ГОДЫ**

© Т. П. Баторова, 2023

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Улан-Удэ, Россия

Аннотация. На основании анализа законодательных актов рассматривается государственная политика по формированию правосознания в период становления нового советского государства (1920-е гг.). Проанализировано понятие правосознания как показатель развитости общественных отношений в государстве. Изучены нормативные акты, направленные на борьбу с детской преступностью, показана деятельность государственных органов по делам несовершеннолетних и по улучшению жизни детей того периода. Исследован вопрос о создании специальных государственных структур и специальных детских учреждений, деятельность которых направлена на преодоление детской беспризорности. Рассмотрены иные формы устройства беспризорников, направленные на трудовое воспитание беспризорников.

Ключевые слова: правосознание, право, нравственность, мораль, несовершеннолетние, беспризорность, детская преступность, государственная политика.

Одним из центральных вопросов теории государства и права является правосознание, так как показателем развитости государства, его общественной морали и нравственности его граждан является уровень правосознания. С. С. Алексеев писал, что идеи правосознания выступают «визитной карточкой данного общества» [1, с. 156], поскольку от уровня правосознания зависит состояние законности, уровень нравственности и общественной морали, сформированность правового гос-

ударства. В педагогике 1920-х гг. было ярко выражено представление о важности формирования гражданских качеств личности. Идеологи революционного правосознания продвигали и отстаивали идеи субъективного правопонимания. То есть построение правового государства во многом зависит от уровня правосознания его граждан, правовой культуры, образованности и, насколько правильно правовые знания реализуются в повседневном поведении. Исключительно важным вопросом формирования правосознания, который стоит перед государством, является формирование правосознания у подрастающего поколения. Именно молодежь является той ведущей силой, которая вырабатывает новые идеи и социальные перемены.

Государство должно принимать меры по созданию и закреплению в правовом сознании каждой личности уважения к правовым нормам, укреплять в правовом сознании граждан положительное отношение к закону как обязательному для всех предписанию. И с другой стороны, государство должно предлагать обществу такие законы, которые будут согласовываться с нормами морали и справедливости, будут вызывать в обществе желание действовать в соответствии с ними [2, с. 118]. Поэтому, вопрос формирования правосознания, уважения к закону, правопорядку как основной модели социального поведения, является одним из направлений государственной политики. Государственная политика является ключевым фактором, который оказывает влияние на развитие правосознания личности, где требуется совместная деятельность всех ветвей государственной власти.

Правовое сознание – это форма общественного сознания, которая представляет собой совокупность правовых знаний, принципов морали, нравственности, норм, формирующих осознание ценности права [3, с. 58].

Формирование правосознания понимается как взаимоотношения «государство и гражданин» и направлено на подготовку ролевых функций гражданина, гражданин использует в полной мере все свои права и свободы, а также защиту со стороны государства. Цель государства в воспитании молодого поколения состоит в том, чтобы сформировать поколение в соответствии с устройством государства. Известный политик и правовед П. Б. Струве сказал, что «...побеждает та культура, в которой уровень правосознания, степень дисциплины и порядка оказываются выше» [4, с. 20].

Формирование и повышение уровня правосознания являлось приоритетной задачей государства и на начальном этапе развития советского государства. Преобразование государственного строя в 1917 г. в связи с приходом к власти большевиков привело к необходимости изменения ценностных ориентиров, моральных установок в российском

обществе. Понимая, что строительство нового мира тесно связано вопросами воспитания подрастающего поколения, большевики уделяли большое внимание воспитанию детей, которое должно быть направлено на формирование советского гражданина, воспитание его правосознания и первым шагом в выполнении этой задачи стала борьба с беспризорностью.

Беспризорность возникла в связи с изменениями российского государства, а именно образование нового государства, новой идеологии, войнами, экономическим кризисом, ослаблением морали. В 1930-е гг. к причинам беспризорности стали коллективизация, раскулачивание [5, с. 17].

Согласно официальным данным к 1 декабря 1922 г. насчитывалось около 444 тысяч беспризорников, однако, но в виду отсутствия единой учетной политики, единой методики сбора информации о количестве беспризорников, а также сложности их учета в виду особенностей из местоположения, постоянной миграции, количество беспризорников было намного больше, цифра в 7 миллионов беспризорных детей к началу 1922 г. является вполне реальной [6, с. 32]. Таким образом, возникшая ситуация с беспризорностью требовала неотрывного внимания со стороны государства, необходимо было разработать и осуществлять определенные меры по отношению к беспризорникам, необходимо было вернуть их к нормальной жизни, существованию в новом обществе.

Первостепенность вопроса борьбы с преступностью несовершеннолетних подтверждается принятием Декрета Совета Народных Комиссаров от 1 декабря 1917 г. о признании всех детей детьми республики, забота о ребенке – прямой заботой государства. Согласно Декрету наибольшее внимание должно уделяться обездоленным, осиротевшим детям. Забота о детях являлось государственной задачей, которая решалась на Первом Всероссийском съезде по охране детства 2–8 февраля 1919 г. в г. Москва, все участники съезда говорили о том, что в «данном вопросе требуется напряжение сил, общая работа по общему плану» [7, с. 125]. Поэтому борьбой с преступностью несовершеннолетних занималось достаточно много государственных учреждений, работа велась в различных направлениях. Возможно, это многообразие структур и направлений повлияло на то, что имелись некоторые недостатки в борьбе с беспризорностью.

В тот период росло количество уголовных дел в отношении беспризорников, так, в 1920 г. было заведено 12 500, а в 1925 г. – 32 635 уголовных дел [8, с. 14]. Несмотря на имеющийся рост преступности несовершеннолетних, государственная политика этого периода в отношении несовершеннолетних заключалась в воспитательном воздействии вместо применения мер уголовной ответственности.

14 января 1918 г. был издан Декрет о комиссиях по делам несовершеннолетних, который имел особое значение для беспризорных. Декрет упразднил тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних преступников. Так, ст. 2 установила, что преступления, совершенные несовершеннолетними, будут рассматриваться указанными комиссиями. Статья 3 определила состав комиссий, в которые обязательно должны входить представители народного просвещения и юстиции, общественного призрения и обязательно должен быть врач. Комиссия при рассмотрении может освободить от уголовной ответственности, либо направить в Народный комиссариат общественного призрения. Таким образом, Декрет провозгласил полный отказ от репрессивных мер [9]. В Программе Коммунистической партии, принятой на VIII съезде РКП (б) 23 марта 1919 г., провозглашалось, что система наказаний для несовершеннолетних должна быть «заменена системой мер воспитательного характера» [10, с. 150].

В этом же направлении развивалось Уголовное законодательство в отношении несовершеннолетних. Так, ст. 13 «Руководящих начал по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р» 1919 г. гласила, что «несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. Такие же меры применяются в отношении лиц переходного возраста 14–18 лет, действующих без разума» (ст. 13 [11]). Статьей 18 Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р 1922 г. установлено, что к малолетним до 14 лет, а также к несовершеннолетним от 14 до 16 лет не применяется уголовное наказание, а возможно ограничение мерами медико-педагогического воздействия (ст. 18 [12]). Статья 16 Основных начал Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Постановлением Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. уточнила, что относится к мерам социальной защиты медико-педагогического характера. Во-первых, это отдача несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам или другим лицам, учреждениям и организациям, во-вторых, помещение в специальные заведения (ст. 16 [13]).

Особое внимание уделялось перевоспитанию детей-преступников. В исправительно-трудовом кодексе 1924 г. согласно ст. 46 были установлены трудовые дома для применения мер медико-педагогического характера: а) для несовершеннолетних правонарушителей, б) для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи.

Раздел 3. Общих начал уголовной политики Р.С.Ф.С.Р в ст. 12 Уголовного кодекса 1926 г. установил, что не применяются меры социальной защиты судебно-исправительного характера в отношении малолетних до 14 лет, а применяются лишь меры медико-педагогического воздействия. Меры социальной защиты судебно-исправительного ха-

рактера применяются лишь тогда, когда невозможно применение мер социальной защиты медико-педагогического характера (ст. 12 [14]).

Согласно Инструкции 1920 г., Комиссиям было предписано использование таких мер, как беседа, замечание, разъяснение о противоправности его поступков, т. е. применение исключительно воспитательных мер воздействия. Также применялись такие меры внушения, как помещение в школу, отправка на родину. И последние, это помещение в детский дом, отделения психиатрических лечебниц и т. д. [15]. То есть борьба с преступностью беспризорников должна заключаться не только в применении уголовного наказания, а нужно было найти другие способы воспитания беспризорников и формирования нового человека.

Поэтому еще одним из направлений деятельности государственных органов в 1920-е гг. в борьбе с беспризорностью было оказание им помощи. В январе 1921 г. решением ВЦИК РСФСР была создана комиссия по улучшению жизни детей под председательством Ф. Э. Дзержинского, целью которой являлась борьба с беспризорностью, а также оказание им помощи. Комиссия ставила перед собой задачу согласования деятельности всех государственных учреждений и организаций, ведущих работу по борьбе с детской беспризорностью. Большая часть детей была помещена в детские дома, остальные в другие специальные учреждения. Так, приказом № 185 Административно-организационного управления ОГПУ от 18.08.1924 за подписью Г. Г. Ягоды была создана Детская трудовая коммуна для несовершеннолетних от 13 до 17 лет в Большеве, деятельность которой была направлена на перевоспитание малолетних правонарушителей.

Еще одна форма устройства беспризорников была установлена Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г. «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду», целью передачи воспитанника было «приучать его к ведению сельского хозяйства и предоставлять ему возможность получения знаний и политического развития» (ст. 4 [16]).

В соответствии с данным постановлением передача детей в крестьянские семьи осуществлялась при согласии крестьянского двора (ст. 2); разрешалось передавать одного воспитанника, однако при необходимости на основании решения местных исполнительных органов могли передать до двух воспитанников (ст. 11 [16]); договором устанавливался срок содержания воспитанника (ст. 3 [16]). В целях заинтересованности крестьянских дворов в приеме воспитанников Постановлением предоставлялось право получения на долю земельного

участка воспитанника (ст. 5 [16]), данный участок освобождался от сельскохозяйственного налога на три года. Кроме этого, крестьянские дворы, принявшие воспитанников, имели дополнительные льготы по местным налогам и сборам (ст. 8 [16]). Интерес предоставлен и самому воспитаннику, который в дальнейшем, получал участок, выданный крестьянскому двору (ст. 2–5, 8–9, 11 [16]).

Таким образом, изучив данный вопрос, мы видим, что государство уделяло большое внимание воспитанию молодого поколения. Вопрос борьбы с беспризорностью имел большую законодательную базу, включающую нормы уголовного права, гражданского права. Создавались специальные государственные органы (Детская комиссии для несовершеннолетних, Комиссия по улучшению жизни детей). Соответствующие органы создавались в краевых и областных объединениях, губерниях и т. д. Открывались специальные детские учреждения (детские дома, трудовые коммун), а также проводились другие виды работ, например передача детей в крестьянские дворы, ремесленные организации и т. д.

Литература

1. Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. 320 с.
2. Подольский А. В. Соотношение моральных и религиозных норм с нормами права в учении И. А. о праве и государстве // Вопросы современной науки и практики. 2013. Специальный выпуск (44). С. 117–120.
3. Мельникова О. В. Современная государственная политика России в сфере повышения уровня правосознания и правовой культуры молодежи // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11(203). С. 58–60.
4. Джамалова Э. К. Историко-правовой анализ основ формирования молодежи : автореф. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. 27 с.
5. Семина Н. В. Борьба с детской беспризорностью в 1920-е – 1940-е годы в России (на примере Пензенского региона) : автореф. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 23 с.
6. Рожков А. Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 70–76.
7. Нищенство и беспризорность ; под ред. Е. К. Краснушкина, Г. М. Сегала, Ц. М. Фейнберг. М., 1929 г. 277 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/59540> (дата обращения: 20.07.2023).
8. Билим Н. Н. Проблемы ликвидации беспризорности в СССР в 1920–1930 гг. (правовой аспект) // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 13–16.
9. О комиссиях для несовершеннолетних : декрет СНК РСФСР от 14.01.1918. URL: <http://dekrets.ru/doc.php?docid=03803> (дата обращения: 25.07.2023).
10. Носков О. С. Тенденции развития института принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13. С. 150–155.
11. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. : постановление Наркомюста РСФСР от 12 дек. 1919 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (дата обращения: 26.07.2023).
12. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm (дата обращения: 26.07.2023).
13. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924). URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm (дата обращения: 26.07.2023).

14. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3132.htm (дата обращения: 26.07.2023).

15. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / сост. А. А. Герцензон ; под ред. [и с предисл.] И. Т. Голякова. М., 1953. 464 с.; URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3132.htm (дата обращения: 26.07.2023).

16. О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 5 апр. 1926 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2875.htm (дата обращения: 26.07.2023).

STATE POLICY IN THE FORMATION OF LEGAL AWARENESS OF MINORS IN THE RSFSR IN THE 1920S

© T. P. Batorova, 2023

East Siberian State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. In this article, based on the analysis of legislative acts, the state policy on the formation of legal consciousness during the formation of the new Soviet state (1920s) is considered. The concept of legal awareness as an indicator of the development of public relations in the state is analyzed. The normative acts aimed at combating child crime have been studied, the activities of state bodies for juvenile affairs and for improving the lives of children of that period have been shown. The question of the creation of special state structures and special children's institutions, whose activities are aimed at overcoming child homelessness, is investigated. Other forms of arrangement of street children aimed at the labor education of street children are considered.

Keywords: legal awareness, law, morality, minors, homelessness, child crime, state policy.

Баторова Татьяна Прокопьевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Публично-правовые дисциплины», юридический факультет, Восточно-Сибирский университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: tpbatorova@mail.ru

Batorova Tatiana Prokopjevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Law Disciplines, Faculty of Law, East Siberian University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: tpbatorova@mail.ru

УДК 32:34(47)(091)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ В ОТНОШЕНИИ ИНОРОДЦЕ В ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г.

© В. М. Деревскова, 2023

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются нормативные правовые акты, которые устанавливали для коренных народов Сибири свой суд. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что государственная политика в сфере правосудия отличалась консерватизмом и вплоть до начала XX в. у инородцев сохранялся инородческий суд и действие обычного права. Эти выводы коррелируются с политикой, которая проводилась в отношении других народов, например в Туркестане и Степном крае.

Ключевые слова: инородцы, судебная реформа 1864 г., обычное право, Сибирь.

Расширение территории Российской империи и как следствие усложнения управленческих задач, стоящих перед администрацией, вызывало поиск форм и способов включения этих территорий в общероссийское пространство. Одним из способов такой инкорпорации являлось принятие регионального законодательства, в котором отражались особенности управления и суда конкретной территории. Сибирское законодательство 1822 г. логично вписывалось и дополняло доктрину окраинной политики самодержавия [1, с. 81]. В 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев», где впервые был использован термин «инородцы» и Сперанским эта категория населения определялась как «все обитающие в Сибири инородные племена, т. е. коренные сей страны жители не Российского происхождения» [2, с. 119]. Коренные народы Сибири были разделены на три разряда: оседлые, кочевые и бродячие. Организация управления и суда для каждой категории были отражены в законе. Оседлые инородцы приравнивались к государственным крестьянам, мещанам и купечеству и в законе закреплялся общий для русского и коренного населения края порядок организации судебных присутственных мест (§ 12–23 [3, с. 5–6]). Судебные органы среди «кочевых инородцев» имели трехступенчатую систему. Низшей инстанцией инородческого кочевого суда являлось родовое управление, рассматривавшие споры и мелкие уголовные дела членов стойбища, объединявшего не менее пятнадцати семейств. Второй ступенью для кочевых инородцев была инородная управа, разбиравшая конфликты и споры, возникающие между представителями разных стойбищ, а также дела, поступавшие в апелляционном порядке из родовых управ. Третьей ступенью выступала степная дума, которая пересматривала решения инородных управ и в качестве первой инстанции отправляла правосудие по делам, затрагивающим интересы разных родов (§ 122–132 [3, с. 16–17]). «Бродячие инородцы» подчинялись старосте, наделяемого правом единоличного суда по делам своих сородичей. Высшей инстанцией по отношению к инородческому суду выступали органы общей юрисдикции.

Гражданские споры и уголовные дела за исключением преступлений против основ государственной власти, против личности (отдельных преступлений) и преступлений в сфере экономики, связанных с «хищением казенного, общественного имущества и фальшивомонетничества, совершаемых в кочевьях» рассматривались с применением обычаев (§ 37, 68 [3, с. 7, 10]). Таким образом, правительство учитывало эти обстоятельства для организации управления и суда и невозможности сразу подчинить российскому суду и российским законам и региональное законодательство отражало эту специфику.

Однако во второй половине XIX в. ситуация меняется. Это связано не только с кризисом крепостной системы и как следствие необходимости проведения буржуазных реформ, но и необходимостью изменения политики на окраинах империи. Территории на востоке расширялись, активно включались в общероссийский экономический процесс, аграрная проблема в европейской части страны могла быть решена за счет переселения в Сибирь. Эти изменения касались и хозяйственной жизни коренных народов Сибири. В правительственных кругах понимали необходимость реорганизации управления и суда в Сибири, но тогда, когда они действительно будут проведены, по времени они совпадут с эпохой контрреформ.

При подготовке и реализации судебной реформы 1864 г. имело место две проблемы. Первая проблема заключалась в столкновении консерваторов и либералов в части представлений о самой реформе. Вторая в неравномерности развития отдельных частей государства связанного с особенностями вхождения территорий в состав Российской империи и управления ими, политикой центральной власти по отношению к территории, отношением населения к центральной власти и вводимой реформе, социокультурными параметрами (этнический, конфессиональный состав, наличие отдельных групп населения (каторжные, ссыльнопоселенцы)), а также особенностями правосознания и правовой культуры населения территории [4, с. 24].

В 1892 г. было принято Положение об инородцах. Ст. 2 по-прежнему сохраняла деление инородцев на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. В соответствии со ст. 7–13 оседлые инородцы «в образе их управления причислялись к волостному или городскому порядку». Управление кочевыми инородцами сохраняло по-прежнему трехступенчатый характер. Согласно ст. 61 все гражданские и уголовные дела между кочевыми и бродячими инородцами подлежали разбирательству в родовых управах, в так называемой «словесной расправе», изъятию подлежали такие уголовные дела, как возмущение, намеренное убийство, разбой и насилие, изготовление фальшивой монеты, похищение казенного и общественного имущества и кормчество. Судебное разбирательство по делам, изъятых из юрисдикции инородческих инстанций, возлагались на окружную полицию [5, с. 3, 6, 20, 22]. Фактически Положение 1892 г. мало, что меняло в положении инородцев, однако отражало тенденцию в государственной политике по отношению к коренным народам Сибири: необходимость установления прямого государственного контроля за реализацией государственно-властных функций.

Судебная реформа в Сибири была реализована в виде «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» 13 мая 1896 г. В ст. 27 и 57 Правил по-прежнему предусматривалось рассмотрение гражданских и уголовных дел инородческим судом на основе обычаев [6] и продолжало действовать Положение об инородцах 1892 г. Таким образом, реализация судебной реформы 1864 г. на сибирский край ничего не изменила и инородцы так и не были подчинены мировым и общим судам.

3 июня 1898 г. на территории Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний было введено Положение о крестьянских начальниках. Это означало реализацию в Сибири Закона о земских начальниках от 12 июня 1889 г. Земские начальники в европейской части России осуществляли административный контроль в отношении крестьян, а в Сибири крестьянские начальники осуществляли свои полномочия не только в отношении сибирского крестьянства, но и переселенцев и инородцев. В отношении коренных жителей ст. 35 Положения предусматривались следующие полномочия крестьянских начальников: наблюдение за инородческим управлением и разрешали, в качестве третьей степени словесной расправы, судебные дела инородцев, подведомственных их родовым управлением, а по ст. 16 рассматривала дела о потравах между крестьянами и инородцами [5, с. 15–16]. Таким образом, крестьянским начальникам предоставлялись те же административно-судебные функции, которые осуществляла полиция в отношении коренного населения, но только их полномочия были расширены.

Необходимо отметить, что уже в первой половине XIX в. обычное право не отражало реальной жизни сибирских народов, это был пройденный этап и происходило сближение коренного и русского населения [7, с. 221], а к середине XIX в. имущественное расслоение приводило к тому, рядовые инородцы более страдали от злоупотреблений своих состоятельных родовых начальников, чем от местных [8, с. 25]. Даже после проведения судебной реформы 1864 г. в Сибири инородцы по-прежнему подчинялись родовому управлению и суду, однако прослеживалось стремление властей, не меняя эти институты, усилить административный контроль полиции. Коренное население Сибири в большей степени оставались замкнутой социальной группой с неравным сословным статусом. Подчинение общероссийским законам и судам могло не только ликвидировать юридическую обособленность сибирских народов, но и отвечало интересам большинства коренных жителей.

В этой связи интересным представляется сравнение с политикой, которая проводилась на других территориях при реализации судебной реформы 1864 г. В качестве примера можно привести Центральноази-

атские окраины империи (Туркестан и Степной край) в отношении казахов и киргизов. Так, И. В. Анисимова указывает, что «власти не были готовы к коренному слоому традиционного судопроизводства и эта политика была устойчивой на протяжении всего периода. Судебная система не отвечала потребностям общества и характеру правоотношений, была малоэффективной и потенциально конфликтной в результате сочетания традиционных и общеимперских судебных норм и институтов. Сохранение народного суда не позволило в полной мере инкорпорировать местное население региона в общероссийское правовое пространство» [9, с. 208].

Таким образом, можно констатировать, что эта политика носила консервативный характер.

Литература

1. Дамешек Л. М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Т. 7. С. 79–87.
2. Конев А. Ю. «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.
3. Учреждение для управления Сибирских губерний. СПб., 1822. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/59200> (дата обращения: 30.07.2023).
4. Деревскова В. М. Проблемы реализации судебной реформы 1864 г. и вопросы типологии судебной системы Российской империи // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4. С. 20–32.
5. Сборник узаконений об устройстве крестьян и инородцев в губерниях Сибири / сост. И. Л. Горемыкин. СПб., 1899. 67 с.
6. Временные правила о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири // Полное собрание законов Российской империи. Изд. 3-е. Т. 16, № 12932. СПб., 1899.
7. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII– начало XX в.): монография. Иркутск, 2018. 456 с.
8. Деревскова В. М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 21–28.
9. Анисимова И. В. Имперская судебная политика в Центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // Журнал Фронтирных Исследований. 2022. № 1. С. 208–228.

STATE POLICY IN THE SPHERE OF JUSTICE IN RESPECT OF FOREIGNERS AFTER THE JUDICIAL REFORM OF 1864 YEAR

© V. M. Derevskova, 2023

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article discusses the normative legal acts that established their own court for the indigenous peoples of Siberia. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the state policy in the field of justice was characterized by conservatism and up to the beginning of the 20th century. the foreigners retained the foreign court and the operation of customary law. These conclusions correlate with the policy that was carried out in relation to other peoples, for example, in Turkestan and the Steppe region.

Keywords: indigenous people, judicial reform of 1864, customary law, Siberia.

Деревскова Валентина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, e-mail: vderevskova@mail.ru

Derevskova Valentina Mikhailovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute (branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vderevskova@mail.ru

УДК 342(470+571)(091)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДМЕТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ⁶

© А. А. Дорская, 2023

Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье анализируются те формы закрепления исторической памяти, которые использовались в российском конституционном праве, начиная с Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. и до поправок к Конституции Российской Федерации 2020 г. Показано, как менялось содержание понятия исторической памяти вместе с появлением в Конституции СССР положения о духовных ценностях. Сделан вывод о том, что несмотря на все различия, существует преемственность в конституционно-правовом регулировании вопросов, связанных с сохранением памяти об историческом прошлом. Выявлено влияние Конституции СССР 1977 г. на современное конституционно-правовое регулирование вопросов, связанных с историей страны.

Ключевые слова: Конституция, историческая память, конституционно-правовое регулирование, духовные ценности, историческая правда, память предков.

Вопрос об этапах конституционного развития России является дискуссионным. Если дореволюционные юристы в большинстве своем считали Основные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. первой Конституцией в истории страны [1], в советское время однозначно этот статус имела Конституция РСФСР 1918 г. [2], то в последние 30 лет возникли разные мнения [3; 4]. Причем интересно, что с 2010-х гг. преобладают юридические исследования [5, с. 259].

В Основных законах, принятых в разгар Первой российской революции, не было специальных норм, посвященных сохранению истории

⁶ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».

ческой памяти. Однако некоторые статьи содержали нормы, отражавшие особенности исторического развития отдельных частей Российской империи определенных категорий населения. К примеру, в ст. 2 подчеркивалось особое управление и законодательство Великого княжества Финляндского, имевшего статус автономии. Статья 6 делала отсылку к Семейному акту-закону Павла I от 5 апреля 1797 г., введшему в России австрийскую систему престолонаследия. В статье 14 в отношении императора использовался термин «державный вожь российской армии и флота». Статья 20 содержала нормы о государевом имуществе, которое всегда принадлежало только царствующей особе. В статьях 24 и 25 подчеркивалась преемственность в отношении положений Свода законов Российской империи в редакции 1892 г., касающихся порядка наследия престола, вступления на престол, присяге подданства, коронования и миропомазания, титула императора, государственного герба и т. д. [6].

В Конституции РСФСР 1918 г. ставилась задача уничтожения старого эксплуататорского строя и построение государства на принципиально новых основах, поэтому о сохранении исторической памяти не могло быть и речи. Напротив, в п. «г» ст. 3 нарушалось даже международное правопреемство (ссылка на советский закон об аннулировании займов, заключенных царским правительством). В ст. 6 приветствовалась политика СНК, направленная на выход из состава Российского государства Финляндии, самоопределение Армении и т. д. Уничтожалась и сложившаяся веками «симфония» государственной и церковной власти (ст. 13). Статус лица в дореволюционный период мог стать причиной поражения в правах. Например, согласно п. «д» ст. 65 активного и пассивного избирательного права лишались члены императорской семьи, служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений [7].

В преамбуле к Конституции СССР 1924 г. был уже другой посыл: подчеркивалась «незыблемость основ Советской власти». Была сделана отсылка к опыту молодого Советского государства, а в разделе первом показывались преимущества советского строя и образа жизни перед капиталистическим. Дореволюционное прошлое рассматривалось исключительно в негативном ключе (эксплуатация, война). Для его преодоления объединение народов в рамках СССР рассматривалось как наилучший вариант. При этом признавалось, что сопротивление новой власти продолжается, поэтому ст. 61 предусматривала в целях объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом создание ОГПУ [8].

В Конституции СССР 1936 г. также присутствовала негативная детерминация. Так, в ст. 4 подчеркивалось, что социалистическая система хозяйства основана на «ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» [9].

Гораздо больше внимание исторической памяти было уделено в Конституции СССР 1977 г. В преамбуле упоминались Октябрьская революция 1917 г., гражданская война, образование Советского Союза и «немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне». Подчеркивалась преемственность Конституций 1918, 1924 и 1936 гг. В статье 27 впервые было закреплено, что «государство заботится об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня». Статья 46 гарантировала советским гражданам доступность ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, а также расширение культурного обмена с зарубежными государствами. Новеллой стала и статья 68, согласно которой забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей была определена как долг и обязанность граждан [10].

В Конституции Российской Федерации 1993 г. были заимствованы некоторые подходы последней Конституции СССР. Так, в преамбуле присутствовали такие понятия, как «народы, соединенные общей судьбой на своей земле», «исторически сложившееся государственное единство», «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». В ч. 3 ст. 44 была закреплена обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Однако были и нововведения. Например, ст. 69 гарантировала права коренных малочисленных народов, а в ч. 1 ст. 72 к совместному ведению Федерации и субъектов была отнесена защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей. В ст. 131 было закреплено, что местное самоуправление организуется с учетом исторических и иных местных традиций [11].

Более развернутую характеристику понятие исторической памяти получило в 2020 г. с принятием поправок к Конституции. Так, в ст. 67.1 было подчеркнуто, что Российская Федерация является правопреемницей СССР. Было закреплено, что Россия, «объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства,

признает исторически сложившееся государственное единство». Новеллами стали конституционная гарантия почитания памяти защитников Отечества, обеспечение защиты исторической правды и запрет умаления значения подвига народа при защите Отечества. Особое внимание уделено патриотическому воспитанию детей. Статья 69 впервые на конституционном уровне ввела такое понятие, как «сохранение общероссийской культурной идентичности» [12].

Таким образом, Российское государство имеет разный опыт отношения к исторической памяти. Если при установлении Советской власти была применена теория *tabularasa*, благодаря которой на конституционном уровне произошло отрицание имперского периода, то при распаде СССР Российская Федерация не только объявила себя на международной арене его правопреемницей, но и восприняла конституционные положения, касающиеся духовных ценностей, сохранения героической памяти предков. В настоящее время «историческая память» стала особым предметом конституционно-правового регулирования.

Литература

1. Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. 554 с.
2. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской конституции. М., 1987. 367 с.
3. Лукоянов И. В. Российская империя: почему Основные законы не могли быть Конституцией? // Российский конституционализм: уроки истории и современность: (к 100-летию первой Конституции (Основного закона) РСФСР 1918 года и 25-летию Конституции Российской Федерации 1993 года) : материалы регион. науч.-практ. конф. СПб., 2018. С. 238–250.
4. Слученкова Ю. С. «Основные законы Российской империи», от 23 апреля 1906 года – как этап становления российского конституционализма // Государство и право в XXI веке. 2016. № 1. С. 22–26.
5. Перебинос Ю. А. Оценки Основных государственных законов Российской империи 1906 года в отечественной научной литературе 2010-х годов // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 4. С. 259–267.
6. Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 26. Отд. I. № 27805. СПб., 1909.
7. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II. С. 550–564.
8. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. М., 1924. 20 с.
9. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. Л., 1936. 32 с.
10. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР от 7.10.1977 г. № 41. Ст. 617.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Рос. газ. 1993. 25 дек. (№ 237).
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2023).

HISTORICAL MEMORY AS SUBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION IN RUSSIA: RETROSPECTIVE ANALYSIS

© A. A. Dorskaya, 2023

North-Western Branch of the Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article examines the ways in which historical memory was consolidated through Russian constitutional law, from the Basic Laws of the Russian Empire dated 23 April 1906 to the recent amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The changes in the content of historical memory are shown in conjunction with the introduction of the provision on spiritual values into the Soviet Constitution. It was concluded that, notwithstanding all the variations, there is coherence in the constitutional and legal regulation of matters concerning the preservation of memories of the historical past. The 1977 Constitution of the USSR has been revealed to have an impact on the current constitutional and legal regulation of issues concerning the history of the country.

Keywords: Constitution, historical memory, constitutional and legal regulation, spiritual values, historical truth, memory of ancestors.

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: adorskaya@yandex.ru

Dorskaya Alexandra Andreevna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, Northwestern Branch of Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: adorskaya@yandex.ru

УДК 342(470+571)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Я. Б. Жолобов, 2023

Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Анализируются принципы правосудия, закрепленные в Конституции РФ 1993 г. Рассматриваются отдельные доктринальные определения принципов правосудия, выделяются признаки, позволяющие назвать ту или иную базовую установку организации или осуществления судебной деятельности принципом правосудия. Показано, что такие принципы, как осуществление правосудия исключительно судебными органами, установление к судебному корпусу особых требований, независимость судебной власти и судей, несменяемость судей, неприкосновенность судей, открытость в осуществлении правосудия, отражают веками сложившиеся правовые ценности, развитие которых позволили считать ценностью саму систему правосудия, построенную на демократических началах.

Ключевые слова: Конституция, конституционные принципы, аксиология права, правовые ценности, судебная власть, суд, судья.

В XX в. каждая Конституция Российского государства провозглашала принципы осуществления правосудия, правда, их количество и содержание менялись. Однако несмотря на это, до сих пор существуют

только доктринальные определения принципов осуществления правосудия. Так, Н. Н. Ефремова считает, что это основные начала организации и функционирования органов судебной власти, закрепленные в международно-правовых и национальных конституционных документах [1, с. 31]. По мнению В. И. Анишиной, это исходные положения, обеспечивающие справедливое и законное разрешение судебных дел с целью защиты человека и гражданина [2, с. 38].

Несмотря на различные формулировки, исследователи сходятся в том, что в основе принципов правосудия лежит система ценностей, присущая обществу. Не зря при определении признаков принципов правосудия наряду с их законодательным закреплением, отражением наиболее общих подходов в организации деятельности судов, руководящим характером, установлением юридической ответственности за их нарушение, современные исследователи называют закономерности организации судебных органов, а также правовые и этические идеи, господствующие на данном этапе исторического развития [3, с. 12]. Не вызывает сомнений, что в основе современных принципов осуществления правосудия в Российской Федерации лежат идейные демократические основы организации судоустройства и судопроизводства [4, с. 170].

В Конституции Российской Федерации 1993 г. принципы организации и отправления правосудия закреплены в главах 1 «Основы конституционного строя» и 7 «Судебная власть и прокуратура» [5].

Принцип осуществления правосудия исключительно судебными органами – Конституционным и Верховным судами, федеральными судами общей юрисдикции, арбитражными и мировыми судами субъектов Российской Федерации (ст. 118) показывает, что современная судебная система рассматривается как ценность сама по себе, как завоевание человечества, которое стало возможным только благодаря длительному пути развития, потому что история не раз показала, что создание квазисудебных органов очень часто отрицательно влияло и на уровень реализации прав человека, и на качество судебной деятельности.

Принцип установления к судейскому корпусу особых требований – например, достижение определенного возраста, соответствие установленному образовательному цензу, отсутствие гражданства другой страны и счетов в иностранных банках (ст. 119) отражает такую ценность современного общества, как профессионализм, достигаемый внутренней уверенностью в своих знаниях и силе и отсутствием внешних отвлекающих факторов.

Одним из важнейших является принцип независимости судебной власти и судей. Необходимо отметить, что в ст. 10 гл. 1 Конституции РФ 1993 г. в отношении законодательной и исполнительной власти

используется термин «самостоятельность» и только судебная власть характеризуется как «независимая».

На протяжении последних лет постоянно велась дискуссия о возможности усовершенствования ст. 120 Конституции [6], однако поправки 2020 г. данной статьи не коснулись. Возобладала точка зрения, что организационно идея независимости судебной власти уже достаточно хорошо разработана [7, с. 388]. Обязательным элементом поддержания независимости судей признается церемониал судебного заседания, наполненного многочисленными символическими действиями, большое внимание также уделяется самоуправлению судейского сообщества. В разных странах появились этические кодексы судей, раскрывающие нормы поведения, позволяющие реализовывать принцип независимости судей как носителей судебной власти.

Конституционный принцип несменяемости судей (ст. 121 Конституции) является отражением такой правовой ценности как справедливость, поскольку только всесторонне вникнув в дело возможно вынести правильное решение. Хотя на VII Съезде народных депутатов при рассмотрении вопроса о внесении поправок в Конституцию РСФСР 1978 г. была попытка не включать данный принцип в конституционный текст.

Принцип неприкосновенности судей является одной из гарантий независимости судебной власти, он отражает ценность прав и свобод граждан. Даже по истечению срока своих полномочий судья не может быть привлечен к ответственности за принятое судом решение и выраженное им в процессе судейской деятельности мнение (судейский иммунитет [8, с. 245]), если только не будет установлена виновность судьи в совершении преступления.

Открытость в осуществлении правосудия является еще одним конституционным принципом правосудия (ст. 123 Конституции), при описании которого используются такие характеристики, как гласность, публичность, прозрачность, транспарентность, доступность [9]. Он предполагает повышение уровня информированности граждан о правилах судопроизводства, возможность ознакомления с текстами судебных постановлений. Данный принцип является отражением такой ценности современного общества, как информационная открытость [10] как внутри судебной системы, так и во взаимодействии судов с участниками процессов, другими государственными органами, средствами массовой информации.

Таким образом, конституционные принципы осуществления правосудия могут и должны рассматриваться в аксиологическом аспекте, поскольку они находятся в системе ценностных координат. Они являются ценностью сами по себе, так как отражают те представления о

справедливой судебной системе, которые складывались на протяжении веков. Кроме того, они являются выражением тех ценностей, которые господствуют в данный период в обществе. И, наконец, их реализация является условием охраны и защиты ценностей на уровне государства, общества, личности.

Литература

1. Ефремова Н. Н. Конституционные основы судебной власти в Российской Федерации как фактор прогресса отечественной организации правосудия // Конституция и общественный прогресс. Вторые Прокопьевские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019. С. 29–34.
2. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Е. Б. Абросимова [и др.] ; под ред. В. В. Ершова. М., 2006. 493 с.
3. Ларин А. Ю., Кузьмин Д. И. Судебная власть и правоохранительные органы. М., 2005. 84 с.
4. Неволina О. В. Конституционные принципы организации и функционирования правосудия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 45 (231). С. 170–172.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голос. 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2023).
6. Корнев В. Н. Юридическая природа и содержание конституционного принципа независимости судей // Российское правосудие. 2013. № 12 (92). С. 23–30.
7. Ершов В. В. Организация судебной деятельности : учеб. пособие. М., 2016. 388 с.
8. Кутуков А. Д. Конституционные принципы независимости и несменяемости судей как основа правового статуса судьи Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 48 (286). С. 243–245.
9. Alemanno A., Stefan O. Openness at the Court of Justice of the European Union: Toppling a Taboo // Common Market Law Review. 2014. N 51(1). P. 97–139.
10. Полиева О. М. Принцип гласности и информационная открытость в современной системе российского правосудия // TerraEconomicus. 2009. Т. 7, № 4-3. С. 67–70.

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF ADMINISTERING JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: AXIOLOGICAL ASPECT

© Ya. B. Zholobov, 2023

Northwestern Branch of the Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article provides an analysis of the principles of justice enshrined in the Constitution of the Russian Federation of 1993. The author considers specific doctrinal definitions of principles of justice and pin-points signs that permit identifying a certain fundamental approach to the organization or carrying out of legal activities as the principle of justice. It has been demonstrated that such principles as the administration of justice solely by the judiciary, establishment of specific criteria for the judiciary, independence of judicial power and judges, irremovability of judges, inviolability of judges, openness in justice administration have been deeply ingrained in legal values for centuries. The evolution of these values has enabled the justice system itself, based on democratic principles, to be highly valued.

Keywords: Constitution, constitutional principles, axiology of law, legal values, judicial power, court, judge.

Жолобов Ярослав Борисович – кандидат юридических наук, директор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: zholobov@szfrgup.ru

Zholobov Yaroslav Borisovich – Candidate of Legal Sciences, Director, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: zholobov@szfrgup.ru

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© Н. С. Нижник, 2023

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей использования коммеморативных практик для сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей – патриотизма, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, исторической памяти и преемственности поколений. Автор исходит из того, что современность является коммеморативной эпохой, в рамках которой частичная утрата памяти восполняется коммеморативными симулякрами – местами памяти. Проанализированы результаты социологического исследования, осуществленного в 2022–2023 гг. с целью определения отношения граждан к коммеморативным практикам на основе анкеты «Гражданин и памятники» (1408 респондентов из 177 населенных пунктов Российской Федерации). Акцент сделан на определении значимости коммеморативных практик для сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей, являющихся профессионально значимыми для сотрудников правоохранительных органов современной России.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, патриотизм, историческая память, коммеморативные практики, места памяти, памятники, сотрудники органов внутренних дел – герои.

Распространение знаний по истории Отечества, укрепление национальных, культурных и духовных ценностей, сложившихся на разных этапах российской истории, формирование уважительного отношения к подвигам, совершенным соотечественниками, – важные задачи, позволяющие достичь устойчивого поступательного развития государства, сохраняющего суверенность и авторитет на международной арене.

Сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей – патриотизма, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, исторической памяти и преемственности поколений [1], способствуют коммеморативные практики, получившие в XX–XXI вв. широкое распространение.

Термин «коммеморация», введенный в словарь гуманитарной науки французским ученым П. Нора [2], вошел в научный оборот в XX в. и сегодня означает совокупность публичных коллективных практик, необходимых для формирования у определенной социальной группы представлений, ценностей через обнародование и последующее закрепление в общественном сознании значимых представлений о произошедших событиях.

Когда коммеморативные практики начали использоваться для укрепления общественных ценностей? Ф. Арьес считает, что в конце XIX в., когда в обществе постепенно начали утрачиваться традиции, соблюдавшиеся ранее [3, с. 44]. Поддержка связи общества со своими предками, регулярно чтившими конкретные традиции, стала задачей коммеморации. М. Фуко утверждает, что коммеморация присуща каждой исторической эпохе [4, с. 42]. Но если до XIX в. общество приживалось традиций на протяжении длительного времени, то в XX в., когда социальная стратификация претерпела кардинальные перемены, произошли утрата заинтересованности трансформированных социальных групп в старых традициях и исчезновение большинства из них. Общество стало нуждаться в новых традициях. Новые традиции «реконструировались» – искусственно формировались – с помощью коммеморации на основе не столько достоверных фактов и событий, сколько за счет выдуманных – искусственно созданных – образов и символов [5, с. 14]. Мемориальный конформизм превратился в условие консолидированности общества.

Современность становится коммеморативной эпохой. Частичная утрата памяти при активной заинтересованности народа к воспоминаниям восполняется коммеморативными симулякрами – местами памяти, которые «рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования...» [6, с. 26]. Места памяти – «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей... превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [6, с. 26–27].

Важной функцией мест памяти и коммеморативных практик является манипулятивная функция, с помощью которой группа, обладающая властью, способна манипулировать общественным сознанием и поведением посредством внушения значимости определенных фактов. Коммеморативные практики способны формировать у социальных групп духовно-нравственную основу выбора моделей правового поведения, в том числе модели служебного поведения. Поэтому коммеморативные практики могут быть использованы для формирования профессионально значимых компетенций сотрудников современных правоохранительных органов, в число которых входит развитая правовая культура и устойчивые духовно-нравственные ценности. Места памяти способствуют формированию единого отношения к событиям прошлого и созданию положительного образа сотрудников органов охраны правопорядка.

Для определения отношения российских граждан (в том числе обучающихся в образовательных организациях МВД) к коммемора-

тивными практикам было осуществлено социологическое исследование (разработана процедура исследования, определен инструментарий исследования, проведено анкетирование). Анкета «Гражданин и памятники» была направлена на определение представлений о значении городских памятников и выявления типичных характеристик влияния памятников на горожан. Анкета состояла из закрытых и открытых вопросов о местах памяти – городских памятниках и взаимодействии горожан с ними, о представлениях респондентов о влиянии городских памятников на горожан. В рамках исследования был поставлен комплекс вопросов об осведомленности респондентов о памятниках героям – сотрудникам правоохранительных органов, о влиянии этих памятников на духовно-нравственные ценности лиц, получающих профессиональное образование в образовательных организациях правоохранительных ведомств.

Исследование проводилось посредством опроса с сентября 2022 г. по апрель 2023 г. В результате изучены мнения 1408 респондентов, проживающих в 177 населенных пунктах Российской Федерации. Результаты обрабатывались методами описательной статистики. Оценка эффектов моделей проводилась медианным тестом Н. Краскела-Уоллиса.

Анализ результатов анкетирования позволил сделать следующие обобщения.

На вопрос «Нужны ли памятники городским жителям?» утвердительно ответили 96,7 % опрошенных; доля лиц, отрицающих значимость памятников для городских жителей, составила 2,9 % от числа опрошенных. На основании этих данных можно полагать, что памятники рассматриваются ценной и значимой частью городской среды.

Были установлены типичные модели поведения в отношении памятников, основными из которых выступили: «посещение памятников» (для 48,6 % опрошенных), «поиск информации о памятниках» (45,1 %). Непроявление интереса к памятникам иных респондентов свидетельствует об отсутствии субъективной значимости памятников для них. Данный ответ не противоречит мнению о роли памятников в целом и характеризует степень актуальности памятников в контексте других важных событий жизни опрошенных.

Изучение представлений опрошенных о воздействии, которое памятники могут оказывать на молодежь, позволяет констатировать, что на отсутствие влияния указали только 1,9 % респондентов. Это говорит о силе и возможности влияния, которое приписывается памятникам большинством респондентов.

В большинстве ответов отмечены различные функции городских памятников: познавательная (84,1 % ответов) («напоминают молодежи

об истории нашего города и страны, олицетворяют нашу культуру»), воспитательная (57 % ответов) («воспитывают нравственность у молодежи, символизируя нашу духовность и мораль»), культурно-рекреационная (56 % ответов) («украшают город и обозначают места для торжественных событий и культурного отдыха»). Утилитарная функция памятника – быть «точкой притяжения», ориентационным знаком в межличностном взаимодействии – отмечается 26,3 % респондентов. При этом способность памятника выступать значимой частью индивидуальной истории жизни отмечается только 19,7 % опрошенных.

Ответы респондентов не противоречат выводам ученых-культурологов о функциях памятников [7]. Можно полагать, что основными функциями городских памятников являются закрепление в общественном сознании представлений о трансляции социально-культурного опыта, символизация нравственных ценностей и украшение городской среды. Памятники не вплетены в субъективное пространство жизни и не связаны с индивидуально значимыми событиями для большинства опрошенных. В представлениях большинства анкетированных памятники выступают частью социальной среды респондентов, репрезентируя свое значение и ценность в качестве инструмента социокультурного воздействия.

Изучение ответов респондентов на открытые вопросы о сотрудниках органов внутренних дел, увековеченных в местах памяти – городских памятниках, свидетельствует о следующем. В числе известных сотрудников полиции, совершивших героические поступки, ответившие назвали: лейтенанта полиции Магомеда Нурбагандова, за мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга, удостоенного в 2016 г. (посмертно) звания Героя Российской Федерации (21 % ответивших); российского офицера спецназа, полковника милиции Юрия Анохина, удостоенного в 2000 г. звания Героя Российской Федерации (6,6 % ответивших); старшего лейтенанта милиции Виктора Новикова, слушателя Ленинградского ВВПУ МВД СССР, который, выполняя служебное задание при обеспечении охраны общественного порядка в Абхазской Республике, пал смертью храбрых, награжден орденом Красной звезды (посмертно) (1989 г.) и навечно зачислен в списки Ленинградского высшего политического училища им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, традиции которого сегодня продолжает Санкт-Петербургский университет МВД России (3,5 % ответивших); руководителя ВЧК в Советской России Феликса Дзержинского (2,8 % ответивших). В число названных сотрудников органов внутренних дел, проявивших героизм при исполнении служебного долга, вошли сотрудники милиции и полиции, проявившие себя в различных регионах

и населенных пунктах страны в последнее столетие; государственные деятели различных периодов российской истории (А. Девьер, В. П. Кочубей, П. А. Столыпин, С. М. Буденный, Л. П. Берия, Н. А. Щелоков, В. Б. Рушайло, В. А. Колокольников); лица, внесшие важный вклад в совершенствование системы противодействия преступности (И. Д. Путин, А. Ф. Кони, А. Бертильон); полицейские Российской империи, предотвратившие в XIX в. гибель участников дорожного движения на улицах Санкт-Петербурга, А. Тяпкин и А. Самсонов, и герои, образы которых были рождены художественным творчеством, – Глеб Жеглов, Володя Шарапов, участковый Анискин, Дядя Степа и Шерлок Холмс.

Ответы на открытый вопрос об информированности респондентов о памятниках сотрудникам правоохранительных органов показали, что 28,6 % респондентов таких памятников не знает. В числе таких респондентов оказались и обучающиеся в образовательных организациях МВД России, на территории которых сооружены мемориальные комплексы и открыты памятники, посвященные истории ведомства и героям МВД. Среди известных респондентам городских памятников упоминания о местах памяти о сотрудниках правоохранительных органов единичны.

При этом 14,1 % опрошенных многократно участвовали в торжественных церемониях у памятников сотрудникам органов внутренних дел, 38,7 % опрошенных принимали участие в таких мероприятиях несколько раз, а 14,7 % опрошенных – однократно, но что, судя по их воспоминаниям об этом, произвело на участников впечатление.

Представления респондентов о том, влияет ли посещение памятников (мест памяти) на обучающихся в организациях системы МВД России, позволяют охарактеризовать ответы на вопросы анкеты, в которых опрошенные сообщили, что посещение памятников сотрудникам органов внутренних дел позволяет: получать новые знания о сотрудниках и деятельности правоохранительных органов (48,3 % опрошенных); сопереживать ситуации, в которой сотрудники проявили героизм, совершили подвиг (45,2 %); понять, что история правоохранительных органов содержит много примеров самопожертвования и риска (59,2 %); понять сложность профессии сотрудника правоохранительных органов (48,4 %); задуматься о том, способен ли я совершить героический поступок (28,2 %); убедиться в том, что нужно вести себя наравне с сотрудниками-героями, сохранять честь и доброе имя сотрудников правоохранительных органов (36,2 % опрошенных).

Логичным при таком восприятии памятников представляются выводы анкетированных о том, что посещение памятников (мест памяти), участие в торжественных мероприятиях на мемориальных комплексах

и у памятников, посвященных истории ведомства, у обучающихся в образовательных организациях системы МВД России: формирует уважение к профессии (70,7 % опрошенных); влияет на знание истории профессии (61,2 %); воспитывает моральные качества (56,5 %). В итоге: 86,6 % всех опрошенных выразили уверенность в том, что памятники сотрудникам правоохранительных органов в населенных пунктах нужны; 6,8 % опрошенных высказали сомнение во влиянии коммеморативных практик на формирование и укрепление духовно-нравственных и иных профессионально значимых качеств сотрудников правоохранительных органов и необходимости создания памятников сотрудникам правоохранительных органов.

Результаты проведенного анкетирования позволяют сделать выводы о том, что места памяти – памятники, мемориальные и памятные доски, мемориальные плиты, аллеи выпускников-героев способствуют сохранению памяти о героизме сотрудников правоохранительных органов. Примеры закрепления образа сотрудника полиции через коммеморативные практики в образовательных организациях МВД России подтверждают целесообразность их использования для формирования важнейшей составляющей профессиональной подготовки – высокой правовой культуры.

Коммеморативные практики, сохраняющие историческую память, способны формировать чувство сопричастности к культурному наследию Отечества, уважение к своей нации, понимание своих национальных особенностей, чувство собственного достоинства как представителя своего народа. Коммеморативные практики направлены на формирование образа сотрудников правоохранительных органов, которые стоят на страже закона и готовы профессионально защищать правопорядок; в образовательных организациях МВД России они способствуют формированию в сознании обучающихся представлений о реальности высоких достижений в служебной деятельности и необходимости выбора активной жизненной позиции для достижения профессионального мастерства.

Многочисленные формы коммеморативных практик оправданы. В условиях цифровизации они требуют совершенствования и учета специфики формирования правосознания в современном мире, когда не утихает борьба за переписывание истории, а защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти превратилась в актуальную проблему.

Сохранять историческую память, воспитывать патриотизм, готовность служить Отечеству и нести ответственность за судьбу Родины нужно открыто, активно, разными средствами и в разных формах. Молодежь готова стать патриотами своей страны, но при определении своей жизненной позиции без уроков истории ей не обойтись.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 Г. № 809 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3(40-41).
3. Арьес Ф. Время истории / пер. с фр. и примеч. М. Неклюдовой. М., 2011. 302 с.
4. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр., вступ. ст. Н. С. Автономовой. СПб., 1994. 405 с.
5. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с фр., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана. М., 1996. 359 с.
6. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуинмеж, М. Винок. СПб., 1999. 333 с.
7. Горлова И. И., Зорин А. Л. О некоторых подходах к созданию аксиологической теории памятников в современной западной гуманитаристике // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 183–189.

COMMEMORATIVE PRACTICES AS A MEANS OF PRESERVING SPIRITUAL AND MORAL VALUES

© N. S. Nizhnik, 2023

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the possibilities of using commemorative practices to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values – patriotism, service to the Fatherland and responsibility for its fate, historical memory and continuity of generations. The author proceeds from the fact that modernity is a commemorative era, in which the partial loss of memory is compensated by commemorative simulacra – places of memory. The article analyzes the results of a sociological study carried out in 2022–2023 in order to determine the attitude of citizens to commemorative practices based on the questionnaire "Citizen and Monuments" (1408 respondents from 177 localities of the Russian Federation). The emphasis is placed on determining the importance of commemorative practices for the preservation and strengthening of spiritual and moral values that are professionally significant for law enforcement officers in modern Russia.

Keywords: spiritual and moral values, patriotism, historical memory, commemorative practices, places of memory, monuments, employees of the internal affairs bodies – heroes.

Нижник Надежда Степановна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: n.nishnik@bk.ru

Nizhnik Nadezhda Stepanovna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: n.nishnik@bk.ru

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК АТРИБУТ УКРЕПЛЕНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© Н. С. Нижник, В. А. Нижник, 2023

Санкт-Петербургский университет МВД России
Предприятие ГЭТ «Электротранспорт»
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам сохранения исторической памяти, выступающей одной из традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Историческая память рассматривается как средство солидаризации современного российского общества, фактор сохранения целостности государства и условие его дальнейшего поступательного развития. Авторы исходят из того, что важнейшей составляющей памяти об историческом прошлом России являются знания о событиях Великой Отечественной войны и сопереживание прошлому этих лет. Акцент сделан на характеристике различных коммеморативных практик, использующихся для сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, патриотизм, историческая память, коммеморативные практики, сохранение памяти о Великой Отечественной войне, Санкт-Петербургский университет МВД России.

Без знания прошлого своей страны осознавать себя частью Отечества невозможно. Прошлое – чрезвычайно сложный феномен, находящий отражение в представлениях о минувшем, содержащий в себе события, жизни людей, ценности поведенческой культуры. Представления о прошлом концентрируются в исторической памяти, которая предназначена для передачи информации от одного поколения к другому и закрепления определенных ценностей.

Историческая память способна солидаризировать социальные общности. Когда для достижения поставленных на конкретном этапе исторического развития целей обществу «необходимо обоснование, опирающееся на конструирование общего прошлого ... общая память придает смысл настоящему, трактуя его как ступень длительного и необходимого развития» [1, с. 40–41]. Национальная историческая память «создает смыслы, представляя настоящее как промежуточное звено мотивирующего нарратива, охватывающего как прошлое, так и будущее» [1, с. 40–41].

Историческая память имеет избирательный характер и отражает процесс мемориализации воспоминаний. Представления о природе коллективной памяти и способах ее сохранения имеют непосредственное отношение к выработке политики памяти. Сохранение исторической памяти является частью формирования, сохранения и укрепления

духовно-нравственных ценностей. В каждом государстве политика памяти выражается в особой совокупности общественных практик и норм, касающихся формирования мест памяти, – сооружения памятников и музеев, торжественного празднования событий прошлого, которым придается особое значение, «акцентирования внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других» [2]. Политика памяти направлена на утверждение избранных представлений о коллективном прошлом посредством формирования культурной инфраструктуры и проведения образовательной политики, обеспеченных нормативными основаниями [3]. Коммеморация выступает как способ скрепления сообщества.

Важнейшей составляющей памяти об историческом прошлом России являются знания о событиях Великой Отечественной войны и сопереживание прошлому этих лет. Великая Отечественная война – важнейшая составляющая Второй мировой войны – эпохальное событие XX в., имеющее всемирно историческое значение, безусловно, оставившее отпечаток в коллективной памяти народов и стран-победительниц, и стран, потерпевших поражение. Уроки и последствия Второй мировой войны, итоги, уроки и последствия Великой Отечественной войны стали самыми широко обсуждаемыми в XX в. и до настоящего времени неоднозначно трактуемыми вопросами. Формирование различной коллективной памяти о Второй мировой войне нашло отражение в конкретных действиях политиков различных стран, в формировании разновекторной политики памяти [4]. О различной направленности государственной политики памяти свидетельствуют увеличение попыток зарубежных стран «переписать» историю, нивелировав заслуги нашей страны в решении важнейших проблем человечества, в том числе и в разгроме фашизма [5–7].

Не случайным в такой ситуации является обращение российских исследователей к вопросам сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. Внимание исследователей сконцентрировано сегодня не только на реконструкции нарративов – сюжетно оформленных повествований о цепи связанных исторических событий 1941–1945 гг., но и на проблемах оценки коллективной ментальности и коллективной памяти как детерминант настоящего [4, с. 258–259].

Свой вклад в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне вносит Санкт-Петербургский университет МВД России, в своих образовательных и воспитательных программах рассматривающий сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей как важнейшую задачу. Воспитание пат-

риотизма, формирование готовности к служению Отечеству и способности нести ответственность за судьбу Родины, сохранение памяти об истории России и ведомства осуществляются в СПбУ МВД России в различных формах.

Санкт-Петербургский университет МВД России был образован 18 июня 1998 г., стал первым университетом в системе Министерства внутренних дел России, являясь правопреемником ведомственных учебных заведений Ленинграда, сформированных в период Великой Отечественной войны, когда органы внутренних дел испытывали острый дефицит кадров.

Одобрение научной общественности получило издание «Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы», авторами и руководителями подготовки которого являлись профессора Р. А. Ромашов и Н. С. Нижник [8]. Авторы коллективной монографии, осознавая невозможность в рамках одной работы охватить все стороны и особенности прошедшей Войны, постарались показать ее в разных ракурсах. Авторы предприняли попытку показать многообразие образов Войны в воспоминаниях ее непосредственных участников; проанализировать особенности государственного устройства и правового регулирования в условиях военного времени; показать специфику государственно-правового регулирования в военной и социально-хозяйственной сферах в отдельных регионах страны (и прежде всего на Северо-Западе России); дать, по возможности, объективную оценку явлениям и событиям военного времени, не получившим по различным причинам своего рассмотрения в научной литературе. Авторский коллектив объединил непосредственных участников боевых действий, поделившихся своими воспоминаниями, составившими фактологическую основу дальнейших исследований, и ученых, представивших материалы аналитического и обобщающего характера. Издание монографии явилось вкладом участников проекта в дело сохранения исторической памяти о людях, жизни которых были отданы за победу над фашизмом.

Традицией научной жизни СПбУ МВД России стали масштабные научные конференции, посвященные победе советского народа в Великой Отечественной войне (например, межвузовская научно-практическая видеоконференция «Органы внутренних дел и внутренние войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и ее секция молодых исследователей «Великая Отечественная война в событиях и лицах» (2010), международные научные конференции «Война. Народ. Победа», «Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие» (2015), «Государство. Право. Война» (2020)), участниками которых становились ученые, практикующие

юристы и молодые исследователи из различных стран, регионов Российской Федерации и образовательных организаций [9, с. 24–29; 10, с. 17–21]. Сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны способствовали изданные материалы конференций [11–13]. Проблемы государственно-правового развития СССР в годы Великой Отечественной войны, состояние и функционирование правоохранительной системы отечественного государства, особенности организации деятельности милиции в военные годы становились в центр обсуждения и на иных конференциях, организованных кафедрой теории государства и права СПбУ МВД России [14–20].

Результаты исследований, проведенных на основе анализа широкого круга источников с использованием современных методов юридической науки, нашли отражение в коллективных монографиях [21; 22], докладах участников конференции [23–28] и сборниках материалов конференции [29–31].

На научно-теоретических конференциях в Санкт-Петербургском университете МВД России были представлены результаты исследований, касающихся роли исторической памяти о Великой Отечественной войне в формировании патриотизма российских граждан (работы Н. Э. Вашкау [32], Е. А. Дрогавцевой [33], В. С. Елисеевой [34], В. В. Кавецкой [35], Ю. А. Кошкарновой [36], Е. М. Крупени [37], С. Ю. Любина [38], Г. В. Марченко [39], Ю. В. Оспенникова [40], А. А. Пярн [41], Н. С. Сидоренко [42], Н. Н. Силкина [43], Е. С. Соколовой [44], В. И. Цвиркуна [45], И. Л. Честнова [46] и др.).

Особое внимание исследователи уделили вопросам, касающимся деятельности милиции в военные годы [47–53], проявлений гражданской активности населения [54–56], стойкости жителей блокадного Ленинграда [57; 58], судеб фронтовиков, тружеников тыла, истории их семей и особенностей регулирования отношений [61–63].

Работы исследователей свидетельствовали, что в отечественной гуманитарной науке интерес к вопросам использования исторической памяти в воспитании патриотизма и уважения к историческому прошлому в XXI в. возрос, а проблемы использования коммеморативных практик для противодействия фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны требуют дальнейшей научной разработки.

Важным средством сохранения исторической памяти является одна из форм коммеморативных практик – создание памятников. На территории Российской Федерации насчитывается несколько миллионов памятников, часть из них посвящены Великой Отечественной войне. Каждое из этих памятных мест – олицетворение связи прошлого с настоящим, связи поколений и поддержание традиций.

На территории Санкт-Петербургского университета МВД России расположена «Аллея ветеранов университета – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Торжественная церемония ее открытия состоялось 3 сентября 2020 г. Право перерезания красной ленточки и открытия Аллеи было предоставлено ветерану Великой Отечественной войны, полковнику в отставке А. А. Анашину и председателю Совета ветеранов СПбУ МВД России генерал-майору милиции Н. Н. Силкину. Освящение Аллеи ветеранов провел настоятель храма святого Димитрия Донского иерей Василий. На Аллее ветеранов представлены портреты героев Великой Отечественной войны: И. Е. Тарханова, Я. Я. Юрченко, В. Я. Слепова, В. Д. Сорокина, А. Т. Скилягина, В. И. Рохлина, П. И. Мурашова, Л. А. Николаевой, К. А. Иерета, В. И. Кузнецова, А. Е. Воробьева, А. В. Зиновьева, Я. М. Бельсона, В. А. Берчикова, М. В. Ашика, А. А. Анашина. Торжество открытия Аллеи ветеранов завершилось торжественным маршем курсантов.

На территории СПбУ МВД России открыты Аллея генералов – выпускников образовательной организации; памятник, посвященный сотрудникам ОВД – выпускникам Санкт-Петербургского университета МВД России, погибшим при исполнении служебного долга; мраморная плита, на которой высечены имена погибших сотрудников полиции. Памятные места призваны формировать и поддерживать уважение к героям Великой Отечественной войны, сотрудникам правоохранительных органов, образцово выполнявшим свой служебный долг. Увековечение, сохранение памяти о сотрудниках полиции при охране и защите общества, выполнении своих служебных обязанностей направлено на формирование у обучающихся уважительного отношения к памяти павших защитников Родины, памяти о сотрудниках органов внутренних дел – героях.

Коммеморативные практики в СПбУ МВД России имеют особый – коллективный, публичный, институциональный, ритуализированный и репрезентативный по отношению к группе – характер. Одна из используемых коммеморативных практик – деятельность, направленная на присвоение проспекту, улице или переулку названия, которое несет в себе исторический контекст и имеет мемориальный характер. Главной реализуемой функцией в этом случае выступает процесс фиксации в памяти народа особенных (значимых) фрагментов прошлых исторических событий в разные временные периоды [64, с. 350]. Название улицы в честь какого-либо героя является нечто большим, нежели фиксация значимого исторического события, поскольку процесс присвоения какого-либо названия является многоступенчатым

(появляется инициатива, которую должны поддержать граждане, проживающие на территории данного субъекта, происходит обсуждение, внесение предложений). Закрепление информации подобным образом, возникновение новых объектов коммеморативной практики является ответственным и важным решением общества, поскольку именно от их решения будет зависеть, что именно можно признать значимым в той или ином историческом периоде, а что нет, поскольку социальная группа еще не сформировала собственного мнения относительно обсуждаемого факта, личности [64 с. 360]. СПбУ МВД России выступил инициатором присвоения скверу имени ветерана – героя Великой Отечественной войны М. В. Ашика [39, с. 2067].

Коммеморативные практики воспитывают курсантов на традициях уважения и гордости за свою страну, в сопричастности к ее многовековой истории, примерах мужества и героизма «поколения победителей», вписавших героические страницы в летопись ведомства [65, с. 227]. Такой вывод находит подтверждение в проявляющемся у курсантов и слушателей интересе к отечественной истории и истории органов внутренних дел, который получает выражение, в частности, в проведении ими исследовательских проектов. Проблемам сохранения исторической памяти и определению значения отдельных событий отечественной истории посвящены публикации Д. Д. Аведикова [66], Т. С. Когута [67], А. С. Куренкеевой [68], А. А. Лапиной [69–71], В. Р. Литовой [72], Е. С. Молчана [73], В. Д. Павлова [74], Е. Е. Полежаева [75], М. А. Суховой [76]. Свидетельства эпохи, «воплощенные в качестве объектов героико-патриотического и культурного наследия, имеют высокий воспитательный потенциал, позволяющий формировать у сотрудников органов внутренних дел такие качества, как патриотизм и гражданственность» [39, с. 2071], подчеркнул профессор Санкт-Петербургского университета МВД России Г. В. Марченко.

Чтобы противостоять разнообразным фальсификаторам, обществу в XXI в. нужны научно подтвержденные знания о Великой Отечественной войне [4; 77; 78], позволяющие делать обоснованные выводы о прошлом и без трагических ошибок решать проблемы сегодняшнего дня. Историческая память способствует формированию патриотизма россиян, выступая средством солидаризации российского общества, фактором сохранения целостности государства и условием его дальнейшего поступательного развития.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. 323 с.

2. Миллер А. И. Россия: власть и история // Полит.ру. URL: <https://polit.ru/article/2009/11/25/miller/> (дата обращения: 24.03.2023).

3. Малинова О. Ю. Комmemорация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6–22.

4. Нижник Н. С. Великая Отечественная война в контексте memory studies: практики комmemорации как инструмент конструирования будущего // «Поклонимся Великим тем годам...» (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) : сб. материалов всерос. науч. конф. Москва, 9 апреля 2020 года. М., 2020. С. 257–266.

5. Дерешко Б. Ю. Международно-правовые аспекты и геополитические цели фальсификации истории Второй Мировой войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Н. С. Нижник ; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. СПб., 2020. С. 1705–1713.

6. Трусов Н. А. «Инвентаризация» ценностей победы: от критики к их подмене // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1714–1724.

7. Марченко Г. В. Современная мифология о Великой Отечественной войне: информационная атака на историческую память народа // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1725–1737.

8. Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы / Авт. и рук. проекта Р. А. Ромашов, Н. С. Нижник. СПб., 2005. 655 с.

9. Нижник Н. С. От редактора // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 24–29.

10. Нижник Н. С. От редактора // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н. С. Нижник ; сост. Н. С. Нижник, Т. О. Чукаев. СПб., 2020. С. 17–21.

11. Великая Отечественная война в событиях и лицах : материалы секции курсантов, слушателей и студентов межвузовской научно-практической видеоконференции «Органы внутренних дел и внутренние войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Санкт-Петербург, 23 апреля 2010 г / ответ. ред. Н. С. Нижник ; сост. А. П. Стоцкий, О. И. Городовая. СПб., 2010. 264 с.

12. Война. Народ. Победа (посвящается 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 апреля 2015 г. / под общ. ред. Н. С. Нижник: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2015. 232 с.; Ч. II / под общ. ред. Н. С. Нижник. СПб., 2015. 224 с.

13. Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие : материалы всерос. науч.-теорет. конф. молодых исследователей. Санкт-Петербург, 29 апреля 2015 г. / под ред. Н. С. Нижник: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2015. 391 с.; Ч. 2. СПб., 2015. 440 с.

14. Нижник Н. С. Румянцева В. Г., Карчевская Н. И. Обзор международной научно-практической конференции «правовые механизмы предотвращения и преодоления социальных конфликтов», Севастополь, 29–30 сентября 2006 г. // История государства и права. 2006. № 12. С. 40–42.

15. Nizhnik N. S. «The legal system of Russia: traditions and innovations»: all-russian scientific-theoretical conference. 25–27 april 2013, Saint Petersburg university of law of Russia // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2(58). С. 229–240.

16. Нижник Н. С. «Правовая система России: традиции и инновации»: всероссийская научно-теоретическая конференция, 25–27 апреля 2013 г., Санкт-Петербургский университет МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3(59). С. 232–240.

17. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Полицейская деятельность: три века служения полиции Отечеству // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 1–51. DOI: 10.7256/2454-0692.2018.5.27795.

18. Нижник Н. С. Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72.
19. Нижник Н. С. Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 года / сост. Э. Х. Мамедов. СПб., 2019. С. 267–296.
20. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству : Междунар. науч. конф. // Административное право и процесс. 2019. № 3. С. 67–71.
21. Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2006. 657 с.
22. Истоки и источники права: Очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2006. 810 с.
23. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. 2019. № 6. С. 138–145.
24. Nizhnik N. 300 years in the service to the native land: specifics of the regional development of the police bodies in the Russian empire (on the materials of the jubilee international scientific conference held at St Petersburg university of the Ministry of internal affairs) // *Historia provinciae*. 2019. T. 3. № 1. P. 505–522.
25. Нижник Н. С. От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): В 2 ч. Ч. I : материалы XVIII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, А. В. Демидов. СПб., 2021. С. 14–19.
26. Нижник Н. С. От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): В 2 ч. Ч. II : материалы XVIII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. СПб., 2021. С. 14–17.
27. Нижник Н. С. От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX Междунар. науч.-теорет. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.: В 2 ч. Ч. I / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. СПб., 2022. С. 32–49.
28. Нижник Н. С. От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.: В 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. СПб., 2022. С. 23–41.
29. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Советское государство и общество: основные направления взаимодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 4. С. 384–394.
30. Нижник Н. С., Козинникова Е. Н., Чукаев Т. О. История Советского Союза в контексте научного анализа : XIX Междунар. науч. конф. «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» (28–29 апреля 2022 г., Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 226–240.
31. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (к 100-летию образования СССР) // Государство и право. 2022. № 12. С. 186–192.
32. Вашкау Н. Э. Память о войне через поколения // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 2028–2037.
33. Дрогавцева Е. А. Путь патриотизма от Великой Отечественной войны до современной России // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1875–1880.
34. Елисеева В. С. Память о Великой Отечественной войне как фактор патриотического воспитания граждан Российской Федерации // Государство. Право. Война (к 75-летию Побе-

ды советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1860–1867.

35. Кавецкая В. В. О музейной практике репрезентации памяти о Великой Отечественной войне в проектах музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апр. 2020 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1843–1849.

36. Кошкарлова Ю. А. Проблема сохранения и защиты исторической социальной памяти о Великой Отечественной войне // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1786–1791.

37. Крупная Е. М. Память о войне как государственно-правовое явление: теоретико-правовые основы исследования // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1760–1768.

38. Любин С. Ю. Увековечивание памяти о Великой Отечественной войне с использованием квест-технологий в воспитательной работе с молодежью // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1868–1874.

39. Марченко Г. В. Духовная связь времен и поколений в памятниках сотрудникам правоохранительных органов и топонимике названий улиц Санкт-Петербурга // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : В 2 ч. Ч. 1 : материалы XIX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. СПб., 2022. С. 2070–2078.

40. Оспенников Ю. В. Память о войне и проблема правого экстремизма в современной России // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1811–1820.

41. Пярн А. А. Сохранение исторической памяти как элемент правовой культуры общества // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2022. С. 2083–2090.

42. Сидоренко Н.С., Нижник Н. С. формы проявления гражданской активности уральского общества в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2022. С. 2230–2241.

43. Силкин Н. Н. Знать, чтить и продолжать традиции отцов и дедов! (о совете ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России) // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1850–1859.

44. Соколова Е. С. Память о войне как вектор легитимации политических систем: исторический опыт, проблемы и перспективы // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1769–1778.

45. Цвиркун В. И. Молдавия – против фашизма! (об участии Молдавии в противодействии фашистским захватчикам) // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1005–1015.

46. Честнов И. Л. Коллективная память о Великой Отечественной войне // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1753–1759.

47. Через годы и века... Имперская полиция, советская милиция, российская полиция в исторических фотографиях: Фотоальбом / Авт.-сост. Н. С. Нижник. СПб., 2018. 332 с.

48. Григорьев А. В. Органы внутренних дел в механизме советского государства в период Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 649–653.

49. Лапанович С. Ф. Вклад белорусской милиции в победу в Великой Отечественной войне // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 654–665.

50. Дружинин Е. Р. Сотрудники УНКВД Вологодской области на фронтах Великой Отечественной войны: призыв и мобилизация (июнь 1941 – май 1945) // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 671–677.

51. Чукаев Т. О. Взаимодействие общественных объединений с сотрудниками милиции при охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 717–719.

52. Ханин С. В. Взаимодействие милиции и населения в годы войны как нравственный ориентир в формировании патриотического потенциала Победы (на опыте нижегородской (горьковской) милиции) // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 720–726.

53. Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны: перестройка работы правоохранительных органов в условиях военного времени // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1016–1028.

54. Нижник Н. С. Военное детство: пионерская организация Челябинска в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы / авт. и рук. проекта Р. А. Ромашов, Н. С. Нижник. СПб., 2005. С. 435–441.

55. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Газетная периодика военных лет как фактор формирования образа Великой Отечественной войны в общественном сознании // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1887–1897.

56. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. формы проявления гражданской активности уральского общества в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2022. С. 2230–2241.

57. Стоцкий А. П. 8-е отделение милиции Смольнинского района Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 749–755.

58. Таланин В. В., Таланина И. А. Ленинград и ленинградцы в условиях блокады и военного времени // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1036–1041.

59. Нижник Н. С. Законодательные основания государственной политики в сфере семейно-брачных отношений в период Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы / авт. и рук. проекта Р. А. Ромашов, Н. С. Нижник. СПб., 2005. С. 373–384.

60. Нижник Н. С., Биктасов О. К. Законодательные основания государственной политики в сфере семейно-брачных отношений в период Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 56–61.

61. Нижник Н. С., Никулина Ю. А. Основания выбора основных направлений демографической политики государства после окончания Великой Отечественной войны // Мировой порядок как итог Второй мировой войны: развитие государства и права во второй половине XX – начале XXI вв. (К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне) : сб. ст. Х Междунар. межвуз. студ. науч.-практ. конф. СПб., 2010.

62. Нижник Н. С. Нормативные основания регулирования семейно-брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. / отв. ред. А. Ш. Кабирова. Казань, 2015. С. 451–459.

63. Нижник Н. С. Женщина как субъект семейно-брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы Восьмой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 8–11 октября 2015 года, г. Старый Оскол. В 3 т. Т. 1. М. : Старый Оскол, 2015. С. 149–154.

64. Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : дис. ... д-ра культурологии. Челябинск, 2018. 491 с.

65. Марченко Г. В., Маякова Е. О. «Одеты в камень»: увековечивание памяти сотрудников органов и войск НКВД – участников обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. СПб., 2021. С. 226–242.

66. Аведиков Д. Д. Санкт-Петербургское суворовское военное училище МВД России – участник работы по сохранению памятников истории и воинских захоронений Санкт-Петербурга // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 909–912.

67. Когут Т. С. Сохранение исторической памяти в контексте реализации программы дополнительного образования «юный следователь» // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 913–917.

68. Куренкеева А. С. Отряд по военно-патриотическому воспитанию молодежи «Знамя Победы» Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии – хранители памяти о Великой Отечественной войне // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 901–902.

69. Лапина А. А. «Поклонимся великим тем годам...»: памятники милиционерам участникам Великой Отечественной войны на территории Российской Федерации // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 891–896.

70. Лапина А. А. Памятники сотрудникам органов внутренних дел России как фактор формирования в общественном сознании образа российского полицейского // Право, общество, государство: проблемы теории и истории : сб. материалов Междунар. науч. студ. конф. (РУДН, г. Москва, 24–25 апреля 2020 г.) / отв. ред.: С. Б. Зинковский, Е. Н. Трикоз. М., 2020. С. 49–53.

71. Лапина А. А. Коммеморативные практики как средство формирования образа стража правопорядка // Актуальные вопросы юридической науки глазами молодых исследователей : сб. ст. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. курсантов и студентов / под ред. В. А. Илюхиной. М., 2023. С. 90–96.

72. Литова В. Р. Память о войне: увековечение, сохранение, защита // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 922–925.

73. Молчан Е. С. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне в российском обществе: от постановки проблемы к созданию поискового отряда «Ленинград» в Санкт-Петербургском суворовском военном училище МВД России // Государство. Право.

Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 903–908.

74. Павлов В. Д. О сохранении памяти о Великой Отечественной войне в современной России // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 926–932.

75. Полежаев Е. Е. Увековечивание памяти об истории органов внутренних дел краснодарского края в годы великой отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 897–890.

76. Суховая М. А. Всегда помнить о войне, защищать память о победе // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 933–936.

77. Иванников И. А. Значение СССР в победе над фашистской Германией и послевоенный мир // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1595–1599.

78. Калинин С. А. Победа СССР в Великой Отечественной войне в логике закономерностей развития государственности: история и современность // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1584–1594.

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY AS AN ATTRIBUTE OF STRENGTHENING SPIRITUAL AND MORAL VALUES

© N. S. Nizhnik, V. A. Nizhnik, 2023

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
GET “Electric Transport” enterprise, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problems of preserving historical memory, which is one of the traditional Russian spiritual and moral values. Historical memory is considered as a means of solidarization of modern Russian society, a factor in preserving the integrity of the state and a condition for its further progressive development. The authors proceed from the fact that the most important component of the memory of the historical past of Russia is knowledge about the events of the Great Patriotic War and empathy for the past of these years. The article focuses on the characteristics of various commemorative practices used to preserve the historical memory of the Great Patriotic War at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: spiritual and moral values, patriotism, historical memory, commemorative practices, preservation of the memory of the Great Patriotic War, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Нижник Надежда Степановна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: n.nishnik@bk.ru

Нижник Вера Андреевна – заместитель директора – начальник управления по персоналу, предприятие ГЭТ «Электротранспорт», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: vera.nizhnik@list.ru

Nizhnik Nadezhda Stepanovna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: n.nishnik@bk.ru

Nizhnik Vera Andreevna – Deputy Director – Head of HR Department, GET «Electric Transport» enterprise, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: vera.nizhnik@list.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОКРАИННЫМИ И ПРИСОЕДИНЯЕМЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© Д. А. Пашенцев, 2023

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия

Аннотация. Актуальность темы определяется возможностью использования результатов анализа исторического опыта управления окраинными и присоединяемыми территориями в современных условиях. Цель исследования – выявить роль традиционных ценностей в организации управления окраинными и присоединяемыми территориями в Российской империи. На основе формально-юридического и сравнительно-исторического методов проанализированы нормы законодательства Российской империи, а также современная научная литература по данной проблематике. Сделан вывод, что правительство Российской империи использовало для регулирования общественных отношений на окраинных территориях местные узаконения и обычаи, которые были основаны на традиционных для тех или иных народов ценностях.

Ключевые слова: Российская империя, законодательство, местные узаконения, традиционные ценности, окраинные территории.

Важность правового регулирования отдаленных, окраинных территорий для Российской империи определялась самой сущностью империи как типа государства, который связан с постоянными территориальными расширениями, приращением новых земель, освоением их. «Присоединяемые земли активно осваивались: строились крепости, переселялось русское население, велась торговля» [1, с. 230]. Принимались меры по обеспечению транспортной доступности, повышению культурного уровня населения, строительству школ и больниц, развитию экономики.

В период Российской империи окраинные территории могли обладать разным статусом. «Управлять территориями, населенными многочисленными народами, входившими в состав России в разное время, на основе унифицированной модели организации местного самоуправления, суда, земельных отношений было невозможно» [2, с. 205]. Представляется, что в данном случае дело было не только в многонациональном населении, но и в природно-климатических факторах, которые, в свою очередь, определяли господствующие модели хозяйственной деятельности, а следовательно, и образа жизни.

В период Российской империи население окраинных и присоединяемых территорий имело особый статус, особый порядок управления.

Этот порядок, закрепленный правовыми нормами, во многом определялся тем, о каких именно территориях шла речь. Это могли быть густонаселенные территории на западе империи, прежде принадлежавшие другим государствам. Примером являются Царство Польское и Великое Княжество Финляндское. Это могли быть и малообжитые земли на востоке империи, населенные различными народностями, в том числе, кочевыми племенами.

В основе правовой политики государства в отношении вновь присоединяемых территорий лежало осознание необходимости учета их национальных и иных особенностей, в связи с чем государственная власть старалась по мере возможности сохранять местные традиции, обычаи, верования и правовые нормы. «Ситуация с разными народами, историей их вхождения в состав Российской империи, их взаимоотношениями с центральной властью была различной, поэтому государство в каждом случае действовало ситуативно, использовало разные подходы и модели, не могло выработать единых стандартов» [1, с. 231].

После вхождения в состав Российской империи Великого княжества Финляндского в нем были практически полностью сохранены действующие законы (как правило, шведского происхождения). Фактически Финляндия получила политическую автономию, с 1863 г. была возобновлена работа финского Сейма – представительного органа, действовавшего на основе собственного Устава [3, с. 27–28]. Система управления Финляндии не была встроена в систему управления Российской империи, там существовал свой суд, свой бюджет, собственная налоговая система. Финны приравнивались в правах к русским подданным, в то время как русские в Финляндии всей полнотой финских жителей не обладали.

Сходная правовая политика проводилась в отношении Царства Польского, также входившего в состав Российской империи и получившего в 1815 г. собственную конституцию (действовала до 1830 г.). В результате Польша на небольшое время стала единственным государством Европы, имевшим представительные органы, в состав которых входили представители почти всех сословий.

В 60–70-е гг. XIX в. были военной силой присоединены к России Бухарский эмират и Хивинское ханство, причем значительная часть населения радостно встретила это событие. При этом власть прежних правителей на местах была сохранена, включая структуру государственного аппарата, армию, финансовую систему. Местные власти лишались самостоятельности в проведении внешней политики, но сохраняли полномочия регулировать общественные отношения, управлять населением.

11 июля 1867 г. было издано «Временное положение об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства». Первоначально это генерал-губернаторство включало три области: Ферганскую, Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую. После присоединения к России основных районов Средней Азии положением 12 июня 1886 г. оно было преобразовано в Туркестанский край, при этом все главные структуры управления бывшего генерал-губернаторства полностью сохранялись [4, с. 255]. В целом именно Средняя Азия сохраняла в пореформенный период наибольшие особенности управления по сравнению с остальными национальными окраинами, которые проявлялись в высокой степени самостоятельности местных властей, сохранении местных узаконений.

В начале XIX в. в законодательстве Российской империи получила закрепление новая категория населения – инородцы, что было непосредственно связано с необходимостью совершенствовать управление все новыми присоединяемыми территориями и проживавшим на них населением.

Свод законов Российской империи устанавливал, что инородцы – это «некоторые племена, поставленные по их правам состояния и по управлению ими в особое положение» [5, с. 408]. К числу инородцев относились монгольские и финские племена, проживавшие на севере и востоке России, а также евреи вне зависимости от места их проживания. К числу сибирских инородцев относились киргизы, самоеды, кочевые инородцы, калмыки [5, с. 409], проживавшие на территории Сибири и составлявшие там значительную часть населения. Особенности их правового статуса, помимо сохранения местных обычаев, стали определенные финансовые послабления.

Государство сохраняло родоплеменную знать народов Сибири (тойоны – у якутов, тайши, шуленги и нойоны – у бурят, «князьцы» – у остяков и т. п.). Эта знать подчинялась губернаторам и воеводам, назначаемым из центра, которые использовали ее для сбора натуральной подати – ясака (взимался, главным образом, мехами) [5, с. 148].

Управление населением окраинных и присоединяемых территорий осуществлялось на основе норм Устава об управлении инородцев (принят в 1822 г.). Этот акт закреплял права инородцев, организацию инородческого управления, определял порядок сбора податей и повинностей с инородцев.

Устав об управлении инородцев делил их на оседлых, кочевых и бродячих. Статус оседлых инородцев был близок к статусу православного населения. Кочевые инородцы, согласно Уставу, управлялись на основе существовавших у них законов и обычаев, эти же законы при-

менялись в суде по гражданским делам и частично по делам уголовным. Они были освобождены от рекрутской и земских повинностей.

Управление инородцами в период империи осуществлялось, в основном, с учетом их культурно-национальных особенностей и религиозных воззрений, фактически на основе сохранения существовавших исконных обычаев, в том числе, правовых. Тем самым правительство принимало меры по включению родовой системы управления и обычного права инородцев в имевшийся имперский властно-управленческий механизм и правовую систему.

В итоге сформировалась модель, при которой для народов, населявших восточные области страны, устанавливались финансовые и военные льготы, сохраняло действие местное законодательство и обычаи. Такая модель определялась потребностями организации управления на присоединяемых территориях в условиях необходимости снижения управленческих издержек.

Сохранение у народов, населявших окраинные и присоединяемые территории, собственного законодательства и обычаев было связано и сохранением традиционного аксиологического наполнения системы регулирования общественных отношений. В основе обычаев, сложившихся у того или иного народа, лежала определенная система ценностей, близких этому народу, передававшихся в обществе между поколениями с помощью механизма социальной эстафеты. Эти же ценности пронизывали и местные узаконения. В итоге проводимая правительством политика способствовала сохранению ценностных ориентиров окраинных народов, что способствовало их более лояльному отношению к имперской власти, к существовавшему праву и порядку регулирования общественных отношений.

Литература

1. Пашенцев Д. А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. 2021. № 12-5. С. 229–236.
2. Кнор В. Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия: Политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. 2010. № 4. С. 204–218.
3. Звонарев А. В. К вопросу о создании Сеймового устава Великого княжества Финляндского 1869 года // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 27–34.
4. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высшая школа, 1983. 352 с.
5. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. В 2 т. Т. 1. О государственном устройстве. М. : Зерцало, 2006. 470 с.

TRADITIONAL VALUES AS THE BASIS FOR THE ORGANIZATION OF THE MANAGEMENT SYSTEM OF MARGINAL AND ANNEXED TERRITORIES IN THE RUSSIAN EMPIRE

© D. A Pashentsev, 2023

Institute of Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. The relevance of the topic is determined by the possibility of using the results of the analysis of the historical experience of managing marginal and annexed territories in modern conditions. The purpose of the study is to identify the role of traditional values in the organization of management of marginal and annexed territories in the Russian Empire. On the basis of formal-legal and comparative-historical methods, the norms of the legislation of the Russian Empire, as well as modern scientific literature on this issue, are analyzed. It is concluded that the government of the Russian Empire used to regulate public relations in the outlying territories local laws and customs that were based on traditional values for certain peoples.

Keywords: Russian Empire, legislation, local legalizations, traditional values, marginal territories.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, главный научный сотрудник, отдел теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, e-mail: dp-70@mail.ru

Pashentsev Dmitry A. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Chief Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: dp-70@mail.ru

УДК 342(470+571)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© С. В. Пашенцева, 2023

Покровский филиал
Московского педагогического государственного университета
Покров, Россия

Аннотация. Актуальность темы определяется возможностью использования результатов анализа исторического опыта решения социальных проблем населения с помощью благотворительной деятельности. Цель исследования – выявить роль благотворительности в формировании социокультурных основ отечественной государственности в период Российской империи. Использован метод исторической реконструкции, а также конкретно-исторический подход. Сделан вывод, что благотворительность, основанная на традициях христианского милосердия, соответствовала менталитету населения России и помогала решать социальные проблемы населения в период империи.

Ключевые слова: благотворительность, социальная деятельность, социокультурные основы, Российская империя, социальное государство.

Конституция провозглашает Россию социальным государством, и это налагает на правительство определенные обязательства, связанные с необходимостью принимать меры по борьбе с бедностью, социальной защите малоимущих, пенсионеров и инвалидов, помощи многодетным

семьям. Реализация полноценной, ориентированной в будущее социальной политики осложнена рядом факторов, прежде всего, экономического характера. В условиях недостаточности бюджетных средств, выделяемых на социальные программы, возникает вопрос об альтернативных источниках социальной помощи. В связи с этим, приобретает важное значение благотворительная деятельность, которая была очень развита в период Российской империи, и востребована в наши дни.

В Российской Федерации принят и действует Федеральный закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Под благотворительной деятельностью в законе «понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [1]. Ключевую роль для понимания сущности благотворительности и ее социальных основ играют такие ее свойства, как добровольный характер, бескорыстность, гуманность.

О том, что благотворительная деятельность присуща самому национальному менталитету народов России, говорит факт ее длительного существования. Традиции благотворения и милосердия зародились еще в Древней Руси, во многом в связи с принятием христианства, которое подразумевает нищелюбие. Попытки Петра I на законодательном уровне запретить подаяние нищим не имели успеха, так как противоречили гуманной сущности православия, доброте души русского народа [2, с. 140].

Период наибольшего расцвета благотворительной деятельности в нашей стране – это девятнадцатое и начало двадцатого столетия. Предпосылками такого расцвета можно считать следующие [3]:

- низкий жизненный уровень большинства населения страны, большое количество неимущих и бедных, нуждавшихся в помощи;
- поддержка со стороны Русской Православной Церкви;
- активные усилия государства в лице членов императорской семьи по развитию благотворительности, в которой видели средство смягчения социальной напряженности в обществе.

К началу XX в. страна была покрыта сетью благотворительных обществ и принадлежавших им заведений самой различной направленности. Создавались общества помощи неимущим, женщинам, учащимся, инвалидам войны, детские приюты. Открывались дома трудолюбия, убежища для бездомных, бесплатные больницы и столовые. «О сферах деятельности тех благотворительных обществ, которые существовали в Российской империи, можно судить по тому, что они помогали самым

разным категориям нуждавшихся: сиротам, одиноким женщинам, престарелым, увечным и больным, бездомным, слепым, глухим, учащимся и т. д.» [4, с. 52]. Но большинство таких полезных структур создавалось в столицах – Москве и Петербурге, а в провинции благотворительная деятельность была развита намного слабее, что можно объяснить отсутствием такого количества богатых жителей – потенциальных жертвователей.

Стоит отметить, что помимо понятия «благотворительность» в российской империи, в том числе в законодательстве, употреблялось понятие «общественное призрение» [5, с. 124]. Оно подчеркивало, что социальная поддержка оказывается именно обществом, которое берет на себя заботу о нуждающихся, и это выступает важным фактором, консолидирующим его.

Благотворительность приобретает не только социальную ценность, помогая государству бороться с бедностью, облегчая жизнь нуждающихся, но и ценность духовно-культурную. Она способствует воспитанию молодого поколения в духе человеколюбия и милосердия. Превращаясь в систему, благотворительная деятельность формирует в обществе особую среду, проникнутую сочувствием к нуждающимся, стремлением и готовностью к оказанию им систематической помощи. В таком виде благотворительность становится мощным социокультурным фактором общественного и государственного развития.

Литература

1. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : федер. закон от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
2. Пашенцев Д. А. Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, № 2. С. 139–156.
3. Пашенцева С. В. Социальные предпосылки деятельности женских благотворительных обществ в Российской империи // Женщина в Российском обществе. 1998. № 4.
4. Пашенцев Д. А. Преодоление бедности и борьба с нищенством в Российской империи (историко-правовой аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 49–58.
5. Симеонкина Н. Г. Особенности правового регулирования общественного призрения в Российской империи // Вестник МГПУ. Серия Юридические науки. 2017. № 4. С. 124–129.

CHARITY AS A SOCIO-CULTURAL BASIS OF RUSSIAN STATEHOOD

© S. V. Pashentseva, 2023

Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University
Pokrov, Russian Federation

Abstract. The relevance of the topic is determined by the possibility of using the results of the analysis of the historical experience of solving social problems of the population with the help of charitable activities. The purpose of the study is to identify the role of charity in the formation of the socio-cultural foundations of national statehood during the Russian Empire. The method of historical reconstruction was used, as well as a concrete historical approach. It is concluded that charity based on the traditions of Christian charity corresponded to the mentality of the Russian population and helped to solve social problems of the population during the empire.

Keywords: charity; social activity; socio-cultural foundations; Russian Empire; welfare state.

Пашенцева Светлана Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, Покровский филиал Московского педагогического государственного университета, г. Покров, Россия, e-mail: sp10-73@mail.ru

Pashentseva Svetlana Vasilyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Pokrov Branch of the Moscow Pedagogical State University, Pokrov, Russian Federation e-mail: sp10-73@mail.ru

УДК 342(470+571)

КОНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

© А. В. Скоробогатов, 2023

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена аксиологическому исследованию конституционного пространства России. На основе феноменологического анализа нормативных правовых актов конституционного характера сделан вывод, что конституализация традиционных духовно-нравственных ценностей представляет собой процесс и результат придания ценностям правового бытия человека конституционного статуса путем их закрепления в нормативных правовых актах, имеющих статус конституционных текстов. При этом духовно-нравственные ценности приобретают юридическую природу. Благодаря конституализации традиционных ценностей не только усиливается легитимация национальной правовой системы, но и происходит демаркация ценностей юридически, географически, темпорально и социально.

Ключевые слова: конституализация, традиционные духовно-нравственные ценности, правовое пространство, правовая коммуникация, демаркация ценностей.

Конституционный процесс, протекающий в России, в силу трансгрессивного характера ее развития отличается фрактальностью. Это определяет необходимость ее исследования с учетом социокультурного контекста пространственно-временного континуума. Особенно актуальным аксиологический анализ стал в условиях конституционной реформы, начатой в России в 2020 г. Внесенные в правовую систему изменения связаны с конституализацией традиционных духовно-нравственных ценностей, носящих архетипический характер и представляющих собой конвенциональный результат горизонтальной правовой коммуникации.

Конституализация ценностей как процесс их закрепления в текстах нормативных правовых актов конституционного характера выполняет дихотомичные функции в процессе конструирования правовой реальности. С одной стороны, закрепление в конституционном тексте моральных императивов свидетельствует об усилении аксиологического единства государства и общества и ориентации правового регулирования не только на легальность, но и легитимность [1]. С другой сторо-

ны, формируется аксиологическая интенция для лиц реализующих нормы права для интерпретации ценностей лишь в пределах вектора, определенного конституционным текстом. С этим связана юридическая демаркация традиционных духовно-нравственных ценностей, т. е. адресант правовой коммуникации, в роли которого выступает государство, определяет для адресанта те ценности, которые имеют не только социальный, но и юридический характер, и реализация которых в качестве мотива правового поведения обеспечивает правомерный и законопослушный характер последнего. При этом вера в действенность универсальных моральных ценностей и чувство личной приверженности им как причина поступать правильно может дополняться санкцией закона. Применительно к современной России речь идет, с одной стороны, о легализации ценностей в Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [2], а с другой – о введении юридической ответственности за высказывания и действия, противоречащие официальной доктрине, например, реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ [3]).

Традиционные духовно-нравственные ценности благодаря конституализации становятся не только моральным императивом, но и правовой максимой. Основанное на их соблюдении правовое поведение становится априори не только правомерным, но и законопослушным. Благодаря традиционному характеру, трансляция таких ценностей осуществляется в процессе первичной социализации и составляет часть социального правового опыта. Тем самым реализация данных ценностей в правовом поведении индивида будет носить целенаправленный характер. В этой ситуации конституализация ценностей не только повышает мотивированность правовых действий человека и ориентирует его на социально активные поведенческие акты, но и способствует гармонизации правовой реальности, стирая аксиологические различия между правотворческим и правореализаторским уровнями правовой реальности с одной стороны и правовым поведением – с другой. При этом ценности, традиционно рассматриваемые как аксиологический компонент правовой реальности [4], приобретают онтологические черты и могут рассматриваться как средства правового регулирования.

Конституциализация традиционных духовно-нравственных ценностей не только их легализует, но и уравнивает их с правовыми принципами. В отличие от норм права, апеллирующих к должному поведению, ценности, как и принципы, отсылают к сущему, к тем постулатам, которые отражают действительное отношение человека к бесконфликтному сосуществованию в социуме, которые сформировались опытным путем в процессе правовой коммуникации, прежде всего, го-

горизонтального характера [5]. Однако близость ценностей с принципами проявляется не только в происхождении и природе, но и в их роли в правовом регулировании. Речь идет о гибкости, которую ценности придают правовой системе, расширяя возможности для аргументации не только в правоинтерпретационном и правоприменительном, но и правореализационном процессе. Ценности при этом выступают в качестве стимула для построения аргументов, способных привести к подходящему разрешению конфликтной ситуации между субъектами правовой коммуникации (как равными по статусу, так и иерархически соподчиненными), не ограничивая их решения дискреционными вариантами. С этим связана высокая степень абстрактности конституционных положений, закрепляющих традиционные ценности. Примером может служить п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ [6], закрепляющий преемственность традиционным семейным ценностям, в котором дано лишь их абстрактное номинирование.

В процессе конституализации ценностей происходит их нормативная конкретизация. При этом происходит сближение денотантов и коннотаций правового бытия человека [7]. С одной стороны, ценности формируют установки правосознания на совершение поведенческих актов, детерминированных правовым опытом и потребностями правовой идентификации, тем самым артикулируя условия и характер бытия человека в правовой реальности, особенности его правовых действий и коммуникативных актов. С другой стороны, ценность эксплицирует действительный смысл моральных императивов, определяющих мотивацию и целенаправленность правовых актов. Если в условиях существования невербализованной системы ценностей, коннотация будет определять денотант, то в случае конституализации интенции поведения меняют вектор на противоположный: нормативное положение как вербальная форма экспликации ценности детерминирует особенности его рефлексии и правовых действий, совершаемых на ее основе. При этом изменяются пространственные характеристики ценностей. Вербализация ценностей государством является не только их номинацией, но и определением социального пространства их действия. В этом смысле конституализация как крайний вариант аксиологической формализации может рассматриваться как инструмент конструирования средств правовой и социальной идентификации человека в пределах нации. Адресант, закрепляя ценности в конституционном тексте, тем самым демаркирует их действие географически, социально и темпорально. Географически речь идет о территории, на которую распространяется юрисдикция адресанта. С этим связано определение в тексте конституции государственных границ (ст. 65 Конституции РФ). Демаркация

социальных границ означает определение лиц, на которых распространяется нормативный правовой акт. Соответственно закрепление ценностей в конституционном тексте автоматически распространяет их действие на всех граждан государства, которые выступают в данном случае адресатом коммуникации. Сложнее говорить о темпоральной демаркации ценностей в процессе конституализации, которая носит опосредованный характер. Закрепление ценностей в конституционном тексте хронологически связывает их правовую природу и юридическое действие со временем существования конституции.

Таким образом, конституализация традиционных духовно-нравственных ценностей представляет собой процесс и результат придания ценностям правового бытия человека, выработанным в процессе социального взаимодействия и представляющим собой конвенциональный результат горизонтальной правовой коммуникации, конституционного статуса. Это обеспечивается путем формализации ценностей в нормативных правовых актах, имеющих статус конституционных текстов. При этом духовно-нравственные ценности приобретают юридическую природу. Благодаря конституализации ценностей, с одной стороны, усиливается легитимация национальной правовой системы. С другой стороны, происходит демаркация традиционных ценностей юридически, географически, темпорально и социально.

Литература

1. Klabbers J. Constitutionalism as Theory / J. L. Dunoff, M. A. Pollack (eds.) International Legal Theory: Foundations and Frontiers. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. P. 220–239. DOI: 10.1017/9781108551878.010.
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Law values as a factor of sociocultural identification / M. S. Matantseva, N. P. Ledovskikh, D. A. Matantsev, A. L. Piterskaya, E. O. Tchinaryan // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9, Iss. 10. P. 2001–2012.
5. Бабенко А. Н. Дуализм ценностных оснований правового поведения личности // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2016. Т. 16, № 2. С. 13–18.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голос. 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>
7. Alexy R. Recht, Vernunft, Diskurs: Studien zur Rechtsphilosophie. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. 292 S.

CONSTITUTIONALIZATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE RUSSIAN LEGAL SPACE

© A. V. Skorobogatov, 2023

KazanInnovativeUniversity named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the axiological study of the constitutional space of Russia. On the basis of a phenomenological analysis of normative legal acts of a constitutional nature, it was concluded that the constitutionalization of traditional spiritual and moral values is a process and a result of giving the values of the legal being of a person a constitutional status by fixing them in normative legal acts that have the status of constitutional texts. At the same time, spiritual and moral values acquire a legal nature. Thanks to the constitutionalization of traditional values, not only the legitimization of the national legal system is strengthened, but also the demarcation of values takes place legally, geographically, temporally and socially.

Keywords: constitutionalization, traditional spiritual and moral values, legal space, legal communication, demarcation of values.

Скоробогатов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева, г. Казань, Россия, e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Skorobogatov Andrey Valerievich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation, e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

УДК 342(470+571)

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСОБЫЙ ФАКТОР ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© Н. А. Фролова, 2023

Брянский филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
Брянск, Россия

Аннотация. В статье анализируется значимость духовно-нравственных ценностей как важного фактора, оказавшего влияние на становление и формирование самобытности и исторических особенностей Российского государства, актуальность которого наиболее востребована в современных условиях XXI в. Методологические принципы историзма, объективности и конкретности в целевом достижении раскрытия ценности духовных и нравственных констант позволили обосновать универсальность духовно-нравственных начал в двух аспектах: во-первых, духовно-нравственные ценности всегда укреплялись в важнейших социальных институтах семьи, труда, образования, культуры, общения; во-вторых, данные ценности были и остаются основой формирования достоинства личности, общества, государства в целом. Постулируется тезис о том, что в реализации дальнейшего цивилизационного развития российской государственности необходимо опираться на национальное духовное целеполагание, подтвержденное многовековым народным отечественным опытом.

Ключевые слова: российская государственность, духовные ценности, нравственность, право, методологические принципы, национальное целеполагание, развитие.

Историко-правовой опыт формирования российской государственности со всей определенностью подтверждает значимость совокупности факторов, оказавших заметное воздействие на ее развитие, среди которых следует особо отметить: сформировавшиеся в жизненном мироустройстве российского народа традиционные ценности, наполненные еще со времен Древней Руси идеями единения русских земель, обеспечения безопасности бытия, защиты веры и самого госу-

дарства, а также нравственные компоненты народного миропонимания наряду с духовным влиянием христианства, которое в своей сущности выступало «учителем жизни».

Уже в первых отечественных памятниках общественной мысли закрепляются духовные аспекты построения отечественной государственности, моральный образ князя-правителя, нравственное содержание общественной жизни в качестве несущего элемента сохранности и целостности устоев самой Русской державы.

Это нашло отражение в одном из первых древнерусских произведений – «Слово о Законе и Благодати», автор которого Иларион был поставлен Ярославом Мудрым в 1051 г. киевским митрополитом из русского духовенства с целью усиления самостоятельности Русской Церкви и, следовательно, обеспечения политической и церковной независимости Руси от Византии. В своем «Слове» Иларион, отражая христианское предназначение государственного правления и различая категории *Закона* – как внешнего установления и *Благодати* – как высокого нравственного состояния человека, подчеркивает облик великого князя, олицетворяющий самые достойные человеческие качества живущего по правде правителя, заботящегося о своих подданных: «...учитель наш и наставник благоверию! Ты правдою облачен, крепостью препоясан, истиною обвит, смыслом венчан...» [1, с. 34–42].

В другом древнерусском трактате – «Поучение», являющемся творческим наследием Великого киевского князя Владимира Мономаха (1053–1125), содержится программа мудрого государственного правления, включающая наряду с мерами укрепления Русского государства и его единства, установления внутреннего мира, приумножения материального богатства, и нравственные качества правителя, создавая тем самым его идеальный тип и формулируя своеобразное наставление о владении христианскими заповедями, милосердием, бережливостью, трудолюбием, одновременно предостерегая от беззакония, мести, ненависти, лени, лжи, пьянства, блуда, – человеческих пороков, от которых «погибают душа и тело» [1, с. 43–47].

С дальнейшим развитием отечественной государственности, формированием Московского царства и последующим укреплением Российского централизованного государства развивается государствоведческий аспект в мировоззренческих позициях тогдашнего общества в условиях Нового времени, а также становятся особо востребованными идеи и конкретные предложения по обновлению и преодолению отсталости России. В данном контексте это нашло отражение в ряде произведений, программ, теоретических трудов как общественных мыслителей, так и российских ученых и государственных деятелей.

Так, славянский общественно-политический деятель и мыслитель Юрий Крижанич (ок. 1618–1683) в своем, написанном в Tobольске, трактате «Политика» изложил политико-правовую концепцию, раскрыв рационально обоснованные идеи о русском правлении, власти, об условиях материального благополучия государства, его достоинстве, твердых, включая личные качества правителя.

Поскольку цель государства – создание «общей пользы», то призвание правителя: «...*Соблюдать и поддерживать благочестие, вершить правый суд, охранять мир, добиваться дешевизны, заботиться о чести народной и обо всем, что полезно для общего блага*» [2, с. 572]. Правитель как «живой закон» должен быть разумным, защищать веру и духовные ценности, охранять судом жизнь и имущество всего народа, обеспечивать внешнюю безопасность государства ратной силой и достичь в стране изобилия необходимых вещей, ибо: «Каков корень – таково и растение... Каковы законы – таков и порядок вещей в государстве».

Государственно-правовые идеи в развитии России, выраженные в наследии отечественной мысли, отразили Ломоносовскую парадигму достижения национального достоинства Российского государства, которое великий новатор в науке связывал с прогрессивными преобразованиями и динамичным развитием отечественных производительных сил: «*Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит. Первое, от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных; второе, от победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира; третье, от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами чрез купечество*» [3, с. 624].

Главным началом преобразовательной деятельности и наиболее важным ресурсом для богатства государства Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) считал **российский народ и его сбережение**, так как обширная территория будет «тщета без обитателей». Выдвинутые Ломоносовым в письме государственному деятелю князю И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. наиболее актуальные социально-политические задачи, требующие «долговременного в государственных делах искусства», определяли: сохранение российского народа, истребление праздности, исправление нравов, большее народное просвещение, развитие земледелия, ремесленных дел и художеств, лучшую государственную экономию, сохранение военного искусства [3, с. 598–599].

Развернутая программа развития Российского государства содержится в теоретических изысканиях Николая Семеновича Мордвинова (1754–1845), государственного и общественного деятеля, президента Вольного экономического общества в 1823–1840 гг. Защита промыш-

ленной политики, национальных ценностей, интеллектуального народного богатства, повышение жизнедеятельности российского общества на основе законов и правовых механизмов получили предметное обоснование в основных направлениях в программе реформ Мордвинова [4]:

- *в области организационно-технической* – устройство фабрик, мануфактур, заводов, путей сообщения для развития новой экономики, чего требует сама природа, климат и обширность занимаемого в мире пространства;

- *в области экономической* – достижение равновесия между действующими на благосостояние народа профессиями с правильным управлением государственными доходами;

- *в области внешнеполитической* – защита российской промышленности и торговли от зарубежных конкурентов с одновременным становлением конкурентоспособности отечественной промышленности; «мирное завоевание» соседних азиатских народов через активность внешней торговли, культурные отношения, новые тактические приемы мирной политики, сохранение национальной самобытности и социального бытия;

- *в области финансовой* – развитие банковской системы, кредитования, науки управления деньгами; равномерное накопление капиталов в государстве с возрастанием народного богатства по всей его территории; составление военного капитала, в мирное время обращенное на внутреннее благоустройство и потребности для внешней безопасности;

- *в области социальной* – придание силы народному образованию, сбережение культурного и производительного потенциала общества, охрана народного здоровья, формирование новых параметров социальной жизни и хозяйственной деятельности.

Представленные новеллы позволяют констатировать, что развитие российской государственности в разные ее культурно-исторические периоды рассматривалось в тесной взаимосвязи с народными традициями труда, духовности, нравственности. С другой стороны, при обращении к современности видится четкая обусловленность того, что развитию российской государственности, особенно в настоящем технологическом и информационном обществе, в немалой степени способствует становление гармоничной личности с формированием менталитета духовно-нравственного здоровья как приоритетного и базирующегося на нравственных ценностях, основу которых составляют должное, справедливость, достоинство, честь, доблесть, совесть, самоотверженность. С помощью нравственных ценностей осуществляется регуляция действий человека в обществе, развитие общественного и индивидуального сознания, поддержка социальных устоев и позитивных форм общения.

Отмеченное тесно взаимосвязано с аспектом понимания того, что для сохранения и перспективного цивилизационно-культурного развития российского социума и государства необходимо восстанавливать нравственные границы (пределы) в деятельности всех его членов, особенно в сферах управления, контроля, производства, распределения, жизненного обеспечения, социальной защиты.

Полагаем, что особое предметное внимание государственных структур и гражданского общества следует акцентировать на усилении среди молодых поколений таких форм воспитательного воздействия, как:

- *познавательно трудовая* – для формирования жизненной позитивной активности и трудовой профессионализации;
- *правообучающая* – в контексте деятельностного развития правового сознания и правовой культуры;
- *физическая оздоровительная* – как часть общей физической культуры с мотивацией здоровых стимулов в жизненном устройстве и жизнедеятельности;
- *культурно-нравственная* – для развития сознательных ценностных ориентаций в современном информационном пространстве.

Вместе с тем ключевую доминанту, позволяющую влиять на формирование культурного потенциала социума, представляет культурно-образовательное направление в деятельности государственных и общественных институтов, так как культура как важнейший социальный институт в своей главной миссии и функциональном предназначении выступает инструментом передачи новым поколениям морально-этических, материальных и духовных ценностей, составляющих ядро самобытности в развитии отечественной государственности.

В то же время для повышения действенности потенциала культурно-образовательного направления значительного внимания заслуживает реализация его учебно-познавательной формы с мировоззренческо-воспитательной тематикой, ценностью права в общественном и личном понимании, с правовым мышлением, нравственными и правовыми ценностями в социуме, способностью анализировать закрепление социально значимых целей в правовых актах.

Проявлением подобных подходов становится конкретизация поведения индивида, основ его правовой жизни, чувство собственного достоинства личности, которое в качестве главной духовно-нравственной ценности раскрывается в работе представителя русского зарубежья, правоведа и философа Ивана Ильина (1883–1954) «О сущности правосознания», составляющей часть его теоретико-правового исследования: *«...Чувство собственного достоинства, необходимое гражданину, является вернейшей гарантией того, что поведение его будет в выс-*

шем смысле слова предметным, т. е. оно будет соответствовать предписаниям права, благодаря чему человек сможет выдержать всякие искушения, которые возникают от дурных, своекорыстных и противообщественных влечений. Усвоение духовного измерения жизни дает возможность человеку «отличать высшее от низшего, достойное от недостойного, безусловное от условного, значительное и священное от пошлого...» [5, с. 309].

Кроме того, немаловажное значение для конструктивной идеи целостности в дальнейшем построении российской государственности имеет ценностная категория гражданственности и связанное с ней гражданственное самосознание, проявляющееся в формах активного патриотизма, созидательности, межпоколенческого общения, которое имеет глубокие российские традиции связей, отношений между поколениями, что практически воспроизводит, хранит и одновременно омолаживает культуру и воспитание культурой.

Совокупным результатом проявлений гражданственности личности, деятельной гражданской активности и народного патриотизма становится формирование и развитие навыков, умения и ответственности общественных союзов, организаций и граждан защищать социально-культурные, нравственные ценности перед существующими и возникающими в государственной жизни угрозами, и рисками. Рациональное использование отечественного духовного и патриотического наследия дает возможность в целом российскому обществу сохранять полезные, проверенные народным опытом традиции, упрочивать саму человеческую природу, социальные и конституционные устои государственности.

Современное жизнеустройство российского общества и государства, перспективное их развитие видятся наполненными и востребованными духовно-нравственным измерением, национальными ценностями, целостным синтезом всего лучшего в исторических, настоящих и будущих явлениях отечественной цивилизации.

Литература

1. Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. IV. России XI–XIX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. М., 1999. 813 с.
2. Крижанич Ю. Политика / под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1965. 735 с.
3. Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. М., 1950. 758 с.
4. Мордвинов Н. С. Избранные произведения. М., 1945. 255 с.
5. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS A SPECIAL GOAL-SETTING FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN STATEHOOD

© N. A. Frolova, 2023

Bryansk branch of RANEPa under the President of the Russian Federation
Bryansk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the importance of spiritual and moral values as an important factor that influenced the formation and formation of the identity and historical features of the Russian state, as well as the essential factor, the relevance of which is most in demand in the modern conditions of the XXI century. Methodological principles of historicism, objectivity and concreteness in the goal of achieving the disclosure of the value of spiritual and moral constants allowed, on the basis of the monuments of Russian political, legal and social thought, to substantiate the universality of spiritual and moral principles in two aspects: firstly, spiritual and moral values in Russian society throughout its historical development have always been strengthened in the most important social institutions family, work, education, culture, communication; secondly, these values have been and remain the basis for the formation of the dignity of the individual, society, and the state as a whole, the article postulates the thesis that in the implementation of the further civilizational development of Russian statehood it is necessary to rely on national spiritual goal-setting, confirmed by centuries-old national domestic experience.

Keywords: Russian statehood, spiritual values, morality, law, methodological principles, national goal-setting, development.

Фролова Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Брянский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Брянск, Россия, e-mail: frolova.rags@yandex.ru

Frolova Natalia Alekseevna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Bryansk Branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Bryansk, Russian Federation, e-mail: frolova.rags@yandex.ru

УДК 340.12

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ ОБЩЕСТВА КАК КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

© А. В. Червяковский, 2023

Омская академия МВД России
Омск, Россия

Аннотация. Предпринята попытка анализа существующих в сравнительном правоведении типологий правовых систем на наличие критериев как духовно-нравственные ценности и традиции общества. Такие критерии, по мнению автора, имеют место при типологизации правовых систем. Отдельное внимание уделено проблеме выделения славянской правовой семьи, а также значению духовно-нравственных ценностей и традиций российского общества в определении места российской правовой системы на правовой карте мира.

Ключевые слова: правовая система, правовая семья, типология правовых систем, традиции общества, духовно-нравственные ценности.

Вопрос о типологизации правовых систем и ее критериях является одним из самых дискуссионных в теории права и сравнительном правоведении. Значение типологии правовых систем и разработанных ее критериев для сравнительного правоведения и юриспруденции в целом

трудно переоценить. В сравнительном правоведении типология является необходимым исходным компонентом при анализе и дальнейшей систематизации правовых систем.

В истории сравнительного правоведения как научного направления существует множество подходов относительно критериев дифференциации правовых систем. Типологии правовых систем могут строиться по различным основаниям. В зависимости от количества критериев выделяются классификации правовых систем, построенные по одному или нескольким критериям. От уровня сложности критериев, лежащих в основании типологии правовых систем, они делятся на простые (однозначные, не допускающие многозначности) и сложные.

В зависимости от факторов, которые находятся в основании выделения критериев, типологии правовых систем различаются на построенные на правовых, так и общецивилизационных критериях [1, с. 112]. К общецивилизационным критериям относятся религиозные факторы, идеологические факторы, традиции и обычаи, история развития общества, политические факторы, геокультурные факторы, расовые и языковые факторы. В качестве правовых критериев выделяют следующие: правовые традиции, типы правопонимания, история развития права, система источников права, система права и специфические институты, юридическая техника.

Духовно-нравственные ценности и традиции общества выступают критериями типологии правовых систем. Данные критерии обычно относятся к общецивилизационным. Однако правовые ценности, правовая идеология также являются и духовно-нравственными ценностями, выступать в качестве традиций общества, поэтому они могут быть отнесены и к правовым критериям. Как отмечает В. И. Лафитский, «основная линия разлома правового пространства мира проходит между правовыми системами разных религиозных традиций, объединенных общностью духовных (этических) ценностей» [5, с. 100]. Наиболее распространенными являются три подхода к типологии правовых систем, французская, германская и американская типология правовых систем. Духовно-нравственные ценности и традиции общества находят отражение в качестве критериев типологий применительно к всем правовым системам.

Наиболее ярко духовно-нравственные ценности и традиции общества присутствуют в американской теории (М. Э. Глендон, М. Гордон и К. Осаке). В качестве критериев используются отношение к религии, а также правовая традиция, которая понимается как совокупность глубоко укоренившихся в сознании людей и исторически обусловленных представлений о роли права в обществе, природе права и политической

идеологии, а также об организации и функционировании правовой систем [8, с. 34, 146].

Французская теория (Р. Давид, К. Жоффре-Спинози) говорит о двух основных критериях: юридическая техника и правовая идеология [2, с. 20–21]. Казалось бы, в рамках данного подхода в отличие от других типологий, ничего не говорится о духовно-нравственных ценностях и традициях общества. Тем не менее, эти критерии присутствуют. Во-первых, на этих основаниях фактически отделяются основные правовые системы от неосновных. Во-вторых, социалистическая правовая система отличается от иных основных правовых систем идеологией, которая, безусловно, воспринималась в советском обществе как духовно-нравственная ценность. В-третьих, большое внимание при характеристике правовых семей Р. Давид уделяет истории их формирования, тем самым подчеркивая неразрывную связь права и государства, общества в целом.

В германской теории (К. Цвайгерт, Х. Кетц) для типологии правовых систем используют «правовой стиль», сложный критерий, включающий историческое происхождение и развитие правовой системы, правовые источники, методы их толкования, специфические правовые институты, господствующая правовая доктрина мысли, идеологические факторы [12, с. 108]. Духовно-нравственные ценности и традиции общества непосредственно не названы, однако, они подразумеваются.

Большую роль в качестве критерия классификации правовых систем играет господствующая идеология и ее отражение в правовой доктрине. Не случайно, при анализе социалистического права Р. Давид большое внимание уделял марксизму-ленинизму и принципу социалистической законности [2, с. 120–127, 148]. Обращая внимание на общие черты западного права, ученый отмечал, что существенное влияние христианство оказало как на романо-германскую правовую семью, так и на семью общего права. Не менее значимыми последствия для развития западных правовых систем имело возникновение и развитие в период Возрождения и Нового времени идей либерализма [2, с. 23]. К. Осакве большое значение уделяет, как мы уже отмечали выше, характеристике западной правовой традиции. Российский ученый В. В. Оксамытный при выделении западной, восточной и идеологической групп правовых систем подчеркивает роль идеологических и религиозно-духовных факторов [7, с. 197].

Попытки построить типологию правовых систем только на основе духовно-нравственных ценностей и традиций общества неоднозначно воспринимаются научным сообществом. Наиболее ярким проявлением стало выделение В. Н. Синюковым славянской правовой семьи. Данная

семья, по мнению ученого, образуется странами в основном славянского этнического происхождения и базируется на значительной культурно-исторической специфике правовых ценностей славянских стран, на глубоких национальных, духовных, исторических, социальных и юридических основаниях в правовой культуре России и ряда восточно-европейских стран [9, с. 214–220]. По мнению М. Н. Марченко, если выделять славянскую правовую систему на этнических, религиозных и иных критериев, то нам потребуется сделать то же самое по отношению к правовым системам других народов [6, с. 756–758]. В то же время идея В. Н. Синюкова находит поддержку в работах других ученых, проводятся научные форумы, посвященные данной правовой семье [11].

Говоря о типологии правовых систем и роли духовно-нравственных факторов, нельзя не остановиться на месте российской правовой системы на правовой карте мира. Многие ученые достаточно часто подчеркивают влияние духовно-нравственных ценностей и традиций общества на ее формирование. В то же время роль и влияние таких факторов нельзя преувеличивать. В. В. Сорокин обосновывая синтетическую теорию права, синтетическое правопонимание, обращает внимание на традиции русской национальной культуры и духовно-культурные ценности Православия [10, с. 20].

В. Д. Зорькин [3] отмечает особенности исторического, культурного, географического своеобразия России. Согласимся с позицией В. Е. Чиркина, полагавшего, что такое своеобразие присуще фактически всем странам и народам. Оно должно «влиять на формы государства и права, в меньшей мере – на их содержание, но не на принципы их социально-демократической сущности нашего времени, и плохо, когда ссылки на своеобразие используют для отступления от современных общечеловеческих ценностей» [13, с. 11–119].

Российская правовая система безусловно является одной из определяющих правовых систем современного мира. На ее формирование и развитие оказали существенное влияние духовно-нравственные ценности и традиции российского общества, которые трудно оценить однозначно положительно или отрицательно. Самобытность российской нации, национального менталитета, и преемственность феноменальной в своем роде советской правовой системы [4, с. 25], иные традиции и ценности позволяют нам ограничивать российскую правовую систему от других правовых систем, в том числе и от правовых систем романо-германского права.

Литература

1. Бехруз Х. Сравнительное правоведение : учебник. Одесса ; М., 2008. 504 с.

2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 2009. 496 с.
3. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. 495 с.
4. Колоткина О. А. Анализ российской правовой системы: учеб. пособие / О. А. Колоткина, А. С. Морозова, И. Д. Ягофарова. Екатеринбург, 2020. 186 с.
5. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1. М.: Статут, 2010. 429 с.
6. Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002. 1068 с.
7. Оксамытный В. В. Современные подходы к различению правовых систем государств // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 194–200.
8. Осаке К. Сравнительное правоведение: схематический комментарий. М., 2008. 830 с.
9. Синоков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. 672 с.
10. Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: монография. М., 2007. 456 с.
11. Тихомиров Ю. А., Гаунова Ж. А. К вопросу о славянском праве (обзор заседания секции «право» Центрального дома ученых РАН) // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 181–183.
12. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1998. Т. 1. 478 с.
13. Чиркин В. Е. В. Д. Зорькин. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. 495 с. // Государство и право. 2014. № 2. С. 117–119.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND TRADITIONS OF SOCIETY AS CRITERIA FOR THE TYPOLOGY OF LEGAL SYSTEMS

© A. V. Chervyakovsky, 2023

Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs, Omsk, Russian Federation

Abstract. The article attempts to analyze existing in comparative jurisprudence typologies of legal systems for the existence of criteria as spiritual and moral values and traditions of society. Such criteria, in the author's view, occur in the classification of legal systems. Special attention is paid to the problem of allocating the Slavic legal family, as well as to the importance of spiritual and moral values and traditions of Russian society in determining the place of the Russian legal system on the legal map of the world.

Keywords: legal system, legal family, typology of legal systems, traditions of society, spiritual and moral values.

Червяковский Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, e-mail: chervaleksandr@yandex.ru.

Chervyakovsky Alexander Vladimirovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs, Omsk, Russian Federation, e-mail: chervaleksandr@yandex.ru.

ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ: ВЛИЯНИЕ НА МЕХАНИЗМ И ПРОЦЕСС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© А. В. Юрковский, 2023

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития юридической техники в условиях актуализации проведения правовой и антикоррупционной экспертизы источников права и совершенствования механизма правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая техника, средства юридической техники, юридико-лингвистическая неопределенность, механизм правового регулирования, процесс правового регулирования.

Юридино-лингвистическая неопределенность как результат использования средств юридической техники – проблема, выходящая за рамки узкоспециальных, она глубоко интегрирована в фундаментальные вопросы, например, такие как механизм и процесс правового регулирования, формирование и функционирование правового государства, обеспечение принципа верховенства права. Подобного рода проблемы детерминированы феноменологией усмотрений, связанных с формированием воли государства в узком смысле, и ее выражении в актах права, их создании, интерпретации, реализации и применении [1, с. 32].

Позитивное право творится при помощи юридической техники и является результатом интеллектуальной деятельности людей, которые мыслят при помощи слов, терминов и категорий. С одной стороны, результаты интеллектуальной деятельности людей по созданию позитивного права фиксируются в юридических документах, которые предполагают материальный носитель. Юридические документы, чаще всего имеют бумажную форму, либо форму топологии интегральных микросхем. Кроме того, на создание юридических документов предполагаются затраты материальных, организационных и интеллектуальных ресурсов. Документы создают люди, а трудозатраты людей имеют материальную цену [2, с. 270]. Следовательно, использование слов, терминов и категорий, имеет материальную цену и материальные последствия в процессе правового регулирования.

Отсюда актуальность вопроса об использовании средств юридической техники возрастает в контексте определения эффективности механизма правового регулирования с нарастанием потребностей в регу-

лировании разнообразных социальных отношений нормами права, которые являются, как известно, базовым функциональным элементом механизма и процесса правового регулирования [3, с. 117–125].

Возрастание объема правового регулирования есть социальная закономерность, обуславливающая имманентное увеличение количества источников права, законодательных и подзаконных актов, что вызывает настоятельную потребность в их изменении, дополнении, отмене в целях придания более совершенной и эффективной формы и содержания.

Влияние юридико-лингвистической неопределенности текстов на механизм и процесс правового регулирования в условиях возрастания объема правового регулирования обуславливает проблему применения средств изложения(формирования) содержания источников права.

К разряду средств изложения (формирования) содержания источников права относятся терминологические конструкции, такие как юридические термины, правовые дефиниции, лексические группы, правовые фразеологизмы, значительная часть из которых, по нашему мнению, обладает признаками юридико-лингвистической неопределенности.

К разряду средств изложения (формирования) содержания источников права, по нашему мнению, также обуславливающих признаки юридико-лингвистической неопределенности юридически значимых текстов, относятся содержательные приемы изложения нормативного материала в источниках права; способы изложения норм права в статьях нормативных правовых актов и другие особенности нормативно-правовых предписаний.

Нами уже неоднократно поднималась проблема юридической терминологии, в том числе терминологии, обладающей признаками юридико-лингвистической неопределенности, которая имеет общее, сквозное значение в юридической технике и выступает в качестве начального звена при юридическом выражении воли субъекта, наделенного правотворческой компетенцией [4, с. 43].

Проблема юридико-лингвистическая неопределенность юридически значимых текстов – это не только проблема формирования позитивного права. Юридино-лингвистическая неопределенность может рассматриваться как дефект, правовой изъян, который потенциально может способствовать коррупционным рискам. Юридино-лингвистическая неопределенность есть коррупциогенный фактор, который представляет собой употребление новых, заимствованных, неустоявшихся, неоднозначно воспринимаемых и интерпретируемых, многосмысленных терминов и категорий оценочного характера.

Очевидно, что для сокращения коррупционных рисков, необходимо минимизировать юридико-лингвистическую неопределенность как

коррупциогенный фактор, и поэтому, любой источник права и юридический документ должен отвечать правилам юридической техники, где текст должен быть изложен четким и ясным языком с минимальным количеством признаков юридико-лингвистической неопределенности. В свою очередь, повышению к оррупциогенности способствует использование неясных формулировок, терминов, понятий и категорий оценочного характера [5, с. 72].

Общеизвестно, что в юридической технике при создании и формулировании юридических норм используются преимущественно три вида терминов: общеупотребляемые, специальные (научные, медицинские, технические, филологические и т. д.), и специальные юридические термины.

Важно, по нашему мнению, установить в качестве незыблемого постулата следующий принцип – юридической технике принадлежит только специальная юридическая терминология.

В юридической технике термины – это обозначение юридических понятий, выражающих природу юридических норм, юридические конструкции, отраслевую типизацию норм, т. е. средств техники, относящихся к более глубоким пластам юридической материи, к содержанию права. Поэтому специальные юридические термины имеют свой, особый смысл.

Следовательно, юридические термины являются как бы мостиком от непосредственно воспринимаемых элементов текста ко всему комплексу технико-юридического инструментария [6, с. 94–98].

Необходимыми условиями рационального использования терминологии являются единство терминологии, общепризнанность терминологии и устойчивость терминологии. Данный тезис в предлагаемом контексте требует отдельного рассмотрения и аргументации.

Тем не менее, следует помнить, что одинаковые термины, используемые при формулировании юридических норм, должны иметь не тождественное, а равное значение. Недопустимо для обозначения одних и тех же понятий использовать разные термины.

Недопустимо без особо веских причин отказываться от ранее используемой терминологии, вводить наряду с принятыми другие термины. Используемые термины должны получить признание в науке и практике. Ряд терминов нуждается в расшифровке непосредственно в тексте нормативного акта. Такая обязательная расшифровка дается в дефинитивных нормах, а также в содержании элементов иных норм (в описательных гипотезах, диспозициях, санкциях).

Французский философ, политик и писатель Николя Кондорсе, говорил о том, что злоупотребление научным языком превращает в науку слов то, что должно быть наукой фактов [7, с. 79].

Выдающийся деятель российского государственного строительства Петр Первый, глубоко понимая специфику механизма и процесса правового регулирования, значение юридической техники в этих процессах утверждал, что, надлежит законы и указы писать явно, чтоб их не перетолковать. Правды в людях мало, а коварства много. Под них такие же подкопы чинят, как и под фортецию [8].

Ряд ученых относит к юридиико-лингвистической неопределенности текстов юридических предписаний: использование неясных, не устоявшихся формулировок, терминов и понятий; наличие в проекте нормативного правового акта категорий оценочного характера; обозначение одних и тех же явлений разными терминами; неопределенность порядка выполнения нормативного требования [9, с. 76].

Н. В. Белоконь справедливо полагает, что юридиико-лингвистическую неопределенность следует понимать как неопределенность понятий, терминов и формулировок смыслового (содержательного) характера, возникшую вследствие несоблюдения содержательных, логических и лингвистических правил юридической техники и способную вызвать произвольное толкование и применение правовой нормы [10, с. 54].

П. А. Кабанов понимает, что юридиико-лингвистическая неопределенность приоритетно понимается как коррупциогенный фактор и используется в источниках права, регулирующих организацию и производство антикоррупционной экспертизы, а также при производстве антикоррупционной экспертизы в узком понимании как смысловая лингвистическая неопределенность. В узком понимании (по отдельным параметрам) юридиико-лингвистическая неопределенность выявляется и при производстве правовой экспертизы этих же объектов экспертной деятельности. Этот же фактор, но более глубоко исследуется с лингвистических позиций при осуществлении лингвистической экспертизы, где в нормативном правовом акте или проекте нормативного правового акта может быть исследована не только проявившаяся смысловая лингвистическая неопределенность, но и другие ее типы и/или виды, в том числе скрытая или латентная лингвистическая неопределенность [11].

Соглашаясь с мнением П. А. Кабанова, полагаем, что для повышения эффективности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в современной российской правотворческой деятельности целесообразна поддержка предложений отечественных специалистов по активизации разработки новейшего направления экспертной деятельности – антикоррупционной юридиико-лингвистической экспертизы [11].

Следует помнить, что структура текста правового акта (источника права, любого юридического документа), определяется исходя из его лингвистических (языковых) характеристик (свойств).

В юридическом документе лингвистическая структура текста имеет практическое значение. Для юридической техники в случаях рассмотрения текста правового акта с точки зрения соблюдения требований законодательного стиля (и вообще грамотности текста с точки зрения языка), а также при определении (идентификации) лингвистических структурных элементов текста правового акта имеет существенное значение.

Юридическому языку, языку юридических документов присущи все лексические свойства слов, например, такие как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, но частота и допустимость их употребления неодинаковы.

Язык юридических документов, особенно в последние годы, во многом способствовал пополнению словарного состава современного русского литературного языка за счет появления новых значений слов (например, новые значения слов *лицо*, *ресурсы*, *акция*, *состав*, *производство*, *товар*), иными словами, устоявшееся мнение, что полисемия во многом способствует развитию современного русского литературного языка, справедливо по отношению к языку законодательства [12, с. 185–195].

Однако появление формально определенных дефиниций не влечет за собой автоматической дисциплинированности в использовании средств юридической техники на всех уровнях нормотворчества и тем более на всех уровнях создания юридических документов.

Подчеркнем еще раз и заострим особое внимание на том, что в тексте источника права каждое слово должно иметь одно лексическое значение, т. е. быть однозначным, и одинаково называть одно и то же понятие. Иными словами, должно действовать правило: одно слово – одно понятие, поэтому считается недопустимым в пределах одного закона использовать многозначные слова, омонимы и тождественные синонимы [13].

Следует помнить, что первичным элементом структуры текста правового акта (источника права, любого юридического документа) выступает предложение, состоящее из слов и знаков препинания, которые имеют свои правила построения, обладающие существенным значением при работе с текстом.

Не все правила являются строго обязательными и используются каждый раз при написании нормативных правовых актов. Однако применение этих правил облегчает трактовку и применение нормативных правовых актов [14].

Согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» обеспечение верховенства закона единства и укрепления законности является одной из основных целей данного органа государственности (п. 1 ст. 1). Реализация правотворческой функции включает не только подготовку и принятие правовых норм. Нормы права не долж-

ны противоречить друг другу, иначе они не действуют. Неисполнение правовых норм равнозначно их отсутствию.

Законность в правотворческом процессе предполагает соответствие Конституции Российской Федерации и законам не только разрабатываемых, но и принятых правовых актов. В связи с этим участие в реализации правотворческой функции предполагает корректировку изданных нормативных правовых актов [15, с. 220].

Необходимо помнить, что существуют источники права, юридические документы, предназначенные не только для юристов, а для людей, которые могут не понять юридическую терминологию и лексику. Затруднения могут вызвать даже общеупотребительные слова, имеющие специфическое значение в юридической терминологии.

Литература

1. Юрковский А. В. Конституционализм как результат конституционных революций, учение о конституции и ее влиянии на общество и государство // *European Heart Journal*. 2016. № 3. С. 24–34.
2. Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск, 2022. 668 с.
3. Юрковский А. В. Измерение механизмов правового регулирования и государственной власти в странах Северо-Восточной Азии методами конституционно-правовой эсологии // Байкальские компаративистские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. ; отв. ред. И. А. Минникес. Иркутск, 2023. 297 с.
4. Костюнина О. В., Юрковский А. В. Правовая экспертиза нормативных правовых актов : учеб. пособие / Иркутск, 2012. 96 с.
5. Юрковский А. В., Костюнина О. В., Любушкина В. П. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. Иркутск, 2014. 91 с.
6. Юрковский А. В. Юридическая техника : учеб. пособие. Иркутск, 2021. 269 с.
7. Литвинова Е. Ф. Кондорсэ, его жизнь и деятельность, научная и политическая // Т. Мор. Оуэн. Дидро. Д'Аламбер. Кондорсэ: Биографические повествования / под общ. ред. Н. Ф. Болдыревой. Челябинск, 1998. 487 с.
8. Демиденко А. К. Петр Великий и его реформы. Влияние Петра на Россию // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 11-4. С. 662–664.
9. Правовые акты : антикоррупционный анализ : науч.-практ. пособие / И. С. Власов, А. А. Колесник, Т. О. Кошаева [и др.] ; отв. ред. В. Н. Найденко, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева. М., 2010. 176 с.
10. Белоконь Н. В. Юрико-лингвистическая неопределенность: содержание понятия // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2012. № 1 (12). С. 46–54.
11. Кабанов П. А. Юрико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // *NB: Административное право и практика администрирования*. 2014. № 3. С. 61–71. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12055 (дата обращения: 29.07.2023). DOI: 10.7256/2306-9945.2014.3.12055
12. Актуальные проблемы противодействия коррупции : учебник / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск, 2018. 407 с.
13. Иванова Е. Л. Независимая антикоррупционная экспертиза как способ устранения коррупционных рисков // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022. № 3. С. 21–26.
14. Амосова Т. В., Юрковский А. В., Юрковская Е. А. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика // *Вопросы российского и международного права*. 2016. № 9. С. 96–107.
15. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности : учеб. пособие / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск, 2020. 225 с.

LEGAL AND LINGUISTIC UNCERTAINTY AS A RESULT OF THE USE OF LEGAL TECHNIQUES: INFLUENCE ON THE MECHANISM AND PROCESS OF LEGAL REGULATION

© A. V. Yurkovsky, 2023

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The publication examines the trends in the development of legal technique in the context of updating the conduct of legal and anti-corruption expertise of sources of law and improving the mechanism of legal regulation.

Keywords: Legal technique, means of legal technique, legal and linguistic uncertainty, the mechanism of legal regulation, the process of legal regulation.

Юрковский Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, e-mail: avyurkovsky@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0926-8965

Yurkovsky Alexey Vladimirovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: avyurkovsky@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0926-8965

УДК 342

ГЕНЕЗИС И ДИНАМИКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

©Т. Ф. Ящук, 2023

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия

Аннотация. Проведен сравнительный анализ конституционных норм об образовании. Выявлены все статьи советских конституций, в которых закреплялось право на образование. Сравнение конституционных норм проведено по нескольким направлениям. Сопоставлялось понятие права на образование в разные периоды. Изучались гарантии на получение образования со стороны государства. Рассматривались организационных основ образовательной системы. Определялась роль государства в регулировании образовательных отношений. Сделан вывод о преемственности конституционных норм об образовании.

Ключевые слова: Конституция, образование, конституционные нормы, образовательные отношения, право на образование, история конституций, история права.

В современных условиях образование оценивается как необходимое социальное благо, обязательный общественный институт, важнейшая сфера государственной деятельности, что подтверждается конституционным закреплением образовательных правоотношений. Отмечается дуальная сущность образования, в нем выделяют «два равнозначных компонента: обучение и воспитание. Образование гарантирует процессу результат передачи накопленных знаний и ценностных установок новым поколениям. Воспитание предполагает формирование

личности обучающегося, в том числе чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества, человеку труда, старшему поколению, бережного отношения к культурному наследию, природе и окружающей среде» [1, с. 109].

Справедливо отмечается, что «сейчас нам эта норма кажется естественной и привычной [2, с. 70], но она имеет историческую традицию.

Конституция как основной закон задает общие основы предмета и принципов правового регулирования. Обобщенный анализ отечественных конституционных норм позволяет сгруппировать их по четырем направлениям. Во-первых, конституции оперируют понятием право на образование. Во-вторых, определяют гарантии его получения. В-третьих, в большей или меньшей степени касаются организационных основ образовательной системы. В-четвертых, устанавливают роль государства в регулировании образовательных отношений.

Учитывая выделенные направления, можно проследить генезис и эволюцию конституционных норм в отношении образования.

Первая отечественная Конституция – Конституция РСФСР 1918 г. содержала ст. 17, непосредственно посвященную образованию. В ней говорилось, что «В целях обеспечения за трудящимися действительно-го доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование». Важно указать, что статья помещалась в разделе втором, где устанавливались общие положения Конституции. Логически раздел следует после Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, развивает демократические нормы этого исторически более раннего документа. Юридическое значение небольшой по объему статьи заключается в том, что образование было включено в перечень значимых прав; обладание им выступало индикатором социального равенства; не допускалась сегрегация по уровням образования (для всех полное и всестороннее); закреплялась бесплатность образования.

Исходя из конституционных установок, конструировались образовательные нормы в декретах советской власти и актах народного комиссариата просвещения (НКП РСФСР). Они нормативно обеспечивали трансформацию организационно-управленческой модели, содержания обучения и воспитания. Конкретный набор проводимых мероприятий отличался в отношении, выражаясь в современной терминологии, общего и профессионального образования, при этом в своей основе они следовали общим конституционным принципам. Так, выполнялось требование – обеспечить доступ к образованию ранее дискриминируемым группам населения. В отношении общего образования это было

достигнуто посредством создания единой трудовой школы (хотя 1920-е гг. известны интересными экспериментами в обучении детей), в отношении высшего образования – в отмене ряда предварительных условий, в том числе и вступительных экзаменов для зачисления в вуз, а также открытии рабочих факультетов.

Образование объявлялось государственным делом. В отличие от дореволюционного периода из числа субъектов образовательных отношений исключалась православная церковь, учебные учреждения иных религий, частные лица. Все негосударственные школы, училища, университеты и др. либо упразднялись, либо передавались в ведение НКП РСФСР. Воспитательный компонент в образовании организационно обеспечивался через деятельность партийных и комсомольских организаций, содержательно – через распространение коммунистической идеологии.

Конституция СССР 1924 г. не содержала специальных норм об образовании, поскольку решала иную политическую задачу – придать большую юридическую силу факту образования СССР, конституционным порядком разграничить полномочия Союза и республик.

Российская Конституция 1925 г. текстуально воспроизвела положения, уже установленные в 1918 г., произведя некоторую редакционную обработку и изменив нумерацию статей. Теперь это была ст. 8, т. е. она располагалась почти в самом начале Конституции, что отражает признание ее высокой значимости. Смягчение классовых противоречий позволило исключить конструкцию «рабочие и беднейшее крестьянство», использовать категорию «трудящиеся». Полностью сохранился ключевой тезис о полном, всестороннем и бесплатном образовании.

Последующие советские конституции также принимались в тесной связке «союзный основной закон – российский основной закон». При таком подходе статьи, устанавливающие права и свободы граждан текстуально совпадали, что в полной мере проявляется при сопоставлении ст. 121 Конституции СССР 1936 г. и ст. 125 Конституции РСФСР 1937 г. В содержательном отношении они характеризуются и преемственностью, и новизной. Подтверждается всеобщность, бесплатность образования, обучение на родном языке. Наиболее важные новации отражали улучшение организационных и финансовых возможностей государства. Закреплялась обязательность начального образования, т. е. государство гарантировало обучение всех детей на этом уровне, впервые говорилось о системе государственных стипендий в высшей школе, которая должна была охватить большинство студентов. Конституции 1930-х гг. как политические документы определенного исторического периода отразили представление о том, каким должно

быть образование в стране, которая переживает технологический переход, поэтому, как утверждалось в обеих конституциях, право на образование обеспечивалось «организацией на заводах, в совхозах, машиннотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся» (ст. 121 Конституции СССР 1936 г.; ст. 125 Конституции РСФСР 1937 г.).

Политехническая, практико-ориентированная направленность образования официально декларировалась до конца советского периода, хотя в цитируемые статьи конституций 1930-х гг. вносились редакционные изменения, и одно очень существенное – объявление о переходе к всеобщему обязательному восьмилетнему образованию.

В начале 1960-х гг. в связи с принятием новой Программы КПСС, декларировавшей переход к строительству коммунизма развернулась подготовка проекта Конституции. Статья 73 проекта, полностью посвященной образованию, в полной мере отразила новые политические задачи, некоторые идеалистические представления этого времени. В самой статье условно можно выделить три части. Первая повторяет устоявшиеся благодаря прежним конституциям нормы о доступности, всеобщности, бесплатности, обязательности образования (оно по-прежнему виделось восьмилетним), возможностью обучения на родном языке, государственной поддержке (стипендии, развитие сети школ-интернатов) и др. Вторая часть развивает нормы предыдущей конституции о практической направленности образования. В ней говорится о тесной связи обучения с жизнью, с производительным трудом; об организации производственного обучения на предприятиях, в учреждениях и колхозах. Третья часть, отличается новизной: образование основывается на научном мировоззрении, сопровождается массовой культурно-просветительской работой, т. е. будучи тесно связанным с наукой, культурой, просвещением является частью духовной жизни общества. Системный подход отражен в заключительной части статьи: «Целью советской системы образования является воспитание и подготовка коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и к умственному труду, к активной деятельности в различных областях общественной и государственной жизни, а также в области науки, техники и культуры» [3, с. 88–165].

В принятой Конституции СССР 1977 г. ст.45, где говорилось о праве граждан на образование, была не столь пространной, но более корректной с точки зрения юридической техники. Право на образование обеспечивалось бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специаль-

ного и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством: развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; созданием условий для самообразования.

В полном объеме эта статья, но теперь под номером 43, была повторена и Конституции РСФСР 1978 г.

Конституционные положения нередко используются в современных условиях, когда даются высокие оценки советской системы образования и ее достижениям. Таким образом, в России сложилась устойчивая традиция включения в Конституцию норм об образовании, которые закрепляют его доступность, гарантированность государством, обеспечивают развитие личности.

Литература

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. Т. Я. Хабриевой ; обращение к читателям В. В. Путина. М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2021. 368 с.

2. Балыхин Г. А. Конституционные основы системы образования в России // Вестник РГГУ. 2009. № 18. С. 69–78.

3. Плетинов В. С. Проект конституции периода «оттепели» (проект Конституции СССР 1964 г.) Екатеринбург : Издат. решения, 2022. 174 с.

GENESIS AND DYNAMICS OF DOMESTIC CONSTITUTIONAL NORMS ON EDUCATION

© T. F. Yashchuk., 2023

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The study of the emergence and dynamics of constitutional norms on education contributes to the scientific assessment of modern educational legislation. A comparative analysis of the constitutional norms on education has been carried out. All articles of the Soviet constitutions, which enshrined the right to education, were identified. Comparison of constitutional norms was carried out in several directions. The concept of the right to education in different periods was compared. Guarantees for education from the state were studied. The organizational foundations of the educational system were considered. The role of the state in the regulation of educational relations was determined. The conclusion is made about the continuity of the constitutional norms on education.

Keywords: Constitution, education, constitutional norms, educational relations, right to education, history of constitutions, history of law.

Яшук Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, e-mail: yashukomsu@mail.ru

Yashchuk Tatyana Fedorovna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e-mail: yashukomsu@mail.ru

СЕКЦИЯ

**РОЛЬ ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИ НАУК
В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ**

УДК 34:378:314.04(571)

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЮРИДИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ
ИЗ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СИБИРИ**

© Ю. П. Гармаев, 2023

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Отмечается, что задача закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе поставлена на самом высоком уровне и закреплена законодательно. Между тем отток населения и, прежде всего, молодежи продолжается достаточно тревожными темпами. В качестве одного из инструментов решения проблемы предлагается разработать концепцию и технологии правового просвещения населения, совмещенного с задачей профориентации и закрепления молодежи в регионах. Концепция и любые реализующие ее практики должны быть основаны на активном продвижении в молодежной среде российских традиционных ценностей, таких как преемственность поколений, крепкая семья.

Ключевые слова: российские традиционные ценности, правовое просвещение, профориентация молодежи, отток населения, Дальний Восток, Байкальский регион, преемственность поколений, крепкая семья.

Руководство страны, признавая особую значимость Дальнего Востока и Сибири, предпринимает активные действия по развитию этих территорий. В этой связи принят целый ряд нормативных документов, устанавливающих ключевые направления деятельности. Так, в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года отмечается, что «Стратегической целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона является реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой эко-

номики и комфортной среды обитания человека в субъектах Российской Федерации, расположенных на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития».

Однако следует констатировать, что названные проблемы решаются пока не достаточно эффективно. Отток населения и, прежде всего, молодежи с территории Дальнего Востока и Сибири продолжается достаточно тревожными темпами. А ведь только молодежь способна обеспечить устойчивое развитие своей малой родины. Особенно это актуально для Республики Бурятия поскольку согласно исследованиям Высшей школы экономики ожидается, что регион займет второе место из числа регионов России по приросту 18-летних жителей [1].

Несмотря на то что обозначенная проблематика является предметом исследований различных наук (экономики, психологии, социологии, философии и др.), следует констатировать, что с позиций правового просвещения, реализуемого юристами (учеными, преподавателями, юристами-практиками и студентами) она практически не рассматривалась. Между тем именно юристы обладают уникальным инструментарием, позволяющим эффективно в рамках проведения различного рода правовых просветительских и обучающих лекций, семинаров, круглых столов, конференций и тренингов, использования интернет-ресурсов по правовому просвещению для школьников, абитуриентов, учителей, родителей и других заинтересованных целевых групп населения транслировать информацию, которая могла бы убедить названную целевую аудиторию принимать решения обучаться, жить и работать именно в местах их нынешнего проживания.

Однако указанный инструментарий необходимо объединить в систему – научно обоснованную и практически апробированную концепцию и технологии, методики разноотраслевого (психология, административное, уголовное, гражданское, семейное, трудовое право, криминалистика и др.) правового просвещения населения, совмещенного с задачей профориентации молодежи в соответствии с идеями типа: «Учиться и трудиться на малой родине не только патриотично, но и эффективно!», «Вернись на малую родину!» и т. п.

Юридический факультет Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова во взаимодействии со студентами и преподавателями нескольких юридических вузов Дальнего Востока и Сибири, юристами-практиками начали разработку указанной концепции и технологий на основе уже имеющегося задела правовой просветительской работы в названных регионах⁷. Концепция и технологии не имеют аналогов в стране и за рубежом.

⁷ Выигран ряд федеральных и региональных грантов, материалы по которым и легли в основу тезисов.

В целом в стране мы не видим системной реализации средств правового просвещения, включающих в качестве обязательного элемента традиционные ценности народов России и, исходя из них – профессиональную ориентацию молодежи из регионов на обучение в ссузах и вузах родного края, последующего трудоустройства там же.

Как отметил А. В. Миронов, в стране с конца 80-х гг. прошлого столетия отсутствовала целостная, целенаправленная государственная социально-культурная и воспитательная политика в отношении населения, особенно молодежи, рассчитанная на длительную перспективу и отвечающая потребностям не элитарной части общества, а всего народа, политики, отвечающей истинно национальным интересам [2, с. 41].

Названная концепция и технологии правового просвещения и обучения, включают корректировку широко распространенных стереотипов мышления населения, стимулирующих миграцию. Необходимо реализовать комплекс мер, включающих:

- помощь молодежи в формировании личной письменной профессиональной стратегии, в которой на основе опровержения названных стереотипов будут демонстрироваться объективные, разумные доводы о нецелесообразности переезда молодых людей в другие регионы России и/или за рубеж;

- акцентуализацию несомненных преимуществ получения среднего и высшего образования, последующего трудоустройства в Бурятии, иных регионах Дальнего Востока и Сибири;

- привлечение молодежи из других субъектов России в регионы Дальнего Востока и Сибири для обучения и профессиональной реализации.

Безусловно концепция и технологии правового просвещения и обучения должны опираться на российские традиционные ценности. Речь идет о нравственных ориентирах, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России (п. 4, 5 [3]).

К перечню основных угроз и рисков для традиционных ценностей в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей отнесены, в том числе, насаждение чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отече-

ству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности и т. д. (п. 14 Основ).

Из широкого перечня традиционных духовно-нравственных ценностей народов России в основу концепции следует взять такие незыблемые ориентиры как приоритет духовного над материальным, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, крепкая семья.

Разумные доводы о нецелесообразности переезда, преимуществах обучения в регионе могут и должны опираться не только на обоснованные данные о высоком качестве соответствующего образования в региональном вузе, достойных возможностях трудоустройства. Приоритет духовного над материальным, казалось бы, выглядит как аксиома. Однако в контексте миграции эта традиционная ценность далеко не так очевидна для молодого поколения.

Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. отмечал: «Для нашего общества, для многонационального народа именно семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям были и остаются мощным нравственным каркасом ...»¹. Нужно показывать насколько ценны взаимопомощь и уважение к родителям, к старшему поколению в семье, к своему роду. Преемственность поколений, крепкая семья – зачастую труднореализуемые в жизни конкретного человека ценности в типичной ситуации, когда в юном возрасте он уезжает учиться далеко от дома и остается там, не желая возвращаться в родной дом, к стареющим родителям и родственникам.

Безусловно, потребность полностью реализовать себя в далеком большом городе иногда абсолютно оправдана и несет только благо человеку и его семье, обществу и государству. Однако часто мы видим ситуации, когда переезд мотивирован только неким смутным «там больше платят и больше возможностей», без учета интересов семьи, и того обстоятельства, что молодой человек, напротив, был бы более востребован и высоко оценен именно в своем регионе, на малой родине, рядом с семьей, друзьями, местными сообществами.

Невозможно в кратких тезисах изложить все разумные доводы и саму концепцию, технологии правового просвещения на основе системного подхода с использованием достижений различных наук и отраслей знаний (юридические науки, экономические науки, психология, педагогика, социология). Однако есть основания полагать, что их активное внедрение будет, хоть и не кардинально решать, но активно способствовать снижению молодежной миграции из регионов Сибири и Дальнего Востока.

Литература

1. Пора домой. Почему после учебы молодежь не спешит в свои регионы // Офиц. сайт Рос. газ. URL: <https://rg.ru/2019/12/04/reg-pfo/pochemu-posle-ucheby-molodezh-ne-speshit-v-svoi-regiony.html> (дата обращения: 28.07.2023).
2. Миронов А. В. Кризис духовных ценностей на социокультурном пространстве современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 2. С. 39–51.
3. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=3> (дата обращения: 28.07.2023).

TRADITIONAL VALUES AND LEGAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF OVERCOMING THE DEMOGRAPHIC PROBLEM OF POPULATION OUTFLOW FROM THE REGIONS OF THE FAR EAST AND SIBERIA

© Yu. P. Garmaev

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The task of consolidating the population in the Far East and in the Baikal region is set at the highest level and enshrined in law. Meanwhile, the outflow of the population and, above all, youth continues at a rather alarming pace. As one of the tools for solving the problem, it is proposed to develop a concept and technologies for legal education of the population, combined with the task of career guidance and consolidation of youth in the regions. The concept and any practices that implement it should be based on the active promotion of Russian traditional values in the youth environment, such as generational continuity, a strong family.

Keywords: Russian traditional values, legal education, career guidance for young people, consolidation of the population in the Far East and in the Baikal region, continuity of generations, a strong family.

Гармаев Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедр уголовного права, процесса и криминалистики, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: garmaeffl@mail.ru

Garmaev Yuri Petrovich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Process and Forensics, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: garmaeffl@mail.ru

УДК 343

ОБЩЕСТВЕННАЯ НАВЯЩЕСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

© Я. В. Гармышев, 2023

Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы правовой природы общественной нравственности как элемента, выступающего в качестве объекта преступлений в уголовном законе России. Определено содержание термина «общественная нравственность» на правоприменительном уровне и теории права, с учетом теоретических и практических подходов регулирования общественных отношений установлена его правовая природа в системе формирования уголовно-правовых запретов.

Ключевые слова: нравственность, уголовная ответственность, квалификация преступлений, объект преступления.

Проблема правовой охраны общественной нравственности предопределяется важнейшим условием устойчивого социального развития современного общества. Так, А. А. Гогин отмечает: «Нравственность наиболее полно отражает уровень развития конкретной нации, народности, общества и государства, поскольку ее нормы складываются на протяжении многих веков под воздействием исторических, культурных, национальных, религиозных и иных условий. Выступая в качестве базового критерия правомерного поведения, указанные правила выполняют регулятивную, воспитательную и контролирующую функции» [1, с. 14].

Как отмечается в юридической литературе «характер общественно опасного деяния определяется, прежде всего, объектом преступления, чем выше социально-правовая ценность объекта уголовно-правовой охраны в законодательстве, тем более общественно опасным признается посягательство на него и если неизвестно, какое общественное отношение было объектом посягательства, то неизвестно, о каком преступлении идет речь» [2, с. 63].

Таким образом, определение объекта преступного посягательства в процессе правоприменения позволяет установить социально-правовую характеристику уголовно-правового запрета, но и «предусмотреть комплекс профилактических мероприятий, направленных на устранение, нейтрализацию или ослабление действия причин и условий, способствующих совершению преступлений» [2, с. 63].

В этой связи, согласно точке зрения В. Д. Филимонова, общественные отношения как объект преступления следует классифицировать на защищаемые и защищающие отношения, которые возникают с момента вступления в силу закона, устанавливающего наказание за совершение конкретного преступления [3, с. 83]. Кроме этого, поддерживая вышеуказанный подход В. Н. Винокуров так же отмечает, что с теоретической точки зрения деление общественных отношений, «выступающих объектом уголовно-правовой охраны, на защищающие и защищаемые позволяет обосновать место нормы в системе Особенной части УК РФ, момент окончания преступления, содержание последствий преступления и квалифицирующих признаков состава преступления, а также определяет значительность вреда, причиняемого и предотвращаемого в состоянии крайней необходимости» [4, с. 95].

Общественная нравственность в системе объектов уголовно-правовой охраны рассматривается сквозь призму такого объекта, как общественная безопасность и общественный порядок.

Представляется, что «отсутствие в законодательстве понятия и содержания категории нравственности, создает сложности при ее защите

в случае совершения правонарушения, при котором общественная нравственность выступает в качестве объекта деяния» [5, с. 91].

В юридической же литературе вопрос характеристики понятия «нравственность» в качестве объекта преступлений является достаточно спорным в юридической литературе. Одни авторы определяют нравственность через совокупность общественных отношений, норм, принципов и т. д., а другие авторы определяют нравственность через систему взаимосвязанных элементов [6, с. 85].

В этой связи можно прийти к неверному выводу о том, что, так как посредством уголовного права в целом охраняются те же общественные блага, что отражены в моральных нормах и требованиях, то все преступления, содержащиеся в Уголовном кодексе РФ посягают на нравственность [7, с. 133].

Учитывая, что каждое преступное посягательство затрагивает сложившуюся нравственность, ее ограничение рамками отдельного видового объекта уголовно-правовой охраны не вполне обосновано.

Для того чтобы осуществлялось посягательство на нравственность, лицо должно совершить действия, направленные на изменение существующей в обществе общепринятой системы ценностей, что не происходит при совершении преступлений, закрепленных в гл. 25 Уголовного кодекса РФ, либо при совершении любого иного преступления.

Нравственным нормам свойственна зависимость от конкретной исторической эпохи и от политических, социальных процессов в обществе. Представления о допустимом и недопустимом могут радикально меняться на протяжении сравнительно короткого временного промежутка.

Таким образом, проблема правовой охраны общественной нравственности предопределяется важнейшим условием устойчивого социального развития Российской Федерации, переживающей на сегодняшний день значительное воздействие внешних и внутренних негативных влияний политических и социальных процессов, а с расширением социальных институтов расширяются и возможности негативных последствий от преступных действий. Приоритетность уголовно-правовой охраны общественной нравственности предопределена положениями международными соглашениями и конституционным законодательством, а также установлена различными регламентами, установлена в значительном объеме нормативно-правового материала, который создает правовой механизм уголовного законодательства в различных нормативных правовых актах.

Литература

1. Гогин А. А. К вопросу о защите нравственности как фундаментальной социальной ценности // История государства и права. 2015. № 13. С. 14–18.

2. Сплавская Н. В. К вопросу о соотношении понятий общественная безопасность и общественный порядок как объектов уголовно-правовой охраны // Закон и право. 2011. № 4. С. 63–64.

3. Филимонов В. Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. 2003. № 2. С. 83–85.

4. Винокуров В. Н. Защищающие и защищаемые отношения как объект уголовно-правовой охраны // Современное право. 2013. № 1. С. 91–95.

5. Бучакова М. А. Общественная нравственность как объект административно-правовой защиты // Актуальные проблемы административной деятельности полиции : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 23 нояб. 2016 г. Краснодар, 2017. С. 88–91.

6. Шевченко А. С. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 84–86.

7. Герасимов А. М. Нравственность в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 133.

PUBLIC MORALITY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

© Y. V. Garmyshev, 2023

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article defines the issues of the legal nature of public morality as an element acting as an object of crimes in the criminal law of Russia. The content of the term “public morality” at the law enforcement level and the theory of law is determined, taking into account theoretical and practical approaches to regulating public relations, its legal nature in the system of formation of criminal law prohibitions is established.

Keywords: morality, criminal responsibility, qualification of crimes, object of crime.

Гармышев Ярослав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: garmyv@mail.ru

Garmyshev Yaroslav Vladimirovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: garmyv@mail.ru

УДК 347.73

ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО ПРАВА

© И. В. Глазунова, 2023

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

Аннотация. На основе анализа позиций ученых, известных специалистов в сфере финансово-правового регулирования и публичных финансов выделяются проблемы современного развития финансового права и аксиологических аспектов, с ним связанных. Рассматриваются вопросы, характеризующие применение аксиологического подхода в отечественном финансовом праве. Обращается внимание на тесное взаимодействие общечеловеческих ценностей, конституционных ценностей и ценностей различных отраслей права, прежде всего, финансового права.

Ключевые слова: финансовое право, аксиология права, правовая ценность, принципы финансового права, нормы финансового права, бюджетное право, налоговое право.

Аксиология права – научное направление, связанное с пониманием и применением ценностного смысла права и целеполагания правовой деятельности на определенных ценностных установках. По словам С. С. Алексеева, аксиология права, или теория правовых ценностей, представляет собой новую «духовно-интеллектуальную форму освещения права» [1, с. 461].

Правовая аксиология как научное направление позволяет рассматривать как правовую систему государства в целом, так и ее отдельные элементы с точки зрения ценностных фундаментов, существующих в обществе и у каждого индивидуума в отдельности. По мнению Е. Г. Васильевой, «без ценностного подхода невозможно выявить предназначение права в общечеловеческом, социальном и культурном развитии, понять его специфическую природу как духовно-практического средства освоения мира людьми. Без него остаются в тени конструктивная, творческая роль сознания в сфере права» [2, с. 10].

Ценность права проявляется в способности права служить целью и средством для удовлетворения социально справедливых, прогрессивных потребностей и интересов граждан, общества в целом. Прав был академик В. С. Нерсисянц, полагавший, что ценность права с точки зрения либерально-юридической аксиологии состоит в том, что право является всеобщей, необходимой и общеобязательной формой выражения таких фундаментальных человеческих ценностей, как равенство, свобода и справедливость [3, с. 345].

Анализ юридической литературы позволяет различать два аспекта ценностного подхода к праву. Во-первых, ценность права как формы организации общественных взаимодействий между людьми. Во-вторых, содержание правовых ценностей: свобода, равенство, справедливость, достоинство. Для аксиологии права классической является категория «правовые ценности», относящаяся в юриспруденции к числу наиболее абстрактных и дискуссионных, что объясняется как методологическим плюрализмом, так и многоплановостью самого понятия «правовая ценность».

Правовыми ценностями называют любые явления, так или иначе значимые для субъекта правотворчества. Поэтому большинство отечественных и зарубежных ученых-правоведов понимают под правовыми ценностями либо систему принципов, постулатов и суждений, определяющих отношение индивида, локального сообщества или общества в целом к правовой реальности [4, с. 142–143; 5, с. 6–8], либо любые общечеловеческие ценности, так или иначе отраженные в позитивном праве: свободу, справедливость, равенство, достоинство и т. п.

Категория ценности имеет значение как для всей правовой системы государства, так и для формирования системы отдельных отраслей права, в том числе и финансового права [6; 7]. Применительно к аксиологическим аспектам финансового права имеются отдельные исследования, в которых предпринимаются попытки выявления роли ценностных категорий на финансово-правовое регулирование [8; 9].

В чем ценность финансового права? Как правовой феномен финансовое право, как и право в целом, обладает социальной ценностью, проявляющейся в функциях права, которые оно выполняет в обществе [10, с. 3–11]. Прежде всего финансовое право выполняет регулятивную функцию, выступая нормативным инструментом реализации обеспечительной функции социального государства посредством установления денежных обязанностей личности соразмерно своим доходам участвовать в делах государства, отдавая в безвозмездном безвозвратном порядке часть созданной прибавочной стоимости в денежной форме [11, с. 65].

Помимо социальной ценности можно финансовое право обладает культурной, экономико-правовой и, собственно, правовой ценностью.

Культурная ценность финансового права детерминирована его принадлежностью к отечественной культуре, и в этом смысле оно через систему финансово-правовых категорий, терминов и правовых институтов свидетельствует об уровне культурного развития современного государства и общества.

Экономико-правовая ценность финансового права определяется его дуализмом, проявляющимся в сочетании экономической сущности и юридической форме, и состоит в обеспечении в современных условиях разработки финансовой политики и ее реализации через бюджетное и налоговое законодательство.

Собственно правовая ценность финансового права проявляется в его взаимосвязи с отраслями права и правовыми феноменами, регулирующими имущественные отношения [12, с. 185]. В современных условиях наиболее актуальным сегментом в системе имущественных взаимосвязей финансового права является его связь с гражданским правом, что порождает проблему разграничения предмета финансового права от иных общественных отношений в условиях расширения используемых методов осуществления публичной финансовой деятельности. И здесь требуется четкое понимание природы ценностей, на которых основано финансово-правовое регулирование: они являются общеправовыми, но реализуются в каждой отрасли права (включая финансовое и гражданское) в уникальном преломлении. Потому использование в финансовом правотворчестве конструкций, первоначально употребляемых цивилистами (как, например, договор), означает разви-

тие финансово-правового регулирования согласно общеправовым ценностям, а не применение частноправовых методов к финансовым правоотношениям и не трансформацию последних в частноправовые.

Правовая ценность финансового права также находит воплощение в аксиологических аспектах финансовой деятельности государства и муниципальных образований. Финансовая деятельность – это не только особый вид государственной деятельности, но и средство достижения поставленных государством или местным самоуправлением целей. Функция перераспределения национального дохода значительно усилила управленческую составляющую финансовой деятельности государства и муниципальных образований сложной системой целеполагания. Она представляет собой правовой феномен, интегрированный в социально-экономическую жизнь общества и позволяющий осуществлять публичное управленческое воздействие на общественные процессы [13, с. 145–147].

К числу ценностей, на которых основано финансово-правовое регулирование, по нашему мнению, можно отнести следующие: обеспечение финансового суверенитета и финансовой безопасности государства [14]; принципы финансового права [15]; достоинство личности [16]; уважение и защиту прав налогоплательщиков [17].

Ценностные категории влияют не только на формирование элементов системы публичного финансового права, но и предопределяют их взаимодействие как правовых средств регулирования публичных финансов. Правовая аксиология оказывает значительное влияние на сферу публичных финансов и на выбор правовых инструментов, посредством которых достигается баланс интересов между публично-правовыми образованиями и частными субъектами. Выработка такого баланса и влияние ценностных фундаментов на выбор средств правового регулирования наиболее ярко проявляется на примере систематизации модели правового регулирования сферы публичных финансов [18, с. 25–30].

Говоря о ценностных характеристиках российского финансового права, нельзя обойти вниманием проблемы реализации конституционных ценностей в финансовом праве. С одной стороны, Конституция выступает ключевым источником финансового права, закрепляя его базовые ценности. С другой, Основной закон прямо предусматривает необходимость финансово-правового обеспечения конституционных ценностей. Так, провозглашая Российскую Федерацию социальным государством, Основной закон определяет направлением государственной политики создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Соответственно, необхо-

димось обеспечения достоинства личности выступает ценностным ориентиром финансово-правового регулирования финансовой деятельности публично-правовых образований. При этом проблемой является неопределенность конституционного выражения многих ценностей, наглядно проявляющаяся при толковании конституционных положений (например, отнесение финансового законодательства к числу предметов исключительного ведения Российской Федерации при одновременном включении общих принципов налогообложения и сборов в состав предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов). Иногда непоследовательность при оценке места отдельных конституционных ценностей в сфере финансового права проявляет Конституционный Суд РФ (например, признавая недопустимыми неденежные формы расчетов с поставщиком для целей применения налоговых вычетов по акцизам, но допуская их для целей исчисления налога на добавленную стоимость). Проблемой является также отсутствие нормативного закрепления некоторых конституционных ценностей (как, например, выравнивание социально-экономического развития субъектов федерации).

Таким образом, важное комплексное значение – нравственное, научное, практическое – обретает аксиологическое изучение финансового права. Ценностно-ориентированный подход позволяет выкристаллизовать духовно-культурные аспекты финансового права, артикулировать содержащиеся в финансовом праве идеалы. Вне аксиологии невозможно полноценно и всеобъемлюще уяснить предназначение публичной финансовой деятельности, бюджета, принципов финансового права, понять их природу и высокую роль для всех сфер общественной жизни.

Литература

1. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплекс. исслед. М., 1999. 709 с.
2. Васильева Е. Г. Ценностный подход в правовой науке // Право и государство: проблемы теории и практики. 2008. № 6. С. 9–11.
3. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов / Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ин-т. М., 1999. 539 с.
4. Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Правовая ценность в России: теоретико-правовой и ретроспективный анализ // Genesis: исторические исследования. 2017. № 3. С. 126–143.
5. Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 46 с.
6. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14.
7. Запольский С. В., Бочкарева Е. А., Кожушко С. В. Общетеоретические проблемы российского финансового права: обзор научных исследований // Государство и право. 2020. № 11. С. 58–71.

8. Евдокимов А. Ю. Аксиология финансового права. Аксиология публичного финансового права. Ч. I. URL: <https://www.academia.edu/11435740/> (дата обращения: 17.07.2023).

9. Цинделиани И. А. Аксиологические аспекты системы финансового права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 82–97.

10. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. 221 с.

11. Омелехина Н. В. Финансовое право в межотраслевом институте достоинства личности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 11(120). С. 62–77.

12. Карасева М. В. Налоговое и гражданское право: современные формы и проблемы взаимосвязи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2 (45). С. 183–192.

13. Институты финансовой безопасности : монография / О. А. Акопян, И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина [и др.]. М., 2017. 246 с.

14. Цинделиани И. А., Кикавец В. В., Вершило Т. А. Система финансового права в условиях цифровой трансформации экономических отношений: доктрина и правовая реальность // Российское правосудие. 2023. № 6. С. 108–112.

15. Омелехина Н. В. Достоинство личности в системе финансово-правовых ценностей // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 106–120.

16. Кодификация финансового права как аксиологическая ценность (на примере законодательства Чешской Республики) / М. Карфикова, З. Карфики, Е. В. Черникова, Ю. В. Горш // Современное право. 2021. № 3. С. 107–111.

18. Трансформация финансового права в новых экономических условиях: монография / под ред. С. В. Запольского. М., 2021. 208 с.

VALUE CHARACTERISTICS OF RUSSIAN FINANCIAL LAW

© I. V. Glazunova, 2023

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

Abstract. Based on the analysis of the positions of scientists, well-known experts in the field of financial and legal regulation and public finance, the problems of modern development of financial law and axiological aspects related to it are highlighted. The issues characterizing the application of the axiological approach in domestic financial law are considered. Attention is drawn to the close interaction of universal values, constitutional values and values of various branches of law, primarily financial law.

Keywords: financial law, axiology of law, legal value, principles of financial law, norms of financial law, budget law, tax law.

Глазунова Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права, юридический факультет, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, e-mail: irine.glazunovoi@yandex.ru

Glazunova Irina Vasil'evna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law, Omsk State University named F. M. Dostoevskiy, Omsk, Russian Federation, e-mail: irine.glazunovoi@yandex.ru

ПРАВО НА БЕЗОПАСНЫЙ ТРУД КАК ЦЕННОСТЬ И ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© В. А. Данко, И. М. Середа, 2023

Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного юстиции (РПА Минюста России)
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматривается такое конституционное право, как право на труд, являющееся также и объектом уголовно-правовой охраны. Отмечается, что Конституцией Российской Федерации закреплено, что охрана прав и свобод человека и гражданина представляет собой наивысшую ценность российского общества и государства на современном этапе развития. Кроме того, труд провозглашается свободным. Охрану права на труд граждан можно назвать важнейшей социальной и экономической гарантией соблюдения соответствующих требований, помимо этого она выступает в качестве необходимого правового механизма в сложившихся реалиях. Авторами проведено исследование уголовно-правового значения объекта преступления в целом, что позволило сделать вывод о сохраняющейся значимости его понимания. В исследовании ставится цель обоснования модели объекта преступления с теоретической точки зрения в соответствии с юридическим механизмом правового регулирования и охраны социальных правоотношений.

Ключевые слова: ценность, право на труд, объект, уголовно-правовая охрана.

В настоящее время ценность труда можно рассматривать в качестве целесообразной работы человека, которая направлена на создание материальных и духовных благ. Труд играет большую роль не только для общества, но и для отдельного индивида, так как представляет собой отдельный, главный источник развития человека во многих направлениях, что позволяет удовлетворить достаточное количество потребностей и интересов.

Понятие «труд» исследователями рассматривается всесторонне, что характерно как для представителей естественных, так и общественных наук.

Если проанализировать вышеуказанное понятие с точки зрения права, то можно отметить, что наибольший интерес представляют экономические и социологические аспекты трудовой деятельности.

В литературе, посвященной экономической сфере, термин «труд», как правило, трактуется учеными как процесс, который предполагает деятельность человека, направленную на создание благ.

Что касается социологии, то такое понятие как «труд» можно увидеть при рассмотрении формы, методов и условий труда, организации совместного труда, различных сторон, ценностных ориентаций, мотивов и т. д.

Итак, можно отметить, что право на труд является формой выражения как социальной, так и экономической категории. Как уже отмечалось, право на труд выступает в качестве конституционного права, которое находится в неразрывной связи с понятием «ценность», что подчеркивается в исследованиях многих ученых [1, с. 4]. Именно поэтому необходимо также изучить сущность указанного понятия.

Общетеоретические науки ценность определяют как идеал общественной жизни, стандарт, обобщенные целями и способами их достижения.

Однако термин «ценность» некоторые правоведы и ученые рассматривают с точки зрения «полезности».

Следует привести позицию В. П. Тугаринова, который под «ценностью» предлагает понимать сущность предмета, явления и их характеристики, необходимые всему обществу и конкретной личности в качестве способов удовлетворения их потребностей и интересов [2, с. 15].

На наш взгляд, трудовая деятельность обладает большой ценностью, которую никоим образом нельзя оспорить. В социальном понимании труд представляет собой универсальное благо, которое играет жизненно-важную роль для любого общества, определенного индивида. Но не стоит забывать о том, что оно постоянно меняется. В первую очередь изменяется уровень детерминированности ценностного отношения характера труда; далее меняются ценностные ориентации в труде от средств наказания [3, с. 39].

Следует обратиться к другому, не менее важному понятию – «охрана трудовых прав граждан», выступающим достаточно широким понятием и включающим в себя охрану законных интересов личности, ее провозглашенных прав и свобод, закрепленных в Конституции Российской Федерации как в трудовой сфере, так и во всей общественной жизни.

Уголовно-правовая среда включает в себя юридические рычаги, которые позволяют государству применять санкции и меры против нарушителей в области трудовых прав граждан [4, с. 154].

В настоящее время Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) устанавливает конкретный перечень преступных деяний, которые предусматривают уголовную ответственность в сфере нарушений норм трудового законодательства нашего государства:

- ст. 143 УК РФ – Нарушение требований охраны труда;
- ст. 144 УК РФ – Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов;
- ст. 145 УК РФ – Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины, или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет;

– ст. 145.1 УК РФ – Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат [5, с. 147].

Вышеперечисленные преступления законодателем помещены в гл. 19 УК РФ, которая носит название «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Исходя из чего, можно отметить, что родовым объектом указанных противоправных деяний выступают общественные отношения, которые охраняют права и свободы личности. Видовым объектом являются общественные отношения, которые призваны обеспечивать права и свободы личности [6].

Что касается непосредственного объекта, то в данном случае необходимо классифицировать преступные деяния, указанные в гл. 19 УК РФ на конкретные группы.

Например, некоторые исследователи разделяют указанные преступления на три основные категории против прав, законных интересов и свобод: политических, личных, социально-экономических. Но здесь приводится различное внутреннее составляющее групп.

Обратимся к позиции Е. Н. Пшизова, который говорит о том, что требуется выделять в отдельную группу преступления, совершенные против трудовых прав граждан.

В качестве аргумента приведенной позиции можно назвать следующее:

– трудовые права представляют собой основополагающие, базисные права для всех остальных прав;

– преступления, совершенные против трудовых прав, имеют направленность на конкретную категорию однородных общественных отношений.

Любое преступное деяние предполагает непосредственный объект, определение которого требуется в каждой конкретной ситуации, при посягательстве на вид общественных отношений.

Исходя из вышесказанного, непосредственным объектом преступления, которое совершено против правил охраны труда выступают условия труда, отвечающие правилам соблюдения соответствующих требований безопасности и гигиены, в которых реализуется трудовая деятельность лиц [7, с. 67].

Помимо этого, важно то, что изменения уголовного законодательства нашего государства из-за рыночных реформирований привели к значительному росту количества правонарушений в трудовой сфере, соответственно и к росту числа незаконных увольнений. По данной причине некоторые исследователи придерживаются мнения о расширении перечня конкретных деяний, который подлежат применению наказания в соответствии с нормами УК РФ.

Так, в юридической литературе предлагается необходимым дополнить УК РФ положениями об ответственности за нарушение прав граждан на объединение и прав на индивидуальные и коллективные трудовые споры, аргументируя указанную позицию тем, что в уголовном законодательстве советского периода с 1922 г. существовала уголовно-правовая охрана функционирования и деятельности профсоюзов [5, с. 148].

По итогам проведенного анализа конституционно – ценностной сущности права на труд можно сделать следующий вывод. Понятие «труд» многими учеными трактуется по-разному, однако все они сходятся во мнении, что труд является значимой категорией, ценность которой нельзя оспорить. Также труд выступает в качестве объекта уголовно-правовой охраны, т. е. общественным отношением, которое возникает по поводу удовлетворения фактических интересов личности, претерпевающим общественно опасное воздействие. В научной статье были рассмотрены позиции правоведов и исследователей к пониманию сути основных понятий, кроме того, авторами проанализировано содержание и соотношение приведенных понятий. Отмечается, что право на труд в условиях, отвечающим требованиям безопасности, охраняется уголовным законодательством Российской Федерации. Хочется отметить, что приведенные примеры позволяют говорить о несовершенстве действующего законодательства и свидетельствуют о необходимости дальнейших изменений и дополнений в ряд существующих положений права.

Литература

1. Кошелев М. С. Роль правовых ценностей в современном российском обществе // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 10. С. 3–6.
2. Тугаринов В. П. Марксистская философия и проблемы ценностей. Л., 1966. 23 с.
3. Миланченко А. О. Ценность труда в современном российском обществе // Система ценностей современного общества. 2012. № 23. С. 39–43.
4. Герфанова Е. И. Уголовно-правовой анализ состава нарушения требования охраны труда // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 152–155.
5. Данко В. А. Конституционное право на труд как объект уголовно-правовой охраны // Правовые исследования молодых ученых. 2022. 196 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Пшизова Е. Н., Хачак Б. Н., Пшизов М. С. О непосредственном объекте преступлений против трудовых прав граждан // Colloquium-journal. 2019. № 20 (44). С. 65–67.

THE RIGHT TO SAFE WORK AS A VALUE AND OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

© V. A. Danko, I. M. Sereda, 2023

Irkutsk Institute (branch) All-Russian State Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article discusses the object of criminal legal protection of the right to work as one of the most important human rights. The protection of the rights and freedoms of man and citizen is the highest value of modern Russian society and the state. The Constitution of the Russian Federation proclaims labor to be free. Thus, the protection of the right to work of citizens is the most important socio-economic guarantee. In addition, the Labor Code of the Russian Federation specifies the main directions of state political activity in the field of labor protection. The author describes the criminal and legal meaning of the object of the crime, the study itself is focused on substantiating the theoretical model of the object of the crime according to the legal mechanism for regulating and protecting social relations.

Keywords: spirituality, value, morality, the right to work, the object of criminal – legal protection.

Данко Виктория Александровна – аспирант 3-го курса по специальности «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», кафедра уголовного права и криминологии, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия, e-mail: viki.bru@mail.ru

Серёда Ирина Михайловна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия, e-mail: irina-sereda@mail.ru

Danko Victoria Alexandrovna – 3rd year Postgraduate Student in the Specialty “Criminal Law and Criminology; Penal Law», Department of Criminal Law and Criminology, Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, e-mail: viki.bru@mail.ru

Sereda Irina Mikhailovna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, e-mail: irina-sereda@mail.ru

УДК 343

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЫСК КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© Н. С. Железняк, 2023

Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация. Рассматриваются роль и место оперативных подразделений органов внутренних дел в контроле над преступностью как одной из основных угроз существованию цивилизованного общества, их взаимоотношения в этой части с уполномоченными прокурорами. Исследование построено на данных, полученных в процессе интервьюирования представителей антинаркотических подразделений значительного числа субъектов Российской Федерации. Проведенный анализ позволил отметить наиболее существенные проблемы и оценить возможности их минимизации.

Ключевые слова: оперативное подразделение, государственный профессиональный сыск, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, контроль над преступностью, уполномоченный прокурор, ценности.

Духовно-нравственные ценности представляют собой установки и ориентиры, выступающие в качестве идеала, эталона должного, определяющие отношение человека к объектам действительности и регулирующие его поведение и деятельность.

Спектр традиционных российских духовно-нравственных ценностей весьма значителен. С учетом ограниченного объема работы и преимущественной ориентации государственного профессионального сыска на противодействие преступности [1], представляется, следует ограничиться анализом таких его целей, как защита жизни и здоровья населения России, а также ценностной ориентации [2], именуемой «справедливость».

Приоритетной целью⁸ органов, осуществляющих государственный профессиональный сыск⁹, согласно ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД), выступает защита жизни, здоровья, прав и свобод личности от преступных посягательств. Указанное предписание базируется на ряде норм Конституции Российской Федерации [3], в частности ст. 2 («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»), ч. 1 ст. 20 («Каждый имеет право на жизнь»), ч. 1 ст. 41 («Каждый имеет право на охрану здоровья...»).

В различных материалах, работах исследователей неоднократно прослеживалась полемика относительно терминологии, используемой для описания антикриминальной деятельности. В этой части звучали такие понятия, как «борьба»¹⁰, «противодействие», «предупреждение», «профилактика», «пресечение». Не будучи специалистом в области криминологии и оставляя возможность высказывать конструктивные суждения по этому поводу профессионалам, автор полагает целесообразным в рамках развития темы применить идиому «контроль над преступностью».

В широком смысле в противодействии преступности участвуют представительные органы, органы исполнительной власти, судебные органы; весь комплекс предприятий, учреждений и организаций, функционирующих в различных сферах социальной жизнедеятельности; общественные объединения и отдельные граждане. Однако только для сравнительно небольшой части этих субъектов, реализующих специальные цели и задачи противодействия преступности, наделенные со-

⁸ Цель – конечный результат, на который преднамеренно направлен процесс.

⁹ Далее может использоваться в качестве синонима словосочетание «оперативно-розыскная деятельность» (ОРД).

¹⁰ Наиболее часто по отношению к взаимоотношениям государства, общества и преступности применяется термин «борьба с преступностью». Термин «борьба» толкуется в словарях как активное противостояние неких групп, имеющих противоположно направленные интересы. Тем не менее в литературе встречаются и другие названия: уголовная политика, война с преступностью, компромисс, противодействие преступности, воздействие на преступность.

ответствующими правами и обязанностями, указанная деятельность является специально обусловленной.

Мы же в рамках нашего исследования остановимся всего на двух таких государственных структурах – органах внутренних дел (их оперативных подразделениях) и представляющих органы прокуратуры уполномоченных прокурорах¹¹.

Казалось бы, два субъекта, один из которых обладает функцией координации деятельности по борьбе с преступностью органов внутренних дел (далее – ОВД), органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов¹², должны осуществлять плотное взаимодействие для эффективного решения одной из приоритетных задач государства – защиты населения от преступных посягательств.

Однако это не так. В качестве аргумента к такому выводу приведем результаты интервьюирования более ста руководителей и сотрудников оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков (далее – КОН) органов внутренних дел (далее – ОВД) из двадцати регионов страны, в частности, таких городов и территорий, как Архангельск, Великий Новгород, Волгоград, Екатеринбург, Мурманск, Новокузнецк, Новосибирск, Краснодар, Красноярск, Самара, Тверь, Хабаровск, Республика Дагестан, Республика Коми, Республика Тыва, Забайкальский край, Хабаровский край, Амурская область, Московская область, Свердловская область.

Отношение к оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) и оперативно-разыскным мероприятиям (далее – ОРМ) как антикриминальной практике у представителей различных юридических профессий существенно отличается. Не являются в этой части исключением оперативники и прокуроры.

Первые, применяя указанные в законе силы, средства и методы, с большей или меньшей долей успеха противодействуют различным криминальным проявлениям, вторые – на волне обеспечения законности, на наш взгляд, в угоду существующей в правоохранительных органах «палочной» системе зачастую создают препятствия для осуществления сыщиками профессиональной деятельности.

¹¹ В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры России от 23.03.2022 № 170 деп «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности» уполномоченными прокурорами назначаются работники прокуратуры, имеющие соответствующую форму допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

¹² Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов [4].

Так, одним из традиционных антикриминальных ресурсов выступает применяемая сыщиками проверочная закупка (далее – ПЗ)¹³, которая остается весьма эффективным инструментом документирования преступной деятельности нарко сбытчиков.

Вместе с тем в ряде регионов страны представители надзорных органов имеют собственную точку зрения на законность проведения этого мероприятия. В частности, в Республике Тыва предусмотренное законом ОРМ в принципе оценивается надзирающими прокурорами как провокация преступления. Также и теми же (вопреки акту Верховного Суда РФ [6]) характеризуется проведение повторной ПЗ в Свердловской области, Великом Новгороде, Екатеринбурге, Мурманске, Твери. В последней существует требование прокуратуры области использовать при проведении еще одного похожего мероприятия – оперативный эксперимент (далее – ОЭ) не муляжи, а реальные наркотики. Областная прокуратура Волгограда с весны 2022 г. пошла еще дальше. Ее представители предъявляют требование использовать при проведении ОЭ не муляжи наркотиков, а изготавливать тайники из изъятых наркотических средств, но если сыщики допускают утрату, то в их действиях усматривается халатность [7].

В Архангельске прокуратура запрещает¹⁴ (дословно) проведение гласного обследования в жилище, ссылаясь на рекомендации Верховного Суда РФ о том, что обследование подменяет обыск¹⁵, забывая или не зная, что позже Верховный Суд РФ кардинально пересмотрел свою позицию, отметив следующее: «Нельзя признать нарушением ст. 89 УПК РФ, ст. ст. 7, 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности” ссылку адвоката на то, что жилища обследовались до возбуждения уголовного дела, поскольку по смыслу указанных норм возбуждение уголовного дела не является обязательным условием для осуществления оперативно-розыскной деятельности»¹⁶.

Мы полагаем, что описанная выше деятельность прокуратуры проистекает от незнания, а не злого умысла. Но даже если это так, то отсутствие соответствующих знаний у юриста – приговор его профес-

¹³ Данное ОРМ, представляет собой совокупность действий, направленных на искусственное создание ситуации, имитирующей совершение сделки по затратному приобретению объектов гражданских прав с целью решения задач ОРД [5, с. 237].

¹⁴ Может быть, неудачно сформулированное одним из руководителей оперативных подразделений выражение позиции прокуратуры, ведь, будучи надзорным органом, она ничего запрещать не может.

¹⁵ См.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 09.01.2013 № 45-012-77.

¹⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 08.10.2019 № 201-АПУ19-45.

сионализму. Так нужны ли нам занимающие значимые посты правоохранители¹⁷, не являющиеся специалистами в надзорной области, в значительной мере не способные защищать названные нами выше духовно-нравственные ценности, а значит, тем самым добиваться социальной справедливости в обществе? Надеемся, что сформулированный вопрос все же имеет позитивный ответ, а продемонстрированные в работе недостатки ограничиваются только теми регионами России, которые нами упомянуты в настоящей работе, и предполагают наличие возможности их устранения в интересах защиты фундаментальных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Архангельский Л. М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности. М., 1978. 64 с.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голос. 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 01.07.2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 29.02.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография. Красноярск, 2022. 322 с.
6. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ : утв. Президиумом ВС РФ 27 июня 2012 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Железняк Н. С. «Калужская и казанская законность» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 130–136.

NATIONAL PROFESSIONAL DETECTION AS A MEANS OF PROTECTION OF FUNDAMENTAL MORAL VALUES

© N. S. Zheleznyak, 2023

KrasnodarUniversity of the MIA of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article considers the role and the position of operational units of internal affairs bodies in the control over crime being one of the main threats to the existence of civilized society, as well as in this regard their relations with authorized prosecutors. The study is based on data obtained in the process of interviewing representatives of anti-drug units of a significant number of constituent entities of the Russian Federation. The data analysis made it possible to point out the most significant problems and evaluate the possibilities of their minimization.

Keywords: operational unit, national professional detection, operational-search activity, operational-search actions, crime control, authorized prosecutor, society, values.

Железняк Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия, e-mail: zhns21@mail.ru

Zheleznyak Nikolai Semyenovitch – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Operational-Search Activities in the Internal Affairs Bodies, KrasnodarUniversity of the MIA of Russia, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: zhns21@mail.ru

¹⁷ Мы почему-то уверены, что они призваны именно охранять права граждан.

СОХРАНЕНИЕ И ЗАЩИТА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МЕРАМИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

© Р. А. Забавко, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. С учетом актуальности правовой охраны социально-нравственных категорий рассмотрены правовая природа общественной опасности посягательств на объекты культурного наследия. Определены особенности объекта преступлений, связанных с посягательством на памятники истории и культуры. Подробно проанализирован предмет преступления, указаны его признаки, проанализированы законодательные основы дефиниций, используемых в составах преступлений, посягающих на культурное наследие. На основе анализа указанных признаков определены особенности квалификации рассматриваемых преступлений, отграничения их от смежных преступлений.

Ключевые слова: культурное наследие, памятники истории и культуры, противодействие фальсификации истории, уголовная ответственность.

Россия всегда воспринималась в мире как государство, внесшее в мировую культуру огромный вклад, известное своими многочисленными произведениями литературы, живописи, архитектуры, фольклора, памятниками природы. Это обусловлено как богатой историей нашего государства, так и наличием в ее составе многих народов, судьба каждого из которых уникальна. След тысячи талантливых представителей России, огромного числа исторических событий, трагедий и достижений остался во множестве памятников истории и культуры. Их значимость, а также необходимость их охраны и развития, закреплены и в Конституции РФ – об этом говорится в ст. 44, 68, 69, 72, 74 Основного закона нашей страны. Это обусловлено рядом обстоятельств, прежде всего, необходимостью формирования национальной идентичностью российских граждан, обеспечения мира и согласия народов, проживающих на территории страны, международными обязательствами РФ и многими другими факторами.

В настоящее время существует множество угроз объектам культурного наследия. Статистика показывает, что многие из них разрушаются вследствие попустительского отношения к ним собственниками, возникновения к ним, а также к земельным участкам под ними интереса со стороны хозяйствующих субъектов. В последние годы наиболее остро встает проблема разрушения указанных объектов вследствие угроз военного, диверсионного и террористического характера. Интерес глобальных противников России в последнем случае очевиден:

разрушая объекты культурного наследия, они стремятся повысить уровень межнациональной напряженности, дестабилизировать внутриполитическую обстановку, обвинить Россию в неспособности оберегать мировое культурное наследие, а в перспективе – фальсифицировать историю. Это, в свою очередь, указывает на повышенную общественную опасность уничтожения и повреждения объектов культурного наследия, их способность значительно и деструктивно повлиять на целый ряд общественных отношений, связанных с общественной безопасностью и общественным порядком.

Все это предопределяет острую потребность в охране объектов культурного наследия мерами уголовно-правового характера, а в интересах ее обеспечения – тщательное изучение оснований, мер и проблем реализации уголовной ответственности за преступные посягательства на их сохранность.

Законодатель, осознавая вышеобозначенную проблему, еще в изначальной редакции УК РФ криминализировал ряд деяний, связанных с посягательством на объекты культурного наследия, в последующем расширив список преступлений. В настоящее время к ним следует отнести ст. 164 УК РФ (Хищение предметов, имеющих особую ценность), ст. 190 (Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей), ст. 226¹ (Контрабанда культурных ценностей), ст. 243 (Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей), ст. 243¹ (Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия), ст. 243² (Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания), ст. 243³ (Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере). Это, по справедливому замечанию С. В. Анощенко-вой, позволяет говорить о том, что уголовном законе сформировалась

группа преступлений, посягающих на культурное наследие [1, с. 40]. Думается, объект таких преступлений (в ст. 243–243³ УК РФ основной, а в ст. 164, 190, 226¹ УК РФ дополнительный) представляют собой отношения, обеспечивающие общественную нравственность как элемент общественной безопасности и общественного порядка.

Определенные сложности возникают с определением предмета преступления. В указанных статьях он назван как объекты культурного наследия (памятники истории и культуры). Данные дефиниции нуждаются в уточнении. Как и всякий предмет преступления, указанные категории являются физическими объектами, категориями материального мира, в связи с чем они объективно познаваемы.

Понятие культурного наследия закреплено в Основах законодательства Российской Федерации о культуре как «наследие народов Российской Федерации – материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [2]. В последующем перечень объектов культурного наследия был существенно ограничен указанием на то, что они являются исключительно объектами недвижимого имущества: «объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [3].

Вместе с тем УК РФ устанавливает дополнительные требования к данному базовому признаку объектов культурного наследия – необходимость включения их в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, положение о котором утверждено Приказом Минкультуры России от 03.10.2011 № 954 [4]. До внесения соответствующего объекта в указанный реестр посредством присвоения ему соответствующего номера Правительством РФ он считается выявленным объектом культурного наследия и также выступает предметом рассматриваемых преступлений в течение года с момента поступления соответствующих материалов [5, с. 25].

Предметом рассматриваемых преступлений выступают природные комплексы, объекты, взятые под охрану государства, или культурные ценности. Определение природных комплексов, взятых под охрану государством, в вышеуказанных нормативных правовых актах отсутствует. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» устанавливает, что «природный комплекс – комплекс функционально и естественно связанных между собой природных объектов, объединенных географическими и иными соответствующими признаками» [6]. Охраняемыми природными комплексами в РФ являются национальные парки, ботанические сады, дендрологические и природные парки. Отнесение указанных комплексов к числу преступлений против культурного наследия, а не к экологическим преступлениям, обусловлено, вероятно, желанием законодателя подчеркнуть их значение в качестве памятников истории и культуры. В случае, если они одновременно с этим являются критическими местообитаниями для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации или особо охраняемыми природными территориями и природными объектами, то ответственность наступает по совокупности со ст. 259 и 262 УК РФ соответственно.

Наконец, предметом рассматриваемых преступлений являются культурные ценности, под которыми в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о культуре следует понимать овеществленные «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты». Составить конкретный реестр культурных ценностей невозможно, так как это оценочная категория. К ним можно отнести произведения искусства, телевидения, ремесленную продукцию, раритетные вещи и т. д., культурная ценность которых в каждом конкретном случае должна определяться экспертным способом.

Указанные предметы на основании историко-культурной экспертизы могут быть признаны особо ценными на основании Указа Президента РФ в соответствии с Указом Президента РФ от 30.11.1992 № 1487 «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации» [7]. Кроме того, объекты культурного наследия могут быть внесены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Такие объекты не подлежат отчуждению из государственной собственности.

сти и в их отношении устанавливаются особые зоны охраны. Посягательства на указанные объекты является квалифицированными составами преступлений. Аналогичный правовой режим действует в отношении историко-культурных заповедников или музеев-заповедников, объектов археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленных объектов археологического наследия.

Все вышесказанное позволяет говорить о повышенном внимании государства к охране объектов культурного наследия, наличии достаточно сложной (что обусловлено спецификой рассматриваемой сферы) системы мер, направленных на сохранение и защиту объектов культурного наследия мерами уголовно-правового характера.

Литература

1. Анощенкова С. В. Культурное наследие как объект уголовно-правовой охраны и объект преступлений // Социально-политические науки. 2013. № 3. С. 38–42.
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 (ред. от 10.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
4. Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации : приказ Минкультуры России от 3 окт. 2011 г. № 954 (ред. от 16.08.2022) // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 4.
5. Бабурин В. В., Мартышева О. М. Предмет преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 1(56). С. 23–28.
6. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
7. Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации : указ Президента РФ от 30 нояб. 1992 г. № 1487 (ред. от 09.09.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 49. Ст. 2936.

PRESERVATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS BY CRIMINAL LAW MEASURES

© R. A. Zabavko, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Taking into account the relevance of the legal protection of socio-moral categories, the legal nature of the public danger of encroachments on cultural heritage objects is considered. The features of the object of crimes related to encroachment on historical and cultural monuments are determined. The subject of the crime is analyzed in detail, its signs are indicated, the legislative bases of definitions used in the compositions of crimes encroaching on cultural heritage are analyzed. Based on the analysis of these signs, the features of the qualification of the crimes under consideration, their differentiation from related crimes are determined.

Keywords: cultural heritage, historical and cultural monuments, countering the falsification of history, criminal liability.

Забавко Роман Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: zrairk@gmail.com

Zabavko Roman Alekseevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Departments of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: zrairk@gmail.com

УДК 342.724(575.2)

РОЛЬ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ НАУК В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

© Т. И. Иманкулов, 2023

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Основные научные принципы отраслевых юридических наук в Кыргызской Республике за последние 30 лет (с момента распада СССР и обретения суверенитета) подверглись весьма массивной непрекращающейся атаке «новаций», «новелл» со стороны западных стран и навязанных ими с помощью коррупционных методов воздействия в ходе реформ. К сожалению, обрушение отраслевых устоев затронуло все основополагающие отрасли права Кыргызской Республики, начиная с конституционного, уголовного, административного и заканчивая отдельными их подотраслями и институтами. Как следствие, деформация устоев права Кыргызской Республики привела к значительной деградации морали и нравственности граждан. Только подлинно научный анализ разрушения системных начал отраслей права Кыргызской Республики, обращение к советской истории правового регулирования социальной политики государства, в целом правового регулирования каждой проблемы позволят очистить отрасли права от несвойственных ему новшеств, от норм и положений, противоречащих истории создания и развития кыргызского государства и права. В этой связи автор на конкретных примерах из новейшей истории правового регулирования основополагающих отраслей права Кыргызской Республики показывает перспективу разрушительных последствий новелл для государства и общества.

Ключевые слова: конституция, либерализм, Конституционный суд, прокуратура, государственный язык, образование, административное право.

Конституционное право Кыргызской Республики (далее – КР) переживает все 33 года независимости сложные, мягко говоря, времена. За это время у нас в стране сменилось 10 конституций. Были неконституционные, мягко говоря, смены власти. Поэтому за все эти годы Конституцию КР извратили до такой степени, что сегодня она лишь основываясь на принципе формального равенства, о чем так рьяно рассуждал еще Нерсисянц, закрепляет только права, без гарантий. И если сравнивать советскую конституцию 1977 г. и нынешнюю конституцию КР 2021 г., то разительные отличия и противоречия налицо. Это конституция дикого капитализма без всяких социальных гарантий. Летом этого года было решение Конституционного суда о том, что государ-

ство не гарантирует того, что пособия и пенсии не должны быть ниже прожиточного минимума [1], а именно, что «гарантия социального обеспечения не означает, что гражданин наделяется конкретным набором субъективных прав», что «конституционные гарантии представляют собой не только субъективные права каждого индивида, но и выступают подтверждением приверженности Конституции идеям либерализма, когда рыночная экономика, свобода предпринимательства, признание права собственности как одного из фундаментальных прав человека и естественного источника его благосостояния, деловой и творческой активности, лежат в основе экономической и личной независимости каждого», «что либеральное начало первично и приверженность принципам социального государства не может превалировать над ним», что социальная помощь государства зависит от реальных экономических возможностей государства. Конституционный суд в резолютивной части отметил, что обеспечение уровня жизни не ниже установленного законом размера прожиточного минимума государством не должно пониматься как безусловное обязательство государства по установлению размеров пенсий, социальных пособий и другой социальной помощи не ниже прожиточного минимума, а должно рассматриваться в качестве целевого ориентира, поступательное достижение которого является конституционно-значимой задачей государства.

Это вызвало негативный общественный резонанс, так как по мнению юристов, «Можно ли толковать этот императив по-иному, чем прописано в Конституции? Может ли суд прогнозировать экономическое состояние в стране? Во-вторых, Конституционный суд справедливо сделал вывод, что определение размеров пенсий, социальных пособий находится в прямой зависимости от состояния экономики и возможностей государства. Если сделан вывод о прямой зависимости пенсий от состояния экономики, это значит, что правительство обязано управлять экономикой таким образом, чтобы сделать уровень пенсий и пособий не ниже прожиточного минимума. Данный вывод сделан не на пустом месте, так как согласно ст. 91 Основного закона страны Кабинет министров обеспечивает исполнение Конституции, в том числе указанного императива об уровне пенсий и социальных пособий. Используя такой прецедент, Кабмин любую свою конституционную обязанность по защите государства от эпидемий, войны, поддержание правопорядка может отложить до достижения определенного уровня экономики и обозначить лишь как «целевой ориентир»? «Но такая позиция может сыграть злую шутку и привести к плачевным результатам. Можно понять сложность поставленной конституционной задачи перед правительством, все видят трудности в экономике, но это никак не

должно снимать ответственность кабинета исполнять требования Конституции, не перекладывая их на суд и когда «целевой ориентир» будет достигнут», – резюмировал собеседник редакции [2].

По мнению депутата Парламента КР Жогорку Кенеша КР: «Кабинет министров сам обратился в Конституционный суд и попросил объяснить, как же понимать смысл этой нормы. Хотя и все понятно, но Конституционный суд принял решение, что нужно понимать не так, как мы читаем, а по-другому. Оказывается, государство имеет цель достичь повышения пенсий и пособий до размеров прожиточного минимума. Одно хорошо: Конституционный суд не имеет права трактовать учебники по математике, иначе они смогли бы по поручению доказать, что дважды два равняется десяти. Два года назад стариков и малоимущих обманом завлекли на референдум, чтобы они поддержали Конституцию, которая улучшит их жизнь», – написал депутат [3].

Другое резонансное решение государства связано с тем, что разработан проект закона КР, который позволит пересматривать решения конституционного суда, хотя это запрещено по конституции. Инициатором выступил сам глава государства. Законопроект опубликован на сайте главы государства и вынесен на общественное обсуждение 17 июля [4]. Если законопроект примут, то решение Конституционного суда может быть пересмотрено им по представлению президента или по представлению председателя Конституционного суда в случаях, если:

- изменилась норма Конституции, на основании которой было принято решение;

- открылись новые существенные для предмета обращения обстоятельства, неизвестные Конституционному суду в момент вынесения решения;

- решение противоречит моральным и нравственным ценностям, общественному сознанию народа.

Согласно действующему закону, решение Конституционного суда окончательное и обжалованию не подлежит.

Ранее глава ГКНБ Камчыбек Ташиев высказался против введения в Кыргызстане матчества, получение которого стало возможным после решения Конституционного суда по делу детской писательницы и активистки Алтын Капаловой.

3 июля Конституционный суд отказал активистке в вопросе присвоения матчества ее несовершеннолетним детям, но сообщил, что кыргызстанцы могут брать матчество по достижении 18 лет.

Против введения матчества высказался также муфтий Кыргызстана Замир Ракиев. Он считает, что такие действия якобы «могут уничтожить корень нации». Ташиев же на своей странице в Фейсбуке написал: «Никакого “матчества”, кто принял тот и должен отменить!» [5].

Согласно теории конституционного права акты конституционного суда приобретают окончательность, общеобязательность, непосредственность и непреодолимость. Итоговые акты конституционного суда являются окончательными, не могут быть пересмотрены другими органами или преодолены путем повторного принятия отвергнутого неконституционного акта, не могут быть отменены или модифицированы законодателем [6, с. 120–121].

Таким образом, налицо подмена законности пресловутой целесообразностью.

В октябре 2021 г. на волне революционных преобразований, ревизии законов в КР был принят конституционный закон о прокуратуре, который вернул ей полномочия следствия и модернизировал некоторые надзорные функции, позволив этим эффективнее осуществлять надзор за следствием и оперативно-разыскной деятельностью. Однако менее чем через два года, в июле 2023 г., указанные новеллы были отменены и теперь прокуратура лишена следствия якобы по причине конфликта интересов из-за того, что один орган не может одновременно надзирать за следствием и расследовать уголовные дела по экономическим и коррупционным преступлениям, а также преступлениям против порядка добывания доказательств. Хотя эти так называемые новеллы противоречат самой Конституции КР, конституционно-правовому статусу прокуратуры, функции уголовного преследования, которая закреплена за прокуратурой по действующей конституции, не говоря уже о теоретической сущности прокурорского надзора.

Согласно ч. 2 ст. 13 Конституции КР в КР в качестве официального используется русский язык. Однако в нарушение данной нормы в КР вступил в действие в июле 2023 г. конституционный закон о государственном языке (кыргызском), согласно которому усилены требования, обязывающие знание государственного языка, в том числе через дискриминационные положения, ограничивающие другие права и свободы граждан, гарантированные Конституцией Кыргызской Республики, например, право на свободный труд, право на образование.

Ряд правовых норм данного Закона несут в себе серьезные риски возникновения правового вакуума по вопросам применения конституционного Закона, Закон содержит коррупциогенные нормы и дискреционные полномочия должностных лиц, что несовместимо с принципами демократического и правового государства. Усиливаются риски образования в будущем недопустимых правовых пробелов ввиду включения в Закон новых обязательств и требований, к которым работодатели, в том числе, предприниматели не готовы, что в итоге будет негативно влиять на бизнес и инвестиционную привлекательность

Кыргызстана в целом. Положения Закона содержат нормы, противоречащие Кодексу о правонарушениях, предусматривающему ответственность за нарушение права на свободный выбор языка и Уголовному кодексу КР, предусматривающему ответственность за нарушения равноправия человека.

Абзац первый и пятый ч. 1 ст. 4 конституционного Закона установил, что государственный язык КР подлежит обязательному применению в деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности, в нормативных актах, делопроизводстве и документообороте.

Статья 5 конституционного Закона установила, что рабочим языком государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности является государственный язык.

Таким образом, конституционный Закон запретил доступ к трудовой деятельности на предприятиях, учреждениях и организациях всех форм собственности граждан КР, не владеющих государственным языком.

Данные нормы конституционного Закона несут в себе риски дискриминационного характера и угрозу инвестиционной привлекательности Кыргызстана в целом по следующим причинам.

Статья 2 Всеобщей декларации прав человека провозглашает, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) государства обязуются гарантировать, что права, провозглашенные в настоящем Пакте, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

При этом любое ограничение права должно быть оправданно и соразмерно в соответствии с ч. 2 и 4 ст. 23 Конституции КР, устанавливающими, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Такие ограничения могут быть введены также с учетом особенностей военной или иной

государственной службы. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям. Законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод человека в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией».

Таким образом, любое ограничение должно преследовать конституционно значимые цели и должно быть продиктовано необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, а также должно обеспечить необходимый баланс между интересами личности, государства и общества. Данное понимание способствует достижению выполнения принципа соразмерности вводимых ограничений указанным выше целям. Данная правовая позиция была изложена в решении Конституционной палаты Верховного суда КР от 29 октября 2013 г.

В связи с чем данные нормы, ограничивающие права граждан ввиду не знания государственного языка, не дают возможность работать ни в государственных органах и органах местного самоуправления, ни в другой частной организации, и таким образом являются дискриминирующими.

Аналогичные дискриминирующие нормы установлены и в п. 10, 11, 13, ч. 1 ст. 32 (обязаны владеть государственным языком и применять его при исполнении служебных обязанностей руководители, сотрудники учебных заведений всех форм собственности, педагогические, научно-педагогические и научные работники; медицинские работники государственных и муниципальных учреждений здравоохранения; должностные и служебные лица предприятий, учреждений и организаций государственной и муниципальной форм собственности, не определенные в подп. 1–12 ч. 1 настоящей статьи, кроме лиц, которые не являются гражданами Кыргызской Республики.).

Встает вопрос, предприниматели и бизнес готовы ли к таким новшествам, когда весь документооборот, например, бухгалтерские стандарты либо другая внутренняя специфическая документация должна быть на государственном языке? В соответствии с нормами проект конституционного Закона на предпринимателей накладывается дополнительное обязательство при найме сотрудников, учитывать помимо соответствующих квалификационных требований, обязательное знание государственного языка [7].

Примечательно, что кыргызский конституционный закон о государственном языке очень сильно напоминает и по своей конструкции и даже по терминологии Закон Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» от 25 апреля 2019 г. № 2704-VIII [8].

По поводу дискриминационного характера конституционного закона о государственном языке в КР высказался и министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров на встрече с руководителями российских некоммерческих организаций в Москве 19 июля 2023 г. В частности, он отметил, что «В Центральной Азии активно пытаются продвигать законы. В Киргизии несколько месяцев назад был принят закон. Когда только эта идея появилась, мы предупреждали наших киргизских друзей о том, что это не вполне демократично. Имею в виду обязать всех госслужащих знать киргизский язык и работать на нем. В категории госслужащих оказались и учителя, и врачи государственных медицинских учреждений». Лавров отметил в своем выступлении, как пытаются ущемлять русский язык в целом ряде ситуаций. Не говоря уже про то, что сделано на Украине, и то, что давно сделано в Прибалтике. С. В. Лавров сказал: «Наш опыт по мирному сосуществованию представителей разных национальностей, культур, религий при сохранении всех их национальных черт и развитии русского языка как объединяющего фактора весьма востребован в современном мире. В том же Евросоюзе от чрезмерных попыток давить на современные государства будут развиваться центробежные тенденции» [9].

В КР действует Высшая аттестационная комиссия, которая в настоящее время называется «Национальная аттестационная комиссия», которая также установила дискриминационные требования в нарушение Конституции, законов борьбе с искусственной монополией о том, что к соискателям ученой степени доктора наук и ученого звания профессора в части научных статей – это обязательное наличие их только в изданиях, индексируемых частными иностранными фирмами Scopus и Web of Science.

В новом законе КР «Об образовании» 2023 г. также вместо изучения двух конституционных языков предусмотрена норма о так называемом многоязычном образовании как процесс организации обучения, в которой используется два или более языка в качестве средства обучения для преподавания предметов. А как же требование санитарно-эпидемиологических норм о том, что разрешено не более 6 уроков проводить в один день в пятидневку? За счет уменьшения часов по какому предмету будет вводиться так называемое многоязычие? Нетрудно догадаться, исходя из положений закона о госязыке 2023 г.!

Мы уже не говорим о том, что сегодня в КР нет такой отрасли, как административное право, нет соответствующего кодекса (ни об административной ответственности, ни об административных правонарушениях). То есть фактически в угоду Западу ликвидирована важнейшая правовая составляющая госуправления. Даже в государственном обра-

зовательном стандарте по специальности «Юриспруденция» 530500 усилиями доноров изъято административное право. Большинство деяний, которые являлись до 2019 г. административными правонарушениями, перестали быть таковыми.

Противостоять таким неоднозначным новеллам можно только готовя юристов, которые хорошо разбираются в истории законодательного регулирования отраслей права, и прежде всего, советского. Поэтому на сегодня необходимо добиваться, чтобы во всех учебных отраслевых учебных юридических дисциплинах были отдельные разделы по изучению истории становления законодательства в данной отрасли права на конкретных примерах, составах преступлений, административных правонарушений, административно-правовому статусу отраслей народного хозяйства, экономики, культуры, образования, начиная с конституционного права, чтобы вернуть в правовую систему, такие институты как рецидив преступлений, хотя бы административная ответственность за занятие проституцией, бродяжничество, попрошайничество, уголовная ответственность за нарушение правил привлечения денежных средств граждан при организации долевого строительства жилья, сблизить законодательство о профилактике преступлений в УК и УПК, сделать его работающим, ввести административную преюдицию в уголовном праве, проводить унификацию законодательства на основе договора о присоединении к ЕАЭС, не допустить вырождения публичного права КР в международное частное право, вводить за коррупционные преступления наказания исключительно в виде лишения свободы с конфискацией имущества, а также ссылку после отбытия наказания, ужесточить уголовную ответственность врачей и экономических субъектов за преступления, связанные с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями (некачественные продукты питания, так как в Кыргызстане нет отдельной службы по защите прав потребителей, опасная экологическая среда, опасные школы, условия труда и т. д.). не допустить коммерциализации отношений, связанной с образованием и здравоохранением. И здесь примером может быть Конституция СССР 1977 г. Воссоздать статью в УК КР об УО за вредительство, ужесточить миграционный режим, установить полный запрет на продажу пиротехники и т. д.

Литература

1. Решение Конституционного Суда Кыргызской Республики об официальном толковании части 2 статьи 44 Конституции Кыргызской Республики в связи с обращением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 19 апреля 2023 года. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://constsot.kg/wp-content/uploads/2023/04/05-km-kr-rus..pdf> (дата обращения: 02.08.2023).

2. Решение Конституционного суда о пенсиях в пользу кабина: комментарий адвоката. URL: https://24.kg/vlast/264002_reshenie_konstitutsionnogo_suda_opensiyah_vpolzu_kabmina_kommentariy_advokata/ (дата обращения: 02.08.2023).

3. «Чистая афера». Суд истолковал статью Конституции о размере пенсий. Соцсети возмущены. URL: https://kaktus.media/doc/479358_chistaia_afera_syd_istolkoval_statu_konstitucii_o_razmere_pensiy_socseti_vozmysheny.html (дата обращения: 02.08.2023).

4. Вынесен на общественное обсуждение проект конституционного Закона Кыргызской Республики “О внесении изменения в конституционный Закон Кыргызской Республики “О Конституционном суде Кыргызской Республики”// URL: <https://president.kg/news/all/24394> (дата обращения: 04.08.2023).

5. Президент предложил поправки, которые позволяют пересматривать решение Конституционного суда. URL: <https://kloop.kg/blog/2023/07/17/prezident-predlozhil-popravki-kotorye-razvolyat-peresmatrivat-reshenie-konstitutsionnogo-suda/> (дата обращения: 04.08.2023).

6. Сооронкулова К. С. Конституционное правосудие : учеб. пособие. Бишкек, 2018. 135 с.

7. О государственном языке : анализ проекта конституционного Закона КР. URL: <https://adilet.kg/ky/post/s2f39ezl01-analiz-proekta-konstitutsionnogo-zakona> (дата обращения: 03.05.2023).

8. Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного : закон Украины от 25 апр. 2019 г. № 2704-VIII (с изм. и доп. по сост. на 13.12.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33624660&pos=80;-12#pos=80;-12 (дата обращения: 03.05.2023).

9. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на встрече с руководителями российских некоммерческих организаций, Москва, 19 июля 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897750/ (дата обращения: 21.07.2023).

THE ROLE OF PUBLIC LAW IN PRESERVATION AND STRENGTHENING STATEHOOD OF THE KYRGYZREPUBLIC CURRENTLY

© T. I. Imankulov, 2023

Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. The main scientific principles of branch legal sciences in the Kyrgyz Republic over the past 30 years (since the collapse of the USSR and the acquisition of sovereignty) have been subjected to a very massive ongoing attack of “innovations”, “novellas” from Western countries and imposed by them with the help of corrupt methods of influence in the course of reforms. Unfortunately, the collapse of sectoral foundations has affected all fundamental branches of the law of the Kyrgyz Republic, from constitutional, criminal, administrative and ending with their individual sub-sectors and institutions. As a result, the deformation of the foundations of the law of the Kyrgyz Republic has led to a significant degradation of the morality and morality of citizens. Only a truly scientific analysis of the destruction of the systemic principles of the branches of law of the Kyrgyz Republic, an appeal to the Soviet history of the legal regulation of the social policy of the state, in general, the legal regulation of each problem will make it possible to clear the branches of law from innovations unusual for it, from norms and regulations that contradict the history of the creation and development of the Kyrgyz state and rights. In this regard, the author, using specific today's examples from the recent history of legal regulation of the fundamental branches of law of the Kyrgyz Republic, shows the prospect of the devastating consequences of novels for the state and society.

Keywords: constitution, liberalism, constitutional court, prosecutor's office, state language, education, administrative law.

Иманкулов Тимур Иманкулович – доктор юридических наук, заслуженный юрист Кыргызской Республики, и. о. заведующего кафедрой уголовного процесса и судебной экспертизы, юридический факультет, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика, e-mail: timur232007@mail.ru

Imankulov Timur Imankulovich – Doctor of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Examination, Faculty of Law, Kyrgyz National University named after Zhushup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic, e-mail: timur232007@mail.ru

СЕМЕЙНЫЙ КОДЕКС РФ И СОХРАНЕНИЕ ЦЕННОСТИ МАТЕРИНСТВА

© О. Ю. Косова, 2023

Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Иркутск, Россия

Аннотация. Материнство признается безусловной традиционной ценностью в любом жизнеспособном обществе, это одна из фундаментальных основ его существования и развития. Оно многоаспектно и предполагает межличностную связь между матерью и ребенком от его зачатия до смерти одной из сторон. Институт семьи позволяет связать воедино материнство и отцовство, их социальная значимость не оставляет эти отношения вне права. На текущий момент присутствующие в Семейном кодексе РФ нормы, регулирующие отношения между матерью и ребенком, ставят вопрос о необходимости усиления поддержки и сохранения ценности материнства в российском обществе.

Ключевые слова: традиционные ценности, семья, суррогатное материнство, законодательство, практика.

Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности считаются основой российского общества, а их укрепление – одним из его стратегических национальных интересов [1]. Среди них в политико-правовых документах названа крепкая семья, но такая семья невозможна без детей, поскольку она строится на стремлении людей к отцовству и материнству. Материнство как важнейшая составляющая крепкой семьи, на наш взгляд, отвечает основным характеристикам традиционных ценностей, заложенным в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2]. В частности, в нем говорится, что в настоящее время российскому народу насаждается чуждая ему и разрушительная для российского общества «система идей и ценностей», что выражается: в «культивировании эгоизма и безнравственности», отрицании «естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности», в «разрушении традиционной семьи» и др. Таким образом ценность материнства сегодня приобретает особую социальную значимость. Она предопределяет потребность его сохранения в сознании общества в качестве основополагающей нравственной идеи, что во многом зависит от постоянной и эффективной поддержки со стороны институтов гражданского общества и государственных структур. Важнейшим инструментом решения этой жизненно острой для общества и государства задачи обоснованно является право. Семья,

материнство, отцовство и детство в России поддерживаются и защищаются государством (ст. 7, 38, 114 Конституции РФ).

Материнство лексически трактуется в качестве: функционального состояния женщины в период беременности, родов, кормления ребенка, а также свойственного матери осознания родственной связи с детьми [3]. В правовой действительности первое определяет систему мер поддержки матерей – охрану или защиту материнства; второе частично отражается в родительском статусе, усиленном для матерей особых гарантий в рамках институтов брака и алиментирования членов семьи. Но в полной мере материнство невозможно уместить в рамки закона.

Разделяя традиционные представления о социальной роли и взаимосвязи двух полов, считаем, что неправильно сводить проблему материнства исключительно к тематике жизненного цикла женщины, абсолютизируя ее право решения вопросов рождения и судьбы детей. Особенности женского организма являют отличный от мужского биологического вклада женщины в продолжение человеческого рода, а уникальное единение матери и ребенка присутствует уже в период ее беременности, осознано или неосознанно сохраняется в течение всей их жизни, влияя на нее. Каждая мать обладает неоценимым индивидуальным ресурсом воспитания ребенка, который формируется под влиянием общества [4, с. 387]. Материнство неразрывно связано с отцовством и отношением мужчины к своему нерожденному или уже рожденному ребенку и его матери, а также с представлениями о материнстве и отцовстве в обществе, соответствующими им усилиями публичных субъектов по защите и поддержке института семьи в целом. Только полная расширенная семья при культивировании обществом семейного образа жизни способна решить острую демографическую проблему.

Вовлеченность женщин в профессиональную деятельность, процесс «эмансипации» коснулись всех социальных сфер, чему в немалой степени способствовала возможность искусственно влиять на репродукцию. В сознании общества безусловная ценность рождения нового человека была отодвинута на задний план с обоснованием права женщины иметь или не иметь детей, что стало проявляться, например, в нивелировании межполовых различий, разрушении института брака, масштабах абортирования и др. В условиях кризиса право вынуждено искать приемлемые, с точки зрения законодателя, юридические формы протекающих в обществе процессов.

С принятием Семейного кодекса РФ [5] (далее – СК РФ) в российское право пришли нормы о «суррогатном материнстве», вопрос о введении которых ранее не ставился и не обсуждался. Даже сам этот термин разрушает традиционное смысловое содержание категории мате-

ринства, девальвируя его. Он не характерен для традиционного общества ввиду противоестественности тех методов зачатия и рождения детей, которые лежат в его основе. В юридической науке возник ряд сложнейших этических и юридических вопросов, в том числе дискуссия о правовой природе договора о суррогатном материнстве.

Несмотря на используемую терминологию в праве присутствует общий подход к решению вопроса о том, кого считать матерью ребенка, обусловленный действием в течение веков в праве и обычаях презумпции признания матерью той женщины, которая родила ребенка. Она реализуется в законодательстве путем определения происхождения ребенка по материи по факту его рождения, так как процесс родов, которым предшествовало вынашивание его рожаящей женщиной, очевиден. В то же время в нормах абз. 2 п. 4, п. 5 ст. 51, скорректированной и дополненной Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ [6], нет общего правила – указания на необходимость в каждом случае суррогатного материнства при оформлении родительских прав получать согласие «суррогатной» матери. Не вдаваясь в анализ действующих специальных норм п. 4, 5 ст. 51 СК РФ, все же считаем, что сохранение в рассматриваемой части прежнего подхода в большей мере соответствует традиционной концепции материнства, матерью ребенка изначально должна считаться женщина, выносившая и родившая его.

В связи с формируемой судебной практикой возникает вопрос, какое юридическое значение имеет договор о суррогатном материнстве для оформления родительского статуса генетической матерью? Возможный ответ можно обнаружить в одном из определений Конституционного Суда РФ, который вопреки действовавшей в тот время редакции нормы абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ фактически истолковал несогласие суррогатной матери как «злоупотребление правами», действия «в нарушение условий договора о суррогатном материнстве» [7]. Тем самым, на наш взгляд, юридическим основанием для оформления материнского статуса был признан договор о суррогатном материнстве, отнесенный названным определением к числу гражданско-правовых договоров, а ценность исполнения возмездного гражданско-правового обязательства была определена более высоко, чем ценность материнства. Поэтому нельзя не согласиться с особым мнением по делу судьи Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотова, усмотревшего опасность для общества и правоприменительной практики трактовки договора о суррогатном материнстве как типичного гражданско-правового договора и поставившего обоснованный вопрос, – нужно ли коммерческое суррогатное материнство вообще?

Считаем, что принудительное разлучение матери с ребенком, которого она родила, хочет воспитывать, с которым во время беременности и родов возникло важное для нее и ребенка единение, не соответствует традиционным представлениям о материнстве. Недопустимы не только коммерциализация суррогатного материнства, но и сама эта процедура, грозящая здоровью суррогатных матерей, позволяющая эксплуатировать чужую плоть или зарабатывать на такого рода медицинских манипуляциях.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 17.07.2023).
2. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 21.07.2023).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13996>, (дата обращения: 14.07.2023).
4. Пьянкова Л. А. Материнство как ресурс психолого-педагогической и социальной поддержки детства на современном этапе // Казанский педагогический журнал. Сер. Психологические науки. 2015. № 4. С. 384–389. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-kak-resurs-psihologo-pedagogicheskoy-i-sotsialnoy-podderzhki-detstva-na-sovremennom-etape-1/viewer> (дата обращения: 15.07.2023).
5. Семейный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16 (с послед. изм. и доп.).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 19 дек. 2022 г. № 538-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2022/12/22/document-federalnyj-zakon-538.html> (дата обращения: 30.07.2023).
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 27 сент. 2018 г. № 2318-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o/> (дата обращения: 30.07.2023).

FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PRESERVATION VALUES OF MOTHERHOOD

© O.Yu. Kosova, 2023

Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Motherhood is recognized as an unconditional traditional value in any viable society; it is one of the fundamental foundations of its existence and development. It is multifaceted and involves an interpersonal relationship between mother and child from its conception until the death of one of the parties. The institution of the family makes it possible to link together motherhood and fatherhood, their social significance does not leave these relations outside the law. At the moment, the rules governing relations between mother and child, present in the Family Code of the Russian Federation, raise the question of the need to strengthen support and preserve the value of motherhood in Russian society.

Keywords: traditional values, family, surrogate motherhood, legislation, practice.

Косова Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия, e-mail: olurko@mail.ru

Kosova Olga Yuryevna – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Irkutsk, Russian Federation, e-mail: olurko@mail.ru

УДК 340.12(479.24)

РОЛЬ ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

© Ф. Р. Мовсумова, 2023

Академия государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики
Баку, Азербайджан

Аннотация. В каждом обществе есть историческая система нравственной культуры. Эта система может адаптироваться или не адаптироваться к нормам международного права. Безусловно, эти факторы следует учитывать при подготовке нормативных правовых актов в стране. Мы не можем отказаться от хороших нравственных ценностей, сохранявшихся веками только потому, что мы адаптируем их к концепции мирового права. Нравственные ценности часто определяются не законами, а обществом, а ценности неизбежно шлифуются временем и людьми. Нам достаточно изучить нашу историю и наши ценности, чтобы узнать о нас.

Ключевые слова: нравственно-духовная культура, религия, мораль, национальные ценности, нормативно правовые акты, нормы международного права, государство.

Одним из основных средств регулирования отношений людей в гражданском обществе является нравственно-духовная культура. В традиционных обществах формирование нравственной и духовной культуры, функцию нравственного воспитания выполняет религия, рациональная мораль выполняет эту задачу при распаде традиционных обществ, создании демократического, правового государства и гражданского общества [1, с. 41].

Теоретики морали теоретизировали конкретные аспекты различия между моралью и другими моральными принципами. Каждый человек является автором своей жизни. Но чтобы стать хорошим человеком, он должен работать над собой, борясь со своими недостатками, и развивать в себе хорошие и благочестивые качества. Эта борьба и усилия необходимы каждому человеку. Коран гласит: «Каждый – заложник своих действий! (Каждый получит награду за свой поступок)». В ре-

зультате этой жертвы в жизни каждого человека рождается его духовный лик. Он должен стараться преобразовать себя, очистить свой внутренний мир и достичь духовного совершенства на протяжении всей своей жизни. Одним словом, ведущая часть народа развивает созданную этнической общностью нравственную и духовную культуру и поддерживает ее.

Национально-нравственные ценности входят в жизнь человека и приближают личность к идеалам народа, к которому он принадлежит. Национальные нравственные ценности создаются людьми и обществом, а путем их усвоения формируется личность. Человек, перенимающий национальные и нравственные ценности, делает их своими [2, с. 28].

Глобализация способна ослабить инстинкты самосохранения нации, подавляя нравственно-духовную культуру и ее традиции, менталитет, космополитизируя национальное сознание. Поэтому важно обращаться к национально-философской мысли, формировать сознание национальной идеологии и национально-общественного самосохранения, добиваться единства национальных и общечеловеческих ценностей на уровне содержания современности, чтобы защитить наши национально-нравственные ценности от опасности.

Интеграция Азербайджана в Европу и принятие им ценностей современной западной цивилизации не означает, что Азербайджан отказывается от своего национального и религиозного существования. Нравственно-духовная культура определяет практическую духовность. Нравственная культура есть мера нравственного развития общества, любой социальной группы. Это измерение характеризуется тем духовным богатством, которое освоено и реализовано в деятельности человека.

Духовная культура, как и духовность, включает в себя духовное сознание, нравственные установки и духовную деятельность. Но что понимают наши интеллектуалы, когда говорят о нравственной и духовной культуре в правовом государстве? Каково влияние нравственной и духовной культуры на гражданское общество в Азербайджане?

У каждой нации есть свои моральные ценности. Такие ценности могут быть схожи с ценностями других наций, а могут им противоречить. Есть ценности стран Юго-Восточной Азии или Европы, которые в Азербайджане считаются аморальными. Поэтому защита нравственных ценностей является главным условием любого интеграционного процесса. Защита этих ценностей также проходит через их надлежащее продвижение. В результате молодые люди со слабым социальным статусом подвержены влиянию различных чужеродных ценностей.

Религиозные ценности, являющиеся частью нравственных ценностей, должны продвигаться на официальном уровне путем подготовки национальных кадров.

Телевидение, являющееся крупнейшим средством пропаганды, отводит больше места журналам и криминальным новостям, которые особенно воздействуют на психологическое состояние населения. Мы всегда смотрим на результат и критикуем его. Но причины результата должны быть устранены. Для этого пропаганда национально-нравственных ценностей должна осуществляться на государственном уровне в запрограммированном порядке.

Нравственно-духовная культура понимается как эквивалент культуры в целом в общем сознании. Хотя это и несколько однобокое, широко распространенное представление, оно не может вызывать серьезных споров по существу. Объекты, связанные с жизнью, деятельностью, мировоззрением человека, входят в нравственно-духовную культуру в правовом государстве [3, с. 231].

Человеческий фактор играет важную роль в развитии и формировании этих ценностей. Таким образом, решить проблемы административным путем невозможно, и на граждан ложится большая ответственность. Взаимодействие общества и всех духовно-нравственных ценностей динамично и диалектично. Оседлые, демократические общества играют важную роль в определении существующих принципов.

Наиболее оптимальной политической системой для защиты и устойчивого развития национального культурного наследия и национальных ценностей является демократический строй и правовое государство. Верно, что национальная культура и нравственные ценности может развиваться даже при национальных диктатурах и монархических режимах. Иногда люди, живущие в авторитарных режимах, понимают, что люди в демократиях и развитых демократических обществах отходят от национальных ценностей. Но есть много примеров, которые могут доказать, что эта идея в корне неверна. Например, государство Великобритания может быть отличным примером этого. Хотя у нее демократический режим и правовое государство, у нее очень консервативное общество с точки зрения культуры и морали.

В каждом обществе есть историческая система нравственной культуры. Эта система может адаптироваться или не адаптироваться к нормам международного права. Безусловно, эти факторы следует учитывать при подготовке нормативных правовых актов в стране. Мы не можем отказаться от хороших нравственных ценностей, сохранявшихся веками только потому, что мы адаптируем их к концепции мирового права. Нравственные ценности часто определяются не законами, а обще-

ством, а ценности неизбежно шлифуются временем и людьми. Нам достаточно изучить нашу историю и наши ценности, чтобы узнать о нас [4, с. 161].

Нравственная и духовная культура необходима в правовом государстве и играет важную роль. Потому что государство не в силах исполнить желания и мечты людей. В таком случае должны приниматься справедливые решения, чтобы все слои общества могли найти точки соприкосновения (интересы) и жить вместе. Общие интересы (государственные, общественные, религиозные, культурные, научные, отечественные, национальные, личные и др.) Все законы распространяются на государство и его народ. Человек всегда активен. То есть зависит от ситуации и действий в событиях и препятствиях.

Итак, решения, принимаемые человеком в событиях и препятствиях, зависят от разума и души. Влияние разума на душу от этой сложной борьбы называется духовностью. Влияние нравственной и духовной культуры на гражданское общество в Азербайджане очень велико. Люди установили традиционные отношения со своим внутренним миром, своей общественно-политической и экономической жизнью. То есть государство не имеет возможности тайно и открыто контролировать, и направлять каждого гражданина. Из-за этого часто случаются криминальные инциденты. Потому что люди иногда не знают, что делать. То есть правовое государство будет полностью установлено тогда, когда оно сможет внести в образ жизни людей святость, т. е. нравственность и духовность.

Вопросы нравственно-нравственной культуры в правовом государстве являются наиболее важными. Государство, не имеющее необходимого нравственно-духовного статуса, не может быть правовым государством. В восточной философии отношение к этим вопросам выражено тысячелетиями. Эти принципы лежат в основе научного и познавательного ядра восточной культуры. К сожалению, восточные политики и религиозные деятели помешали создать механизм передачи этой мудрости народной духовности. Если нравственный уровень населения невысок, суть законов и культура их соблюдения не поняты. Когда сообщество живет только по принципу запрета, происходит огрубение, приручение, обезличивание. Одним словом, качество населения снижается [5, с. 68].

Моральные и духовные ценности народа, формировавшиеся веками, серьезно подорваны. Подумайте, например, насколько умножились в семье дела об убийствах! В других сферах тоже... Причиной тому телевидение, социальная среда, распространение взяточничества и т. д. Есть проблемы с передачей этого огромного нашего потенциала фор-

мирующемуся гражданскому обществу. Поэтому одной из важнейших задач каждого национального независимого государства является усиление внимания к вопросам нравственности и духовности.

Литература

1. Андреев А. Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 38–44.
2. Возьмитель А. А. Актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности // Социальная политика и социология. 2021. № 2 (38). С. 20–33.
3. Волков Ю. Г., Малицкий В. С. Идеология и гуманизм. М. : АНО РЖ «Социально-гуманитарные знания». 2014. 608 с.
4. Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х., Загирова Э. М. Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Республики Дагестан) // Вестник ИИАЭ. 2015. № 1 (41). С. 158–163.
5. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник ДНЦ. 2013. № 50. С. 65–71.

THE ROLE OF THE LEGAL SCIENCES OF AZERBAIJAN IN THE PRESERVATION AND STRENGTHENING OF FUNDAMENTAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND ETHNO-CULTURAL ASSETS

© F. R. Movsumova, 2023

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan
Baku, Republic of Azerbaijan

Abstract. Every society has a historical system of moral culture. This system can be or may not adapt to international law. Of course, these factors should be taken into account when preparing regulatory legal acts in the country. We cannot abandon good moral values that have been preserved for centuries, just because we adapt them to the concept of world law. Moral values are often determined not by laws, but by society, and values are inevitably polished by time and people. It is enough for us to study our history and our values to learn about us.

Keywords: moral and spiritual culture, religion, morality, national values, normative legal acts, norms of international law, state.

Мовсумова Фарида Рауфкызы – преподаватель кафедры «Право», Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, докторант Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджанская Республика, e-mail: movsumova.farida94@gmail.com

Movsumova Farida Rauf – Lecturer of the Department “Law”, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Doctoral student of the Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan, Baku, Republic of Azerbaijan, e-mail: movsumova.farida94@gmail.com

СОБЛЮДЕНИЕ НАВЯСТВЕННЫХ НОРМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

© М. А. Митюкова, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Производство следственных действий является основным способом соби-
рания доказательств в уголовном процессе. Несмотря на принудительный характер след-
ственных действий, их проведение не должно нарушать права и законные интересы участни-
ков процессуальных действий. Статья посвящена определению места нравственных начал
при производстве следственных действий в уголовном процессе России. В процессе изучения
порядка производства следственных действий выявлен ряд важных моментов, при которых
могут быть нарушены этические начала.

Ключевые слова: нравственные нормы, следовательно, следственное действие, пробле-
ма, гарантия.

В отдельных публикациях, посвященных преступным и иным зло-
употреблениям должностных лиц правоохранительных органов, форми-
руется не только негативное отношение к сотрудникам органов предва-
рительного расследования, но и в целом к уголовно-процессуальной де-
ятельности. Вместе с тем необходимо помнить, что, только осуществ-
ляя деятельность по возбуждению, предварительному расследованию,
рассмотрению и разрешению уголовных дел, могут быть выполнены
задачи уголовного судопроизводства – обеспечены защита прав и за-
конных интересов физических и юридических лиц, потерпевших от
преступления, и в то же время должна быть обеспечена защита прав об-
виняемого (подозреваемого) – ограждение от незаконного привлечения к
уголовной ответственности и назначения несправедливого наказания.

Специфика уголовно-процессуальной деятельности такова, что
для обеспечения всестороннего и полного расследования, преодоления
нежелания обвиняемых быть привлеченными к уголовной ответствен-
ности за содеянное, следователями и дознавателями, судом могут быть
применены меры уголовно-процессуального принуждения. Безусловно,
применение мер уголовно-процессуального принуждения не должно
являться самоцелью органов предварительного расследования либо
суда, но оно является нравственно оправданным и необходимым для
охраны прав и законных интересов других граждан, общества, государ-
ства от преступных посягательств. Конституция Российской Федера-
ции предусматривает возможность ограничения федеральным законом
прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необхо-

димо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Таким образом, нравственные пределы применения мер уголовно-процессуального принуждения должны определяться с учетом каждой сложившейся конкретной ситуации.

Нравственность любого следственного действия определяется двумя важными основами: во-первых, насколько правовые нормы требуют соблюдения норм морали и во-вторых, нравственностью субъекта, производящего следственное действие. Данные положения гармонично дополняют друг друга, позволяя обеспечить нравственную культуру уголовно-процессуальной деятельности.

Анализ положений УПК РФ свидетельствует о все более широком закреплении нравственных требований (норм морали) при производстве следственных действий. В системе норм, определяющих общие правила производства следственных действий, ч. 4 ст. 164 УПК РФ запрещает применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Кроме того, ст. 9 УПК РФ предусматривает, что при производстве по уголовному делу недопустимо унижение чести, а также обращение, унижающее человеческое достоинство либо создающее опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса. Следовательно, нравственные основы в деятельности следователя определяют допустимость методов и приемов расследования в ходе установления обстоятельств преступления и лиц, его совершивших.

Следственные действия как основной способ собирания доказательств носят ярко выраженный принудительный характер. Следовательно, анализ нравственных начал производства отдельных следственных действий имеет теоретическое и практическое значение.

Так, в системе неотложных следственных действий обязательным для производства является осмотр места происшествия. Законодатель, руководствуясь нравственными требованиями обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших, закрепляет возможность проведения осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела (ст. 176 УПК РФ). Неотложное закрепление следов во многом обеспечивает успешность дальнейшего раскрытия и расследования совершенного преступления. В ходе осмотра места происшествия без необходимости не должны разглашаться обстоятельства частной жизни лиц, их личная и семейная тайна. Осмотр места происшествия в жилище допускается только с согласия всех проживающих в нем лиц. При отсутствии согласия, за исключением случаев, не терпящих отлага-

тельства, осмотр жилища производится только по судебному решению (ст. 29 УПК РФ).

В соответствии со ст. 178 УПК РФ при осмотре трупа участие судебно-медицинского эксперта является обязательным, при невозможности выполнения данного требования должен быть приглашен врач – например, патологоанатом, хирург, либо другой врач. При необходимости в осмотре трупа принимают участие взрывотехники, биологи, химики, криминалисты и др. Часть 3 ст. 178 УПК РФ предусматривает получение согласия близких лиц на эксгумацию трупа. Действие этой нравственной нормы может быть ограничено, лишь при отсутствии согласия близких лиц на извлечение трупа из места захоронения, и только с разрешения суда. Данное положение закона нравственно оправданно, близкие лица уже пережили боль от утраты родного человека, и могут отказать в даче согласия на эксгумацию. Расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением, возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Существенным ограничением прав лиц сопровождается производство такого следственного действия, как освидетельствование. В целях установления следов преступления, особых примет, телесных повреждений, выявления состояния опьянения и иных свойств, имеющих значение для расследования преступления, осмотру будет подвергаться тело человека. Нравственным требованием является положение, в соответствии с которым при необходимости обнажения лица другого пола, освидетельствование будет проводиться врачом (ст. 179 УПК РФ). Кроме того, обязательное участие понятых действующим УПК РФ не предусмотрено. Фотографирование, видеосъемка в случае обнажения освидетельствуемого лица, возможны только с его согласия. В последующем, в судебном разбирательстве, исследование материалов фото и видеосъемки при отсутствии согласия освидетельствуемого, возможно лишь в закрытом судебном заседании. Постановление следователя о производстве освидетельствования является обязательным для обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего. Освидетельствование свидетеля производится только с его согласия, за исключением необходимости проверки достоверности показаний свидетеля.

В отношении принудительной возможности освидетельствования потерпевшего в юридической литературе высказаны диаметрально противоположные точки зрения. Одни авторы пишут о необходимости запрета освидетельствования потерпевшего без его согласия, приводя в пример проблемы принудительного освидетельствования изнасилованной женщины [1, с. 267], другие настаивают на сохранении данной нормы, указывая на невозможность в ряде случаев получения и провер-

ки достоверных доказательств [2, с. 97]. Высказано также отдельное предложение о внесении изменений в УПК РФ, в соответствии с которыми от результатов освидетельствования будет зависеть решение о возбуждении уголовного дела [3, с. 47]. Представляется, что в любом случае следователь должен действовать методом убеждения и разъяснять потерпевшим необходимость подвергнуться освидетельствованию. Кроме того, в УПК РФ необходимо ввести нормы, регламентирующие правовое положение пострадавшего, правонарушителя, очевидца и др. в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку в противном случае встает вопрос о законности производства освидетельствования в данной стадии.

Производство различных видов обыска (особенно личного и обыска в жилище) существенно ограничивает права лиц, у которых он проводится. Нравственными требованиями следует считать следующие положения: обыск проводится либо в присутствии самого лица, либо совершеннолетнего члена семьи, совместно проживающего; при производстве обыска вправе присутствовать защитник или адвокат лица, у которого производится обыск; предложение следователя добровольно выдать все, имеющее отношение к делу; запрет разглашения сведений частной жизни лиц, сохранение личной и семейной тайны; запрет причинения вреда, не вызываемого необходимостью и др.

В юридической литературе обращается внимание на нравственные требования при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних лиц. Так, не оспариваются нравственные требования, связанные с обязательным участием защитника, участием законного представителя, институтом замены законного представителя, продолжительностью допроса несовершеннолетних в зависимости от их возраста. Вместе с тем в рамках расширения нравственных начал высказана позиция об обязательном участии педагога либо психолога в допросе любого несовершеннолетнего лица; кроме того, предлагается расширить правила ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ и предусмотреть обязанность следователя, дознавателя, суда обеспечить участие адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего по ходатайству его законного представителя независимо от категории уголовных дел, а не только по преступлениям против половой неприкосновенности [3, с. 45]. Высказанные предложения требуют проведения дальнейших теоретических и практических исследований.

Приведенные примеры подтверждают широкое закрепление нравственных норм в УПК РФ. Вместе с тем не все нравственные положения производства следственных действий нашли свое законодательное закрепление. Среди них: необходимость запрета не только наводящих

вопросов, но и «наводящих действий» следователя при предъявлении для опознания; регламентация процедуры нравственной реабилитации лиц, в отношении которых проведены следственные действия, но их причастность к преступлению не была доказана; введение ограничений на проведение очной ставки между взрослым и несовершеннолетним и др.

Вторая составляющая – нравственность субъекта расследования, не менее важна. В число неотъемлемых нравственных качеств следователя (дознавателя) обязательно должны входить компетентность, объективность, уважительность, тактичность и уравновешенность. Для достижения положительного результата важно установить степень обладания ими конкретного кандидата на должность следователя (дознавателя). Считаем, что институт общественных помощников следователя, по результатам работы которого, кандидат на должность следователя получает характеристику-рекомендацию своего руководителя, позволит не только отразить профессиональные качества будущего следователя, но и его нравственную составляющую с точки зрения соответствия Кодексам профессиональной этики.

Литература

1. Советский уголовный процесс : учебник / Г. Н. Агеева [и др.] ; под ред.: Карнеева Л. М., Лупинская П. А., Тыричев И. В. М., 1980. 568 с.
2. Кузнецов В. А., Пилякин М. И. Освидетельствование: де-юре и де-факто // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2014. № 10. С. 95–98.
3. Антонов И. А. Производство отдельных следственных действий: вопросы этики и права // КриминалистЪ. 2014. № 2 (15). С. 42–48.

COMPLIANCE WITH MORAL STANDARDS IN THE PRODUCTION OF CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

© M. A. Mityukova, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The production of investigative actions is the main way of collecting evidence in a criminal process. Despite the coercive nature of investigative actions, their conduct should not violate the rights and legitimate interests of the participants in the proceedings. This article is devoted to determining the place of moral principles in the production of investigative actions. The author, in the process of studying the procedure for the production of investigative actions, identified a number of important points at which ethical principles may be violated.

Keywords: moral norms, investigator, investigative action, problem, guarantee.

Митюкова Марина Александровна – старший преподаватель кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: marina_mitukova@mail.ru

Mityukova Marina Alexandrovna – Senior Lecturer of the Department of Judicial Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: marina_mitukova@mail.ru

ДЕФОРМАЦИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ

© Ж. В. Островских, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматривается причинный комплекс современной преступности с позиции социально-психологической концепции причинности. Дается характеристика деформации духовно-нравственных ценностей в настоящее время. Определяется место деформации духовно-нравственного сознания в механизме действия причин и условий. Приводятся результаты социологических исследований в данной сфере.

Ключевые слова: криминологическая детерминация, социально-психологическая концепция причинности, причины и условия преступности, деформации духовно-нравственных ценностей.

Актуальность проблематики духовно-нравственной сферы этносоциальной практики в современных условиях мирового системного кризиса переоценить сложно. 9 ноября 2022 г. Указом Президента РФ № 809 были утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы), в которых подчеркивается, что они являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России. Эффективная реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей будет способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка.

В современной криминологии проблемы деформации духовно-нравственных ценностей актуальны не только в теории, но и для практики борьбы с преступностью, так как система профилактических мер строится соответственно выявленным детерминантам (причинным комплексам) преступности, в механизме действия которых именно деформации духовно-нравственной сферы общественного сознания имеют первостепенное значение.

Следует отметить, что определение криминологической детерминации является одной из наиболее дискуссионных проблем в криминологии. Существует огромное количество зарубежных и отечественных теорий преступности и отклоняющегося поведения, объясняющих возникновение преступности и ее причинный комплекс: антропологиче-

ские, уголовно-социологические, социально-психологические, многофакторный и интеракционистский подход, и др. В отечественной криминологии понятие причин и условий преступности в основном базируется на философской и социологической концепциях социальной причинности. При всех существующих различиях в позициях отдельных ученых их можно условно разделить на сторонников детерминированности преступного поведения главным образом базисными отношениями, находящимися, прежде всего в сфере экономики, и тех, кто полагает, что непосредственными причинами преступности являются деформации сознания: общественного, группового, индивидуального [1, с. 49–58].

Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, укажем, что автором разделяется социально-психологическая концепция причинности (наиболее последовательно она изложена Н. Ф. Кузнецовой), согласно которой в причинном комплексе следует выделять непосредственные причины, которые также образуют комплекс (например, деформации экономического или бытового сознания, но обязательно в сочетании с дефектами нравственной и правовой психологии и криминогенной мотивацией), и опосредованные – порождающие (формирующие) вначале деформации тех или иных срезов (видов, форм) сознания [2].

Преступное поведение как разновидность сознательного поведения порождается негативными сдвигами в сознании, его деформациями. Последние не даны людям от рождения, а формируются социальными деформациями общества (экономическими, политическими), межнациональными конфликтами и другими объективными воздействиями. Эти негативные социальные факторы влияют на преступность безусловно, но их воздействие не является непосредственным. По отношению к преступности они определяются как условия, формирующие причину, в отличие от иной группы условий, способствующих действию уже сложившихся деформаций в сознании [3, с. 157–164]. Данная концепция в полной мере объясняет, что относится к причинному комплексу, а что является условиями, способствующими реализации преступного намерения.

Причины преступности могут функционировать в виде деформаций (дефектов) экономического, политического, национального, духовно-нравственного, бытового и правового сознания, а уже на их базе формируются разновидности соответствующей криминогенной мотивации, условия же связаны с проявлением негативных сторон экономических, политических противоречий общества, падением его нравственных устоев либо с недостатками в управленческой деятельности, в том числе и в работе правоохранительных органов [4, с. 101].

Механизм действия причин и условий, формирующих и питающих преступность, весьма сложен. Это достаточно трудоемкая работа требует совместного участия криминологов, экономистов, политологов, социологов, психологов и иных специалистов. Важно выявить основные факторы, детерминирующие преступность, воздействуя на которые, можно хотя бы отчасти изменить криминогенную обстановку на конкретной территории.

Роль формирующих условий общего уровня, выполняют противоречия, сложившиеся в социально-экономической сфере общественного развития (социальное расслоение населения, безработица, инфляция и т. д.). На групповом и индивидуальном уровне роль формирующих условий выполняют обстоятельства, оказывающие влияние на лиц на микроуровне (сфера непосредственно близких личных контактов и связей преступников – семья, друзья, коллеги по труду и интересам).

Социально-экономические противоречия являются основополагающими по отношению к другим сферам жизнедеятельности общества, поскольку негативные их проявления формируют не только деформации экономического сознания, но и оказывают влияние на формирование деформаций в других сферах общественной психологии.

Объективные противоречия в экономической, политической и социальной сферах общественного развития являются базисными, и следовательно, негативные стороны их проявления обуславливают формирование деформаций в духовно-нравственной сфере общества. Соответственно, основной (главной) причиной преступности являются деформации духовно-нравственного сознания.

Наиболее криминогенный характер имеют такие установки, как мотивация стремления к обогащению и внушение идеи терпимости к отклоняющемуся поведению, в том числе, криминальному. Мотивация стремления к обогащению представляет собой, по существу, продолжительную кампанию, в которой, как уже было отмечено, активно участвуют средства массовой информации и интернет-ресурсы. В качестве меры вещей предлагается обогащение – стяжательство, осуществляется внедрение в сознание населения интересов наживы, чуждых отечественному менталитету. Налицо процессы деидеологизации и деморализации общества.

Внедрение в общественное сознание интересов стяжательства сопровождается разрушительными последствиями и потому, что оно происходит на фоне экспансии воровской идеологии, делинквентных (противоправных) субкультур, культивирования мафиозных и коррумпированных отношений, насилия, жестокости, наркотизма, проститу-

ции и тому подобных, так называемых, «фоновых» явлений, что создаст нетрадиционную систему ценностей в обществе.

Известно, что в кризисные периоды криминальная субкультура представляет для общества большую криминогенную опасность. Еще Э. Дюркгейм в разработанной им теории аномии показал, что во время экономических кризисов или радикальных социальных перемен жизненный опыт людей перестает соответствовать идеалам, воплощенным в социальных нормах, которые разрушаются, а люди испытывают состояние дезориентации, и все это способствует коллективной девиации, но с помощью эффективной системы социального контроля обществу возможно сохранить это явление на уровне социальной периферии [5].

В заключение уместно привести результаты анкетирования сотрудников правоприменительных органов¹⁸.

Большая часть респондентов считают, что причинами преступности являются экономическая нестабильность (58,2 %), бедность, низкая материальная обеспеченность большей части населения, социальное неравенство (53,2 %), существование возможности получения сверхприбыли незаконными способами (31,8 %). Четверть опрошенных указали на несовершенство законодательства (24,7 %), недоверие к правоохранительным органам, незащищенность граждан при обращении в правоохранительные органы, безнаказанность преступников (25,6 %), а также коррупция в правоохранительных органах и органах государственной службы (19,1 %). Более 85 % опрошенных причиной преступности считают падение нравственности и морали в обществе, распространенность идеологических установок наживы, преобладание зависти, корысти во взаимоотношениях, а также негативное влияние средств массовой информации, интернета, социальных сетей, фильмов, музыки и т. п. (42,6 %).

К условиям респонденты относят слабый социальный контроль над преступностью (профилактику, предупреждение) – 13,7 %, политическую нестабильность – 8,3 %, низкое правосознание населения – 9,1 %, отсутствие адаптации после освобождения из мест лишения свободы – 3,4 %, криминализация всего общества – 2,2 %. Иные ответы дали 11,2 % опрошенных, например, мораторий на смертную казнь, сложности доказывания отдельных признаков состава преступления, ослабление оперативной работы, низкая материальная обеспеченность

¹⁸Всего было опрошено 168 человек, среди которых обеспечено пропорциональное представительство оперативных сотрудников, следователей, работников прокуратуры, судей. На вопросы анкеты ответы было предложено дать в свободной форме. Общая сумма больше ста процентов, так как в ответах респонденты указывали ряд причин и условий.

сотрудников правоохранительных органов, незащищенность предпринимателей со стороны государства и т. п.

В целом отметим, что изложенные результаты исследования перекликаются с рассмотренным механизмом, действия причины и условий преступности, что подтверждает как правильность выдвигаемых детерминант, так и ведущую роль в нем деформации духовно-нравственной сферы общественного сознания как причины преступности.

Литература

1. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Отечественные научные концепции причин преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1 (27). С. 49–58.
2. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцев М., 1984. 208 с.
3. Криминология / Г. М. Миньковский, Н. Ф. Кузнецова, М. Н. Голоднюк [и др.] ; под ред.: Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1994. 413 с.
4. Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология: Общая часть : учеб. пособие. Иркутск, 1999. 240 с.
5. Дюркгейм Э. Моральное воспитание / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Б. Гофмана. М., 2021. 456 с.

DEFORMATIONS OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS SOCIO-PSYCHOLOGICAL CAUSES OF CRIME

© Zh. V. Ostrovskikh, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the causal complex of modern crime from the perspective of the socio-psychological concept of causality. The characteristic of the deformation of spiritual and moral values at the present time is given. The place of deformation of spiritual and moral consciousness in the mechanism of action of causes and conditions is determined. The results of sociological research in this area are presented.

Keywords: Criminological determination, socio-psychological concept of causality, causes and conditions of crime, deformation of spiritual and moral values.

Островских Жанна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; e-mail: zh888@yandex.ru

Ostrovskikh Zhanna Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law, East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: zh888@yandex.ru

ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Т. А. Фролова, 2023

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

Аннотация. На основе выявления тенденций регулирования вопросов сохранения и защиты исторических традиций и объектов культурного наследия проводится анализ подходов к определению полномочий органов местного самоуправления в актах федерального и регионального законодательства. Определено, что на уровне субъектов РФ отсутствует единый подход к содержанию законодательной базы. Отдельное внимание уделяется полномочиям органов местного самоуправления в городских округах по вопросам сохранения, использования, популяризации и охраны объектов культурного наследия. Сформулирован вывод о необходимости комплексного подхода к определению полномочий органов местного самоуправления городских округов в крупнейших городах РФ.

Ключевые слова: публичная власть, местное самоуправление, крупнейшие города, сохранение исторических традиций, охрана культурного наследия.

Исторические традиции и культурное наследие являются не только важными элементами культурно-исторической памяти каждого народа, но и ценностными ориентирами для развития государственно-правовых институтов, что, в свою очередь, требует особого внимания всех уровней публичной власти.

Как отмечают исследователи, достаточно большое количество проблем возникает на муниципальном уровне, муниципальные органы власти владеют достаточно большим количеством объектов культурного наследия федерального, регионального и местного значения [1]. Дефицит соответствующих полномочий и, как правило, отсутствие муниципальных органов, реализующих политику по сохранению исторических традиций и объектов материальной культуры, не способствуют сохранению таких объектов [1].

В современных условиях сохранение исторических традиций и объектов культурного наследия связано в том числе с реализацией потенциала крупнейшего города в том числе в культурной сфере, что находит отражение в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития России на период до 2024 года» [2, с. 198].

Крупнейший город – это населенный пункт или территория, объединяющая населенные пункты, ограниченная городской чертой, в пределах которой проживает свыше 1 млн человек, имеется развитая

инфраструктура, осуществляются публично-властные полномочия не свойственные иным городам, имеется необходимый финансово-экономический потенциал для формирования городской агломерации.

Таковыми городами в Российской Федерации на сегодняшний день являются Москва, Санкт-Петербург – со статусом городов федерального значения, Новосибирск, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Уфа, Ростов-на-Дону, Омск, Красноярск, Воронеж, Пермь, Волгоград – наделенные в соответствии с законодательством статусом городского округа, а также Челябинск и Самара как городские округа с внутригородским делением [2, с. 199].

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросы местного значения в области сохранения, использования, популяризации и охраны объектов культурного наследия осуществляют: городские поселения, муниципальные районы, муниципальные, городские округа и городские округа с внутригородским делением [3]. Идентичные полномочия органов местного самоуправления в перечисленных муниципальных образованиях закреплены в Основы законодательства Российской Федерации о культуре (ст. 40) и Федеральном законе от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В ФЗ № 73-ФЗ также к полномочиям органов местного отнесено определение порядка организации историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения, обеспечение условий доступности для инвалидов объектов культурного наследия, находящихся в собственности поселений, муниципальных округов или городских округов.

Таким образом, на федеральном уровне в качестве основных полномочий местного самоуправления в крупнейших городах установлены, во-первых, полномочия, направленные на сохранение, использование, популяризацию исторических традиций и памятников истории и культуры, и, во-вторых, полномочия, связанные с деятельностью по охране объектов культурного наследия.

Положения федеральных законов, по общему правилу, должны быть интегрированы в содержание законов субъектов РФ, но обращение к последним, к сожалению, показывает отсутствие единообразных подходов к нормотворчеству.

Так, в большинстве субъектов РФ действуют законы об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации Волгоградская область, Нижегородская область, Омская область, Пермский край, Самарская область, Республика

Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Ростовская область [4].

Иной подход законодателя можно увидеть в законе Краснодарского края «О перечне объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Краснодарского края» [5]. В законе Свердловской области, как и в ряде иных немногочисленных субъектов действуют законы «О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)» [6]. Законодатели Воронежской области вынесли в наименовании закона положения 131-ФЗ – «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия на территории Воронежской области» [7].

Перечень полномочий органов местного самоуправления, закрепленных в законах субъектов РФ весьма ограничен.

Так, например, среди базовых положений, определяющих полномочия органов местного самоуправления в Омской области, можно выделить следующие:

- организация проведения работ по выявлению и государственно-му учету объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, в соответствии с Федеральным законом об объектах культурного наследия;

- по собственной инициативе и за счет собственных средств могут разрабатывать проекты зон охраны объектов культурного наследия регионального или местного (муниципального) значения, в том числе объединенной зоны охраны объектов культурного наследия;

- направление проекта правил землепользования и застройки, подготовленный применительно к территории исторического поселения регионального значения (далее – проект), в орган исполнительной власти Омской области, уполномоченный в сфере охраны объектов культурного наследия, для согласования;

- согласование с органами исполнительной власти Омской области решение о включении объекта культурного наследия местного (муниципального) значения [8].

Вместе с тем в отдельных субъектах РФ осуществляется разработка и реализация целевых комплексных программ. Так, например, в республике Татарстан действовала программа «Мирас-Наследие», координатором которой являлось Министерство культуры Республики Татарстан [9], а в декабре 2013 г. была утверждена новая государственная программа «Развитие культуры Республики Татарстан на 2014–2022 годы», среди задач которой значится изучение и сохранение куль-

турного наследия, обеспечение сохранности и эффективного использования, создание условий для интеграции культуры Республики Татарстан в мировое культурное пространство [9].

В Челябинской области действует государственная программа «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия» [10].

Таким образом, практически во всех субъектах РФ, где находятся крупнейшие города основные полномочия по сохранению исторических традиции и охране объектов культурного наследия сосредоточены на уровне органов государственной власти субъектов РФ.

Исключением из общего правила можно считать г. Екатеринбург, в котором накоплен большой опыт работы с объектами культурного наследия. Основные права по сохранению и использованию объектов культурного наследия принадлежат Департаменту по управлению муниципальным имуществом Администрации города. По его инициативе еще в 1999 г. была создана специализированная организация – муниципальное казенное учреждение «Екатеринбургский Центр по охране и использованию исторического и культурного наследия» (далее – Центр), которому Департамент частично делегировал соответствующие права [1].

Достаточно интересная практика существовала в деятельности Управления культуры мэрии города Новосибирска, которое совместно с Департаментом культуры Новосибирской области, управлением по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, Музеем истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина НГАХА, Новосибирским государственным краеведческим музеем, Научно-производственным центром по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области (НПЦ), Музеем города Новосибирска и Новосибирским Союзом архитекторов России выступило в 2010 г. учредителем Памятной медали за значительный вклад в сохранение и популяризацию историко-культурного наследия Новосибирской области [11, с. 13]. Но статус медали был не определен вплоть до 2018 г., когда на основании решения Ученого совета Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств Памятная медаль получила официальный статус медали как вузовской награды [11, с. 14].

Сегодня в крупнейших городах РФ нет единых подходов к реализации полномочий органов местного самоуправления по сохранению исторических традиций и охране объектов культурного наследия. Разнообразие взглядов законодателей субъектов РФ на определение полномочий органов местного самоуправления обуславливает необходи-

мость четко определить полномочия, заимствовать положительный опыт отдельных городских округов и обеспечить взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления по сохранению, использованию, популяризации и охране объектов культурного наследия.

Литература

1. Органы местного самоуправления и сохранение объектов культурного наследия / В. Н. Дударенко, Н. М. Герасимов, Л. В. Генин, И. В. Выдрин // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 3 (24). С. 11–19.
2. Фролова Т. А. Компетенция органов местного самоуправления крупнейших городов в сфере обеспечения социально-экономического развития // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 197–207.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 29.08.2022).
4. Фролова Т. А. Понятие «город» в законодательстве субъектов Российской Федерации об административно-территориальном делении // Пролог: журнал о праве. 2016. № 3(11). С. 51–55.
5. О перечне объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Краснодарского края : закон Краснодарского края от 17 авг. 2000 г. № 313-КЗ (ред. от 17 декабря 2019 года) // Правовые акты Краснодарского края. URL: <https://krasnodarpravo.ru/zakon/2000/08/17/n-313-kz/> (дата обращения: 29.07.2023).
6. О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Свердловской области : закон Свердловской области от 21.06.2004 (в ред. 07.06.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=160024290&backlink=1&&nd=160019870> (дата обращения: 29.08.2022).
7. Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия на территории Воронежской области : закон Воронежской области от 30 нояб. 2015 г. № 176-ОЗ (ред. от 14.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=106024337&backlink=1&&nd=106106164> (дата обращения: 29.08.2022).
8. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Омской области : закон Омской области от 3 апр. 1996 г. № 48-ОЗ (ред. от 29.03. 2023 г.) // Гарант : справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/15651467/> (дата обращения: 21.07.2023).
9. Муратова Д. В. Охрана памятников истории и культуры в Республике Татарстан в начале XXI века // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 200–204.
10. О государственной программе Челябинской области «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия» : постановление Правительства Челябинской области от 26 нояб. 2020 г. № 619-П (ред. от 03.02.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7400202011270003?index=6&rangeSize=1> (дата обращения: 29.08.2022).
11. Кошелев А. В. Памятная медаль имени С. Н. Баландина: из истории учреждения и награждения // Баландинские чтения. 2019. Т. 14, № 1. С. 13–22.

ISSUES OF PRESERVATION AND PROTECTION OF HISTORICAL TRADITIONS AND OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE IN THE LEGISLATION ON LOCAL SELF-GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

© Т. А. Frolova, 2023

Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. Based on the identification of trends in the regulation of issues of preservation and protection of historical traditions and cultural heritage, an analysis of approaches to determining the powers of local governments in acts of federal and regional legislation is carried out. It is determined that at the level of the constituent entities of the Russian Federation there is no unified approach to the content of the legislative framework. Special attention is paid to the activities of local governments in urban districts, on issues of conservation, use, promotion and protection of cultural heritage sites. The conclusion is made about the need for an integrated approach to determining the powers of local governments of urban districts in the largest cities of the Russian Federation on the issues of conservation, use, promotion and protection of cultural heritage objects.

Keywords: public authority, legislation, constituent entities of the Russian Federation, local self-government, largest cities, preservation of historical traditions, protection of cultural heritage.

Фролова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, e-mail: tana2210@mail.ru

Tatiana A. Frolova – PhD in History, Associate Professor, Department of State and Municipal Law, DostoevskyOmskStateUniversity, Omsk, Russian Federation, email: tana2210@mail.ru

УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© А. В. Яшин, 2023

Пензенский государственный университет
Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются криминологические подходы к сохранению и укреплению традиционных для российского общества и государства духовно-нравственных ценностей. Отмечается, что в последние годы в Российской Федерации наблюдается негативная тенденция к отрицанию отдельными гражданами социальных и правовых норм, что приводит к модификации структуры современной преступности. В связи с этим исследование влияния духовно-нравственных качеств личности на формирование ее правопослушного либо противоправного поведения представляется актуальным как в теоретическом, так и прикладном аспектах. На основе изучения официальных статистических данных о состоянии преступности и научных трудов по исследуемой проблеме делается вывод о том, что девальвация духовно-нравственных ценностей существенно влияет на мотивацию поступков личности и детерминирует ее преступное поведение.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, национальная безопасность, личность преступника, преступное поведение, преступность, семья.

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определены стратегические направления обеспечения национальной безопасности России. В этом же нормативном акте содержится перечень традиционных ценностей, составляющих фундамент общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны [1].

Следует солидаризироваться с точкой зрения авторов, которые полагают, что именно традиционные духовно-нравственные ценности и детерминируемые ими формы поведения личности укрепляют гражданское единство и сохраняют уникальную цивилизацию многонационального народа Российской Федерации [2, с. 8]. Особенно актуальным данное утверждение представляется в наши дни, поскольку в последние десятилетия влияние идеологии недружественных иностранных государств, разлагающей нравственные устои и духовное развитие индивида, привели к извращенному восприятию действительности и неадекватности поведенческих актов определенной части населения страны. Во многом это связано с отрицанием отдельными членами общества социальных и правовых норм, их нравственной деградацией, склонности к противоправным поступкам.

К сожалению, в настоящее время можно констатировать, что для некоторых российских граждан противоправное поведение становится привычным укладом их жизни. Они, порой, не задумываясь, часто нарушают закон, совершая как административные правонарушения, так и преступления. Причем, нередко такие деяния совершаются в отношении жертв, не способных себя защитить – детей и пожилых людей, что свидетельствует об утрате данными индивидами основных нравственных ориентиров, заключающихся в стремлении к добру, справедливости, гуманизме, милосердии, искренности, достоинстве, сопереживании. О духовно-нравственном регрессе личности современного преступника свидетельствуют официальные статистические сведения о зарегистрированных преступлениях.

Так, о приоритете материальных благ личности над его духовными качествами говорят данные об увеличении количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности. К примеру, за последние 5 лет (с 2018 по 2022 гг.) темп прироста получения взятки составил 58,3%, мелкого взяточничества – 35,2 %, общественно опасных деяний, связанных с коммерческим подкупом – 60,6 % [3]. Во многом это связано с деструктивными изменениями духовно-нравственных ориентиров личности, приводящими к эгоизму, вседозволенности, безнравственности. Субъекты, принимающие от граждан

незаконные вознаграждения, постепенно утрачивают ощущение границ дозволенного, и коррупционные деяния становятся для них обыденным явлением, дополнительным способом повышения своего материального благосостояния.

Распространенными в последние годы стали и такие преступления, как мошенничество и вымогательство. Темп прироста мошенничества в 2022 г. по отношению к 2018 г. составил 59,5 %, вымогательства – 60,7 % [3]. В качестве основных причин и условий их совершения выступает не только низкий уровень правовой культуры, но и отрицание виновным основных традиционных ценностей, связанных с гуманизмом, милосердием, справедливостью. Злоумышленники все чаще совершают данные общественно опасные деяния в отношении несовершеннолетних, лиц преклонного возраста, психически и психологически неустойчивых жертв, людей с физическими недостатками.

Научно-технический прогресс, набирающий в последние годы невероятную скорость, не мог не сказаться на росте уровня зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации, темп прироста которых в 2022 г. по сравнению с 2018 г. составил 198,9 % [3]. Распространение преступности в социальных сетях выступает особой формой социальной девиации, наносящей ущерб духовно-нравственному развитию молодежи. Немаловажным является то, что представители молодого поколения через социальные сети нередко вовлекаются в преступную среду. Повышенная опасность таких деяний заключается в том, что посредством информационно-телекоммуникационных технологий совершаются преступления, посягающие на самые разнообразные общественные отношения. В свою очередь, лица, реализующие свое преступное поведение в сети в полной мере, не ощущают риск несения ответственности за противоправные поступки, подсознательно полагая, что останутся безнаказанными.

В России также наблюдается беспрецедентный рост террористических и экстремистских посягательств. В частности, темп прироста преступлений террористического характера в 2022 г. по отношению к 2018 г. составил 33,0%, экстремистской направленности – 167,7 %. Примечательно, что согласно результатам исследований, для лиц, совершающих данные деяния, особое значение имеют ценности, связанные с семьей. Так, 55 % осужденных за преступления террористического характера из числа опрошенных считают, что семья – это самое важное в их жизни [4, с. 108]. 54,5 % осужденных за преступления экстремистской направленности из общего числа опрошенных респондентов указали на положительный микроклимат в семье [5, с. 126]. Из это-

го следует, что с детского возраста таким лицам прививались искаженные представления о справедливости и добродетели либо имели место личные родительские примеры негативного характера. Основным же фактором совершения террористических и экстремистских деяний является игнорирование таких традиционных ценностей, как патриотизм, гражданственность, ответственность за судьбу Отечества, единство народов России.

Таким образом, отрицание фундаментальных традиционных ценностей зачастую детерминирует преступное поведение индивида и приводит его к совершению самых разнообразных преступных посягательств. В связи с этим возникает необходимость формирования в структуре личности тех духовно-нравственных качеств, которые препятствовали бы генезису преступного поведения и блокировали антиобщественные и противоправные стереотипы поведения.

В первую очередь это связано с укреплением семьи и семейных отношений. В современной действительности далеко не все родители способны посвящать необходимое время для воспитания детей и подавать им личные положительные примеры своих поступков. В силу многих причин, преимущественно, в целях повышения материального благополучия, нередко родители вынуждены жить в разных регионах, отдельно друг от друга, и дети остаются с кем-то одним из них. Не находя должного внимания со стороны лишь одного родителя, подростки начинают общаться с другими лицами вне дома либо в социальных сетях, и зачастую попадают под влияние деструктивной идеологии, приобщаясь при этом к противоправной деятельности. Аналогичная ситуация в семье возникает и в том случае, когда родители нацелены, в основном, на повышение заработка, и в связи с этим практически не уделяют внимания своим детям. Как правило, такая родительская депривация компенсируется материально, т. е. ребенок получает от родителей не любовь и взаимопонимание, а подарки и деньги. В результате, в поведенческой мотивации подростка материальные потребности начинают превалировать над духовными компонентами, что может привести к искажению ценностных ориентаций и отрицанию фундаментальных нравственных ориентиров. Следует полагать, что наличествующие в семейных отношениях любовь, доверие, взаимопомощь, личный пример являются основными детерминантами правопослушного поведения индивида. Думается, что построение крепкой семьи неизбежно приведет к сохранению иных традиционных ценностей – патриотизма, милосердия, гуманизма, а также высоких нравственных идеалов, не позволяющих человеку совершать противоправные поступки.

Не меньшая ответственность за формирование правопослушной личности и укрепление ее духовно-нравственных ценностей возложена на образовательные организации. Однако в последние годы в России наблюдается тотальная бюрократизация общественных отношений, в том числе и в образовательной сфере. Педагогические работники различного уровня вынуждены отвлекаться на бесконечное составление планов, корректировку учебных программ, образовательных стандартов, что существенно снижает эффективность их деятельности, связанной с воспитанием молодого поколения. Это порой серьезно сказывается на формировании поступков современной молодежи, которые вследствие воспитательных пробелов могут трансформироваться в отклоняющееся и даже преступное поведение.

На основании изложенного следует заключить, что девальвация духовно-нравственных ценностей кардинально влияет на мотивацию поступков личности, детерминирует ее преступное поведение и существенно влияет на качественные характеристики преступности. Об этом свидетельствуют официальные статистические данные, согласно которым в структуре современной преступности увеличилось количество преступлений против общественной безопасности, общественного порядка и государственной власти, а также совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Среди преступлений против собственности наблюдается устойчивый темп прироста мошеннических действий и вымогательства. Меры по сохранению и укреплению фундаментальных духовно-нравственных ценностей, осуществляемые в последние годы государством, должны стать серьезным антикриминогенным фактором, позволяющим снизить риски формирования и развития преступного поведения индивида. В целях воспитания духовно-нравственной личности, нетерпимой к совершению противоправных поступков, надлежит сохранять и укреплять традиционные ценности семьи, брака, престижа родительских отношений. Также необходимо уделять повышенное внимание формированию системы духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Крепкая семья и достойное воспитание молодежи являются не только гарантом сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, определенных в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г., но и одним из средств профилактики преступлений.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

2. Лескин Д. Ю. О стратегических задачах в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Поволжский вестник науки. 2022. № 3. С. 7–12.

3. Статистика и аналитика // Офиц. сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 26.06.2023).

4. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ценностные ориентации преступников-террористов // Психология и право. 2022. № 2. С. 99–110.

5. Джоробеков Ж. М. Криминологическо-криминалистическая характеристика личности экстремиста // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11. С. 125–128.

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF THE PRESERVATION AND STRENGTHENING OF FUNDAMENTAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN MODERN RUSSIA

© A. V. Yashin, 2023

PenzaState University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article discusses criminological approaches to the preservation and strengthening of spiritual and moral values traditional for Russian society and the state. In recent years, in the Russian Federation, there has been a negative trend towards the denial of social and legal norms by individual citizens, which leads to a modification of the structure of modern crime. In this regard, the study of the influence of the spiritual and moral qualities of a person on the formation of his law-abiding or illegal behavior seems to be relevant both in theoretical and applied aspects. Based on the study of official statistics on the state of crime and scientific papers on the problem under study, it was concluded that the devaluation of spiritual and moral values significantly affects the motivation of a person's actions and determines his criminal behavior.

Keywords: spiritual and moral values, national security, criminal personality, criminal behavior, crime, family.

Яшин Андрей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Правоохранительная деятельность», Юридический институт, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия, e-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

Yashin Andrey Vladimirovich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Law Enforcement Department, Law Institute, Penza State University, Penza, Russian Federation, e-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

СЕКЦИЯ

**КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ
ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
ПО ЗАЩИТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ СВОИХ
НАРОДОВ И НАРОДНОСТЕЙ**

УДК 342(8)

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
В СТАНОВЛЕНИИ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
СТРАН ЮЖНОЙ АМЕРИКИ:
ФЕНОМЕН НЕОКОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**

© М. Г. Абрамова, 2023

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена феномену неоконституционализма, связанного с принятием новых конституций в Боливии (2008 г.) и Эквадоре (2009 г.). Левые политики, пришедшие тогда к власти, провозгласили цель построения новой государственности. Так, Боливия была провозглашена «социальным правовым многонациональным коммунитарным децентрализованным государством с автономиями». Это новое государственное строительство основывалось на духовно-нравственном и социокультурном наследии коренных жителей этих стран – индейцев, что нашло отражение в новых формах собственности, нормах о продовольственном и энергетическом суверенитетах, новом перечне прав человека, включая права Матери-природы и др. Эти политические режимы были названы «партиципативной демократией», или демократией участия, где применяются традиционные для индейцев Анд формы и практики общинного управления.

Ключевые слова: неоконституционализм, Южная Америка, духовно-нравственные ценности, индейцы, права, новая государственность.

*Государственный идеал, перспективы будущего, нарисованные
именно социалистическими партиями, вовлекли широкие
народные массы в общественную жизнь.*

В. И. Вернадский

Прежде чем перейти к анализу феномена южноамериканского неоконституционализма, мне бы хотелось вспомнить знаменитую Веймарскую конституцию 1919 г. В ее ст. 113 впервые в истории закреп-

лялось «коллективное право иноязычных меньшинств на социокультурную самобытность, включая беспрепятственное пользование родным языком в области школьного образования, управления и судопроизводства» [1]. Это был первый шаг в деле защиты этнокультурного достояния различных не немецких народов и народностей, причем осуществленный, как известно, левыми политическими силами, пришедшими к власти в ходе Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

Спустя почти сто лет аналогичные процессы произошли в Латинской Америке. Новые конституции были приняты на всенародных референдумах в Венесуэле в 1999 г., в Эквадоре в 2008 г., в Боливии в 2009 г. после прихода в этих странах левых политиков: Уго Чавеса в Венесуэле, Рафаэля Корреа в Эквадоре, Эво Моралеса в Боливии [2]. Уникальное содержание данных конституций, новаторские способы и приемы юридической техники, а также ряд конституционных новелл духовно-нравственного свойства позволили экспертам-юристам констатировать появление феномена неоконституционализма в сравнительном конституционном праве, а политологам – начать анализ новой государственности, строящейся в этих странах в соответствии с выдвинутыми моделями [3; 4].

Данные конституции можно отнести к числу так называемых «развернутых» конституций, так как их текст включает в себя процессуальные, административные, уголовные и др. нормы. Объем этих актов большой – Конституция Эквадора содержит 444 статьи, Боливии – 411. В преамбулах содержатся много новелл, отражающих новые конституционные ценности, которые раскрывают цели и задачи новой государственной политики этих стран. Так, в преамбуле эквадорской конституции провозглашаются такие основные духовно-нравственные ценности: этническое и культурное многообразие, свобода от любых форм колониализма и иностранного господства, уважение достоинства личности, приверженность универсальным демократическим принципам и латиноамериканской интеграции, учениям национальных героев-освободителей – Боливара и Альфаро. Своеобразной новеллой является обращение к «Пачамаме» – Богине земли и плодородия, основного божества индейцев региона Анд. Об этом же говорится и в действующей Конституции Боливии.

Можно отметить, что поддержка и уважение традиций индейских народов, которые составляют большинство населения Боливии и Эквадора, стали той идеологической основой, на которой выстраивается все здание новой государственности в этих странах. Ведь на протяжении веков индейцы (в основном, кечуа и аймара) были лишены политических и социо-культурных, экономических и других прав. Так, напри-

мер, в Боливии индейцы, составляющие более 60 % населения, только в 1952 г. получили право голоса, однако в культурной, экономической и социальной сферах их права были ограничены [5]. Например, вплоть до 2000-х индейцам запрещали даже ходить по одной стороне улицы с метисами на главной площади столицы Ла Паса.

С приходом к власти левых политических сил впервые индейцы становятся не только политическими акторами, но и новыми субъектами права. Левые интегрируют индейского избирателя в политический процесс и политическую систему, выдвигая на первый план нового конституционного строительства духовно-нравственный ресурс индейской культуры [6]. Такой подход – уважение к этно-культурному индейскому наследию – и обеспечил строительство «социального правового многонационального коммунитарного децентрализованного государства с автономиями», как названа Боливия в ст. 1 своей Конституции [7]. Статья 11 устанавливает, что республика Боливия принимает в качестве формы правления партисипативную и представительную демократию с равенством условий для мужчин и женщин. Прямая и партисипативная (демократия участия) демократия реализуется через механизмы референдума, законодательной инициативы, отзыва мандата, выборов ассамблей и кабильдо (городского самоуправления), предварительного консультирования [8, с. 59–65]. Представительная демократия осуществляется через выборы народных избранников с помощью всеобщего, прямого и тайного голосования. Коммунитарная демократия означает выборы или назначение должностных лиц с использованием норм и процедур, традиционных для индейских народов крестьянского происхождения.

Статья 4 впервые в истории Боливии провозглашает независимость государства от католической религии, одновременно признавая и гарантируя свободу религии и различных духовных культов, что относится к традиционным индейским верованиям. Статья 5 провозглашает официальными государственными языками Боливии испанский язык и 36 языков всех индейских народностей Боливии [7]. Знание, по меньшей мере, двух государственных языков (испанского и одного из индейских) является обязательным условием для претендентов на государственную должность. Статья 8 закрепляет традиционные экоморальные принципы, свойственные индейскому менталитету, как основные в новом государстве [7]. Они перечисляются в тексте Конституции на языке кечуа с переводом на испанский, что свидетельствует об уважении к традиционной индейской культуре. Закреплены следующие принципы: «Не лги, не воруй, не ленись!», «жить хорошо и гармонично», «земля без горя», «достойная жизнь». Часть 2 ст. 8 содержит

правовые категории, на которых основывается новая боливийская государственность: единство, равенство, достоинство, свобода, солидарность, гармония, прозрачность, равенство возможностей, общее благо, социальная справедливость, распределение общего продукта и социальных богатств для достойной жизни [7]. Статьи 190–192 предоставляют индейским народностям пользоваться своим обычным правом, основываясь на традиционных принципах, культурных ценностях, нормах и процедурах [7].

Еще одной интересной новеллой неконституционализма является провозглашение цели построить общество и государство «всеобщего блага», при этом используется термин *elsumakawsay*, означающий на языке кечуа «всеобщее процветание» или «достойную жизнь». Ее содержанием является достижение гармонии человека и природы, поэтому уже в ст. 1 содержится норма, согласно которой все невозобновляемые природные ресурсы принадлежат исключительно государству и не подлежат отчуждению [9]. Статья 5 запрещает размещение иностранных военных баз на территории Эквадора и передачу национальных военных баз иностранным государствам [9].

Конституционной новеллой Боливии является провозглашение ее пацифистским государством (ст. 10), которое способствует культуре мира и праву народов на мир [7]. Боливия отрицает войну как инструмент решения конфликтов между странами и запрещает размещение на своей территории любых иностранных военных баз.

Концепция «достойной жизни» в Эквадоре не мыслится без постоянного беспрепятственного доступа к воде, поэтому государство обязано сберегать и восстанавливать водные ресурсы (ст. 12) [9]. На второе место эквадорский законодатель государственный «продовольственный суверенитет» (ст. 13) [9]. В связи с этим государство должно развивать национальное сельское хозяйство и рыбную промышленность, предоставляя льготы малым и средним предприятиям. Запрещается создание латифундий, концентрация земельных угодий в одних руках, монополизация или приватизация водных ресурсов и источников воды (ст. 282) [9].

Статья 15 устанавливает понятие «энергетический суверенитет»: в ней содержится запрет на производство, распространение, импорт, транспортировку, хранение и использование химического, биологического и ядерного оружия, запрет в отношении продуктов экспериментальных биотехнологий и генетически модифицированных органических веществ, наносящих вред здоровью человека и всей природе [9].

Повышенное внимание эквадорская Конституция уделяет генетически модифицированным продуктам, посвящая этой теме отдельные

статьи в разных разделах Конституции. Так, ст. 71 предусматривает, что выведение генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и семян растений возможно только в общенациональных интересах при условии, что Президент Республики лично обратится с соответствующим предложением в парламент и заручится его поддержкой [9].

Впервые в истории эквадорского конституционализма провозглашаются и гарантируются коллективные права: пожилых людей¹⁹, молодежи²⁰, мигрантов, детей, инвалидов и др. [9]. Новеллой мирового конституционализма является норма ст. 364, которая признает наркоманию в качестве проблемы, связанной со здоровьем нации. Аналогичная норма установлена также по отношению к потребителям алкоголя и табака. При этом Конституция в той же статье прямо запрещает относить данных граждан к категории «криминальных элементов» и нарушать их конституционные права [9].

Конституция Эквадора гарантирует индейцам право коллективной общинной собственности на землю. Индейцы получили право обсуждать намеченные планы развития своих территорий, особенно всего, что касается разведывания месторождений полезных ископаемых на данных территориях (ст. 57) [9]. Индейские земли освобождены от всех налогов, но в стране в целом вводится новый налог, который пойдет на улучшение жизненных условий коренного населения.

Аналогично Конституции Боливии, ст. 72 эквадорской конституции вводит обязанность почитать божество древних индейцев Пачамаму – богиню земледелия и плодородия. Природа или Пачамама имеет право на всеобщее уважение, поддержку и регенерацию своих жизненных циклов, структуры, функций и процессов эволюции (ст. 71) [9]. Защиты прав природы от ее имени могут потребовать от государства и его должностных лиц любые лица, коллективы, национальные и этнические общности. Продолжением этой политики является документ, озаглавленный *Leyde Derechosdela MadreTierra* (Закон о Матери-Земле). Он предоставляет биосфере (в особенности дикой природе) 11 прав, включая право на жизнь и существование, на осуществление жизненных циклов без человеческого вмешательства, на чистую воду и воздух, на защиту от загрязнений и на поддержание баланса [10, с. 99]. Ст. 186–189 регламентируют деятельность Высшего экологического

¹⁹ Конституция Эквадора порицает родственников, которые бросают пожилых членов своих семей, или социальные службы, которые не оказывают им необходимую помощь.

²⁰ Государство гарантирует им получение образования, медицинскую помощь, отдых, занятия спортом, право на жилище и др. Государство гарантирует получение молодежи первого места работы.

суда Боливии, главная компетенция которого разрешать дела, связанные с защитой природных ресурсов, лесов, воды и т. д.

Конституция Эквадора признает следующие формы собственности: общественная, частная, государственная, кооперативная, смешанная и др. [9]. Право частной собственности Конституция тесно увязывает с социальными обязательствами, повторяя в ст. 321 знаменитую дефиницию Веймарской Конституции 1919 г. о том, что собственность обязывает, т. е. пользование ею должно одновременно служить и общему благу. К этой норме добавлено – пользование собственностью не должно наносить ущерб окружающей среде.

Интересными новеллами отличается раздел Конституции Эквадора, посвященный семье, которая, в соответствии со ст. 68, признается основной ячейкой общества [9]. Брак может быть заключен исключительно между лицами противоположного пола, и право усыновления принадлежит только парам, состоящим из лиц разного пола. Одновременно ст. 66 предоставляет каждому право самостоятельно определять свою сексуальную ориентацию [9]. Таким образом, эквадорский законодатель отделил личные права человека от категории «семья», которая понимается в традиционном смысле с присущими ей общественными функциями. Думается, что такое решение новых проблем, вставших перед человеческим сообществом, можно считать успешным с точки зрения юридической техники.

Рассмотренный нами опыт конституционного обеспечения нового государственного строительства в странах Южной Америки чрезвычайно важен не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Можно с уверенностью сказать, что попытка государственного переворота с помощью хорошо известных технологий смены режимов в ходе «цветных революций» не удалась в ноябре 2019 г. в Боливии именно по причине создания за 10 лет действия новой Конституции широкой социальной базы поддержки Эво Моралеса, который не только смог вернуться в Боливию, но и его партия Движение к социализму одержала победу на парламентских выборах и получило большинство в обеих палатах законодательного органа республики, и на президентских выборах 2020 г., и кандидат этой партии Луис Арсе стал новым президентом Боливии [10]. И это через год после попытки переворота и сильнейшего влияния иностранных политических сил. Построенный «режим развития» в интересах общего блага получил устойчивую социально-политическую поддержку населения.

Литература

1. Рузляев М. Ю. Историческое значение Веймарской конституции 1919 года для развития идей конституционализма // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Госу-

дарство». 2018. Т. 6, № 2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-znachenie-veymarskoy-konstitutsii-1919-goda-dlya-razvitiya-idey-konstitutsionalizma> (дата обращения: 10.07.2023).

2. Жирнов О. А., Шереметьев И. К. «Левый поворот» в Латинской Америке: аналитический обзор ; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН. М. : ИНИОН РАН, 2008. 129 с.

3. Абрамова М. Г. Новые левые режимы: к вопросу о новых механизмах политической устойчивости // Проблема устойчивости политических систем современного мира : материалы Междунар. науч. конференции / под ред. И. И. Кузнецов, З. Н. Осадченко. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. С. 27–38.

4. Геополитические коды стран Латинской Америки (обзор выступлений на «круглом столе») / А. Е. Проценко, А. А. Шинкаренко, А. И. Лосев, Е. Н. Шитова // Латинская Америка. 2017. № 12.

5. Моралес К. В. У. Процесс национальной консолидации народа кечуа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 6, ч. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-natsionalnoy-konsolidatsii-naroda-kechua> (дата обращения: 10.07.2023).

6. Воротникова Т. А. Движение к социализму в Боливии: траектория, архитектура, мировоззрение // Латинская Америка. 2021. № 3.

7. Constitucion Politica del Estado Plurinacional de Bolivia. URL: <https://web.archive.org/web/20171024044028/http://www.presidencia.gob.bo/documentos/publicaciones/constitucion.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).

8. Абрамова М. Г. Партиципативная демократия как новая модель политического режима (практики стран Южной Америки) // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 27 апреля 2018 г.). Изд-во Ом. гос. ун-та Омск, 2018. С. 59–65.

9. Constitucion de la Republica del Ecuador URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/443941> (дата обращения: 11.07.2023).

10. Абрамова М. Г., Попова А. В. Экоцентризм в современном политико-правовом дискурсе (к вопросу о новых субъектах права) // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4 (50). С. 97–103.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE FORMATION OF A NEW STATEHOOD IN THE SOUTH AMERICAN COUNTRIES: THE PHENOMENON OF NEO-CONSTITUTIONALISM

© M. G. Abramova, 2023

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The author refers to the phenomenon of neo-constitutionalism associated with the adoption of new constitutions in Bolivia (2008) and Ecuador (2009). Left-wing politicians who came to power then proclaimed the goal of building a new statehood. Thus, Bolivia was proclaimed a "social and legal multinational communitarian decentralized state with autonomies." This new state-building was based on the spiritual, moral and socio-cultural heritage of the indigenous inhabitants of these countries, which was reflected in new forms of ownership, norms on food and energy sovereignty, a new list of human rights, including the rights of Mother Nature, etc. These political regimes have been called "participatory democracy," or democracy of participation, where traditional Andean forms and practices of communal governance are applied.

Keywords: neo-constitutionalism, South America, spiritual and moral values, Indians, rights, new statehood.

Абрамова Марианна Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики, факультет политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: abramova-m@mail.ru

Abramova Marianna Grigorievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Policies, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, email: abramova-m@mail.ru

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ

© А.Т. Акматалиев, М. К. Калбердиева, Б. Ж. Нурдинов, 2023

Международный Узгенский технологический
и образовательный институт им. Б. Мурзубраимова
Узген, Киргизстан

Аннотация. Предметом исследования являются духовно-нравственные ценности. Цель исследования – изучение вопроса о духовнонравственных ценностях в культурном наследии этноса. Методы исследования: в процессе исследования использовались систематические, исторические и другие методы. Полученные результаты: как показал автор статьи в ходе исследования, духовная сторона наиболее связана с ценностными категориями этнической культуры: красоты, доброты, истины, веры. В силу того что духовный код этноса представляет собой сознательно-бессознательную категорию, которая возникает как рефлексия на внешний и внутренний мир человека. Научная ценность полученных результатов заключается в тесной связи между культурным наследием этноса и духовно-нравственным обликом. Практическая значимость полученных результатов заключается в взаимодополняемости указанных вопросов в настоящее время. Рекомендации о перспективах исследований по данной теме: в следующем научном исследовании следует более глубоко изучить вопросы культурного наследия и духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: этнос, культурное наследие, духовность, нравственные ценности.

В самостоятельных формах материальной и духовной культуры этноса ее ценностно-функциональное содержание, находит свое место с течением времени в социальном пространстве, в жилой архитектуре, интерьере, одежде, еде, обычаях и т. д. Культурное наследие этноса, в свою очередь, опирается на основные традиционные основы этнической культуры, которые определяют его уникальность и многообразие. Этническая принадлежность известна системой стереотипов, которые служат нормами поведения членов этноса. Культура – это система внебиологически развитых механизмов. Благодаря ее помощи деятельность людей в этнокультурной среде стимулируется, программируется и реализуется [1].

Такое понимание культуры определяет ее как этноформирующую и этносохраняющую. Формирование этноса в жизненном пространстве работает в соответствии с поведенческими, коммуникативными, ценностными моделями, работающими в группе. Они определяют относительную устойчивость и, в свою очередь, консервативно-этноцентрический характер этнической культуры. Но своеобразие и неповторимость этнической культуры, наряду с другими структурами культурами можно увидеть во многих различных формах. При этом основные ее виды уникальны, но ее качества присущи всем человеческим культурам.

Человек является «этническим», поэтому его считается личным носителем культуры. Можно сказать, что этнос является субъектом культурной деятельности в традиционном обществе. Все формы и проявления человеческой культуры связаны с этносом, или с человеком, его творчеством, традициями и ценностями.

Культура не может жить без своих норм. Следовательно, этническая культура является результатом деятельности механизма исторической памяти, формирующей общность мировоззрения и характер реализации мировоззренческих идей многих поколений.

Его принадлежность, его собственная кровь, исторические и культурные целостности могут быть выражены как знание. Таким образом этнос обеспечивает свою устойчивость, имея внутренние механизмы. Она заключается в особом распределении культурных признаков и особенностей внутри членов этноса.

Нравственно-духовное ядро этнической культуры формируется на основе общности природы всех людей, принадлежащих к этносу. Это затрагивает жизнь всего этноса. Далекие общие предки, упоминаемые в фольклоре и литературе, содержащей важные историко-культурные особенности, подтверждаются в легендах об особенностях культуры. Поэтому этническая культура обладает определенным своеобразием, но в то же время ценности меняются при ее столкновении с другой культурой.

В формировании духовно-нравственной ценностной составляющих этническую культуру очень велико значение религии. Обращение к высшим силам, вера является универсальной характеристикой всех ранних форм общественной жизни. Религия объясняет явления, которые сложны и которые трудно контролировать или решает проблемы, недоступные местным знаниям и простым технологиям.

Религия происходит из мифа и никогда полностью не разрывает эту связь. Религия социальна, а вера – это личное осознание.

«Единственный способ говорить о вере – это говорить о данном – писал русский философ И. Ильин, – тогда истина воспринимается глубиной нашей души; где ему откликаются мощные и творческие источники нашего духа; сердце говорит, и остальные откликаются на его голос, печать нашей жизни из этого родника удалили, ее воды двинулись и начинают вливаться в жизнь» [3, с. 136].

Люди чувствуют то же самое – религий много. Все религии имеют некоторые общие черты и закономерности. Следовательно, вера является истинной гуманистической основой этнической сущности человека.

Этнические культуры и их религии, сама религия, которая переплетается и живет в этносе будет иметь некоторые черты оригинальности. Следует сказать, что это соответствует духу, культуре и ранним

верованиям этноса. Важной составляющей духовно-нравственной стороны этнической культуры является мифологическая составляющая. Миф невероятно живуч, кажется, что он состарится и умрет, но, он оживает, как феникс из пепла.

Характеристики этноса и его содержательная основа поднимется к новым поворотным моментам истории [2]. Сама природа мифа заключается и проявляется в своеобразии мифической символики. Если африканец утверждает, что земля – его мать, то для него это символ просто прекрасен и означает не слова, а абсолютную истину.

Благодаря компенсаторной функции мифа повышается этническая самооценка. Используя такое архаичное понятие, как «циклическое время», миф позволяет этнокультурной группе преодолеть фрустрацию ситуации, в которой она оказалась в силу исторических обстоятельств. Он отрицает свою смерть, ссылаясь на «золотой век». Конечно, в истории каждого народа такое происходило, а это значит, что кризис можно преодолеть и период процветания вернется.

Важным условием для этого является сохранение морально-этических норм, обеспечивших благополучие предков. Правило как ценный духовно-нравственный «ориентир»-функция является наибольшим носителем оригинальной культурной традиции и восходит к древним предкам. В историческом аспекте они объединяют народы мира в ценностном аспекте.

В содержание традиций этнической культуры входит духовная сторона: социальное отношение к нравственным требованиям этноса; духовной преемственности в развитии; единству моральных убеждений и норм поведения; самообладанию, последовательности в поведении и т. д.

В духовном плане ценностные категории этнической культуры: красота, доброта, правда, более тесно связано с верой. Духовный код этноса – это внешний и внутренний мир человек, который возникает как отражение духовных элементов. Архаичный код – проявляет побудительную силу в реализации этнического содержания, в том числе «ментальной истории» и культуры народа.

Групповая сплоченность и культурная память, устоявшийся обиход этнокультурный опыт, являются важными частями мифа о происхождении этноса. С точки зрения группы, все исторические события оцениваются как неравные или как равноценные. Поэтому, чтобы сделать определенный выбор, о происхождении мифа необходимо выделить истории, которые подчеркивают этнические границы проявления исторического сознания. Обычно это конфликты, войны, миграции, межкультурные отношения, политические и культурные иерархии. Об-

разы коллективной травмы (голод, эпидемия, война) несут одинаковую этноинтегрирующую и этнодифференцирующую нагрузку.

Более того, если образы «славного» прошлого формируют чувство превосходства над другими группами и создают положительную идентичность, то военные неудачи, рабство или «негативная идентичность», формирует чувство оскорбленности [4, с. 3–14].

Более того, факты в мифе – это еще и определенный «выбор» предков. По мнению экспертов, почти каждая этническая группа состоит из нескольких разнородных социальных компонентов (племен), каждое из которых имеет своих предков, совокупность успехов и неудач, свою историю. Они в определенной степени создают нравственный идеал, который в максимальной степени способствует социально-психологической адаптации группы.

Этническая принадлежность часто определяется поведением и социально-нормативными ценностями, которые больше всего ориентированы на этническую принадлежность и включает в себя культуру, духовно-нормативный аспект, исторические и культурные ценности этноса. Они в конечном итоге приводят к нормам жизни (этическим, правовым, повседневным, поведенческим и т. д.) и становятся обычаями. Эти нормы и обычаи изменяются и заменяются новыми в каждый последующий исторический период. Социальные институты, общественное мнение культура определяют не только социальную, но и частную жизнь, поведение и мотивацию людей, их «плохое» и «хорошее», «правильное» и понятие «ложь».

Не может существовать общество, в котором каждый живет с представлением о себе, как о части этноса, а самого этноса давно не существует. Не могут существовать его институты, моральные критерии и правила. Такое общество теряет свое единство, без которого невозможны любые социальные и духовно-культурные общности.

Духовно-нравственные, общечеловеческие ценности, высокая степень целеустремленности отличает этнос в контексте установления причинно-следственных связей и закономерностей социального поведения. Например, путешествуя по разным странам, человек узнает много нового о традициях, обычаях, особенностях религии, нравственности – ценностных элементах этнической культуры. Этот аспект культуры позволяет этносу быть гибким и в то же время динамичным, а значит, обмениваться энергией с окружающей средой и в свою очередь, помогает предотвратить его исчезновение. Воспитательная и духовно-защитная функция этнической культуры заключается, прежде всего, в защите нравственных ценностей этноса. Гуманистические ду-

ховно-нравственные основы были созданы для поглощения негативных проявлений цивилизационных процессов.

Этническая принадлежность – это важный аспект культуры. Человеческая жизнь одухотворяет и тем самым растворяет в себе этническое происхождение, не дает ему уйти. Этническая культура – это память человека, являющаяся важнейшим духовным началом этноса и позволяет накапливать культурные ценности и делать этнос уникальным. Как справедливо заметил Ю. Лотман, культура, в свою очередь, преодолевает время и обладает особым механизмом сохранения в своей сокровищнице ряда элементов прошлого. Это этнический компонент, архаизм и этнокультурное своеобразие, сохраненные в хранилище памяти, помогают предотвратить процесс обрыва связи и гибель этноса.

Достижения в области духовной культуры играют значительно большую роль, чем культура материальная, в самоопределении каждой нации. Духовная культура различна по своей природе и связана с психикой человека. Любая область культурной деятельности имеет свое ценностное измерение: Так, материальная жизнь, нравственность, религия, наука и искусство весьма автономны.

Но есть и более высокий уровень ценностей, определяющий все вышеперечисленное – сущностные или экзистенциальные ценности. Это важнейшие ценности и жизнь человека. Они направляют курс жизни человека, устанавливают для него цели, нормы своей этнической культуры и помогают развивать идеалы.

Люди определенной этнической общности обладают ценностными структурами, которые формируют их повседневное поведение, выбирают идеалы и смыслы. Эти компоненты занимают центральное место в сознании этноса.

Каждый человек сам по себе в рамках своего существования и постижения его смысла формирует связь с историей и жизнью народа. Смысл жизни человек искал прежде всего в культуре своего народа. Поэтому ценности этнической культуры можно отнести к экзистенциальным. Этнокультурные ценности являются наиболее характерными и важными для членов этноса. Совокупность взглядов, указаний, идеалов, смыслов и культурных традиций входят в это число.

Этнокультурные ценности проявляются в сравнении с ценностями других народов. Противоборствующие нации могут показаться друг другу чуждыми пути единого человечества. Поэтому можно сказать, что существование этнической культуры – это уважение достоинства другого человека, имеющего такие же права, но другие ценности и другие этнические основания. Диалог между разными народами возможен только при условии уважения культурных норм этих народов.

Представитель чужого этноса может обрести настоящее взаимопонимание только тогда, когда видит иначе, чем мы, и понимает, что может и должен видеть духовные достижения других народов в их культуре и жизни. При этом наиболее оптимальным вариантом для нации являются, конечно же, ценности, основанные на этнокультурных основаниях. Этнокультурные ценности предполагают оценку каждого культурного явления, учет его места в жизни, понимания для удовлетворения какой потребности он создан. В том числе это касается и таких ценностей, как честь, совесть, благородство. Для сознательного человека их освоение, понимание их требований, их неписаных кодов не создает серьезной проблемы.

Нарушение обычаев же, моральное разложение, потеря человеческого облика, отказ от традиционно этнических явлений приводят к ущербу наносимому культуре. Такие нарушители везде воспринимаются, как недостойные люди, позор семьи и всего этноса.

Литература

1. Арутюнов словарь. Вып. 1. Этнос. Нация. Общество. М. : Виттан, 1996. 201 с.
2. Бердяев Н. Труды. М. : РОССПЭН. 20 с.
3. Исакова И. Человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. Новосибирск : Изд-во МОУ ГЦРО, 2001. 343 с.
4. Шпрандель Р. Мои опыты в области истории ментальностей // История ментальностей. Историческая антропология. М. : Изд-во РГГУ, 1996. 287 с.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN ETHNOCULTURAL HERITAGE

© А. Т. Akmataliev, M. K. Kalberdieva, B. Zh. Nurdinov, 2023

International Uzgen Technological and Educational Institute named after B. Murzubaibimov
Uzgen, Kyrgyzstan

Abstract. The subject of the research is spiritual and moral values. The purpose of the study is to study the issue of spiritual and moral values in the cultural heritage of the ethnic group. Research methods: systematic, historical and other methods were used in the research process. The results obtained: as the author of the article showed in the course of the study, the spiritual side is most associated with the value categories of ethnic culture: beauty, kindness, truth, faith. Due to the fact that the spiritual code of the ethnos is a conscious-unconscious category that arises as a reflection on the external and internal world of a person. The scientific value of the results obtained lies in the close connection between the cultural heritage of the ethnic group and the spiritual and moral image. The practical significance of the results obtained lies in the complementarity of these issues at the present time. Recommendations on the prospects for research on this topic: in the next scientific study, issues of cultural heritage and spiritual and moral values should be studied in more depth.

Keywords: ethnos, cultural heritage, spirituality, moral values, ethnic culture, component, myth, element.

Акматалиев Асанбек Тургунбаевич – кандидат философских наук, доцент, Международный Узгенский технологический и образовательный институт им. Б. Мурзубраимова, г. Узген, Кыргызская Республика, e-mail: akmataliev.asanbek@mail.ru

Нурдинов Болот Жолболдуевич – соискатель, Международный Узгенский технологический и образовательный институт им. Б. Мурзубраимова, г. Узген, Кыргызская Республика, e-mail: nurdinov_b.dz@mail.ru

Калбердиева Майрамкан Кубатбековна – соискатель, Международный Узгенский технологический и образовательный институт им. Б. Мурзубраимова, г. Узген, Кыргызская Республика, e-mail: Mairam.Kalberdi@mail.ru

Akmataliev Asanbek Turgunbayevich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, International Uzgen Technological and Educational Institute. B. Murzubraimova, Uzgen, Kyrgyz Republic, e-mail: akmataliev.asanbek@mail.ru

Nuridinov Bolot Zholbolduevich – Applicant, International Uzgen Technological and Educational Institute named after. B. Murzubraimova, Uzgen, Kyrgyz Republic, e-mail: nuridinov_b.dz@mail.ru

Kalberdiyeva Mayramkan Kubatbekovna – Applicant, International Uzgen Technological and Educational Institute named after. B. Murzubraimova, Uzgen, Kyrgyz Republic, e-mail: Mai-ram.Kalberdi@mail.ru

УДК 351.853

LEGAL PROTECTION OF THE ETHNO-CULTURAL HERITAGE OF INDIGENOUS AND LOCAL COMMUNITIES

© Wanwan Qi, 2023

Nanjing Forestry University, Nanjing, Jiangsu, China

Abstract. The paper explores the various definitions of ethno-cultural heritage, as well as that of ‘indigenous and local communities’. The interests of these communities in the ethno-cultural heritage are briefly identified; they include the right to life, the right to sustainable development and the right to access and enjoyment of the ethno-cultural heritage. Proposals to promote the protection of the interests of indigenous and local communities in the ethno-cultural heritage system are made in this paper. These include improving the ecological compensation system and concession system.

Keywords: Protection, Ethno-cultural heritage, Indigenous and Local Communities.

I. Introduction

The paper focuses on the protection of the interests of indigenous and local communities with regard to the ethno-cultural heritage. The protection of ethno-cultural heritage is often closely related to the vital interests of these communities, including their sustainable development. Although such communities are often better placed than government agencies to safeguard their ethno-cultural heritage, their interests do not generally attract much attention.

II. The relationship of the National Cultural Park and ethno-cultural heritage

Due to the fact that the National Cultural Park is basically located in the birthplace of Chinese ethno-cultural heritage, its construction is an important way to protect, inherit, and promote Chinese ethno-cultural heritage. Unlike other national parks, national cultural parks have both the function of inheriting and promoting Chinese ethnic culture and promoting the local economy. By establishing a system of preferential access for indigenous and local communities in the concession system of national cultural parks, it can promote the protection of China's ethno-cultural heritage while promoting high-quality economic development. In the national cultural park, the roles

of indigenous and local communities not only include co builders and stakeholders, but also serve as public interest sharers in the national cultural park.

III. The interests of indigenous and local communities

Indigenous and local communities means a human settlement located within the ethno-cultural heritage whose daily life is directly affected by ethno-cultural heritage management policies.²¹ The protection of ethno-cultural heritage is closely related to the vital interests of these communities, including their sustainable development. Although such communities are often better placed than government agencies to safeguard their ethno-cultural heritage, their interests do not generally attract much attention.²²

III. A Indigenous and local communities

Since ethno-cultural heritage is difficult to recover after it has been destroyed, preventive protection of ethno-cultural heritage is an important part of the ethno-cultural heritage management system. By clarifying the interests of the various subjects in the ethno-cultural heritage system, ethno-cultural heritage can be effectively prevented from being protectively destroyed. It is particularly important to pay attention to the interests of indigenous and local communities in the ethno-cultural heritage system.²³

Due to the large area involved in ethno-cultural heritage, it is difficult to achieve effective governance by means of a single administrative agency management, and the construction of a multi-governance model of society is required. Indigenous and local communities have lived in ethno-cultural heritage for generations, and their production and lifestyle have become an indispensable part of the local ecosystem. The participation of indigenous and local communities not only helps to establish a long-term effective ethno-cultural heritage ecological security model, but also facilitates better implementation of ethno-cultural heritage management and protection programs, making ethno-cultural heritage management and protection more effective.²⁴ On the other hand, the management and protection of ethno-cultural heritage concerns the vital interests of indigenous and local commu-

²¹ United Nations (2007). Declaration on the rights of indigenous peoples accessed 10 May 2019. <http://declaration.humanrights.gov.au>

²² Ramsar Convention COP (1999). Resolution VII.8: Guidelines for establishing and strengthening local communities and indigenous people's participation in the management of wetlands. 7th meeting of the Conference of the Contracting Parties to the Ramsar Convention, San José, Costa Rica, 10–18 May 1999. Available at http://www.ramsar.org/pdf/res/key_res_vii.08c.pdf

²³ Heritage Centre (2014) World Heritage and Sustainable Development; WHC-15/39.COM/5D, accessed 10 May 2019. <http://whc.unesco.org/archive/2015/whc15-39com-5D-en.pdf>

²⁴ See IUCN World Conservation Congress (2009). Resolution 4.049: Supporting Indigenous Conservation Territories and other Indigenous Peoples' and Community Conservation Areas. IUCN Fourth World Conservation Congress, Barcelona, Spain, 5–14 October 2008. Available at http://cmsdata.iucn.org/downloads/wcc_4th_005_english.pdf

nities²⁵. Therefore, it is necessary to fill the loss of indigenous and local communities' interests by establishing a system for protecting the interests of indigenous and local communities in the ethno-cultural heritage management and protection system.

III. B Identification of the Interests of indigenous and local communities

There exist several vital interests of indigenous and local communities when protecting the ethno-cultural heritage. If indigenous and local communities do need to relocate, the right to life must be considered firstly. For survival problems, the compensation for the ownership of local houses and the use of land use rights for the indigenous and local communities should be set to maintain basic living conditions.²⁶

Further, if indigenous and local communities do not need to relocate, the corresponding system design will enable indigenous and local communities to ensure their right to sustainable development. Through the ecological management positions, conducting concession, indigenous and local communities can obtain corresponding economic benefits and gradually transform from users to ecological managers.²⁷

Last but not least, the right to access and appreciate the ethno-cultural heritage of indigenous and local communities should be identified. The role of the indigenous and local communities is the protector in addition to the victim of the interests. It also has the role of a user with a ethno-cultural heritage and an ultimate benefit recipient. Because the purpose of the construction of ethno-cultural heritage is not only the protection of ecological environment and ecological value but also the inheritance of generations, it also includes research and recreation of indigenous and local communities, improving the social welfare of indigenous and local communities and promoting the development of tourism economy.²⁸

²⁵ See IUCN World Conservation Congress (2009). Resolution 4.052: Implementing the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. IUCN Fourth World Conservation Congress, Barcelona, Spain, 5–14 October 2008. Available at http://cmsdata.iucn.org/downloads/wcc_4th_005_english.pdf

²⁶ See Qin Tianbao: "On the Realization Path of State-owned Land in National Parks--An Investigation Based on Easement Rights", in *Modern Law*, 2019(03).

²⁷ See Shi Yucheng: "Economic Benefits Equity: Principles, Approaches and Deployments", in *Political and Legal Forum*, 2014(02).

²⁸ See Joseph L. Sax. The Public trust doctrine in natural resource law: effective judicial intervention *Michigan Law Review* 68, 1970.

III.C Indigenous and local communities in the protection of ethno-cultural heritage

At present, the importance of indigenous and local communities' protection of ethno-cultural heritage and their interests do not generally attract much attention.

As a result of government-led ethno-cultural heritage protection model, the awareness and knowledge of indigenous and local communities' protection of ethno-cultural heritage are commonly poor. It is often impossible to understand the protection system and exercise their rights in the protection of ethno-cultural heritage. Thus the lack of the capacity of indigenous and local communities' participation in the protection system of ethno-cultural heritage has become the biggest hinder to the protection of ethno-cultural heritage gradually. Further adverse effects of the limitation of the awareness and knowledge of protection of ethno-cultural heritage can be found when their rights are violated.²⁹ The issue to safeguard their rights effectively received increasing attention.

Given this reason, building of indigenous and local communities' co-management capacity and, where possible, to promote autonomy of decision-making and stimulating the enthusiasm and initiative based on the traditional sense of spontaneous protection of should be taken seriously.

IV. The guarantee system of indigenous and local communities' interests

While indigenous and local communities are often better placed than government agencies to safeguard their ethno-cultural heritage which is often closely related to the vital interests of these communities, as noted, their interests do not generally attract much attention. Given this reason, with the concern to safeguarding the ethno-cultural heritage more effectively, it is urgent to construct a sound system to guarantee the interests of indigenous and local communities.

V.A The ecological compensation system in the protection of ethno-cultural heritage

Traditional ecological compensation methods around national cultural parks are single, and the progress of ecological compensation systems in practice is slow. To solve the above problems, concession of national cultural parks can be one of the practical forms of ecological compensation for the surrounding areas of national cultural parks.

²⁹ Clarke, P., I. Millar and K. Solberger (2008). South Pacific Regional Environmental Law Capacity Building Project. Scoping Report. IUCN, Gland, Switzerland. http://aciucn.org.au/wp-content/uploads/2015/09/28_Halliday_Horton.pdf

By prioritizing the access of indigenous and local communities to national cultural park concession, we aim to protect the interests of indigenous and local communities in the construction of the national cultural park system, balance the public interest of environmental protection in national cultural parks with the private interests of indigenous and local communities. The above-mentioned entities abandoning their original way of survival or sacrificing development opportunities due to activities such as the construction of the national cultural park system that increase ecological and environmental benefits belong to the act of sacrificing the survival and development rights of a few people to protect the environmental rights of all people. The preferential access system for indigenous and local communities in the concession of national cultural parks can guide multiple stakeholders to avoid serious imbalances in the initial distribution of ecological and environmental benefits, and promote the balance of public and private interests in the supply of ecological and environmental benefits and the protection of public survival and development rights.

V.B The concession system in the protection of ethno-cultural heritage

Establishing a national cultural park concession system can effectively enhance the ability of local residents to participate in the protection of national cultural parks, and promote high-quality economic development through ecological protection. Indigenous and local communities who have lived in and around the National Cultural Park for a long time have a better understanding and familiarity with various aspects of the National Cultural Park, and can provide more convenience for the public when conducting concession system activities. Having unparalleled advantages over other entities. The priority access system for indigenous and local communities in concession national cultural parks can help overcome the shortcomings of low efficiency caused by the management agencies of national cultural parks in the past, and improve the utilization efficiency of resources in national cultural parks while achieving priority protection of national cultural parks. At the same time, due to the non correlation of interests, entities other than original residents and enterprises of national cultural parks are prone to pursuing economic interests and neglecting the protection of resources and environment within national cultural parks when conducting concession activities, which is not in line with the value of prioritizing the protection of national cultural parks. The participation of indigenous and local communities in the concession of national cultural parks not only facilitates the development of concession activities, but also establishes a long-term and effective ecological protection model for national cultural parks, providing preventive

protection for national cultural parks, and making the protection and development of national cultural parks more efficient.

Therefore, under the multifunctional positioning of national cultural park concession, attention should be paid to guiding and regulating the behavior of indigenous and local communities closely related to the interests of national cultural parks. Priority should be given to indigenous and local communities to carry out national cultural park concession activities, in order to better achieve the educational, recreational, and scientific research functions of national cultural parks while playing the role of national cultural park concession in protecting national cultural parks.

References

1. United Nations (2007). Declaration on the rights of indigenous peoples accessed 10 May 2019. URL: <http://declaration.humanrights.gov.au>
2. Implementation of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, IUCN, Gland, Switzerland. URL: http://www2.ecolex.org/server2neu.php/libcat/docs/LI/WCC_2012_RES_97_EN.pdf
3. Larsen P. B. (2012). IUCN, World Heritage and Evaluation Processes Related to Communities and Rights. An independent review prepared for the IUCN World Heritage Programme, IUCN, Switzerland.
4. Indigenous peoples' rights in the management of protected areas fully or partially in the territories of indigenous peoples, IUCN, Gland, Switzerland. URL: http://www2.ecolex.org/server2neu.php/libcat/docs/LI/WCC_2008_REC_127_EN.pdf
5. United Nations (2015). Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development accessed 10 May 2019. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E
6. UNESCO WHC 2017. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Paris.
7. Heritage Centre (2014) World Heritage and Sustainable Development; WHC-15/39.COM/5D (date of access: May, 10, 2019). URL: <http://whc.unesco.org/archive/2015/whc15-39com-5D-en.pdf>
8. Ramsar Convention COP(1999).Resolution VII.8: Guidelines for establishing and strengthening local communities' and indigenous people's participation in the management of wetlands. 7th meeting of the Conference of the Contracting Parties to the Ramsar Convention, San José, Costa Rica, 10–18 May 1999. URL: http://www.ramsar.org/pdf/res/key_res_vii.08e.pdf
9. UNESCO (2015). Policy Document for the Integration of a Sustainable Development Perspective into the Processes of the World Heritage Convention. As adopted by the General Assembly of States Parties to the World Heritage Convention at its 20th session. Paris: UNESCO World Heritage Centre. URL: whc.unesco.org/en/sustainabledevelopment/
10. IUCN World Conservation Congress(2009). Resolution 4.052: Implementing the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. IUCN Fourth World Conservation Congress, Barcelona, Spain, 5–14 October 2008. URL: http://cmsdata.iucn.org/downloads/wcc_4th_005_english.pdf
11. IUCN World Parks Congress(2003). Recommendation V.25: Co-management of Protected Areas. Vth IUCN World Parks Congress, Durban, South Africa, 8–17 September 2003. URL: <http://cmsdata.iucn.org/downloads/recommendationen.pdf>
12. Boer, Ben (2017) 'Culture, Rights and the Post-2015 Development Agenda', in *Heritage, Culture and Rights: Challenging Legal Discourses*, edited by Andreas Durbach and Lucas Lixinski, Oxford: Hart.

13. Clarke P., I. Millar and K. Solberger(2008). South Pacific Regional Environmental Law Capacity Building Project. Scoping Report. IUCN, Gland, Switzerland. URL: http://aciucn.org.au/wp-content/uploads/2015/09/28_Halliday_Horton.pdf
14. Boer, Ben and Stefan Gruber (2017) Legal Frameworks for World Heritage and Human Rights in Australia Sydney. URL: <http://ssrn.com/abstract=2939348>
15. Filipa (2017) 'Indigenous Peoples, Human Rights and World Heritage' International and Comparative Law Quarterly (forthcoming).
16. Halliday, Allison, Hank Horton and Alastair Birtles (2016) 'The Role and Importance of the Australian World Heritage Indigenous Network (AWHIN) in achieving Best Practice Management of World Heritage in Australia' (date of access: June, 5, 2023).
17. Rudd, Kevin (2008) Apology to Australia's Indigenous Peoples, Australian Parliament (date of access: June, 5, 2023). URL: [http://www.australia.gov.au/about-australia/ourcountry/our-people/apology-to-australias-Indigeno90\(\) us-peop](http://www.australia.gov.au/about-australia/ourcountry/our-people/apology-to-australias-Indigeno90() us-peop)
18. Peter Howard (2003) Heritage management, Interpretation, Identity. London/New York, Continuum International Publishing Group.
19. John H KNOX(2018)'The United Nations Mandate on Human Rights and the Environment', Chinese Journal of Environmental Law 2 (2018) 83–92.
20. Babidge S., Greer S., Henry R., Pam C. (2007). 'Management Speak: Indigenous Knowledge and Bureaucratic Engagement'. Social Analysis 51(3): 148–164. URL: <http://dx.doi.org/10.3167/sa.2007.510307>

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ И МЕСТНЫХ ОБЩИН

© **Ванван Ки, 2023**

Нанкинский университет лесного хозяйства, Нанкин, Жангсу, КНР

Аннотация. Исследуются дефиниции в сфере этнокультурного наследия, а также понятия «коренные и местные общины». Кратко обозначены интересы этих сообществ в этнокультурном наследии; они включают право на жизнь, право на устойчивое развитие и право на доступ к этнокультурному наследию и пользование им. Сделаны предложения по содействию защите интересов коренных и местных общин в системе этнокультурного наследия, в том числе по совершенствованию системы экологических компенсаций и системы концессий.

Ключевые слова: охрана, этнокультурное наследие, коренные и местные общины.

Wanwan Qi – PhD, Member of the Environmental Resources Law Research Association of the China Law Society, Nanjing Forestry University, Nanjing, China, e-mail: 2295353944@qq.com

Ванван Ки – доктор философии, член ассоциации исследований в области права экологических ресурсов Китайского юридического общества, Нанкинский университет лесного хозяйства, Нанкин, КНР, e-mail: 2295353944@qq.com

TRADITIONAL LAW IN BENIN: SHAPING A DISTINCT LEGAL FRAMEWORK THROUGH SPIRITUAL, MORAL, AND CULTURAL VALUES

© Marus Gbomagba, 2023

Wuhan University
Wuhan, China

Abstract. In many African countries including Benin, traditional values and cultural practices are closely intertwined with the legal system and have a significant influence on how justice is administered and conflicts are resolved. This complexity underscores the importance of understanding law in Africa in general and particularly in Benin within a broader cultural and spiritual context and recognizing the interdependence and the singularity between traditional values and legal norms. By explaining the interplay between spirituality and law, this study sheds light on the unique legal landscape of Benin and its profound connection to spiritual, moral, and cultural values.

Keywords: spiritual, cultural values, Benin, legal framework.

Vodoun as spiritual value on the political landscape

It is important to acknowledge the syncretism among the people in the country, as individuals who identify as Christian or Muslim also incorporate Vodoun or other traditional religious practices into their beliefs and rituals. Vodoun remains highly influential in Benin's political and legal spheres. For instance, in 1996³⁰, former President Nicephore D. Soglo declared Vodoun as the national religion of Benin. This decision was later upheld by the constitutional court of Benin. When President Mathieu Kerekou succeeded Soglo, the court ordered him to retake the oath of office because he had intentionally omitted a traditional reference to the Vodoun spirits during his initial inauguration.³¹

Additional illustrations of the integration of Vodoun practices and traditional leaders of these practices in the political and governance sphere of Benin can be found in the organization of elections, particularly presidential elections.

Its role in environmental protection

Benin is endowed with a considerable number of sacred forests, with a total of 2,940 forests encompassing an area of 18,360 hectares.³² The management of these forests is rooted in traditional practices that recognize their

³⁰ It should be noted that since then, every 10th of January of each year is a public holiday and recognized by the constitution of 1990 as the national holiday of Vodoun. An official event, celebrated and funded by the government, takes place in a city selected by the government.

³¹ United States Bureau of Citizenship and Immigration Services, Benin: Information on Voodoo practices, 28 January 1999, BEN99001.ASM. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6a6a354.html> (date of access: 17 08 2023).

³² Sokpon N., Agbo V. Sacred groves as tools for indigenous forest management in Benin. *Annales des sciences Agronomiques du Benin*. 1999. 2, 161–175.

cultural significance as sacred areas. For example, a recent study highlighted how the profound cultural beliefs held by the local population regarding sacred forests under vodoun control influence their perception of non-material benefits derived from ecosystem services, such as spiritual inspiration and religious values.³³ This contrasts with the emphasis on material benefits observed among individuals residing in communities near non-sacred forests. The positive stance of local communities towards biodiversity conservation in the sacred forests can be attributed to the strict taboos that are established based on their Vodoun identity and beliefs.

Marriage as a Sacred Institution

In Benin's law, marriage is defined as a solemn agreement by which a man and a woman unite.³⁴ The clarification regarding "a man and a woman" is important here because, in black African countries, the union between two individuals of the same sex is completely incompatible with cultural societal norms and is seen as a deviation from traditional values. Marriage can only unite a man and a woman in accordance with moral and traditional values. By doing so, the Beninese legislative body, through the Code of Persons, has enshrined ancestral practices and customs of marriage, recognizing it as a sacred institution. Indeed, this definition of marriage may not necessarily align with that of Western societies, where legislations allow for marriages between individuals of the same sex. This is the case in France with the law of May 17, 2013,³⁵ regarding marriage for all.

There is therefore a complicity between customs and positive law, which always reflects the existence of an influence that deserves to be studied.

Conclusion

While the judicial system is largely influenced by French law, there is a recognition of the importance of incorporating cultural realities and customary practices. Despite the prevalence of Western-style courts, a significant portion of the population continues to rely on traditional authorities for dispute resolution. This highlights the enduring trust placed in these traditional elites. Moving forward, it is crucial to strike a balance between preserving cultural traditions and ensuring access to justice within a modern legal framework.

³³ Djagoun, C.A., Zanvo, S., Padonou, E.A., Sogbohossou, E. and Sinsin, B. Perceptions of ecosystem services: A comparison between sacred and non-sacred forests in central Benin (West Africa) 2022.

³⁴ BenineseCode on Persons and Family, Article 113.

³⁵ LOI n° 2013-404 du 17 mai 2013 ouvrant le mariage aux couples de personnes de mêmesexe. <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000027414540> (date of access: 19 08 2023).

References

1. Constitution of the Republic of Bénin. http://www.gouv.bj/IMG/pdf/la_constitution.pdf &<http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/cafrad/unpan002606.pdf>.
2. Perceptions of ecosystem services: A comparison between sacred and non-sacred forests in central Benin (West Africa) / C. A. Djagoun, S. Zanzo, E. A. Padonou, E. Sogbohossou, B. Sinsin. 2022.
3. Law N 2002-07 on the Code of Persons and Family. URL: <https://legis.cdij.bj/index.php/loi-n-2002-07-portant-code-des-personnes-et-de-la-famille>
4. LOI n° 2013-404 du 17 mai 2013 ouvrant le mariage aux couples de personnes de mêmesexe. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000027414540>
5. Sokpon N., Agbo V. Sacred groves as tools for indigenous forest management in Benin. Annales des sciences Agronomiques du Benin. 1999. 2, 161–175.
6. U.S. Bureau of Citizenship and Immigration Services, Benin : Information on Voodoo practices, 28 January 1999, BEN99001.ASM. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6a6a354.html>

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО БЕНИНА: ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ НА ОСНОВЕ ДУХОВНЫХ, МОРАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© Марус Гбомагба, 2023

Университет Ухань, Ухань, КНР

Аннотация. Во многих африканских странах, включая Бенин, традиционные ценности и культурные обычаи тесно переплетаются с правовой системой и оказывают значительное влияние на то, как осуществляется правосудие и разрешаются конфликты. Эта сложность подчеркивает важность понимания права в Африке в целом и особенно в Бенине в более широком культурном и духовном контексте и признания взаимозависимости и уникальности связи традиционных ценностей и правовых норм. Объясняя взаимодействие между духовностью и правом, это исследование проливает свет на уникальный правовой ландшафт Бенина и его глубокую связь с духовными, моральными и культурными ценностями.

Ключевые слова: духовность, культурные ценности, Бенин, правовая основа.

Marus Gbomagba – Doctoral Researcher, School of Law, Wuhan University, China, e-mail: gbomagbamarus@gmail.com

Марус Гбомагба – докторант, Школа права, Уханьский университет, г. Ухань, Китайская Народная Республика, e-mail: gbomagbamarus@gmail.com

УДК 342:17.02(574)

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

© Д. К. Малаева, 2023

Международная образовательная корпорация
Алматы, Казахстан

Аннотация. На примере молодежи анализируются методы измерения духовно-нравственных ценностей Казахстана на современном этапе. Отмечается, что сегодня Казахстан – быстро развивающаяся и прогрессирующая страна, что в свою очередь ведет не только к экономическим изменениям, но и к изменениям в культурной, социальной жизни граждан. Проявляется это очень явно в жизни и формировании ценностей молодежи. Культура и традиции, сохраненные веками, позволяют формировать традиционные ценности: любовь к родине, уважение к старшим, почитание предков. Но XXI в. диктует свои условия, где духовность отделяется от религии, нравственность измеряется новыми показателями, а методы

воспитания приобретают новую форму и требуют современные подходы. Настоящее исследование показывает связь между понятиями «духовность» и «религиозность», отношение молодежи к вопросам морали и нравственности в личной идентификации. Делается вывод, что глобализация, расширение границ и свободного общения, доступа к информации и возможность свободного выбора приводит общество к таким изменениям, а изменения духовных ценностей приводят к изменению культурных ориентиров.

Ключевые слова: методология, параметры измерения, нравственные ценности.

Передача ценности является фундаментальной задачей школы и университета. Однако возникает вопрос относительно того, насколько преобладающие политические и социальные условия формировать функционирование школы страны или региона система.

Другими словами: какое влияние они оказывают на выбор ценностей, которые будут передаваться в школах или университетах? Существуют ли фундаментальные социальные ценности, которые были общими для разных культур в разное время?

Эти вопросы имеют особую актуальность в странах Восточной и Центральной Европы, где политические и социальные изменения в двадцатом век оказал решающее влияние на множество ценностей, которые были ретранслированы школьной системой.

В настоящем исследовании мы попытаемся уловить корреляцию между духовной и моральной ценностью. В исследовании принимал участие около 116 молодых людей из Алматы, Казахстан. Долгое время Казахстан находился в составе СССР и как обычная постсоветская страна, нас связывает крепкая связь со старым взглядом на моральные качества и отдельными людьми для духовное, религиозное и моральное.

Эти крупные независимые понятия часто понимаются как единое целое. Религия неотделима от духовности, нравственности, морали. У нас есть особенности общества, например, языки. Мотивация к изучению иностранного языка языки являются важным фактором, определяющим успех овладение языком.

В Казахстане двуязычие обусловлено не мотивацией, а пережитками прошлого, к сожалению или к счастью, общество имеет возможность говорить как на родном языке, так и на русском или английском языке.

Носители казахского языка, как правило, более привержены религии и ценят себя как духовный. Это связано с национальными традициями и историей. Русскоязычные, в свою очередь, делятся на 2 типа, которые говорят на двух языках и которые говорят только русским, вторая категория далека от религии, но не без духовности. При этом для общества характерна поляризация в вопросе о различиях морали и нравственности около 50 % не видят разницы между ним, еще около 50 % эту разницу замечает.

Духовные ценности в Казахстане имеют свои собственные специфику, навязанную культурой и сложившуюся склад ума. Казахи – нация с менталитетом желания обретения знаний. По этому поводу уместно привести следующую традицию, существующую у людей.

Один из первых халифов мусульманского мира Хазрет Али (Али ибн Абу Талиб), живший в VII в. считался великим ученым и разработал свое учение «Доктрину Дверей». Соотечественники, чтобы узнать, является ли он достойным этого звания, решили его протестировать. И с этой целью его намеревались оставить с десятью учеными мужами. При этом, договорившись, что каждый из них спросит халифа об одном и том же: «Богатство или знание имеет большую ценность в этом мире? И если бы только Хазрет даст на этот вопрос десять разных ответов, его можно признать носящим халифом. Хазрет Али отреагировал на этот вопрос по-своему – философски, рассматривая это с разных точек зрения.

Концептуальные подходы к определению сущности понятия «интеллектуальный потенциал» имеют существенную сложность. Ответы опрошенных по данному вопросу также были разными. Но с 10 ответов мы даем только три:

Знания сохраняют вас, но вы приобретаете богатство сами, поэтому знания более ценны.

Знания рождают друзей, а богатство увеличивает количество врагов.

Чем больше вы ищете знаний, тем больше они накапливаются. Безрассудно тратьте знания – их количество не будет уменьшаться. Безрассудная же трата богатства приведет к бедности и нужде. Вот почему знания превосходят богатство.

Интеллектуальный потенциал проявляется не только в отраслях, связанных с высокими технологиями. Интеллект и быстрота решений, творческая активность человека быстро растет во всех без исключения областях деятельности, от внутригосударственной до международной.

Этот короткий отрывок объясняет методы учебы и воспитания, что в свою очередь подтверждает разделения общества по языку и соответственно формирует ценности по-разному.

В нашем исследовании мы также задали вопрос: К какому типу людей ты себя причисляешь? И мы ясно видим: духовные 24,1 %; религиозные 11,2 %; атеисты 17,2 %; воздержусь от ответа 47,4 %. Это, в свою очередь, говорит нам, что ответ – я буду воздерживаться от высказывания своей позиции связано с неспособностью понять и определить ценности.

Все это говорит о том, что для молодежи современного Казахстана характерно стремление к духовности и знаниям как в высшей ценности. При этом общество в достаточной мере поляризовано, в том числе по языковому признаку и разделено на группы с разным представлением о базовых социальных ценностях, моральных и нравственных началах.

Полагаем, что данное разделение должно быть прекращено в контексте формирования общенациональной ценностной стратегии. Однако этот вопрос потребует долгих лет работы по формированию и закреплению такой стратегии.

NEW GUIDELINES FOR THE DEVELOPMENT OF SPIRITUAL AND MORAL MODERN SOCIETY ON THE EXAMPLE OF THE YOUTH OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

© D. K. Malayeva, 2023

International Educational Corporation, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The article analyzes the methods for measuring the spiritual and moral values of Kazakhstan at the present stage. Methods for measuring values are given on the example of young people. Today, Kazakhstan is a rapidly developing and progressing country, which in turn leads not only to economic changes, but also to changes in the cultural and social life of citizens. This is manifested very clearly in the life and formation of the values of young people. Culture and traditions, preserved for centuries, allow the formation of traditional values: love for the motherland, respect for elders, reverence for ancestors. But the 21st century dictates its own conditions, where spirituality is separated from religion, morality is measured by new indicators, and upbringing methods take on a new form and require modern approaches. The study presented by the authors shows the relationship between the concepts of "spirituality" and "religiosity", and the attitude of young people to issues of morality and morality in personal identification. Globalization, expansion of borders and free communication, access to information and the possibility of free choice leads society to such changes. Changes in spiritual values lead to a change in cultural orientations.

Keywords: methodology, measurement parameters, moral values

Малаева Диана Кабдулловна – магистр гуманитарных наук, проректор по социальному развитию, Международная образовательная корпорация; докторант, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, e-mail: d.malayeva@mok.kz

Malayeva Diana Kabdullova – Master of Arts, Vice-Rector for Social Development, International Educational Corporation; Doctoral Student, Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan, e-mail: d.malayeva@mok.kz

УДК 341:17.02

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ЗАЩИТЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СВОИХ НАРОДОВ И НАРОДНОСТЕЙ

© И. В. Минникес, 2023

Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу норм Конституции РФ и конституций стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в которых рассматриваются вопросы культуры, этнокультурных традиций и духовно-нравственных ценностей. Установлено, что вопрос о культуре и духовных ценностях нации в различных формулировках ставится в конституционных актах многих государств, но в разном объеме. Обоснована точка зрения о наличии двух типов конституционного регулирования данного вопроса. Первый тип предусматривает краткое упоминание о духовной культуре государства, второй тип регулирования охватывает несколько проблем данной сферы, включая защиту национального этнокультурного наследия. Особое внимание уделено сравнительному анализу статей Конституций РФ и Монголии.

Выявлены положения сходного содержания, а также статьи с различными предписаниями. Предложено дополнить российскую Конституцию ссылкой на этнокультурную духовно-нравственную ценность государственных символов.

Ключевые слова: конституция, Азиатско-Тихоокеанский регион, конституционно-правовое регулирование, сравнительное правоведение, защита духовных ценностей, этнокультурное достояние народов.

В основе самоопределения нации лежит духовная культура. Ни экономическое благосостояние, ни технический прогресс не могут создать то единство населения, которое рождает общность культуры, этнокультурные традиции и духовно-нравственных ценности.

В российском обществе вопрос о фундаментальных духовно-нравственных ценностях всегда играл важную роль. Неоднократно к решению данных вопросов привлекались и правовые средства.

В современном праве этому вопросу также уделено значительное внимание, как текущим законодательством (следует вспомнить, например, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей), так и на уровне конституционных актов. В частности, Конституция Российской Федерации в ст. 44 объявила, что доступ к культурным ценностям – это право каждого человека.

Сохранение и защита духовно-нравственных ценностей является важной задачей любого государства. Этот вопрос нельзя ограничивать исключительно одним ведомством, например, государственной структурой с функциями, аналогичными функциям министерства культуры. В деле сохранения и защиты духовно-нравственных ценностей наций и народностей должны участвовать и сами граждане (об этом говорит п. 3 ст. 45 Конституции России, где указано, что каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры), и общественные организации, и государственные и местные органы власти и управления, контроля и надзора, причем самые разные по компетенции и месту в иерархии.

Можно заключить, что ныне действующая российская Конституция уделила вопросам культуры, ее материальным и нематериальным носителям значительно больше внимания, нежели все предшествующие ей конституционные акты. Кроме того, знаменательно, что историческое и культурное наследие рассматривается не только в контексте субъективного права, но и как обязанность, причем обязанность разных субъектов – от государства до отдельных лиц.

Следует сказать, что вопрос о культуре, духовных ценностях нации в различных формулировках ставится в конституционных актах

многих государств. В настоящей статье предметом рассмотрения являются конституции стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Судя по текстам конституций стран, входящих в эту территориальную общность, конституционно-правовое регулирование данного вопроса варьируется от нескольких слов до нескольких самостоятельных законодательных предписаний.

К первым можно отнести, в частности, Конституцию Республики Корея. В ней предусмотрена статья, в которой обещано, что государство будет стремиться поддерживать и развивать культурный уровень и укреплять культуру нации (ст. 9).

Несколько иначе этот вопрос был поставлен в Конституции Лаоса. Так, в ее Преамбуле упоминаются героические и нерушимые традиции предков, которым следует народ страны. Кроме того, в ст. 23 указано, что государство способствует сохранению национальной культуры, но при этом не отвергает и то прогрессивное, что дает мировая культура.

Конституционно-правовое регулирование данного вопроса в Индонезийской Конституции в основном сосредоточено в ст. 32. В первоначальной редакции (1945 г.) текст сводился к обещанию правительства содействовать развитию национальной культуры Индонезии. Более поздняя редакция существенно шире. Во-первых, в ней указано, что государство продвигает национальную культуру среди мировых цивилизаций, гарантируя обществу свободу сохранения и развития культурных ценностей. Во-вторых, к числу национальных культурных сокровищ в п. 2 ст. 32 причислены местные языки.

Ярким примером конституций второго типа, т. е. конституций, которые не ограничиваются минимальной степенью регламентации вопроса, является Конституция Камбоджи (в ред. 2008 г.).

Во-первых, в данной конституции есть особая глава (гл. 6), которая называется «Образование, культура и социальные вопросы». Эта структурная конструкция напоминает текст Конституции СССР 1977 г., где вопросы культуры также были вынесены в название главы: гл. 3 называлась «Социальное развитие и культура». Правда, в основной акцент в данной главе советский законодатель сделал на социальных вопросах, но следует обратить внимание на ст. 27, согласно которой государство берет на себя заботу об охране, приумножении и широком использовании духовных ценностей.

В соответствии со ст. 69 гл. 6 камбоджийской Конституции, государство обязуется хранить, защищать и укреплять национальную культуру и национальный язык. Особое внимание в статье обращено на охрану и восстановление древних храмов и исторических мест.

Во-вторых, следует отметить, что в Конституцию вынесен даже вопрос о правонарушениях в рассматриваемой сфере: согласно ст. 70 Конституции любые правонарушения, затрагивающие культурное художественное наследие, влекут за собой суровое наказание.

В-третьих, еще одно направление конституционно-правового регулирования в Конституции Камбоджи – это придание особого статуса тем территориям, на которых расположены объекты культурного наследия. Согласно ст. 71 территории объектов национального наследия, в том числе и отнесенных к категории всемирного наследия, считаются нейтральными зонами, где не должно быть никаких военных действий.

Особый интерес в контексте данного направления исследования и вопроса о конституционном развитии постсоциалистического правового пространства в целом представляет современная Конституция Монголии. Компаративистский анализ данного документа имеет особое значение еще и потому, что даты вступления в силу Конституции Монголии и Конституции РФ довольно близки: Конституция Монголии была принята 12 января 1992 г и вступила в силу 12 февраля того же года, а Конституция нашей страны – соответственно 12 и 25 декабря 1993 г.

Если сравнить непосредственно тексты конституций, можно найти как сходные моменты, так и отличия.

В табл. 1 представлены статьи обеих конституций, имеющие сходную направленность и смысл.

Таблица 1

Конституция Российской Федерации	Конституция Монголии
Препамбула ...сохраняя исторически сложившееся государственное единство ...чтя память предков...	Препамбула ...наследуя традиции национальной государственности, истории и культуры...
ст. 68 п. 4 Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством	ст. 7 п. 1 Историческое, культурное, научное и интеллектуальное наследие монгольского народа находится под защитой государства

Таблица 2 содержит текст статей конституций, которые имеют отличающийся смысл, но регулируют сходную сферу отношений.

Таблица 2

Конституция Российской Федерации	Конституция Монголии
ст. 44 п. 1 Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества... Интеллектуальная собственность охраняется законом	ст. 7 п. 2 Интеллектуальные ценности, созданные гражданином, являются собственностью автора и национальным достоянием Монголии
ст. 44 п. 2 Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям	ст. 16 п. 8 Гражданин Монголии гарантированно пользуется... правом осуществлять деятельность в области культуры, искусства и науки...

Судя по приведенным выше таблицам, анализируемые конституции имеют много общих черт. Однако это не исключает самобытности и той и другой Конституции.

В частности, в российской Конституции предусмотрен ряд положений, которые не урегулированы в Конституции Монголии, но имеют прямое отношение к вопросу об этнокультурном достоянии. Эти положения указаны в табл. 3.

Таблица 3

Статья	Текст статьи Конституции РФ
ст. 44 п. 3	Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры
ст. 69 п. 2	Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия
ст. 69 п. 3	Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, живущим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности

Безусловно, эти предписания имеют большое значение в контексте сохранения этнокультурной идентичности народа. Однако в Конституции Монголии, как представляется, при отсутствии аналогичных предписаний, несомненно, также есть весьма ценное положение. Речь идет о статье Конституции, посвященной государственной символике (табл. 4).

Таблица 4

Статья	Текст статьи Конституции Монголии
ст. 12 п. 2	Государственный герб, знамя, флаг и гимн олицетворяют исторические традиции, стремления, единство, справедливость и дух народа Монголии

На основе представленных в таблицах данных можно сделать вывод, что современная Конституция Российской Федерации уделила вопросам о культуре и этнокультурных ценностях значительное большее внимание, нежели Конституция Монголии. Но несомненно положительным моментом в монгольской Конституции является указание связи государственной символики с духовно-нравственными ориентирами нации. Поэтому было бы обоснованным усилить культурно-историческую составляющую раздела о символах государства в нашей Конституции.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN PROTECTING THE FUNDAMENTAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND ETHNO-CULTURAL HERITAGE OF THEIR PEOPLES AND NATIONALITIES

© I. V. Minnikes, 2023

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the norms of the Constitution of the Russian Federation and the constitutions of the countries of the Asia-Pacific region, which address issues of culture, ethno-cultural traditions and spiritual and moral values. It is established that the question of the culture and spiritual values of the nation in various formulations is raised in the constitutional acts of many states, but in different volumes. The point of view on the existence of two types of constitutional regulation of this issue is substantiated. The first type provides a brief mention of the spiritual culture of the state, the second type of regulation covers several problems in this area, including the protection of national ethno-cultural heritage. Special attention is paid to the comparative analysis of the articles of the Constitutions of the Russian Federation and Mongolia. Provisions of similar content have been identified, as well as articles with different prescriptions. It is proposed to supplement the Russian Constitution with a reference to the ethno-cultural spiritual and moral value of state symbols.

Keywords: Constitution, Asia-Pacific region, comparative jurisprudence, protection of spiritual values, ethnocultural heritage of peoples.

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: ivminnikes@mail.ru

Minnikes Irina Victorovna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Legal Research, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ivminnikes@mail.ru

УДК 930.85

THE ROLE OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN POLICY DEVELOPMENT IN MADAGASCAR

© A. Rakoto, 2023

Wuhan University
Wuhan, China

Abstract. This paper highlighted the role of spiritual and moral values in policy development in Madagascar, especially, for the case of environmental policies. A mix of traditional beliefs, indigenous spirituality, and imported religions has shaped the identity of the Malagasy society. In term of environmental protection, studies have shown that environmental policies which are in line with these values appears to be more effective than those policies copied from western countries.

Keywords: Madagascar, spiritual and moral values, policy development, environmental protection, dina, fady.

Madagascar, an island nation in the Indian Ocean, possesses a rich tapestry of cultures, traditions, and beliefs [1, p. 323]. Drawing from over a millennium of influences from Africa, Asia, and Europe, Madagascar's identity is anchored in profound spiritual and moral values that underpin its community. The interplay of ancestral faith, native spirituality, and external religious beliefs has been pivotal in shaping the Malagasy societal landscape [2, p. 260].

To truly grasp the country's policy-making and development strategies, it is crucial to recognize the significance of these values. They act as fundamental pillars, directing the country's governance, economic growth, environmental protection, and other sectors [3, p. 216].

The rich biodiversity of the country attracts the attention of different group of persons, including scientists, international organization, and policy-makers. [4, p. 109]. In the domain of environmental conservation, several studies have been conducted to understand the influence of traditional values on the protection of the environment. In this light, different scholars acknowledge that 'fady' or taboo has a positive impact on the preservation of the environment [5, p. 977]. In Malagasy culture, 'fady' or taboo holds significant importance. It encompasses various prohibitions, from actions that simply transgress good manners, resulting in societal disapproval, to strict taboos that, when breached, could lead to supernatural repercussions [6, p. 683]

As an example, the sacred hill of ANTSAHADINTA (the valley of the leeches) is the site of royal tombs and ancient dwellings. According to traditional beliefs, cutting down trees in this forest is considered 'fady'. Violators risk a curse that twists their neck, turning their head upside down. The reverence to this 'fady' has shielded the forest from deforestation and slash-and-burn agriculture for many generations. Again, the Salt Lake of Tsimanampetsote National Park, which is a Ramsar site, benefits protection from the existence of 'fady'. Local people believes that the Lake is sacred and the respect of fady protect it from diving and its birds from hunting. A story recounts foreign divers who dared to venture; they never came back, and their remains were never discovered. Moreover, a study conducted by Jone et al. conclude that specific taboos offer protection to 5 species considered threatened by the World Conservation Union (IUCN): 1 lemur, 3 carnivores, 1 snake, and other endemic birds, mammals, and plants [7].

From these perspectives, the idea of decentralization of environmental governance arises. Local people have been entrusted with the management of natural resources. The law 'GELOSE' (Law 96-025) aims to transfer to the local communities the management of natural resources, especially the forests. One of the specificities of the law 'GELOSE' is the fact that it inte-

grates provisions on traditional social institution called 'Dina' [8]. The process of GELOSE transfer includes the formulation of Dina that governs local actions related to the relevant resources.

The Law No.2001-004 provides that 'the Dina is a collective agreement in written form, freely adopted by the majority of the Fokonolona aged eighteen years of age or as appropriate'. Dina has been deeply rooted in Madagascar's history from the beginning, present in both spoken and written forms. The 'Fokonolona', a community-based decision-making entity within a specific geographical area and an integral part of the administrative system, plays a pivotal role in shaping Dina. This is because Dina's evolution is rooted within this community-oriented framework [9].

Dina, which are traditional Malagasy agreements, are viewed as societal organization norms stemming from genuine community desires. They are respected and upheld because they were created by the people who recognized their necessity. Article 2 of the Law No.2001-004 states that Dina may include 'measures that the public concerned deem necessary for the harmonization of social and economic life and security based on local realities.' In light of this provision, the 'fady' could be enacted in the Dina to guarantee social order. Dina, along with fady (taboos), fomban-drazana (ancestral culture), fomba (cultural conventions), and fihavanana (community unity), constitute what is known as traditional or customary law [10, p. 51].

In Madagascar, the customary law is recognized as a source of law. Article 11 of the Law 'Ordonnance n°62-041' provides that in case of silence or insufficiency of the law, the judge may refer to general law principles, and if necessary, to the customs and traditions of the involved parties, as long as these customs and traditions are clear and firmly established [11]. In addition, the Organic Law on the Supreme Court, in its article 40 states that 'the request or the deed must, under penalty of inadmissibility, contain a brief statement of the facts and means, the statement of the legal provisions or customs that have been violated, as well as the customs formulated' [12]. In this regard, it is obvious that traditional values continue to influence the Malagasy legal system.

The Law 'Malagasy Charter of the Environment' recognizes the importance of environmental decentralization, and pledges for public participation in environmental governance in its article 14 [13]. Moreover, Environmental NGOs and the financial partners of Madagascar suggest the government to align the national politics of environment with traditional values.

Principle 10 of Rio Declaration emphasizes that 'Environmental issues are best handled with participation of all concerned citizens, at the relevant level. At the national level, each individual shall have appropriate access to information concerning the environment that is held by public authorities,

including information on hazardous materials and activities in their communities, and the opportunity to participate in decision-making processes. States shall facilitate and encourage public awareness and participation by making information widely available. Effective access to judicial and administrative proceedings, including redress and remedy, shall be provided' [14].

Effective public participation can be attained when policy-makers consider the societal spiritual and moral values and allow the involved public to engage in policy development. Though traditions and customs are acknowledged as legal foundations, their application faces certain challenges. Concerning Dina, various research findings highlight non-compliance and non-enforcement issues, which contribute to the failure in achieving conservation goals [15, p. 68]. These failures stem from a lack of understanding of the concept of “fady” and its context among conservation actors, including NGOs and state organs. These entities have utilized Dina to advance their own priorities rather than focusing on community interests, leading to resistance from local community members [16, p. 1254] When initiated by local actors and embraced by established customary authorities, Environmental Dina stands a better chance of successfully reaching conservation objectives [17].

References

1. Peter S. Spiritual Values in Madagascar // *Mountain Research and Development*. 2016. N 26 (4). P. 323–327.
2. Golden C. Spiritual Roots of the Land: Hierarchy and Relationships of the Religious Cosmologies of Humans and Their Environment in the Maroantsetra Region of Madagascar” // *Worldviews*. 2014. N 3. P. 255–68.
3. Fritz-Vietta et al. Conservation in a biodiversity hotspot: Insights from cultural and community perspectives in Madagascar // *Biodiversity hotspots: distribution and protection of conservation priority areas*. Berlin, Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg. 2011. P. 209–233.
4. Nadia R. Madagascar's biodiversity conservation challenge: from local- to national-level dynamics // *Environmental Sciences*. 2018. N 5. P. 109–128.
5. Jones et al. The Importance of Taboos and Social Norms to Conservation in Madagascar // *Conservation biology: the journal of the Society for Conservation Biology*. 2008. N 22(4), P. 976–986.
6. Tengö et al. Taboos and Forest Governance: Informal Protection of Hot Spot Dry Forest in Southern Madagascar // *AMBIO Royal Swedish Academy of Sciences*. 2007. N 36. P. 683–691.
7. Valisoa R. In Madagascar, cultural taboos can protect or harm the environment, // *Mongabay Series: Conservation in Madagascar*. URL: <https://news.mongabay.com/2021/05/in-madagascar-cultural-taboos-can-protect-or-harm-the-environment/> (date of access: 18.08.2023).
8. Gelose: Law of Madagascar No. 96-025 of 10.09.1996. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mad16686.pdf> (date of access: 18.08.2023)
9. The General Regulation of Dina in public security matters: Law of Madagascar N 2001-004 of 27.07.2001. URL: <https://www.global-regulation.com/translation/madagascar/5961062/law-no.-2001-004-on-the-general-regulation-of-dina-security-and-publicly-version-french-version-malagasy.html> / (date of access: 18.03.2023)

10. Henkels, D. Une Vue De Pres Du Droit De L'environnement Malgache (A Close Up of Malagasy Environmental Law), // African Studies Quarterly 1999. N 3(2) URL: <http://www.africa.ufl.edu/asq/v3/v3i2a3.pdf>

11. Dispositions générales de droit interne et de droit international privé (General Régulations on the domestic law and international private law): Law of Madagascar N 62-041 of 19.09.1962. URL: <http://jafbase.fr/docAfrique/Madagascar/LoiDIP.pdf/> (date of access: 18.03.2023).

12. Organization, role attributions, and applicable proceeding before the Supreme Court: Organic Law of Madagascar No 2004-036 of 01.10.2004. URL: <https://www.assemblee-nationale.mg/wp-content/uploads/2020/11/Loi-n%C2%B0-2004-036.pdf> (date of access: 18.08.2023).

13. Malagasy Charter of Environment: Law of Madagascar No 2015-003 of 20.01.2015 URL: <https://www.assemblee-nationale.mg/wp-content/uploads/2020/11/Loi-n%C2%B02015-003-Charte-de-lenvironnement.pdf> (date of access: 18.03.2023).

14. 1992 Rio Declaration on Environment and Development // UN Doc. A/CONF.151/26 (vol. I), 31 ILM 874 (1992).

15. Sodikoff G. M. Totem and Taboo Reconsidered; Endangered Species and Moral Practice in Madagascar. In The Anthropology of Extinction: Essays on Culture and Species Death // Bloomington: Indiana University Press. 2011. P. 68–86.

16. Osterhoudt S. R. Community Conservation and the (Mis) appropriation of Taboo // Development and change. 2018. N 49(5). P. 1248-1267.

17. Rakotoarijaona, et al. Les tensions entre développement et conservation dans l'action environnementale locale : le cas des forêts d'Anjà et de Tolongoïna à Madagascar // Université Catholique de Louvain. 2019. Doctoral dissertation URL: https://dial.uclouvain.be/downloader/downloader.php?pid=boreal%3A219021&datastream=PDF_01&disclaimer=69dfdb5677137e9b3cd88f9b7a26f504babaa812f3577c6ea131a6b5bd3cddd5

РОЛЬ ДУХОВНЫХ И НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗРАБОТКЕ ПОЛИТИКИ МАДАГАСКАРА

© А. Ракото, 2023

Ухань Университет, Ухань, КНР

Аннотация. Статья посвящена роли духовных и моральных ценностей в организации процесса разработки государственной политики на Мадагаскаре, в том числе в контексте экологической политики. Отмечается, что сочетание традиционных верований, местной духовности и зарубежных религий, сформировало идентичность малагасийского общества. По вопросу защиты окружающей среды исследования показали, что экологическая государственная политика, соответствующая этим ценностям, оказывается более эффективной, чем политика, реципированная у западных стран.

Ключевые слова: Мадагаскар, духовно-нравственные ценности, разработка государственной политики, защита окружающей среды, дина, фади.

Andriamirado Rakoto – PhD in Environmental Law, Research Institute of Environmental Law, Wuhan University, Wuhan, China, e-mail: rakoto.andriamirado503@yahoo.com

Андреамирадо Ракото – кандидат юридических наук в сфере экологического права, Исследовательский институт экологического права, Уханьский университет, г. Ухань, Китайская Народная Республика, e-mail: rakoto.andriamirado503@yahoo.com

ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ И КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

© Самбу Демберел, 2023

Экономический и исследовательский институт Центрального Банка Монголии
Улан-Батор, Монголия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению права на свободу предпринимательской деятельности и его характеристик как одного из конституционных прав каждого. Отмечено, что свободная и качественная реализация указанного права позволяет стабилизировать общественные процессы, осуществлять эффективную деятельность по распределению товаров и услуг, а также поддерживать и развивать государственную экономику, в том числе, способствует становлению и укреплению среднего класса.

Ключевые слова: право, свобода, предпринимательская деятельность, право на свободу предпринимательской деятельности, уполномоченные по защите прав предпринимателей.

Любое демократическое правовое государство, закрепляет и предоставляет конституционные права, принадлежащие человеку с момента рождения, либо по достижению определенного законом установленного возраста. Комплекс закрепленных конституционных прав связан с функционированием института предпринимательства в современном государстве. Этот тезис справедлив как для Монголии, так и для зарубежных государств.

Предпринимательство выступает важнейшим элементом рыночной системы хозяйствования, без которой в современных реалиях невозможно нормальное существование общества и государства. Соответственно, последние заинтересованы в развитии предпринимательской деятельности, как деятельности, по предоставлению и реализации качественных товаров и услуг, больших масштабов, направленной на обеспечение населением всем необходимым.

Предпринимательская деятельность, как вид экономической деятельности, характеризуется элементами хозяйствования и имеет коммерческую составляющую. Ее целью является не только получение прибыли, но и удовлетворение личных и общественных потребностей. Эффективность предпринимательской деятельности напрямую зависит от свободы ее осуществления.

Свобода в данном случае выражается в свободном использовании своих ресурсов, возможности свободно использовать помещение для реализации деятельности, набирать при необходимости сотрудников, иметь определенность в используемых средствах своей деятельности и иных моментах. В этой связи государством закрепляется и гарантиру-

ется право на свободное осуществление предпринимательской деятельности или право на свободу предпринимательской деятельности.

Свобода в использовании своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской деятельности предопределяет наличие права на свободу предпринимательской деятельности. Стоит отметить, что далеко не всегда свобода предпринимательской деятельности одержит в себе четкий перечень форм и средств ее реализации. В силу отсутствия прямого указания на понятие и сущность права на предпринимательскую деятельность, в науке представлены авторские формулировки.

Так, по мнению Ю. Ю. Илюхиной, «конституционное право на предпринимательскую деятельность – это предопределенная принципом экономической свободы, закрепленная в Конституции и обеспечиваемая государством возможность каждого определять вид и меру свободного использования своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской деятельности, а также пользоваться получаемым в результате этого предпринимательским доходом, состоящая из совокупности правомочий, реализуемых в индивидуальном или коллективном порядке, в предусмотренных законом формах, с целью получения прибыли и обеспечения функционирования товарно-рыночных экономических отношений» [1, с. 10].

В свою очередь, Н. В. Чельцова считает, что «конституционное право на занятие предпринимательской деятельностью – это субъективное право каждого (физического или юридического лица) на осуществление на свой страх и риск, за собственный счет и под свою ответственность инициативной деятельности по изготовлению продукции и оказанию услуг, имеющей целью извлечение прибыли для себя и предоставление благ для потребителей» [2, с. 24].

Под правом на свободу предпринимательской деятельности необходимо понимать, обеспеченную нормами Конституции возможность каждого свободно по своему усмотрению осуществлять деятельность, связанную с использованием имущества, а также своих способностей, по производству товаров, либо оказанию услуг, либо иную соответствующую деятельности под свою непосредственную ответственность в целях извлечения прибыли.

В Конституции Республики Монголия содержится ряд норм, обеспечивающих реализацию права на предпринимательскую деятельность.

Статья 5 Конституции предусматривает, что «Государство допускает любые формы общественной и частной собственности и защищает права собственников законом». При этом права собственников могут быть ограничены только нормами закона. Государство проводит эко-

номическую политику для того, чтобы обеспечить стабильность национальной экономики, экономическую безопасность, социальное и многоукладное развитие.

Статья 6 Конституции налагает существенные ограничения на ведение предпринимательской деятельности. Земля, ее недра, леса, воды, животные, растительные и другие богатства природы Монголии принадлежат только народу и находятся под защитой государства. Вся земля, не переданная в частную собственность граждан Монголии, недра земли, их богатства, леса, воды, животный и растительный мир являются государственной собственностью.

Устанавливается, что земля, за исключением пастбищ, земельных наделов общественного и специального государственного пользования, может быть передана в частную собственность только гражданам Монголии. Это не относится к недрам земли. Гражданам Монголии продажа, обмен, дарение, закладывание под залог земель, находящихся в их частной собственности, иностранцам и лицам без гражданства запрещается. Запрещается также передача земли во временное пользование другим лицам без разрешения соответствующих органов государственной власти.

Одновременно государство может накладывать на собственников земли определенные обязательства, исходя из особых интересов государства, обменивать землю собственника или изъять ее вновь в собственность государства с соответствующей компенсацией. В случаях использования земли во вред здоровью людей, окружающей природы, интересам национальной безопасности, государство может эту землю конфисковать.

На основании статьи 16 Конституции Монголии граждане имеют право на справедливое (честное) приобретение движимого и недвижимого имущества, на владение им и передачу по наследству. Запрещаются незаконная конфискация и отчуждение частной собственности. Исходя из насущных потребностей общества, государство и представляющие его компетентные органы вправе отчуждать частную собственность в пользу государства, выплачивая владельцу ее стоимость и компенсацию. При этом гарантируется право на свободный выбор профессии, на обеспечение хороших условий труда, на получение заработной платы, на отдых, на ведение собственной хозяйственной деятельности. Никто не может быть подвергнут принудительному труду.

Право на свободу предпринимательской деятельности, как любое иное право, подлежит государственной защите. Для этого государство должно создавать эффективные механизмы в первую очередь в лице соответствующих органов, к полномочиям которых относится защита прав предпринимателей. Нельзя не согласиться с тем, что на сегодняшний день в мире имеется множество механизмов защиты прав пред-

принимателей. Это не только государственный, но и общественный контроль за предпринимательской деятельностью, как за деятельностью по обеспечению населения различного рода благами.

Наиболее распространенной формой защиты выступает судебная защита прав предпринимателей, которую осуществляют суды различных юрисдикций.

Еще одним из значимых механизмов по защите прав предпринимателей выступают органы прокуратуры, что осуществляют прокурорский надзор и немедленное реагирование на нарушения прав и свобод каждого.

Особое место в системе защиты права на свободу предпринимательской деятельности занимает институт специальных общественных структур, обеспечивающих защиту прав предпринимателей. К числу таких в Республики Монголия можно отнести и Национальную торгово-промышленную палату Республики Монголия.

Таким образом, право на свободу предпринимательской деятельности является одним из важнейших конституционных прав. Реализация данного права сопровождается определенными механизмами, целью которых является предупреждение нарушения права, а также его непосредственная защита после.

Обеспечение полной и беспрепятственной реализации указанного права позволит минимизировать риски, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, а также укрепить экономику государства, что положительным образом отразится на благосостоянии каждого.

Литература

1. Илюхина Ю. Ю. Конституционно-правовые гарантии реализации права на предпринимательскую деятельность в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Саратов, 2011. 23 с.
2. Чельцова Н. В. Особенности реализации конституционного права человека на занятие предпринимательской деятельностью в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2005. 174 с.

THE RIGHT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AS A FUNDAMENTAL VALUE AND CONSTITUTIONAL REGULATION

© **Sambuu Demberel, 2023**

Economic and Research Institute of the Central Bank of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the right to freedom of entrepreneurial activity and its characteristics as one of the constitutional rights of everyone. The free and high-quality implementation of this right makes it possible to stabilize social processes, carry out effective activities for the distribution of goods and services, as well as support and develop the state economy, including contributing to the formation and strengthening of the middle class.

Keywords: Law, freedom, entrepreneurial activity, the right to freedom of entrepreneurial activity, commissioners for the protection of the rights of entrepreneurs.

Самбу Демберел – директор Экономического и исследовательского института, Центральный Банк Монголии, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: demberelsambuu9@gmail.com

УДК 342.415

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ КУЛЬТУРНЫМ И ДУХОВНЫМ ТРАДИЦИЯМ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

© Т. В. Сенькова, 2023

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
Гомель, Республика Беларусь

Аннотация. Рассматриваются положения Конституции Республики Беларусь и Проекта Концепции национальной безопасности, подтверждающие приверженность государства и общества традиционным культурным и духовно-нравственным ценностям. Подчеркивается стремление государства к защите и укреплению конституционных ценностей.

Ключевые слова: конституционные ценности, конституционная реформа, национальные интересы, национальная безопасность.

Больше года в Республике Беларусь действует обновленная Конституция. Последние изменения и дополнения к ней были приняты на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. [1]. Основными направлениями конституционной реформы стали формирование «национальной идеи» как идеи суверенитета и единства нации, сохранение и усиление социальной направленности государственной политики и взаимной ответственности общества и государства, сохранение традиционных ценностей, избирательная система, политическое устройство. Конституционные положения устанавливают не только правовой фундамент развития общества и государства, но и отражают ценности и традиции присущие белорусскому народу, «сложившуюся политико-правовую и ценностную картину белорусского государства и общества» [2, с. 5]. Дальнейшее конституционно-правовое закрепление ценностных ориентиров белорусского общества стало одним из наиболее значимых аспектов конституционной реформы [2, с. 6].

В науке конституционного права вопросу конституционных ценностей уделяется немало внимания. Конституционные ценности рассматриваются в качестве идейной основы Конституции [3, с. 115]. Под ними понимают прямо предусмотренные конституцией государства, признаваемые или вытекающие из ее сути наиболее значимые характеристики разных явлений, способствующие развитию личности, общества и государства [4, с. 72]. Выделяют универсальные, региональные,

национальные конституционные ценности, абстрактные и конкретные, материальные и процессуальные и др. Каждое государство самостоятельно формулирует и закрепляет на конституционном уровне набор национальных конституционных ценностей. Конституционные ценности рассматриваются как «как некие идеалы, к которым стремится общество и государство на определенной ступени своего исторического развития». Т. С. Масловская констатирует усиление ценностной составляющей конституций, не только белорусской, и прогнозирует дальнейшую тенденцию к усилению и закреплению национальных интересов государств на конституционном уровне [5, с. 56–57].

О. И. Чуприс отмечает, что «ценности, характеризующие народ, вытекают из его традиций и мировоззрения, выкристаллизовываются в ходе исторического развития», а ценностные установки белорусского народа объединены в преамбуле Конституции, которая консолидирует идеологию основного документа [2, с. 6].

Так помимо признания общечеловеческих ценностей на конституционном уровне закреплено право белорусского народа на самоопределение, сохранение национальной самобытности и суверенитета, подчеркивается важность культурных и духовных традиций, стремление к миру и гражданскому согласию, благополучию граждан. Конституция утверждает права и свободы человека и гражданина, устои правового государства и социально справедливого общества. В разряд важнейших конституционных ценностей возведены незыблемость народовластия, независимость и процветание Республики Беларусь [1].

Помимо указанных в качестве конституционных ценностей можно выделить следующие, закреплённые в Конституции Республики Беларусь: «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» (ст. 2), признание народа единственным источником власти, незыблемость конституционного строя (ст. 3), демократия и политический плюрализм (ст. 4, 5), верховенство права и приоритет общепризнанных принципов международного права (ст. 7, 8, 18), равенство перед законом и социальное партнерство (ст. 11, 14), право собственности и его гарантии (ст. 13), историко-культурное и духовное наследие (ст. 15), свобода совести и вероисповедания (ст. 16, 31), государственная символика (ст. 19), семья (ст. 31) и др.

В этом контексте интерес представляет исследование Демидовой И. А. по изучению правового менталитета белорусов, где в качестве положительных черт белорусского народа, отражающих, в том числе, его ценностные ориентиры названы: сильная религиозность, любовь к родине (патриотизм), семейственность и др. Как отмечает

И. А. Демидова, «благодаря правовой ментальности правовые системы сохраняют национальную идентичность» [6, с. 92]. Таким образом, можно сказать, что конституционные нормы формализуют те ценности, которые заложены у белорусского народа на ментальном уровне.

Конституция уделяет большое внимание духовно-нравственной составляющей общественных отношений. Так, государство берет на себя ответственность за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь. Новацией ст. 15 Конституции, нашедшей отражение и в других нормативных правовых актах, стала норма о том, что государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Закрепляя свободу совести и вероисповедания в положениях Конституции отмечается, что взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. В Республике Беларусь запрещается деятельность религиозных организаций, которая направлена против суверенитета государства, конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности [1, ст. 16].

Институту семьи в государстве отводится важная социальная роль, что отмечено не только в Конституции, но и в других нормативных актах. Как отмечают ученые семья представляет собой естественно-географическую (психофизиологическую, кровно родственную), культурную (нравственно-ценностную, этическую), экономическую, правовую организацию [7, с. 21]. Семья выполняет ряд функций и в настоящий момент они не сводятся только к демографической [7, с. 25], что также находит отражение на законодательном уровне. Так, в соответствии с Конституцией на семью возложена обязанность прививать детям культуру, уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси. В первую очередь в семье происходит формирование духовно-нравственных ценностей, реализация традиций, сложившихся в обществе и поддерживаемых им. Подтверждая приверженность общества и государства традиционным семейным ценностям, Конституция закрепляет положения о том, что брак является союзом женщины и мужчины. Таким образом, законодатель акцентирует внимание на социальной, воспитательной, идеологической функции семьи, стремится предупредить деструктивные трансформации в сфере семейных отношений.

Государство и общество поддерживают тенденцию к укреплению традиционных семейных отношений. Следует отметить, что позиция церкви по данному вопросу однозначна. Анализируя конфликт прочтения концепции прав человека в современных либеральных и восточно-христианских ценностных традициях Калинин С. А. отмечает, что «недопустимо изобретение прав, узаконивающих поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими мировыми религиями при осуществлении прав человека» [8, с. 168], а «реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа» [9, с. 175]. Отметим, что данный аспект также нашел отражение в практике конституционного строительства.

Государство проявляет особую заботу о духовном, нравственном, интеллектуальном и физическом развитии молодежи, создает для этого необходимые условия [1, ст. 32¹]. Конституция утверждает право каждого сохранять свою национальную принадлежность, не допускает оскорбления национального достоинства, гарантирует право пользования родным языком, право на участие в культурной жизни, свободу творчества и охрану интеллектуальной собственности [1, ст. 50, 51].

Придерживаясь принципа взаимной ответственности общества и государства, Конституция возлагает ряд обязанностей, среди которых в том числе и обязанность уважать государственные символы и национальные традиции Беларуси, беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности, сохранять историческую память о героическом прошлом белорусского народа, быть патриотом [1, ст. 52, 54].

Конституция отдает приоритет коллективным ценностям белорусского народа, которые выступают «скрепляющим фундаментом белорусского государства» [2, с. 12].

Конституционные ценности корреспондируют с национальными интересами, под которыми понимается «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права и свободы, высокое качество жизни граждан, согласие в обществе, незыблемые устои народовластия и правового государства, его независимость, территориальную целостность и суверенитет» [9, п. 4]. В соответствии с п. 8 Проекта Концепции национальной безопасности (далее – Концепции) сохранение самобыт-

ности, укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие современного культурного пространства страны, защита исторической памяти, патриотическое воспитание граждан, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений являются стратегическими национальными интересами.

Духовно-нравственные и культурные ценности составляют национальные интересы в различных сферах. Исходя из Концепции одними из основных национальных интересов в политической сфере являются развитие гражданского общества с учетом национальных традиций и особенностей (п. 9); в социальной сфере – развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, укрепление патриотизма (п. 12); в демографической сфере – укрепление института семьи (п. 13). Кроме того, сохранение духовно-нравственных ценностей белорусского народа рассматривается как элемент социальной безопасности.

Защищая и отстаивая национальные интересы, Республика Беларусь определяет источники внешних и внутренних угроз национальной безопасности и разрабатывает меры по их нейтрализации. Следует отметить, что «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, разрушение национальных культурных и духовных традиций, искажение исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа» рассматривается Концепцией как одна из основных угроз национальной безопасности.

В контексте рассматриваемых вопросов в соответствии с Концепцией внутренними источниками угроз национальной безопасности в политической сфере представляются, такие как: формирование либо распространение идеологии нацизма, национальной, религиозной либо иной социальной нетерпимости, неуважительное отношение к государственным символам, использование экстремистской символики и атрибутики. Негативные трансформации института семьи являются угрозой национальной безопасности в демографической сфере. Источником военных угроз является ослабление в обществе чувства патриотизма, готовности граждан Республики Беларусь к вооруженной защите Отечества [9, гл. 5].

Также Республика Беларусь исходит из недопустимости распространения в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям [9, п. 46].

Республика Беларусь стремится к нейтрализации, отмеченных выше, негативных факторов путем формирования уважения к традиционным национальным ценностям, их защиты, сохранения и приумножения духовного и историко-культурного потенциала страны, обеспече-

ния условий для укрепления единой общности «белорусский народ», воспитания уважения к другим национальностям, религиям и культурам, укрепление института семьи, развития в обществе патриотизма [9, гл. 8].

Предпосылками к укреплению конституционных ценностей являются такие современные вызовы как негативная трансформация института семьи, угрозы терроризма, вооруженные конфликты, миграция, отрицательные последствия цифрового развития и в целом кризис ценностей в обществе. Республика Беларусь не может допустить искажения и фальсификации истории, разрушения традиционных духовно-нравственных ценностей, института семьи. Безусловно, культурные и духовные ценности и традиции имеют положительное влияние на прогрессивное развитие общества и государства и объединяют белорусский народ.

Республика Беларусь стремится защитить личность и общество от несвойственных, навязываемых, умышленно искажаемых ценностных ориентиров. Конституция, в свою очередь, закрепляет исторически сложившиеся, поддерживаемые народом ценности, развивает их в текущем законодательстве, что способствует устойчивому развитию белорусского государства.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. 80 с.
2. Чуприс О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности // Право.by. 2022. № 2(76). С. 5–13.
3. Ключко Е. И. Подходы к определению понятия «конституционные ценности» в теории конституционного права России и зарубежных стран // Вестник РУДН, серия 116 Юридические науки. 2015. № 2. С. 115–124.
4. Несмеянова С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 4. С. 71–74.
5. Масловская Т. С. Конституционные ценности в XXI веке: тенденции к универсализму или укреплению национальных интересов? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 6. 2018. С. 56–62.
6. Демидова И. А. Правоментальная характеристика белорусского общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 2 (35). 2019. С. 88–96.
7. Примаченок Г. А. Эволюционные и институциональные причины, изменившие роль и функции семьи в современном белорусском обществе // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. Минск, 2020. Вып. 12. С. 19–29.
8. Калинин С. А. Идея прав человека в православном понимании. Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 164–181.
9. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь (от 6 марта 2023 г. № 1) «О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь». URL: [pravo.by/document/? guid=3871&p0=P223s0001](https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001) (дата обращения: 01.08.2023).

COMMITMENT TO CULTURAL AND SPIRITUAL TRADITIONS IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

© T. V. Senkova, 2023

Francisk Skorinagomel State University, Gomel, Republic of Belarus

Abstract. The article presents the provisions of the Constitution of the Republic of Belarus and the Draft Concept of National Security, confirming the commitment of the state and society to traditional cultural, spiritual and moral values. The desire of the state to protect and strengthen constitutional values is emphasized.

Keywords: constitutional values, constitutional reform, national interests, national security.

Сенькова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, юридический факультет, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь, e-mail: tat.sen@mail.ru

Senkova Tatyana Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Francisk Skorinagomel State University, Gomel, Republic of Belarus, e-mail: tat.sen@mail.ru

УДК 340:321:17.02

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

© М. Г. Тирских, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. В статье анализируется процесс трансформации политических режимов, для которого характерна необходимость комплексного соотнесения политических целей и духовных ценностей общества. Выявлено, что при их гармонизации трансформация режима происходит наиболее эффективно, без существенных осложнений для различных сфер общественной жизни. При этом важным фактором является отражение соответствующих ценностей в нормативных правовых актах. Отмечается, что такое закрепление имеет два значения. Оно выступает как символическое установление готовности власти следовать сложившимся духовно-нравственным ценностям и как механизм, придающий ценностям гарантированный принудительной силой государства характер.

Ключевые слова: политический режим, трансформация политического режима, духовно-нравственные ценности, идеология.

Трансформация политических режимов представляет собой процесс, влияющий на различные аспекты деятельности общества и государства. При этом изменение политического режима в силу его особенностей не могут не затрагивать идеологические аспекты деятельности государства. При этом их закрепление в нормативно-правых документах зачастую играют важную роль в трансформации политического

режима на пути от политической декларации к закреплению совокупность методов, приемов, средств и способов осуществления политической власти.

Каждый механизм государственного управления представляет собой не только набор абонированных действий органов государственной власти и правил, на которых эти действия основаны, но и подразумевают связь между органами государственной власти и обществом. Данная связь не может протекать в деидеологизированном пространстве, лишенном ценностных ориентиров и морально-этических постулатов.

Хотя государственное управление в большинстве своем является деятельностью, направленной на принятие и реализацию политических решений в конфетных сферах деятельности общества и не зависит от духовной составляющей (например строительство дорог, организация сбора урожая и иные процессы носящие объективный характер) в большинстве других сфер морально-идеологическая составляющая представляет собой центральную и наиболее значимую конструкцию политического управления без закрепления которой реализация процесса трансформации политического режима не может быть завершена.

Идеологический контур трансформации политических режимов зависит от особенностей самого процесса преобразования. Учитывая возможность разделения процессов трансформации политических режимов на два типа: революционный (быстрые преобразования вне механизма государственной власти) и эволюционный (постепенные и встроенные в механизм государственного управления преобразования) можно отметить, что и фиксация роли культурно-нравственных ценностей также имеет специфические особенности. К их числу можно отнести, в частности, как содержание данного идеологического контура так и правовая форма, в которую может быть структурно включены элементы данного идеологического контура.

Содержание идеологического контура всегда включает в себя три элемента:

1. Базовые ценности, характерные для соответствующего общества, нарушение которых может привести к существенным противодействиям со стороны общества в целом, или отдельных групп.

2. Основные постулаты политической идеологии, являющейся доминирующей в новом политическом режиме.

3. Принципы организации государственной власти, необходимые для функционирования государственного аппарата.

Эти составляющие должны в безусловном порядке учитываться в рамках отображения культурно-нравственных ценностей в законодательстве. В противном случае может возникнуть ситуация, при которой

несогласованность идеологических оснований может привести к существенным негативным реакциям со стороны отдельных частей общества и как итог к существенному затруднению процесса трансформации политического режима. При этом истории известны случаи, когда политическая идеология противоречила базовым культурно-нравственным ценностям. Так, в рамках идеологии большевизма в послереволюционной России осуществлялась деятельность по уменьшению роли и влияния православия в механизме государственного управления. Это расходилось с базовыми культурно-нравственными ценностями, традиционно формировавшимися в Российской империи. Такое отношение требовало, с одной стороны, использование дополнительных пропагандистских и силовых ресурсов, а с другой – порождало дополнительные конфликты, которые, однако в условиях гражданской войны не были заметны среди других осложняющих обстоятельств.

Важно отметить, что нормативное закрепление новых морально-нравственных ценностей в законодательстве в период трансформации политического режима имеет две формы.

В случае эволюционных преобразований, когда изменение политического режима осуществляется посредством совокупности реформ, новые принципы морально-этического характера, прописываются в нормативных правовых актах постоянного действия, в том числе в актах конституционного характера. При этом внедрение новых морально-этических принципов как правило носит стадийный характер. В качестве наиболее показательного примера можно отменить проведение «перестройки» в Советском Союзе в 1985 и последующие годы. Внедрение таких принципов как, например, «гласность» и прочие осуществлялись постепенно в рамках этапов проводимых реформ.

В случае революционного пути трансформации политического режима, предполагающего резкий процесс смены власти возможность прописать в законодательстве новые морально-этические принципы управления возникает только по факту осуществленного переустройства власти (свержения прежнего политического руководства и появления нового). Однако нельзя говорить о том, что в правовой плоскости принципы новой идеологии не проявлялись.

Любой процесс трансформации политических режимов посредством революционного пути предполагает, как минимум, принятие субъектами, осуществляющими преобразование прокламации политико-правового характера. Это может быть политическая декларация, соглашение, заключенное между сторонами, участвующими в процессе революционных преобразований, воззвание, или любая другая форма выражения политической воли с одновременной фиксацией правовых оснований будущего устройства власти.

В любом случае использование правовой формы закрепления новых морально-нравственных аспектов властвования представляется необходимой составляющей процесса трансформации. Такое действие как минимум придает устойчивость последующим государственно-властным институтам.

Таким образом, правовое закрепление духовно-нравственных ценностей следует признать одной из необходимых составляющих процесса трансформации политического режима.

NORMATIVE AND LEGAL CONFIGURATION OF FUNDAMENTAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIMES

© M. G. Tirsikh, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the process of transformation of political regimes, which is characterized by the need for a comprehensive correlation of political goals and spiritual values of society. It has been revealed that with their harmonization, the transformation of the regime occurs most effectively, without significant complications for various spheres of public life. In this case, an important factor is the reflection of relevant values in regulatory legal acts. The author notes that such consolidation has two meanings. It acts as a symbolic establishment of the authorities' readiness to follow established spiritual and moral values and as a mechanism that gives values a character guaranteed by the coercive force of the state.

Keywords: political regime, transformation of the political regime, spiritual and moral values, ideology.

Тирских Максим Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: tirskm@mail.ru

Tirsikh Maksim Gennadyevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Law and Comparative Law, Institute of Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, email: tirskm@mail.ru

УДК 34:314.113(575.2)(04)

ВНУТРИЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КЫРГЫЗСТАНА В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

© С. Ш. Турсуналиев, 2023

Кыргызско-Российский Славянский университет
Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Главной целью исследования является критическое выявление рудиментарных этноисторических архетипов кыргызского народа (дробление на кланы, регионы) в идейно-философском контексте. Актуальность проблемы заключается в изучении номадических, этносоциальных, этнокультурных, этнополитических явлений, препятствующих развитию современного Кыргызстана. Ссылаясь на философские, исторические, медийные материалы, делается акцент на рефлексивно-научное, культурно-просветительское осмысление этих архетипов посредством применения таких понятий, как антиномия, парадокс, апория. Научная и практическая значимость исследования определяется рациональным анализом, приводящим к просветительскому тезису И. Канта о «неофитстве» кыргызского этноса как нации. Делается вывод о том, что в создающемся многополярном мире перспективным знанием для Кыргызстана будет обладать евразийская модель.

Ключевые слова: кыргызский народ, антиномия, парадокс, апория, архетип, разьединение.

Рассуждая о нынешних внутриэтнических проблемах в Кыргызстане, мы отталкиваемся от позиции Б. Рассела: «Смысл философии в том, чтобы начать с самого очевидного, а закончить самым парадоксальным» [1, с. 58]. В этом плане мы прибегнем к помощи антиномий, парадоксов и апорий.

Внутриэтническая антиномия. Еще на рубеже XVIII–XIX вв. историк И. Карамзин выдвинул идею о том, что любовь к отечеству не должна «ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше», «патриотизм требует рассуждения», которого «не все люди имеют» [2, с. 196–197]. Говоря иначе, ясный рассудок без этнического эгоизма он ставил выше, чем слепое чувство к любимой Родине. В этом смысле после распада СССР, когда советские республики получили независимость, в них начались аналогичные друг другу процессы поиска собственной идентичности. Там ставки сильно поднялись на такие общие сегменты, как рост национального самосознания, преувеличенное переосмысление своей истории с позиции самолюбования, амбициозные планы по вхождению во врата мирового сообщества, отвергая завоевания советского периода и т. д. В этом плане не стал исключением и Кыргызстан. Объективности ради следует отметить, что за время независимости в его жизнедеятельности наблюдались явные плюсы. Республика считается самой демократичной в Средней Азии, там реально существуют свободы слова, гражданина, бизнеса, политическая конкуренция и около ста народов живут в согласии, так как кыргызы по сути – народ миролюбивый. Страна пока не сделала радикальных шагов в плане резкой смены геополитического вектора, как это случилось с Грузией, Украиной. Но несмотря на это, исторические архетипы родоплеменной и региональной этноидентичности кыргызов, которые в советский период были заморожены, в постсоветское время стали неожиданно актуальными. Ведь в дверь каждого из них постучались его древняя генеалогия, воскресшие обычаи, гордое историческое прошлое, собственная родо-племенная и этническая исключительность. Однако, на наш взгляд, за подобной приукрашенно ностальгической увлеченностью этноса само время требовало решения совсем другой проблемы, игнорирование которой превратилось нынче в антиномию (здесь: противоречие, где тезис и антитезис обладают равноправным обоснованием с точки зрения логики, и одинаково равны по силе). И суть вопроса заключается в следующем: что важнее – древность народа или его возможность стать молодой современной нацией, как

институционального и мобилизованного явления? Если с первым аспектом (тезис) все ясно, то второй (антитезис) – напоминает «целинуу»! В этом плане сегодня главным барьером в становлении кыргызов как нации является их рудиментарное деление на регионы и кланы, имеющие свои исторические причины, которые с мощной силой всплыли на поверхность жизни на волне обретения независимости. Во-первых, регионализм в Кыргызстане имеет географические и культурно-исторические корни. Страна разделена на две большие части горным ландшафтом, ставшим основным сегментом появления двух этнических форм: южан и северян. Первые преимущественно обитают в режиме исламоцентричной общности, находящейся на границе с Узбекистаном и Таджикистаном, что отражается на их языке, имеющем «узбекообразную» или «таджикообразную» манеру говорения. Северьянам больше подходит евразийская платформа, которая отличается светскостью и многонациональностью, и именно там находится столица, делающая ее притягательной. Во-вторых, наличие трайбализма в кыргызском обществе зиждется в основном из-за ощущения родо-племенной исключительности больших и малых кланов. Отсюда наиболее амбициозные из них заняты проведением собственных курултаев-съездов, начинающихся с исполнения гимна того или иного рода [3, с. 3], выпуском пиаровских книг, в которых славят известных выходцев соответствующего трайба. Некоторыми активистами даже предлагается абсурдная идея о возрождении кыргызского конфедеративного каганата с вхождением в него Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Монголии [4]. В-третьих, постсоветские политические режимы, внешне декларируя идею ликвидации этих внутриэтнических противоречий, негласно превратили их в один из инструментов политической борьбы. При этом придя к власти, и сильно капитализировав ее, они стали олигархатом с бай-манапскими традициями. В итоге противоречие, возникшее между наивной верой простых кыргызов в справедливое общество и цинизмом буржуазного управленческого класса, умело использующего клановые и региональные предрассудки, привело к трем переворотам (2005, 2010, 2020 гг.). И, разумеется, ни один режим не снял эти внутренние противоречия.

Этносоциальный парадокс. Одной из проблем также является деление представителей этноса на «кыргызов» и «киргизов». Парадоксально, но данный сегмент действительно существует, но логически не обладает силой объяснения. Ибо первые – преимущественно уроженцы провинции с монолингвальным мышлением, малообразованные почвенники дилетантского толка, считающие себя истинными носителями исконно кыргызского языка и народных традиций, и отрицающие чу-

жое влияние извне. Вторые – просвещенные жители столицы и небольших городов, которые хорошо владеют русским языком, но плохо говорящие на родном, хотя понимают его (среди них есть и билингвы, и полилингвы). Одной из причин подобного деления является упрек «кыргызов» в том, что «киргизы» – это чужие люди без «корней», не знающие исконно кыргызскую культуру. И в количественном плане, безусловно, первых гораздо больше, чем вторых. Более того, первые сильно востребованы во власти, которая изобилует сегодня провинциальными «мещанами во дворянстве». Но если к данному вопросу подойти с позиции качества элиты, то существует риск, что со временем это может плачевно сказаться на конкурентоспособности и респектабельности страны на международной арене, так как в системе власти меритократичный подход не применяется.

Этнопсихологическая апория. Кыргызские сказители сотворили самый большой эпос в мире – «Манас». С научной точки зрения, и поныне не найдено ни одного артефакта, свидетельствующего о реальной личности этого героя, за исключением его антропонимов, имеющих в разных уголках земного шара. Более того, мы убеждены, что он – герой эпический – многофункциональный персонаж богатого народного поэтического искусства, позволяющего воспринимать его гигантский художественный объем. Но если исходить с эмоционально-психологической позиции, то кыргызский народ идентифицирует себя реальным потомком Манаса, нарекая его своим отцом, основавшим все, что дорого кыргызу. Этот аспект, где стираются грани действительного и вымышленного, мы объясняем наличием апории в сознании этноса, напоминающей ситуацию, которая в реальности не существует, поскольку придумана, но логически верна. Ибо на данном этапе этнос ищет свою духовную идентичность именно в «Манасе» как культурно-исторической опоры и для сохранения собственного «Я» среди других народов. И, соответственно, население пытается отождествлять нынешних правителей с Манасом, делая ставку на его мудрость и честность, однако это остается всего лишь наивным желанием.

Прерванное советское просвещение. Кыргызы как скотоводы и номады долго обитали в таком жизненном пространстве, где главенствовало циклическое время с природными явлениями (осень, зима, весна, лето) с повторяющимся ритмом бытия (образ круга). Но в советский и в постсоветский периоды им пришлось столкнуться с линейным временем, где процессы уже стали необратимыми (образ стрелы). И это были поворотные пункты в их сознании. Ведь произошел переход из натурально-скотоводческого общества – в аграрно-индустриальное и постиндустриальное. В этом плане следует считать советский опыт

более успешным, если иметь в виду экономические, сельскохозяйственные, культурные, научные и т. д. показатели, а также уровень просвещенности населения. При этом социалистические формы коллективного хозяйствования плавно прижились с общинно-родовыми способами кочевнического уклада жизни, поскольку кыргызы в основной массе не были собственниками, и особых трений с советским режимом они не испытали, поскольку транзит народного сознания от кочевой формы к оседлости был совершен мягко. Советский модерн, реализованный по схеме «из провинции – в цивилизацию», «из архаики – в просвещение» (из юрт – в дома, из пастбищ – в колхозы и заводы, из устной культуры – в письменную, из мечетей и медресе – в школы и университеты), дал позитивный итог. В итоге появилось «культурное лицо» народа, но приход рынка, получение суверенитета (90-е гг.) стали причиной «прерванного советского просвещения», хотя и дали неплохую возможность для самореализации народа в новых исторических условиях. Однако за 32 года независимости Кыргызстан не сумел стать успешным государством, и идет по пути, согласуемой с теорией “зависимого развития”.

Выводы. Во-первых, если мы применим кантовскую терминологию, то несмотря на древнее происхождение кыргызский народ в новое линейное время так и не вышел из состояния «несовершеннолетия». Мы объясняем это как отсутствие в кыргызской практике просветительской рефлексии, которая (согласно Канту) есть «неспособность пользоваться своим рассудком без указания со стороны кого-то другого» [5, с. 29]. По логике философа, «несовершеннолетие» кыргызов, их неспособность пользоваться своим умом лежат в ощущении страха и лени. Мысли Канта уместны в том плане, что «несовершеннолетний» неопит испытывает различные фобии, когда возникает вопрос выхода из-под контроля со стороны. И если в нем не наблюдается взросление, то образуется тандем «опекун-несовершеннолетний», где первый начинает шефствовать над вторым, диктуя свои «наставления и предписания». В этом смысле кыргызы все еще остаются в возрасте «несовершеннолетнего», поскольку их государство окружено «опекунами». В геополитическом и экономическом направлении на эту роль претендуют мировые игроки (Россия, США, Китай, Евросоюз), в культурно-религиозном отношении – ислам, а в инновационном – западный либерализм. Все это стало следствием проявления подросткового страха и праздноголюбия элиты и самого этноса, не желающих иметь «собственный рассудок» (по Канту), полагаясь на «внешний» фактор. Во-вторых, зависимость Кыргызстана от этого мы объясняем отсутствием этноуправленческого опыта, поскольку кыргызы не прошли все стадии

формационного развития, что было характерно европейцам. Из родоплеменной фазы они перескочили в советский вариант социализма, пропустив рабовладельческий и феодальный ступени, где формируются управленческие навыки по гегелевским принципам «господин и раб» (мысль Гегеля о том, что результат, полученный рабом от труда, считается не только итогом желаний господина, но и как возвышение раба) [6, с. 106–107]. И в-третьих, если Кыргызстану не удастся снять существующие внутриэтнические противоречия, то наиболее разумным следует считать приобщение его к различным альянсам. Особенно сегодня, когда происходят радикальные изменения в геополитической картине мира и его многополярность становится все более очевидной. Ведь на сцену конкурентной борьбы на планете выходит еще один центр силы – Азия. По всей видимости, мы стоим у порога больших перемен в мировой политике, где западная гегемония постепенно будет увядать, о чем предупреждали О. Шпенглер (о гибели Запада как исход его культуры) [7, с. 163] и Р. Генон (о пропасти между традиционным Востоком и антитрадиционным Западом) [8, с. 28–29]. И здесь евразийское направление (в виде союзов) обретает приоритетное значение для безболезненного развития Кыргызстана в будущем.

Литература

1. Бертран Рассел. Афоризмы. Золотой фонд мудрости // сост. О. Еремишин. М. : Просвещение, 2006. 1695 с.
2. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2013. С. 194–203.
3. Токтогулов А. Род чериков. История и генеалогия. Бишкек : Турар, 2022. 448 с. (на кыргызском языке).
4. Асаналиев Н. Необходимо восстановить Кыргызский каганат как конфедерацию. URL: https://24.kg/biznes_info/269715_nurgalyi_asanaliev_neobhodimo_vosstanovit_kyrgyzskiy_kaganat_kak_konfederatsiyu/ (дата обращения: 07.07.2023).
5. Кант И. Собрание сочинений в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–37.
6. Гегель Г. Система наук. Феноменология духа. Ч/ 1. СПб. : Наука, 1999. 444 с.
7. Шпенглер О. Введение. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Мысль, 1993. 663 с.
8. Генон Р. Противостояние Востока и Запада. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. С. 28–40.

INTRA-ETHNIC PROBLEMS OF KYRGYZSTAN IN THE CONTEXT OF EXTERNAL CHALLENGES

© S. Sh. Tursunaliev, 2023

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. The main purpose of the analysis is the critical identification of rudimentary ethnohistorical archetypes of the Kyrgyz people (separation into clans, regions) in an ideological and philosophical context. The relevance of the problem lies in the study of nomadic, ethno-social, ethno-cultural, ethno-political phenomena that hinder the development of modern Kyrgyzstan. The author, referring to philosophical, historical, media materials, focuses on the reflexive scientific, cultural and educational understanding of these archetypes through the use of concepts such as antinomy, paradox, aporia. The author, referring to philosophical, media materials, focuses on the

reflexive scientific, cultural and educational understanding of these archetypes through the use of concepts such as antinomy, paradox, aporia. The scientific and practical significance of the study is determined by rational analysis, leading to the educational thesis of I. Kant about the “neophyte” of the Kyrgyz ethnic group as a nation. The article concludes that in the emerging multipolar world, the Eurasian model will have a promising value for Kyrgyzstan.

Keywords: Kyrgyz people, antinomy, paradox, aporia, archetype, separation.

Турсуналиев Султан Шаршабекович – доктор философских наук, заведующий научно-инновационным отделом, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика, e-mail: tursunaliev.sultan@mail.ru

Tursunaliev Sultan Sharshabekovich – Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Scientific and Innovation Department, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic, e-mail: tursunaliev.sultan@mail.ru

УДК 320.2

CHARACTERIZATION AND DEVELOPMENT OF MORALITY IN CHINA UNDER SOCIAL CHANGES

©Yingying He, 2023

Wuhan University
Wuhan, China

Abstract. Chinese society has undergone significant changes over the decades, and its morality has shown an avoidance of the dark side of human nature, a neglect of the relationship with knowledge, and a difficult balance between reason and emotion. As a breakthrough to the predicament, feminism's reform of intimacy, the change of modern relief mechanisms and the rise of faith pluralism provide the impetus for moral development.

Keywords: Human Nature, Knowledge, Rationality, Intimacy, Mutual Aid, Faith.

I. Characteristics of Morality in Contemporary China (I) Avoidance of the Dark Side of Human Nature

After reading so many articles about the institution of marriage, only Pan Suiming takes the lowest rank of desires into consideration[1]. I think the degree of nobility of a person partly depends on the depth of the darkness of human nature that he or she can see, just as Mother Teresa was fully aware that there was no better way so she chose to rescue the sick and weak in front of her in person. Objectively speaking, it is much more difficult for an adult, especially an elderly person, to do good than it is for a child. It is a matter of choice, and she had every reason, based on her experience of human nature, to stand by and do nothing. But this is not exactly what is observed in reality. There is subjectivity involved here, and some people who have experienced more suffering are not beaten down, but become more compassionate.

The lyric that Sadness is a luxury, I can't afford it is popular on the streets, so it's hard to feel happy anymore. As we run away from evil, the seeds of goodness weaken and we become a walking dead in the reality of

the virtual world that is either numb or addicted to the virtual world. From then on, weakness becomes strength, cunning becomes generosity, greed becomes bravery...

Wang Xiaobo said that literature follows the logic of emotions, literature is outside of life, and literature belongs to the individual. There is another kind of freedom in literature, which should not deliberately suppress a certain existence, nor should it deliberately elevate a certain existence to create sensationalism, but obtain the silhouette of the mood of the times in a sincere and precise capture. In the recent hot spots, it can be seen that sex, at the very beginning, is such a demand, even if it is a crime, even if it is illegal, there are people to follow. We can see that the shadow of several policies is adding fuel to this matter: the game between family planning and gender equality, the development game between the east and the west, the loopholes in the household registration system... We seem to see an instrument State that may deviate much from reality. How many other channels to moral relief do individuals have? To bridge this deviation between the real body and the paperwork? I don't want to take Wang Xiaobo as a guideline, because he has never denied that anyone's thinking is higher, and the difference is in richness. It pains me that too many equal-minded fellows end up naturally subservient to all kinds of situations, whether they are called intelligence, beauty, or wealth, and dismiss common sense as a disadvantage. Is it another irony that those interesting people become slaves of interest? It is not difficult to be interesting, the difficult thing is not to be snobbish, a person has a lot of interesting points in his normal state.

Hypocritical essays have a specific box, but their authors do not know that real life goes directly to the gods and demons, as long as this box is allowed to be freely broken. For example, the ideal of journalism is actually a process to be pursued. The ideal of journalism flowered during 2000–2010 because of the special climate, but we can not say that the climate disappeared, the ideal disappeared, we can only say that it is lost in the wild, as long as the climate reappears, it can re-germinate and bloom... For example, love, not that love breaks faith, but this desire relationship may never walk within the framework of faith, then the rules of faith naturally fail in this relationship, and the place where people really stop because of fear is where their faith begins.

Time will knock out a lot of things, faith will take away something, but it will also bring something, and if this process cannot be unfolded, then its nature has nothing to do with this faith. Let's say you want to give up something out of faith, and at least you'll have peace. If you can't get the peace, then you haven't given up yet. Recognizing one's own small side is an important step in the process of human growth. Human knows that it is a prod-

uct of the environment and has the prerequisite for adapting to the environment. People themselves are part of the development process of things, and individuals are participants, not designers. Human's efforts to understand and transform this process that encompasses himself constitute the history of human civilization. Outside of civilization, human is only a two-legged animal, birth, old age, sickness, death, eating, drinking and Lasa are all, and the development process of things determines the life of man as an animal. Within civilization, man has the obligation to know, the obligation to transform, the obligation to transcend oneself as a two-legged creature powerless in the course of the development of things. What is transcendence? To do what known cannot be done is transcendence, who ignorant won't be guilty is transcendence, I am sorry for being born a human being is transcendence... If there are more people with a true sense of autonomy, the history of human civilization will be more and more different from the history of natural evolution.

(II) Ignoring the relationship between morality and knowledge

Now is the worst of times, because the law of the jungle prevails; These are also the best of times, because there is an unprecedented awareness of social Darwinism. If our grandparents' generation was still in danger of survival because of the war, and our parents' generation was still worried about food and clothing in the early days of the founding of the People's Republic of China, then our generation has the possibility of developing self-awareness.

Is there anything wrong with *Back Waves*[2], which stirred up a thousand waves with one stone? There is nothing wrong with the concept, the mistake is in the words, the error is in the picture... Dressed brightly, spitting lotus flowers, going up to heaven and down earth is self? The ego is special, concrete, and distinct from popular culture; The self can only be understood and ineffable; The ego is a drop of water in the ocean, and once you know that you are this, you can no longer be denominated, and you must use "I" as the main word—I think, therefore I am.

Countless prophets have foretold the course of things they have recognized – the ancient Greek philosophers believed that man is a tragedy that suffers for his merits; Jesus believed that people are born with original sin; Nietzsche believed that man is the instrument to reach the superman... They all chose the language that was suitable for the environment at the time, and made the human stars shine. What is morality, for the survival of human civilization, understanding the development process of things and then transforming it is true morality.

Chinese like talking about morality, but ignoring the relationship between morality and knowledge, truth, goodness and beauty have always

been interrelated. Is Chinese really lacking common sense? It is said in the text and interpretation that knowledge, a word is to know, the meaning of knowing. Three meals a day, father and son filial piety, male protagonist outside female protagonist inside... We know it, but we don't know why. So Chinese some are routine, some are ethical, some are customs, and some are practices that apply to most people. If you happen to live in a family that followed these routines of the previous generation, and you heard about them as a child, you may be very comfortable living in China. Because common sense has been naturally integrated into your behavior. As for those unconventional families, you may have to be suppressed by a lot of social routines in the early stage of leaving the family, if you learn rationality in education, so that you know how to face these conventional prejudices, then you are not sad to live a quiet life; If all of the above is missing, you could end up in a human hell. The scope of common sense is life, and Chinese work is becoming more and more complicated due to modernization, and the effect of applying common sense to work, especially professional work, may be reduced. That's why the advice of many experts is as strange to ordinary people. People have always thought that journalism or popularizing science work which assume the function of bridging the gap between common sense and reason is dispensable. For example, in *China Lacks a Medicine*[3], the author attributed the peasants' entry into the pyramid scheme organization because they lacked common sense, in fact, they entered the organization according to the introduction of acquaintances, and there were payments, learning and tasks in the organization... The conditions are extremely harsh, the language is extremely exaggerated, the cost is relatively high... These jobs, which seem inconceivable to ordinary people, happen to be reasonable for a person who has no specific skills and a desire to make money. It's not that they don't have common sense, it's that the current common sense has abandoned these people who got rich.

(III) The difficulty of balancing reason and emotion

There are places where truth stop working. Confession in exchange for a bounty is the choice of the protagonist in the movie named *The Party at the Southern Station*, because it was originally a black and black stealer motorcycle industry, even if it was planted and whitewashed? The law is such a dim hue in such a story. The chained woman in Xuzhou said that "the world has forgotten me", so has the principle of thief also been forgotten by this world? Preventing the next victim from appearing instead of just catching the suspect, as already said in the TV play named *Reverse Game*, the purpose of illegal law enforcement will not be justice. Why did the good man of Liangshan rebel in order to be recruited? Why don't they jointly promote the improvement of the entire institutional framework? People are not even

afraid of death, but they are afraid to leave the whole and become individuals subject to the truth. Isn't it such a tragedy of ZhongjinOu[6]? Because facing him is a dead end.

In addition, I want to mention a film named *Women's Prison* which is another place to receive re-education, and modern society consummates skill of classification brought the point of perfection. There is a line in it that impressed me deeply: "Why is it that you are still treated as a person in prison, but you are not treated as a person in society"? If a person does break the law, going to jail is not a disaster, and he may gain a breathing room. Law has an abstraction that human feelings do not have, and with which longer-term effects can be predicted, without legal constraints, human feelings may slide into animal instincts... Human favor means rich content, and law means the boundaries of content. If a person emits strong emotions because he is inspired by morality, then this may be called art, but if this emotion is only a rebellion against the law, then it is very likely to become a wail of the weak. The boundary is sincerity, which can be completely disguised. A person who paraphrases pain is often given a similar aura to the person who suffers it, and if there is no empathy, then silence is the best song.

The contradiction between the grassroots level is that law enforcers and law-abiding people often cannot empathize, the law often fails to go to the center of the incident, and there is often a sadness of moral victory and legal defeat. Distancing is also a way of guarding, and this is the wisdom of the law. Compared with the law, the regulations on professional ethics are more stringent, originally a man and a woman in society, as long as you are willing to be a private matter, but many industries will make rules for avoidance, such as lawyers and judges, students and teachers, office superiors and subordinates... In essence, it is to avoid the transmission of benefits through emotions. However, many people are taking advantage of these conveniences, which is a crony factor in the micro perspective that restricts the development of the industry. Without professional relationships, many personal relationships change... Why is there so much "exploitation" in traditional families? It is because many marriages are a community of interests, not a community of emotions. The economically inferior party may face the risk of a diminished personality, which depends on whether the other party is a person of integrity who does not take advantage of weaknesses.

II. The development of morality in China

(I) The development of feminism in intimacy

Gu Cheng, who killed his wife, made me unable to return to my senses for a long time, and they had also fallen in love at first sight, and mutual love which was labeled by onlookers as a "fairy tale of love", but Gu Cheng gradually made up his mind to die in his middle age, and at one time became

a "living dead man". But this does not prevent Gu Cheng's fame. Isn't it a proof of "no poetry after Auschwitz"? Poetry should be the burst of vitality and the expression of emotion, but these "poems" have become the manifestation of nothingness. A student from Southeast Asia told me that when he returned to his country he was no longer just himself, he had a lot of responsibilities. This is a very traditional value: "If you love me, and I perceive it, I have the responsibility to respond", whether by accepting or rejecting, this is what the "value of love" requires us. In the past, people were attached to certain values, but modern people who have broken the attachment have become earthbound souls. I also think of my grandmother, a woman who died of tuberculosis after following her husband back to his hometown. Grandpa never wanted to hurt Grandma, but Grandma was hurt because of him. Isn't "Wounded Wife" a real-life dilemma with quite a history?

Violence is found to be common in many families: there is the obvious physical violence, the subtle cold violence, and the physical punishment of children; and then the law provides an approximate standard for the general population, representing the limit of tolerance at the national level. But in fact a lot of the more serious violence happens precisely under general conditions, that is, where the family and the social support systems are weaker. At the time, we thought that each individual situation could choose to tolerate this state below the legal level or to go for a state at a comparable or even above the legal level, depending on their own realities and wishes. It doesn't matter, it's all one's choice. But it seems that this emphasis on individual choice now ignores the responsibility of the structure. What is urgently needed is to bridge the gap between the family support system and the state support system at the societal level. Prepare society as a whole for a society where women have a more equal status. There is also more mention of the family of origin, and we realize that it is not so much our family of origin that shapes us, but the way we look at our family of origin. We even wonder if our current environment has kept us captive and unable to see the truth of life: that we need to be strong in adulthood, that we need to increase our intelligence, that we need to find our own support system to face the challenges of survival, rather than just existing in fear of survival.

(II) Changes in mutual aid mechanisms

A rational person also needs a kind of rational love, such as donating to distant strangers, such as providing spiritual or material help to those around him. I had previously considered the question of which of the two ways was better, and I realized that both ways are good, and the premise of the application is the context. The former needs to meet a better medium/intermediary, the latter depends on whether the other party is willing or not.

This actually constitutes a "community", and China has done a better community based on identity: mutual aid within the clan, mutual aid of classmates and colleagues... Based on the same identity, and following the principle of "saving the emergency but not the poor", there is a certain mutual aid mechanism from life security to life development.

But with social mobility, clans gradually fade, mobility between classmates and colleagues increases, and mutual aid mechanisms become more and more socialized, based on contracts. For example, relying on regular contributions from an intermediary organization, such as mutual benefit in interpersonal communication... This is highly dependent on people's independence, ability to express meaning, and understand the intentions of others.

Business is a way to highly develop people's contractual ability in modern society, and many Key Opinion Leaders use new technologies to fully express themselves and play their role as a medium in modern society. They have far more opportunities than atomized individuals. Of course, the more they say and the more wrong, the more doubts they encounter. In a common saying, it is "there are many passers-by". As something new, they are also most likely to be hit on the beach. "Feelings" is a typical word that is "played bad" in this alternating era, in the past, we would talk to our families and classmates about our ideals, but after finding that "it is not to be said", they chose to say to netizens, the purpose is naturally to "shimmer to find shimmer", for people who do not understand, "feelings" is fart, in the era of social media, in order to find, "bottoms" really have to be exposed.

Many parents don't know how to help their children, except through money. Many children who have serious disagreements with their parents also have to leave the family as adults, and although he does not necessarily have the ability to earn a living, he stumbles forward little by little. For such children, some of them choose to ask friends for relief, some choose to seek wealth and insurance, and some choose to enter a group...I have a certain understanding of them all.

(III) Faith and truth-seeking

The knowledge of the universe has a perspective of faith and a perspective of physics. I read a popular science article about the nature of time and space, the essence of time is a frequency. The unit of consciousness was absolute in Newton's view and relative to Einstein. The former is aimed at the macroscopic world, the latter at the quantum world... I also read Feynman's "factual uncertainty" on "value certainty" due to scientific "falsification" methods, and the loss of "value authenticity" said by Jin Guantao led to the shaking of "factual authenticity", feeling that the former is still more optimistic, and the latter is more pessimistic. "Indeterminate" means change, but it is still "real", for example, we admit that matter decays, but we do not

deny that matter once existed. And the vacillation of the "truth of facts" can mean that people fall into skepticism ... Adapting to "uncertainty" turns into "despair," two completely different states of mind.

The main function of faith is to make people face death. From March 21, 2022, people's reaction to the crash made me realize that faith works. In the face of undoubted tragedy, people actually thought of so many words of relief. For example, "I went to heaven", "See you in the next life"... Of course, I agree with the criticism of this kind of discourse by media people, because it is basically the perspective of loved ones, but we are mainly a public group, unless it is reasonable for their own relatives to speak like this. As a result, the mass media robbed the perspective of their loved ones and criticized the relatives of the victims who spoke out for attracting traffic... Is this a classic example of faith being used for secularity? No wonder one of my teachers said that faith is a tool to calm people's hearts. This is the last function of faith. If one truly believes that death is a liberation, it is really poisoned by faith. Faith liberates the living, not the dead! Many of us have martyrdom complexes that should all be attributed to faith syndrome. Including many people who seem to be talking to me, but in essence they are expressing an emotion. All beliefs have a side that glorifies death, but if it actively instigates people to die, it conflicts with secular rules and is regulated by law. It is not recommended to directly use "cults" in legal doctrines, because no matter how much faith is also spiritual, no matter how extreme the key is to have someone to believe, here involves a legal technology problem. The recent YQ also caused the "absurd moment" I saw in "The Outsider", when I saw the nightmare of Tsinghua alumni who looked a little like milk tea, I smiled a little, both the side driven by his bright smile and the dark side of my heart. Obviously, this title didn't take me into the game and let me substitute myself. After being suppressed for a long time, people will inflict indifference and malice like the weaker. This stroke woman in her 50s, because of the lack of care in the epidemic, is the most typical weak person at this moment, and her last moments are locked up like a "woman in chains". People who see people in high positions suffering bad luck and seeking comfort are also a strange misuse of faith to reinforce the impermanence of life and find relief from their own difficulties. A more rational perspective is that even such women suffer such bad luck, so is it possible for us to encounter such a situation? I think Camus said such a moment to say that we should not go online for such "indifference", anyone can encounter, and more importantly, how to really face it. That's why I hate sensational news, which all treat readers like fools or bad people. Journalists are respected because they have always led people to face them. Of course, it is a bit too much to say that these self-media bring rhythm, because the main-

stream media also does this. Isn't the cold reception of documentary journalists the cold reception of all our liberal arts students? Their work is the foundation of liberal arts work. Most of the time, people should face it, seek truth, and be pragmatic. And when it's really not good, we can only submit to the faith, because when we are no longer able to change ourselves, we also have an obligation to make those who love us feel better. As a last resort, I hope you don't use it.

Faith can help us resolve some of our daily conflicts of values. As we gradually enter society, we will need to deal with some complex interpersonal relationships, which are often backed by value conflicts. I was told before that the most afraid is to hang between "reality" and "ideal", and it is better to follow any one than that, I think this is an abstract value thinking, because ideals have ideal value ordering, reality has realistic value ordering, making choices, not only for individual self-consistency, but also to gradually form a support circle with approximate value ordering. It is said that the Internet has increased the polarity of public opinion, and I even saw an article on Southern Weekend that people with different political views should not fall in love, you know, this was said as a joke on the Renren network ten years ago. And now when people see this title, they unconsciously become serious and think that it still makes sense. I would like to see the current situation as an intermediate link in the spiral of things, because the network has a very large function, that is, let the "shimmer find the glimmer", and everyone crosses the sea of people to find identity in the virtual world. One of the realities behind this is that it is difficult for people to find identity in reality. I once realized that some students who had been difficult to meet in the reality of campus because of the epidemic used to give the warmth of their relatives, but as the distance became closer, the barrier that was once caused by the gap in space became prominent. And this is actually the biggest truth, the universal situation that people face. I told myself not to be discouraged and to calm down, because as social mobility increases, we will have one situation after another, using our physical mortal wombs to test our "belief" and find a true home. The former is a finite game and the latter is an infinite game.

Faith can help you understand the deep motivations of others. This year, there were two conference bills on changing the "research aid" paid by liberal arts and science doctoral guides. Connecting previous letters of renunciation, assassins and the like. It was at this moment that I suddenly understood the powerlessness of liberal arts doctoral supervisors. Can you understand their feelings when they say that "writing articles is of little value to this society, but valuable to your own future"? First, it is logical to see that this mechanism is not sustainable unless there is a sustained rentier.

This is the top crowd, but they say that there is no "spiritual aristocracy", so who else may have it? Secondly, I see some expert scholars thinking and writing very hard, maybe naïve in terms of words, but you can feel that they want to awaken some consciousness. I don't think they are any different from the workers in the factory, and I actually respect them, because they don't run away from their fate, but fight at their own stations. Maybe we don't have talents, but the emergence of geniuses needs a soil, a whole group of people who do not give up their "freedom". Finally, these people who use the power of life to call "screws" to destiny also have a certain value, because they also just chose the way they are good at emotions and played this music ensemble. Whether we believe in Kong Zhongni's "Master of All Worlds", or in Shakyamuni's "Four Voids", or in Lao Zhuang's "Go with the Flow"... The key is to take responsibility and practice sincerely, which is the most fundamental criterion for evaluation in my opinion.

References

1. Pan Suiming, Existence and Absurdity: An Examination of China's Underground Sex Industry, January 1999, Qunyan Publishing House.
2. URL: https://www.bilibili.com/video/BV1FV411d7u7/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click&vd_source=327ed2a9e6397aea682bbe4c367b5b66
3. MurongXuecun, China, One Less Medicine, December 2010, China Peace Press.

ХАРАКТЕРИСТИКА И РАЗВИТИЕ МОРАЛИ В КИТАЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

© ЙингюнХе, 2023

Уханьуниверситет, Ухань, КНР

Аннотация. За десятилетия китайское общество претерпело значительные изменения. Общественная мораль показала стремление избегать темной стороны человеческой натуры. Наблюдался трудный баланс между разумом и эмоциями. В качестве прорыва в этой сложности выделяются положения феминистской реформы, в том числе в вопросах интимности, изменение современных механизмов помощи гражданам и рост идеологического многообразия дают импульс нравственному развитию.

Ключевые слова: человеческая природа, знание, разумность, близость, взаимопомощь, вера.

Yingying He – Postgraduate Student, Research Institute of Environmental Law, Wuhan University, Wuhan, China, e-mail: yyhe2010@live.cn

Йингюн Хе – аспирант, Исследовательский институт экологического права, Ухань университет, Ухань, КНР, e-mail: yyhe2010@live.cn

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В СИСТЕМЕ МЕР ПО ЗАЩИТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© Н. В. Щукина, 2023

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
Тирасполь, Республика Молдова

Аннотация. Законодательство в области социального обеспечения и социальной защиты рассматривается с точки зрения полноты и эффективности выполняемых функций. В частности анализируются отдельные виды положений законодательства с позиции регламентации обеспечения возможности получить качественные и доступные услуги социальной защиты населения. Формулируется ряд выводов и предложений по повышению эффективности правового регулирования отношений в социальной сфере с учетом нормативного закрепления перечня традиционных духовно-нравственных ценностей в российском законодательстве.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная защита, духовно-нравственные ценности, рынок социальных услуг.

Действующее законодательство, регулирующее общественные отношения в области социального обеспечения и социальной защиты изменяется достаточно динамично, с учетом потребностей современного общества и направлений политики государства в социальной сфере. Законодательное закрепление принципов социального обеспечения, предоставления социальных услуг, основных направлений реализации социальной политики в современных условиях, представляет практический интерес с учетом определения в качестве одной из задач для достижения целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала «повышение качества социальных услуг и их доступности для всех граждан, формирование условий для активного участия в жизни общества лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц старших возрастных групп» (подп. 2) п. 33 раздела IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации) [1]. В законодательстве Приднестровья также регламентируются направления деятельности в социальной сфере. Стратегия социально-экономического развития Приднестровья на период 2019–2026 гг. называет обеспечение возможности получить качественные и доступные услуги социальной защиты населения по социальной реабилитации, социальной адаптации, профилактике кризисных ситуаций, чтобы максимально удовлетворить потребности населения (разд. 4.3.2) [2]. Одной из целей политики в области социальной защиты населения. Задачей для достижения указанной цели определено повышение эффективности системы социальной защиты и

социального обслуживания населения (п. г) ч. 2 Разд.4.3.2. Стратегии) [2].

Как в Российской Федерации, так и в Приднестровье, где определен курс на гармонизацию с законодательством России, одним из приоритетных направлений развития законодательства в социальной сфере остается законодательство о социальном обеспечении и социальной защите. Рассматривая вопросы социально-обеспечительного законодательства с позиции закрепления духовно-нравственных ценностей, следует отметить, что в большинстве случаев, соответствующие правовые положения отражают цели социальной политики, вместе с тем не всегда отвечают потребностям населения в полном объеме. В частности, в Приднестровье, в отличие от Российской Федерации, финансирование системы социального обеспечения и социальной защиты обеспечивается за счет средств республиканского бюджета и средств страховых взносов обязательного социального страхования (при отсутствии системы ОМС и ДМС). Вместе с тем недостаточность этих средств для обеспечения всех социальных нужд, порождает новые подходы к удовлетворению потребностей в сфере социального обеспечения. Наличие большого количества некоммерческих (общественных) организаций, которые реализуют проекты в социальной сфере, финансируемые зарубежными донорами, заставляет серьезно задуматься о перспективе изменения концептуальных подходов к предоставлению социальных услуг и социального обеспечения. Появление новых форм и видов социальных услуг, например, центров дневного ухода, социальных работников негосударственных (в том числе общественных организаций) является положительным фактом. Однако функционирование новых поставщиков социальных услуг, наряду с государственными и муниципальными учреждениями, порождает большое количество вопросов, главным образом, в сфере правовой регламентации их деятельности. В этой связи важным видится нормативное закрепление понятия духовно-нравственных ценностей и их перечня.

Применительно к рассматриваемым вопросам удачным представляется перечень духовно-нравственных ценностей, содержащийся в п. 91 Раздела IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Наряду с такими традиционными ценностями, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, крепкая семья, созидательный труд, для социальной сферы практическую значимость имеют «приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение» [1].

Прямое действие указанных норм, закрепляющих духовно-нравственные ценности, позволит, на наш взгляд, более четко, с учетом

необходимости обеспечения прав человека и обеспечения качества предоставления социальных услуг, применять договорные конструкции в сфере социального обеспечения. Для приднестровской практики, это является актуальным, например, когда речь идет о помещении в граждан пожилого возраста и инвалидов в стационарные учреждения социального обслуживания без их согласия или без согласия их законных представителей. Законодательно предусмотрена возможность ограничения прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг, которые допускаются в порядке, предусмотренном законом, и могут выражаться в помещении этих граждан без их согласия в стационарные учреждения социального обслуживания в случаях, когда они лишены ухода и поддержки со стороны родственников или иных законных представителей и при этом нуждаются по заключению лечебных учреждений в постоянном постороннем уходе и наблюдении, а также, в случае если они признаны в установленном законом порядке недееспособными (п. 1 ст. 10 Закона) [3]. На сегодняшний день указанные положения применяются только к лицам, признанным в судебном порядке недееспособными. При этом отсутствие утвержденного механизма действий по оказанию социальной помощи и социального обслуживания нуждающимся одиноким престарелым лицам, не только нарушает их права в социальной сфере, но и нарушение традиционных для приднестровского общества духовно-нравственных ценностей.

Увеличение количества поставщиков социальных услуг, как было отмечено, рассматривается как положительный аспект на рынке социальных услуг в Приднестровье, однако наличие среди них религиозных организаций, на наш взгляд, вызывает опасения навязывания получателям социальной помощи определенных религиозных взглядов и убеждений, и следование им, как условие получения социальной помощи и социального обслуживания. Решением этой проблемы видится мониторинг деятельности таких организаций, контроль соблюдения стандартов оказания социальных услуг, информирование потенциальных получателей об условиях оказания им помощи.

С учетом четко наметившейся тенденции старения населения, развитие существующих форм и видов социального обслуживания и появление новых, потребует их законодательного регулирования, при этом следует иметь в виду целесообразность наличия основы правового регулирования в рассматриваемой сфере – духовно-нравственные ценности. Тогда конкретные предложения для органов исполнительной власти, ответственных за выработку мер государственной политики в социальной сфере, а также других поставщиков социальных услуг, в том

числе, негосударственных, будут носить комплексный характер и обеспечивать системность в правовом регулировании социальной сферы.

Анализируя существующие пробелы в правовом регулировании сферы социального обеспечения, например такие, как неспособность пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями здоровья оплачивать услуги в которых они нуждаются, в частности, услуги по уходу; низкий уровень качества социальных услуг, предоставляемых в стационарных учреждениях, обусловленный неквалифицированным персоналом; сокращение количества негосударственных поставщиков социальных услуг; рост количества нуждающихся в социальном обеспечении и социальной помощи, видится потребность комплексного подхода к совершенствованию законодательства.

Основываясь на опыте Российской Федерации, других государств, целесообразно, по нашему мнению, определить перспективы совершенствования законодательства о социальном обеспечении с учетом следующих проблемных моментов:

- наряду с наличием стандарта по количеству обслуживаемых на одного социального работника, необходимо установление нормативов по количеству учреждений стационарного и нестационарного социального обслуживания в населенном пункте в зависимости от численности населения;

- неизбежность расширения рынка поставщиков социальных услуг за счет организаций негосударственной формы собственности требует разработки системы мониторинга и установления юридической ответственности;

- целесообразность внедрения и развития инновационных технологий социального обслуживания населения, таких как районная служба, мобильные бригады, социальные экспедиции, службы сопровождения семей с детьми-инвалидами, приемная семья для престарелых и инвалидов, а также другие;

- принцип адресности предоставления социальных услуг и социального обеспечения должен найти практическую реализацию при определении условий договор на социальное обслуживание;

- новые требования к квалификации социальных работников требуют пересмотра системы подготовки кадров для учреждений социальной сферы.

Анализируя приднестровское законодательство с точки зрения имеющих место процессов восприятия российского опыта правового регулирования, в том числе, в социальной сфере, с учетом декларируемых принципов гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, среди которых назван принцип единства системы конституци-

онных ценностей, характеризующих Россию как социально ориентированное государство, формирующее условия для всестороннего развития личности, реализации ее творческого потенциала, продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей (подп. 1 п. 16) [4], дальнейшее развитие законодательства о социальном обеспечении видится на основе системы традиционных ценностей, позволяющих учесть потребности общества и интересы личности.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 4000 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.08.2023)
2. Стратегия развития Приднестровья на 2019–2026 годы. : утв. Указом Президента Приднестровья от 12 дек. 2018 г. № 460. URL: <http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverdenii-strategii-razvitiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-na-2019-2026-godi.html> (дата обращения: 08.08.2023)
3. О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов : закон Приднестровья от 29 июня 2007 г. № 237-3-IV. URL: <https://www.ulpmr.ru/ul/show/JbT3bozT1r1WPcpNq2fNlcT5gDPoBi1WI6Dw=> (дата обращения: 10.08.2023).
4. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом : указ Президента РФ от 5 сент. 2022 г. № 611. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 10.08.2023).

SOCIAL SECURITY' LEGISLATION IN THE SYSTEM OF MEASURES FOR THE PROTECTION OF FUNDAMENTAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES

© N. V. Shchukina, 2023

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Republic of Moldova

Abstract. Legislation in the social security' and social protection' sphere is analyzed from the point of view of the completeness and effectiveness of its functions. In particular, certain types of legal aspects are analyzed from the standpoint of regulating the provision of opportunities to receive high-quality and affordable social protection services. A number of conclusions and proposals are formulated to improve the efficiency of legal regulation of relations in the social sphere, taking into account the normative fixing of the list of traditional spiritual and moral values in Russian legislation.

Keywords: social security; social protection; moral and spiritual values; social services market.

Щукина Наталья Викторовна – доктор хабилитат юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и трудового права, юридический факультет, Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь, Республика Молдова, e-mail: nataliashchukina@gmail.com

Shchukina Natalia Viktorovna – Doctor Habilitatin Law, Associate Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law, Faculty of Law, Pridnestrovian State University, Tiraspol, Republic of Moldova, e-mail: nataliashchukina@gmail.com

СЕКЦИЯ

**КЛУБ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ:
НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

УДК 342

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И УСТРЕМЛЕНИЙ
ОРГАНАМИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

© К. Ю. Гоглева, 2023

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Подчеркивается неизбежность традиционных ценностей, конституционных принципов и устремлений, составляющих идеологическую сущность Конституции Российской Федерации. Отмечается важность органов конституционного контроля в сохранении национальной конституционной идентичности, независимо от участия в тех или иных международных организациях или конвенциях, а также от внутригосударственных политических изменений.

Ключевые слова: национальная конституционная идентичность, конституционный контроль, права человека, судебный конституционный контроль, традиционные ценности конституционные ценности.

*Русский народ и народы бывших советских обществ должны будут
пройти через восстановление своей коллективной идентичности в мире,
где потоки власти и денег пытаются дезинтегрировать возникающие
экономические и социальные институты еще до того, как они
окончательно оформились, чтобы поглотить эти институты в своих
глобальных сетях...*
Мануэль Кастельс

Учредительный характер власти народа, закрепленный ст. 3 Конституции РФ [1], предполагает реализацию его суверенных властных полномочий посредством их конституционного закрепления [2, с. 36].

Именно конституционализм как безусловная обязанность всех и каждого следовать незыблемым фундаментальным конституционным ценностям и устремлениям, декларированным в тексте Конституции РФ, разумное ограничение власти конституционными принципами, является единственно возможной идеологией современного российского общества, оплотом его становления и устойчивого развития. Ведь, как верно отметил в своей статье, посвященной 25-летию Конституции Российской Федерации Д. А. Медведев, главная ценность Учредительного отечественного акта – в идеях, которые в нем заложены и позволяют чувствовать себя «единой страной, строить правовую систему на современных началах, являться полноценным членом семьи цивилизованных народов» [3, с. 8].

Особо значимы при этом традиционные ценности российского общества, составляющие национальную идентичность, суверенитет России [4], основу прав граждан Российской Федерации, особое внимание которым уделяется в правотворческой и правоприменительной деятельности субъектов конституционного контроля: Президента Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации. С 2015 г. в отечественной правовой системе наблюдается процесс активной легализации базовых ценностных ориентиров российского общества посредством их закрепления не только в тексте таких стратегически важных документов как: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [5], Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [6], Основы государственной культурной политики [7], Стратегия развития информационного общества [8], но и в тексте Учредительного акта нашего государства в результате конституционных поправок 2020 г., что свидетельствует об особом внимании органов публичной власти к вопросу сохранения самобытности народов многонациональной России.

Российская Федерация – это, прежде всего, правовое государство (ст. 1 Конституции России), в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина есть обязанность государства (ст. 2 Конституции России). На протяжении тридцатилетней истории Конституции Российской Федерации, включающей довольно масштабные изменения текста в 2020 г., осуществляется последовательная конституционализация российского отраслевого законодательства, при которой фундаментальные конституционные принципы сохраняются в неизменном виде. Данный факт подтверждает не только эффектив-

ность Конституции Российской Федерации, но и раскрывает ее богатый потенциал, заключающийся в сочетании неизменности основных конституционных положений с гибким механизмом их практической реализации посредством трансформации законодательных и подзаконных норм, что еще раз подчеркивает признание важности сохранения конституционных ценностей как фактора укрепления национальной идентичности Российской Федерации. Ведь именно *право*, облеченное в форму буквы *закона*, не уступает место чрезмерной, радикальной прямоте «сиюминутных» изменений политической и социальной действительности. Оно фактически «не позволяет ему смешиваться и подчиняться субъективному прямому усмотрению, и, определенно, ему иногда возражает» [9, с. 38].

Согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Особая роль в данном процессе принадлежит субъектам, реализующим функции конституционно-контрольной деятельности, направленной на обеспечение государственными органами соответствия законов и иных нормативных правовых актов Конституции государства [10, с. 391], в целях обеспечения верховенства ее правовых основ, реализации принципа разделения властей, а также неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Систему конституционно-контрольной деятельности в Российской Федерации составляют: судебный конституционный контроль (реализуемый Конституционным Судом России), президентский конституционный контроль, парламентский конституционный контроль (самоконтроль), квазисудебный конституционный контроль (осуществляемый конституционными или уставными советами при законодательных собраниях субъектов федерации).

Институт судебного конституционного контроля, как высшей формы конституционно-контрольной деятельности [11, с. 70], обладает особыми полномочиями в данной сфере, что выражается в последовательном изложении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, полномочного не только осуществлять абстрактный и конкретный нормоконтроль внутреннего законодательства страны (Глава IX, XII, XIII Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [12]), но и рассматривать дела о соответствии не вступивших в силу международных договоров Конституции России (Глава X ФКЗ РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), а также давать общеобязательное заключение о возможно-

сти исполнения решений иностранных или международных (межгосударственных) судов, иностранных или третейских судов (арбитражей) (Глава XIII ФКЗ РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Что особо важно в свете стремительного изменения политической картины мира, связанного с событиями от 24 февраля 2022 г., свидетелями последствий которых мы являемся сегодня. Безусловно соблюдая в своей деятельности принцип уважения и соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 17 Конституции РФ), а также обеспечения исполнения обязательств государства-участника международных организаций и договоров, Конституционный Суд Российской Федерации «стоит на страже» национальной конституционной идентичности [13]. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 г. № 4-П [14] установлено, что приоритет международных норм действует только в сфере отношений, связанных с правами человека. В остальном, конституционно закреплено иерархическое верховенство Конституции Российской Федерации, распространяющееся на всю правовую систему государства, частью которой, в частности, являются и общепризнанные принципы и нормы международного права (ст. 15 Конституции РФ), превалирующие, в случае установленной правовой коллизии, над внутригосударственными нормами, но не над положениями Конституции (ст. 79 Конституции РФ), не являющейся, по своей природе, идентичной национальному Закону [11, с. 137–138].

Подводя итог рассуждениям по предмету данной статьи, хотелось бы сделать вывод, что в российской правовой действительности выстроена довольно эффективная система сохранения и укрепления национальной конституционной идентичности как в сфере международных взаимоотношений, так и во внутригосударственной жизнедеятельности, направленной на развитие правовой системы Российской Федерации в концепции Конституции Человека [15, с. 82–83].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голос. 12.12.1993 с изм., одобрен. в ходе общерос. голос. 01.07.2020) // Рос. газ. 2009. № 7.
2. Комарова В. В. Конституционная система власти России и принцип разделения властей // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82). С. 36–46.
3. Медведев Д. А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8–16.
4. Ответная речь Президента Российской Федерации Владимира Путина на саммите Россия – Африка после выступления лидера Мали Ассими Гоиты // URL: <https://life.ru/p/1596697> (дата обращения: 29.07.2023).
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

7. Об утверждении Основ государственной культурной политики» (с изм. 2023 г.) : указ Президента РФ от 24 дек. 2014 г. № 808 // Собр. законодательства РФ. 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7753.

8. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

9. Арановский К. В., Князев С. Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений : монография. М. : Проспект, 2016. 256 с.

10. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М. : Юстицинформ, 2015. 640 с.

11. Гоглева К. Ю. Судебный конституционный контроль как гарантия разделения властей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 235 с.

12. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

13. По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П // Собр. законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

14. По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебrenникова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февр. 1996 г. № 4-П // Собр. законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

15. Алексеев С. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4: Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х – 2009 годов. М. : Статут, 2010. Т. 4. 544 с.

USE OF FUNDAMENTAL CONSTITUTIONAL VALUES AND AMISSIONS BY CONSTITUTIONAL CONTROL BODIES AS A FACTOR OF PRESERVING AND STRENGTHENING THE NATIONAL CONSTITUTIONAL IDENTITY

© K. Y. Gogleva, 2023

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article emphasizes the inviolability of traditional values, constitutional principles and aspirations that make up the ideological essence of the Constitution of the Russian Federation, and notes the importance of constitutional control subjects in maintaining national constitutional identity, regardless of participation in certain international organizations or conventions, as well as domestic political changes.

Keywords: national constitutional identity, constitutional control, human rights, judicial constitutional control, traditional values, constitutional values.

Гоглева Ксения Юрьевна – адъюнкт, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: goglevakseniya@gmail.com

Gogleva Kseniya Yuryevna – Postgraduate, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: goglevakseniya@gmail.com

КОДЕКС ЭТИКИ КАК ОРИЕНТИР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ

© Г. В. Дружинин, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется возрастанием роли моральных факторов в управлении обществом. Отмечается, что большинство негосударственных организаций и общественных объединений применяют мораль как средство воздействия в системе современных экономических и трудовых отношений. Имеется потребность в этическом осмыслении феномена корпоративных этических кодексов, обобщения имеющихся теоретических наработок в данной области. В качестве эмпирической базы исследования выступили кодексы корпоративной этики промышленных предприятий. Делаются выводы в форме практических рекомендаций по совершенствованию нормотворческой техники этических кодексов.

Ключевые слова: кодекс этики, этический кодекс, корпоративный кодекс, морально-нравственное регулирование, нормы морали, корпоративные нормы, духовно-нравственные ориентиры.

В современном мире наблюдается тенденция принятия и утверждения этических норм и стандартов в негосударственных организациях. Этические нормы чаще всего объективируются в текстах корпоративных актов. Данная практика распространена и во многих профессиональных сообществах.

Корпоративные акты, закрепляющие морально-этические нормы, именуются как: «Этический кодекс», «Кодекс корпоративной этики», «Кодекс этического поведения», «Кодекс профессиональной этики», «Декларация профессиональных принципов» и т. п. [1] Анализ указанных актов показывает, что они носят текстуальный характер, имеют письменное выражение.

Содержание норм кодексов этики зависит от национального законодательства, господствующих в обществе нравственных императивов, а также традиций профессиональных сообществ.

Кодексы являются индикаторами и показателями моральной зрелости гражданского общества, которое самостоятельно регулирует поведение своих членов.

Не следует сводить этический кодекс как простой совокупности благих пожеланий или диспозитивных стандартов поведения, которые можно не исполнять. В профессиональных сообществах кодексы включают в свое содержание формально-определенные нравственные правила, за нарушение которых наступают неблагоприятные послед-

ствия. Санкция может предусматривать как меры, воздействующие на психику человека, к примеру выговор или замечание, так и носить организационный характер, предполагать исключение из организации.

Этический кодекс, во-первых, отражает наиболее важные идеи, взгляды, фундаментальные ценности и стандарты, убеждения, этические нормы, верования и ожидания, во-вторых, позволяет их транслировать действующим и будущим членам корпорации.

Писанный характер кодекса позволяет задавать сотрудникам корпорации и третьим лицам ориентиры их деятельности, в том числе определяют способ объединения и согласованность управленческого звена, структурных подразделений и отдельных сотрудников. Благодаря кодексу осуществляется систематизация запретов и правил игры, которые необходимо соблюдать в компании, что придает предсказуемость в развитии корпоративных отношений.

Примером реализации Кодекса корпоративной этики на территории Иркутской области является **Кодекс корпоративной этики АО «ИНК-Капитал»** [2]. Настоящий документ является локальным нормативным актом АО «ИНК-Капитал» в области противодействия мошенничеству и управления коррупционными рисками, а также служит основой этики, содержит базовые и наиболее важные ценности, этические нормы и правила поведения работников.

Анализ текста локальным нормативным актом АО «ИНК-Капитал» позволяет прийти к следующим выводам:

Во-первых, кодекс выступает сводом моделей поведения, на которые может ориентироваться сотрудник организации. Так в Кодексе корпоративной этики закрепляются следующие модели поведения: отношения с работниками; отношения с акционерами/инвесторами; отношения со сторонними организациями; отношения с органами государственной власти; безопасность, охрана здоровья и окружающей среды; эффективность, контроль и отчетность; конфликт интересов; подарки и представительские расходы.

В-третьих, Корпоративный кодекс является официальным документом, о чем указано в тексте кодекса: «...является локальным нормативным актом АО «ИНК-Капитал»...».

Настоящий документ служит фундаментом этики, включает в себя базовые и наиболее важные ценности, нравственные нормы и правила поведения работников Компании, следование которым определяет деловое поведение и формирует репутацию Компании, ее конкурентоспособность и эффективность.

Кодекс корпоративной этики ГК «Фармсинтез» [3]. Целью Кодекса является регулирование общественных отношений, связанных с

установлением норм и стандартов поведения, направленного на создание позитивной коммуникационной среды и внешнего фона внутри фирмы. Для достижения указанной цели руководство поставило перед собой задачи

В Кодексе четко определено, что Акционеры и ТОП-менеджеры компании являются носителями корпоративных ценностей. Строгое следование является залогом успеха, как отмечается в Кодексе. Полагая, что принятая технология, повышает эффективность этического регулирования, поскольку руководитель является фигурой, на которую ориентируются сотрудники. Осознание этого факта, нашло свое закрепление в тексте Кодекса.

Эффективной мерой стало закрепление в Кодексе одновременно миссии и видения компании. Миссия отражает процесс, который представляет собой выпуск высококачественных и эффективных препаратов. Видение представляет собой тот образ, ту конечную цель, к которой стремится компания, более того, эта цель является достижимой.

Корпоративными ценностями компании является: уважение и законность, профессионализм, ответственность, репутация. Хочется отметить, что в компании ответственность носит многосторонний характер: ответственность руководства перед работниками, которая предполагает избегания действий, влекущих усиление социальной напряженности, обеспечение экономического благополучия и благополучия своих сотрудников. С другой стороны, ответственность работников перед акционерами за результаты деятельности компании.

Кодекс корпоративной этики ОК «Русал» [4]. Текстуальный анализ кодекса корпоративной этики настоящей компании позволяет прийти к следующим выводам.

С точки зрения нормотворческой техники в кодексе достаточно детально и точно отражены цели принятия кодекса. В то же время компания публикует кодекс на официальном сайте, но кодекс не имеет документальной формы, поскольку изложен в виде текста, содержащего положения и правила. На наш взгляд, такой прием напоминает скорее «популистскую» меру, адресованную широкому кругу лиц: членам коллектива, деловым партнерам, потребителям, органам государственной власти и общественности.

На основе анализа кодексов этики предприятий, следует сделать общие выводы.

Во-первых, структурно, как правило, состоит из двух частей: информационной и нормативной части. В информационной части рассказывается об истории компании, ее культуре и основных направлениях кадровой политики. Нормативная часть состоит из правил и регламентов, наиболее важных для фирмы и учитывающих ее специфику: порядок приема на работу, увольнения, аттестации, рассмотрения трудовых

споров, виды и размер компенсаций работникам, предотвращение дискриминации, рабочее время, дисциплина труда, охрана здоровья, охрана собственности фирмы, охрана.

Во-вторых, при разработке этических документов следует получать обратную связь от участников организации, которые в ней работают. Во многом данная рекомендация поможет руководству получить более точную информацию о существующем состоянии коллектива, его проблемах и ценностях.

В-третьих, доведение данных регламентирующих документов до исполнителей всех уровней. Такими механизмами могут выступить личное знакомство с документами, распространение информации через системы корпоративной связи.

В-четвертых, следует избегать ряда типичных ошибок при разработке правил и норм кодекса, а именно: сводить кодекс к абстрактным лозунгам и призывам; фиксация образцов поведения, которые являются «обыденным» явлением, данностью, либо доведены до автоматизма; завышенные требования, к сотрудникам предприятия, которым большая часть сотрудников не в силах соответствовать.

Литература

1. Малиновский А. А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 39–44.
2. Кодекс корпоративной этики АО «ИНК-Капитал». URL: <https://irkutskoil.ru/trust-line/> (дата обращения: 01.08.2023).
3. Кодекс корпоративной этики ПАО «Фармсинтез». URL: <http://pharmsynthez.com/wp-content/uploads/2022/03/Kodeks-etiki.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).
4. Кодекс корпоративной этики ОК Русал. URL: https://rusal.ru/upload/policy/RUSAL_Ethics_Code_Ru.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

THE CODE OF ETHICS AS A GUIDELINE OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES FOR THE MEMBERS OF THE CORPORATION

© G. V. Druzhinin, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the increasing role of moral factors in the management of society. Most non-governmental organizations and public associations use morality as a means of influence in the system of modern economic and labor relations. There is a need for an ethical understanding of the phenomenon of corporate ethical codes, generalization of existing theoretical developments in this area. The codes of corporate ethics of industrial enterprises served as the empirical basis of the study. Conclusions are drawn in the form of practical recommendations for improving the rule-making technique of ethical codes.

Keywords: code of ethics, ethical code, corporate code, moral regulation, moral norms, corporate norms, spiritual and moral guidelines.

Дружинин Глеб Викторович – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: druzhinin93@mail.ru

Druzhinin Gleb Viktorovich – Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Administration, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: druzhinin93@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БАЙКАЛЬСКОЙ ФЛОТИЛИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ПОДДЕРЖКИ ВОЕННОГО ПРЕСТИЖА СТРАНЫ

© А. А. Дыня, 2023

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрены два этапа создания флотилии большевиками в 1918 и 1920 гг., противостояние Красной и Белой Байкальских флотилий. Изучены состав и происхождение флотилии, ее техническое оснащение, вооружение, организация работы групп канонерских лодок и катеров, а также боевое применение как планируемое, так и реальное при подавлении Баргузинского восстания, в котором катера флотилии и десантники-моряки принимали самое активное участие.

Ключевые слова: Гражданская война, Байкал, Красная Байкальская флотилия, Белая Байкальская флотилия, Баргузинское восстание, М. Н. Попов, Г. М. Семенов.

Исторический эпизод, связанный с формированием боевой флотилии на Байкале, особенно период повторного формирования флотилии с приходом к власти в регионе большевиков, является показательным примером грамотных и слаженных действий центральной и местных властей. За короткий промежуток времени удалось создать боеспособное подразделение, оснащенное, должным образом, материально-технической базой, которое успешно выполняло боевые и хозяйственные задачи в регионе. Данные действия как демонстрация организаторских способностей в непростых условиях Гражданской войны является наглядным примером поддержки военного престижа страны как в историческом аспекте, так и в современных реалиях.

Первые попытки создания большевиками флотилии на Байкале были предприняты еще в 1918 г. Начавшееся восстание Чехословацкого корпуса, вынудило советские войска были покинуть Иркутск и под давлением превосходящих сил противника постепенно очищать территорию, отходя на восток.

Советским войскам досталась часть водного транспорта Байкала, исправными из которых оказались:

- ледокол-паром «Байкал»;
- ледокол «Ангара»;
- пароход «Кругобайкалец» [3, с. 44–46].

В боевых действиях Красная Байкальская флотилия начала принимать участие в августе. Начались обстрелы тоннелей у станций Байкал и Слюдянка, а также войска белых у с. Лиственничное.

Данные действия, сильно стесняющие передвижение вдоль железной дороги, вынудили белых создать в противовес Красной Байкальской Белую флотилию.

Боестолкновение флотилий произошло 16 августа 1918 г. [18, с. 461–462]. В результате действий чехов на воде, большевики потеряли ледокол «Байкал», не нанеся урона противнику [4].

Действия белых заставили большевиков очистить восточный берег Байкала. В период с 14 по 20 августа войска А. Н. Пепеляева разгромили красных в Забайкалье, в результате заняв 18 августа ст. Посольская, а 20 августа – Верхнеудинск. Это лишило большевиков шанса удерживать Байкал [11, с. 113].

С занятием белыми всей акватории Байкала, их флотилия была расформирована за ненадобностью.

Второе формирование

Второе создание Байкальской флотилии произошло в 1920 г. Флотилия входила в состав Сибирской речной флотилии, начавшей формироваться с 14 января 1920 г.

26 февраля в Омск прибыли 313 моряков во главе с уполномоченным по формированию Сибирской военной флотилией военмором М. Н. Поповым. 28 февраля 1920 г. состоялась встреча Попова с начальником штаба 5-й армии.

В связи со сложившейся стратегической обстановкой было принято решение составить мощную флотилию на Байкале.

Попов, отвечая на телеграмму о начсоставе, оставшемся в Сибири, докладывает, что начальствующего состава на Байкале после Колчака не осталось. Из Красноярска также придавались 36 человек администрации и 134 моряка. Главным портом и базой Байкальской флотилии стал Иркутск.

31 марта 1920 г. М. Н. Попов, вместе с комиссаром флотилии Овчинниковым Н. А. прибыли в Екатеринбург с целью доставки группы катеров, идущих из Перми в Тюмень.

К моменту прибытия Сибирской флотилии на Байкал, в середине мая 1920 г., имевшиеся суда были отремонтированы, начались работы по их вооружению.

19 мая из Перми прибыли катера «Искра», «Мина», «Спартак» и «III Интернационал», изначально предназначавшиеся для Обь-Иртышского бассейна.

5 июня в Иркутск прибыла красноярская база Енисейской флотилии.

Комплектование орудиями и иным вооружением флотилии происходило 5-й Армией. Командование армией также передало в ведение Сибфлотилии имущество, оставшееся от войск Колчака.

К середине июня 1920 г. Сибирская военная флотилия на Байкале имела следующий состав.

1. Отряд канонерок – «Ангара», «Кругобайкалец», «Лейтенант Шмидт»;

2. I отряд бронекатеров – «Кругом», «Чайка» и «Волна»;

3. II отряд катеров – «Мина», «Искра», «III Интернационал», «Тигр» и «Барс»;

4. III отряд (речной) – «Сокол», «Альбатрос», «Кондор», «Кречет» и «Спартаковец».

5. Вспомогательные суда – речной пароход «Таразан» и 2 баржи для жилья.

6. Резервные суда – паровой баркас и паровые катера «Иннокентий», «Антоний», «Трудящийся» и «Интернационал».

Помимо формирования флотилии и обучения экипажа, командованию приходилось проводить работу по восстановлению водной инфраструктуры Байкала.

Силами флотилии была произведена прокладка телеграфной линии от Лиственничного до Иркутска, а также участок линии от села Бугульдейка до острова Ольхон.

Основными обязанностями флотилии было патрулирование акватории Байкала, Ангары и Селенги.

Экипажи занимались также географической разведкой акватории, изучением местности, транспортировкой пассажиров и грузов и даже рассматривались для использования в качестве рыболовецких судов.

Боевое применение катеров произошло в первой половине июля, когда на севере Байкала, в г. Баргузин началось антибольшевистское восстание, подкрепленное оставшимися военными Каппеля и Семенова [14].

С 1–6 июля с канонерки «Ангара» в Баргузинском заливе был высажен дозор, для разведки и наблюдения за восставшими. 10 июля в залив были направлены катера «Мина» и «III Интернационал», которые 11 июля подошли к с. Уст-Баргузин, высадив десант в количестве 7 человек. После этого, катера, сопровождаемые сухопутным отрядом десантников, двинулись по р. Баргузин.

Сухопутный отряд выслал на предполагаемое место сосредоточения противника разведчиков, которые, войдя в соприкосновение с противником, попытались начать переговоры, которые провалились.

Получив показания разведки, сухопутный отряд выступил к позиции, занимаемой противником, а «III Интернационал» пошел по реке. Пройдя 9 верст, катер остановился и в 14:00 открыл огонь по восставшим, поддерживаемый пулеметным огнем с суши. Сухопутный отряд,

при поддержке катера, сумел к 16 часам выбить противника с позиций. Восставшие бежали в г. Баргузин.

Сухопутный отряд продолжил преследование, а «III Интернационал» выдвинулся к д. Зорино, сев на мель, не дойдя 1 версты до нее. Этим же вечером, к с. Усть-Баргузин подошла «Ангара», с которой высадился десант из 11 человек, направленный в Баргузин для помощи.

13 июля сухопутный отряд занял г. Баргузин, где получил сведения том, что противник засел в с. Читкан и мобилизует крестьян. К 10 ч. утра в Усть-Баргузин прибыл катер «Искра», с которого высадился десант из 6 человек во главе с командиром 2 отряда катеров И. Т. Забегалиным. Также, стало известно, что в Усть-Баргузин к этому времени прибыл эскадрон мадьяр.

14 июля крестьяне стали прибывать в Баргузин, рассказывая, что восставшие устроили избиение семей военных. К 14:00 с десантом соединился эскадрон мадьяр, который попутно захватил 10 дезертиров, сбежавших при обстреле позиций 2 днями ранее.

С 18 по 19 июля отряд моряков, усиленный эскадроном мадьяр, преследуя восставших, получил у д. Доцан сведения, что главари восстания ушли за в тайгу. После бегства организаторов восстание прекратилось.

Байкальская флотилия судов была признана высшим командованием как боеспособное и полезное подразделение, выполнившее все поставленные ему задачи, несмотря на технические и организационные трудности. Умелое управление М. Н. Попова позволило не только организовать работу моряков на военных судах, но и содействовало в разведке и изучении Байкальского бассейна и восстановлению водной инфраструктуры края.

Литература

1. Боевой путь советского военно-морского флота / В. И. Ачкасов [и др.]. 4-е изд. испр., и доп. М. : Воениздат, 1988. 607 с.
2. Великий Сибирский Ледяной поход / сост., науч. ред. С. В. Волков. М. : Центрполиграф, 2004. 718 с.
3. Власов Л. М. Лиственичное на Байкале// Как мы боролись за власть советов в Иркутской губернии (воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции). Иркутск, 1957. С. 36–44.
4. Волков С. Н. Золото Колчака. Чехословацкие легионеры. Американский экспедиционный корпус в Сибири (1918–1920). Кругобайкальская железная дорога. Иркутск 2021. 384 с.
5. Каппель и каппелевцы / ред. и сост. Р. Г. Гагкуев. 2-е изд., испр. и доп. М. : Посев, 2007. 778 с.
6. Гуринов С. Л. Белая сибирская флотилия // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. Воронеж, 2013. Вып. 4(19). С. 59–63.
7. Дубленных В. В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. 396 с.

8. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М. : Молодая гвардия, 2006. 635 с.
9. Иркутск. Историко-краеведческий словарь / редкол. Н. В. Бурдонова [и др.] ; ред.-конс. А. В. Иоффе. Иркутск : Сиб. книга, 2011. 594 с.
10. Кузнецов Н. А., Соломонов Б. В. «Байкал» и «Ангара». Судьба байкальских ледоколов // Морская коллекция. 2020. № 2. 36 с.
11. Ларьков Н. С. Из Капитанов в генералы за 100 дней («Восточный поход» А. Н. Пепеляева) // Вестник ТГУ. Томск, 2016. Вып. 407. С. 105–114.
12. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.
13. Новиков П. А. Изменчивые мотивы людей. Восточная Сибирь в Гражданской войне // Вестник Евразии. М., 2002. Вып. 4. С. 104–127.
14. Новиков П. А. Повстанческий отряд В. Л. Дуганова в 20-х гг. XX в. : участие тунгусов в антибольшевистском движении // Вестник ТГУ Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 2(70). С. 165–168.
15. Петрушин Ю. А., Воронцов Д. В. Боевые действия в Восточной Сибири и Куйтунское соглашение 7 февраля 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2021. Т. 17, № 4. С. 199–207.
16. Плотноков И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М. : Центрполиграф, 2003. 702 с.
17. Распопина А. А. Байкальское пароходство в период революции и Гражданской войны // Историко-экономические исследования. Иркутск 2016. Вып. 4. С. 723–743.
18. Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.
19. Шиндялов Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» // Россия и АТР. Благовещенск, 2011. Вып. 1(71). С. 5–18.
20. Ясько Т. Н. Сибирская и Амурская военные флотилии в 1917–1922 гг. // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток : Ин-т истории ДВО РАН, 1998. 291 с.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BAIKAL FLOTILLA DURING THE CIVIL WAR IN THE CONTEXT OF SUPPORTING THE MILITARY PRESTIGE OF THE COUNTRY

© A. A. Dynya, 2023

Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article considers two stages of the creation of the flotilla by the Bolsheviks in 1918 and 1920, the confrontation of the Red and White Baikal flotillas. The composition and origin of the flotilla, its technical equipment, armament, organization of work of groups of gunboats and boats, as well as combat use, both planned and real, in suppressing the Barguzin uprising, in which the flotilla boats and paratroopers-sailors took an active part, are considered.

Keywords: Civil War, Baikal, Red Baikal Flotilla, White Baikal Flotilla, Barguzin Uprising, M. N. Popov, G. M. Semenov.

Дыня Алексей Александрович – аспирант 3-го курса кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, dynyaaa@mail.ru

Dynya Alexey Alexandrovich – 3rd year Postgraduate of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, dynyaaa@mail.ru

СОВЕТСКАЯ САТИРА В РЕШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАДАЧ

© А. С. Егоров, 2023

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Отмечается, что с момента захвата власти большевиками и до распада СССР проводилось пять антиалкогольных кампаний: в 1918–1925 гг., в 1929 г., в 1958 г., в 1972 г. и в 1985–1987 гг. Последняя кампания имела ряд положительных и отрицательных моментов. С одной стороны, за этот короткий промежуток было достигнуто снижение уровня алкоголизации населения и, как следствие, – уровня смертности. Уровень рождаемости, напротив, повысился. С другой стороны, не сошло на нет употребление суррогатов алкоголя, еще более пагубно влияющих на здоровье, чем сделанные по ГОСТу спиртные напитки. К тому же уменьшение алкопроизводства отрицательно сказалось на экономике Советского Союза. В борьбе с пьянством деятельное участие принимали средства массовой информации: они представляли его как асоциальное явление, мешающее развитию государства, а также пропагандировали здоровый образ жизни. Именно тогда появились лозунги «Трезвость – норма жизни» и «Пьянству – бой!».

Ключевые слова: антиалкогольная кампания, СССР, сатира, карикатура, фельетон, журнал «Крокодил».

Первый выпуск журнала «Крокодил» датируется 27 августа 1922 г. С самого начала издание представляло пьянство в негативном свете. В антологии «Советская сатирическая печать (1917–1963)» говорится, что в 1920-е гг. в издании, помимо хулиганов, тунеядцев и бракоделов, клеймились позором еще и пьяницы [4]. Выбор темы пьянства как основной был продиктован ее насущностью. В ходе антиалкогольной кампании 1918–1925 гг. государственное алкопроизводство достигло минимума. Это привело к развитию алкопроизводства домашнего, т. е. к развитию самогонварения.

Пьянство подвергалось осмеянию в «Крокодиле» до начала Великой Отечественной войны, с первых дней которой основной задачей издания стала «борьба с немецко-фашистскими захватчиками» [4].

После войны, 14 августа 1946 г., вышло широко известное постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». В нем критиковались издания, публикующие произведения прозаика М. М. Зощенко и поэта А. А. Ахматовой. Несмотря на то что это постановление напрямую не касалось «Крокодила», карикатуры и фельетоны, направленные против пьянства, пропали со страниц журнала, так как они могли «клеветнически представить советских людей» [3].

5 марта 1953 г. умер фактический руководитель СССР И. В. Сталин. 14–25 февраля 1956 г. состоялся XX съезд ЦК КПСС, на котором

был осужден культ личности И. В. Сталина. После этого «Крокодил» вернулся к теме пьянства, однако осторожно – обличал любителей выпить через аллегории.

В 1960-е гг. осторожность «Крокодила» сошла на нет – в издании стали появляться произведения, посвященные проблеме пьянства. В 1970-е гг. в «Крокодиле» появилась постоянная рубрика «Под углом 40°». Там размещались карикатуры и фельетоны на антиалкогольную тему.

11 марта 1985 г. ЦК КПСС возглавил М. С. Горбачев. Спустя два месяца он (по настоянию членов Политбюро М. С. Соломенцева и Е. К. Лигачева) начал антиалкогольную кампанию, проводимую под лозунгами «Трезвость – норма жизни» и «Пьянству – бой!».

7 мая 1985 г. были приняты постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и постановление Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения». И первый, и второй документ были направлены на понижение потребления алкоголя советскими гражданами, в частности, за счет колоссального уменьшения объемов алкопроизводства. Если в начале 1950-х ежегодное душевое потребление чистого спирта варьировалось от 1,7 до 3,5 литра, в 1960-х равнялось 10 литрам, а в 1970-х – 12 литрам, то к 1985 г. оно достигло 14 литров [2, с. 60].

16 мая 1985 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения». В отличие от постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, этот документ устанавливал административные и уголовные наказания.

В 1985 г. «Крокодил» выходил три раза в месяц, его тираж составлял 5,6 миллиона экземпляров. Это было по-настоящему популярное и влиятельное издание. Для сравнения: тираж журнала «Огонек» в том же году равнялся 1,5 миллиона экземпляров. С 1975 по 1985 г. главным редактором «Крокодила» являлся Е. П. Дубровин. В 1986 г. его место занял А. С. Пьянов.

Просмотрев 108 номеров «Крокодила», вышедших с начала 1985 г. по конец 1987 г., мы пришли к трем выводам.

Во-первых, журнал вел методичную, последовательную пропаганду трезвости, что видно по числу напечатанных там антиалкогольных карикатур, юморесок, сатирических зарисовок и фельетонов. Они присутствуют в каждом номере, причем в одном выпуске может содержаться до 20 таких материалов.

Во-вторых, тема пьянства разделялась в издании на подтемы: «детское (подростковое) пьянство», «распитие спиртных напитков на производстве», «распитие спиртных напитков (появление в пьяном

виде) в общественных местах» и «женский алкоголизм». Данное разделение говорит о том, что проблема пьянства показывалась в «Крокодиле» всесторонне.

В-третьих, карикатуристы изображали нетрезвых людей в гротескном виде – крайне непривлекательными, грязными, с разного рода травмами. Фельетонисты детально описывали их «животное» поведение, показывали последствия неумеренного употребления алкоголя. Это делалось для того, что вызвать у читателей отвращение к «зелью».

Определить вклад «Крокодила» в антиалкогольную кампанию, проводимую М. С. Горбачевым, невозможно. Однако журнал с тиражом более пяти миллионов экземпляров, не мог не влиять на общественное сознание. Поэтому в снижении смертности и в повышении рождаемости – есть некоторая заслуга издания. Если верить Государственному комитету СССР по статистике, в 1986–1987 гг. умерло на 245 тыс. человек меньше, чем в 1983–1984 гг. Рождаемость же увеличилась: в 1986–1987 гг. родилось на 431 тыс. человек больше, чем в 1983–1984 гг. [1].

Добавим, что хотя и с наступлением 1988 г. пропаганда трезвости в советских СМИ ослабла, а производство алкоголя стало стремительно расти, «Крокодил» продолжал обличать и высмеивать пьянство вплоть до распада СССР.

Литература

1. Демографический ежегодник СССР 1990. М. : Финансы и статистика, 1990. 639 с.
2. Клинова М. А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е – конец 1980-х гг.). Омск : Омский научный вестник № 2 (76), 2009. 60–63 с.
3. О журналах «Звезда» и «Ленинград» : постановление Оргбюро ЦК КП(б). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm> (дата обращения: 20.06.2023).
4. Стыкалин С. И., Кременская И. К. Советская сатирическая печать: 1917–1963. М. : Госполитиздат, 1963. 484 с.

THE ROLE OF KROKODIL MAGAZINE IN THE ANTI-ALCOHOL CAMPAIGN OF 1985–1987

© A. S. Egorov, 2023

Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. From the moment the Bolsheviks seized power until the collapse of the USSR, there were five anti-alcohol campaigns: in 1918–1925, in 1929, in 1958, in 1972 and in 1985–1987. The last campaign had a number of positive and negative aspects. On the one hand, during this short period of time, there was a reduction in the alcoholization of the population and, as a consequence, in the mortality rate. The birth rate, on the contrary, increased. On the other hand, the use of alcohol surrogates, which are even more harmful to health than alcoholic beverages made according to GOST standards, has not disappeared. In addition, the reduction of alcohol production had a negative impact on the economy of the Soviet Union. The mass media took an active part in the fight against drunkenness – they presented it as an antisocial phenomenon hindering the development of the state, and also promoted a healthy lifestyle. It was at that time that the slogans «Sobriety is the norm of life» and «Fight Drunkenness!».

Keywords: drinking, anti-alcohol campaign, USSR, satire, cartoon, feuilleton, «Crocodile» magazine.

Егоров Александр Сергеевич – аспирант направления «История и философия науки», ассистент кафедры рекламы и журналистики, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: aleks_mir_1998@mail.ru

Egorov Alexander Sergeevich – Postgraduate Student in the field of “History and Philosophy of Science”, Assistant of the Department of Advertising and Journalism, Irkutsk National Research Technical University, Irutsk, Russian Federation, e-mail: aleks_mir_1998@mail.ru

УДК 930

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА

© А. Н. Изотов, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Приводятся различные подходы к понятию публичного интереса. Исследуются акты судебного толкования, посвященные категории публичного интереса. Рассматривается соотношение понятий «публичный интерес» и «интересы неопределенного круга лиц», «публичный интерес» и «социальные ценности». Предлагается авторское определение содержания и происхождения публичного интереса на основе аксиологического метода.

Ключевые слова: социальные ценности, публичный интерес, правовые ценности, интересы, аксиология.

Категория «интерес» является широко распространенной и универсальной. Она используется в философии, психологии, социологии и, конечно, в юридической науке. В общем смысле под интересом понимается осознанное и целенаправленное (мотивированное) отношение человека к объекту его потребности. Отметим, что интерес играл и играет значительную роль в возникновении, развитии и функционировании самого общества и таких его институтов как государство и право. Именно через интересы наиболее социально активные индивиды и социальные группы проявляют свои стремления.

Сущность публичных интересов вызывала интерес еще у античных философов. Так, Платон и Аристотель считали, что интересы полиса есть интересы всех граждан. Теологи Средневековья, в частности Фома Аквинский провозглашал примат общественных интересов над интересами личности, ссылаясь на то, что каждый человек принадлежит обществу [1, с. 75]. Мыслители эпохи Просвещения и нового времени приоритет в соотношении интересов отдавали интересам государства.

По мнению С. А. Муромцева, публичные интересы связаны с получением общего блага, а их удовлетворение способствует наиболь-

шему счастьем наибольшего числа лиц. Г. Ф. Шершеневич под публичными интересами понимал интересы общества, при этом пришел к выводу о том, что обеспечение общественных и индивидуальных интересов граждан определяет суверенность государственной власти и составляет предел государственного воздействия на общество [2, с. 25].

Рассматривая проблему содержания категории «публичный интерес» необходимо отметить тот факт, что употребление этой формулировки достаточно часто встречается в российском законодательстве, при этом легального определения ей так и не дано. Отметим, что в 2015 г. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3], принятом 23 июня 2015 г. дал такое толкование рассматриваемому понятию: применительно к ст. 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Кроме того, сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы.

Публичный интерес – это понятие более широкое чем государственные или общественные интересы, поскольку включает в себя их. Кроме того, отдельно можно выделить еще и муниципальные интересы, также включенные в понятие публичного интереса, рассмотрение которых должно осуществляться обособленно от государственных интересов в связи с тем, что местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти.

Соотношение интереса и права может являться и является самостоятельной темой научных работ. Мы же выделим лишь наиболее общие формы существования интереса в правовом поле:

1. Интерес, полностью отраженный в праве.
2. Интерес, закрепленный через субъективное право.
3. Интерес, который правом не закреплен [4, с. 99–100].

Можно также выделить в отдельную форму интерес противозаконный, однако он не является правовым интересом и потому намеренно исключен из предмета изучения данной работы.

С точки зрения данного Верховным Судом толкования понятия «публичный интерес» оно почти полностью относится к такой форме существования интереса, как отражение в праве (п. 1). Действительно, обеспечение безопасности жизни, здоровья граждан, вопросы обороны и безопасности государства, охрана окружающей среды и верховенство

закона нашли свое отражение как в разнообразных нормативных правовых актах страны, так и в Основном законе (ст. 4, 7, 20, 36, 41, 42 Конституции РФ [5]). Однако мы не случайно указываем, что такой интерес отражен в праве «почти» полностью, поскольку включаемая в понятие публичного интереса категория интересов неопределенного круга лиц не нашел своего отражения в праве – ни прямого (п. 1), ни в форме закрепления через субъективное право (п. 2).

Рассматривая суть категории «интересы неопределенного круга лиц» можно прийти к обоснованному выводу о том, что отсутствие легального закрепления его содержания в объективном праве не является недоработкой законодателя, а напротив использовано им для обеспечения гибкого правового регулирования правоотношений, касающихся таких интересов.

Итак, для разъяснения содержания понятия интересов неопределенного круга лиц необходимо снова обратиться к толкованию данному Верховным Судом Российской Федерации (на этот раз в Обзоре судебной практики ВС РФ за 1 квартал 2004 г. (по гражданским делам), утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 23 и 30 июня 2004 г.) [6], согласно которому под неопределенным кругом лиц понимается такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела. Иными словами, Верховный Суд говорит о том, что субъективные права такого круга лиц не могут быть установлены, а может быть и не закреплены, при этом их интересы требуют судебной защиты.

На самом деле социальная материя настолько разнообразна и сложна, что невозможно представить, чтобы любой вопрос, который потенциально может потребовать государственной защиты, был урегулирован объективным правом. Более того, это не только невозможно, но и не нужно. Применяя такие словесные формулы как «публичный интерес» и «интересы неопределенного круга лиц» законодатель дает возможность обеспечить защиту таким интересам, которые невозможно предусмотреть в момент осуществления акта законотворчества. Действительно, объективное право в своем регулировании почти всегда отстает от возникающих новых запросов общества: первоначально всегда появляются общественные отношения и только потом нормы их регулирующие.

Правильное определение содержания публичных интересов правоприменителем будет способствовать принятию справедливых и законных решений. Итак, как видно из толкования публичного интереса и интересов неопределенного круга лиц, приведенных Верховным Су-

дом, их содержание почти совпадает и отличается лишь тем, что в публичный интерес помимо интереса неопределенного круга лиц включаются еще охрана окружающей среды, оборона государства, защита жизни и здоровья граждан, которые являются скорее ценностями нежели интересами в традиционном понимании этих категорий. Напомним, что под интересами понимают осознанное и целенаправленное (мотивированное) отношение человека к объекту его потребности. Таким образом, представить интерес без субъекта невозможно, даже если этот носитель не может быть определен.

Переходя к содержанию категории «ценность» отметим, что она почти полностью лежит в поле философии. Обычно под нею понимают одну из трех ее ипостасей: собственно предмет, который для субъекта является ценным; представление субъекта о предмете, как о полезном либо, наоборот, вредном (положительная или отрицательная ценность); процесс/результат оценивания. Традиционным же пониманием ценности является следующее – это суждение субъекта о предмете, который является ценным.

Не трудно заметить, что такая личная ценность всегда субъективна, т. е. неразрывно связана с субъектом, индивидом, без которого ценность любого предмета теряется. Однако из совокупности личных ценностей членов общества складываются, или правильнее сказать формируются социальные ценности. Они присущи всем членам общества или большинству из них. При этом социальные ценности не равны простой сумме индивидуальных ценностей членов этого общества. При таком переходе происходит их качественное изменение.

Отличительным свойством социальных ценностей в сравнении с личными является то, что они объективированы, т. е. отстранены от конкретного субъекта. Иными словами, такие социальные ценности существуют в обществе не зависимо от воли и сознания каждого из отдельных его членов. При этом являются для них очевидными. Таким образом, из суммы субъективных ощущений индивидов в отношении тех или иных предметов и явлений, происходит та часть объективной социальной реальности, которую мы называем социальными ценностями. Следовательно, социальные ценности являются одним из множества социальных фактов не только наполняющих социальную реальность, но и интегрирующих общество, поддерживающих его целостность.

Социальные ценности, как и любое явление культуры не передается людям генетически, т. е. при рождении, однако воспринимаются ими в процессе взаимодействия с обществом и встраивания личности в него. Для восприятия социальных ценностей человеком они проходят обратный процесс, т. е. процесс субъективирования. Так социальные

ценности могут становиться личными ценностями без непосредственного опыта взаимодействия субъекта с предметом, о котором формируется ценностное представление.

Здесь можно выделить несколько путей рецепции социальных ценностей индивидами. Например, эмпатический путь, заключающийся в сопереживании эмоциональному состоянию другого человека без непосредственного контакта с предметом или обстоятельством, вызвавшим такое состояние. Другой вариант пути – воспитательный, т. е. применяемый к индивиду целенаправленно, когда социальная ценность прививается другому индивиду намеренно в процессе воспитания, обучения, адаптации.

Эти пути, из-за несовершенства каналов передачи информации, а также ввиду сильного влияния транслирующей ценность субъекта на содержание информации о ней, допускают вольное или невольное изменение самой их сути. И хотя изменчивость безусловно является фактором, определяющим и движущим эволюцию как биологическую, так и социальную, искажение представлений о ряде наиболее важных социальных ценностей чревато потерей их интегрирующего свойства и, как следствие, приводит к разобщенности. Иными словами, изменение содержания ряда социальных ценностей наносит обществу непосредственный вред.

Каналом обратной передачи таких наиболее значимых социальных ценностей служит право. Благодаря таким свойствам права как формальная определенность, стабильность, общеобязательность, нахождение под охраной мер государственного воздействия, правовой путь рецепции социальных ценностей обеспечивает наименьший риск видоизменения первоначального их содержания.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что правовыми ценностями являются наиболее значимые социальные ценности, защищаемые государством и обеспечивающие социальную целостность и стабильность общества, облаченные в нормативную форму, приобретающие общеобязательный и формально определенный характер.

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что и социальные ценности, и публичные интересы являются отношением субъектов к определенным предметам или явлениям. Разница их состоит в том, что интерес, в отличие от ценности, имеет волевую направленность на удовлетворение.

Исходя из такого понимания и соотношения рассматриваемых понятий складывается вывод о том, что источником публичного интереса являются социальные ценности, реципированные социально активными членами общества, чья воля направлена на их обретение или защи-

ту. Именно благодаря целенаправленному (мотивированному) отношению таких социально активных членов общества социальные ценности могут обрести отражение и закрепление в праве, т. е. стать правовыми ценностями.

Литература

1. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 2-1. Вопросы 90–114 / пер., ред. и примеч. С. И. Еремеева. Киев : Ника-центр, 2010. 432 с.
2. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908. 156 с.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23 июня 2015 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8435/> (дата обращения: 30.07.2023).
4. Максимов В. А. К вопросу о соотношении «права» и «интереса» в гражданском праве // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1 (51). С 98–107.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 30.07.2023).
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2004 года (по гражданским делам) : утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 23 и 30 июня 2004 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12036563/> (дата обращения: 30.07.2023).

SOCIAL VALUES AS A SOURCE OF PUBLIC INTEREST

© A. N. Izotov, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article presents different approaches to the concept of public interest. Acts of judicial interpretation focused on the category of public interest are investigated. The author examines the relationship between the concepts of “public interest” and “interests of an indefinite circle of persons”, “public interest” and “social values”. The author’s definition of the content and origin of public interest based on the axiological method is proposed.

Keywords: social values, public interest, law values, interest, axiology.

Изотов Андрей Николаевич – аспирант кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: izotov-a-n@yandex.ru

IzotovAndei Nikolaevich – Postgraduate Student, Department of Constitutional Law and Theory, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: izotov-a-n@yandex.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ

© И. А. Михалева, 2023

Центр спортивной подготовки сборных команд Иркутской области
министерства спорта Иркутской области
Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам влияния существующих конституционных принципов на функционирование правового режима противодействия коррупции. Рассматриваются вопросы понятия правового режима противодействия коррупции, его структуры, а также поднимается вопрос о взаимосвязи конституционных принципов и антикоррупционного регулирования. Делается вывод о том, что формирование и функционирование правового режима противодействия коррупции напрямую зависит от действующих конституционных принципов.

Ключевые слова: правовой режим, коррупция, правовой режим противодействия коррупции, принцип права, конституционный принцип.

Несмотря на то что правовое регулирование противодействия коррупции в последнее время претерпевает постоянное изменение, вопрос противодействия коррупции до сих пор остается сложным, а его обсуждение приводит к возникновению серьезных научных дискуссий.

Повышение эффективности борьбы с коррупцией предполагается возможным, если формирование механизма противодействия коррупции рассматривать с точки зрения системности и комплексности регулирования общественных отношений в сфере противодействия коррупции. Такой механизм представляется нами как особый «режим противодействия коррупции».

В этой связи представляется актуальным рассмотрение специфики режимного антикоррупционного регулирования через призму конституционных принципов. Интересным является вопрос: какие конституционные принципы оказывают влияние на регулирование коррупционных отношений и каким образом это отражается в структуре правового режима противодействия коррупции.

Правовой режим противодействия коррупции это сложная комплексная многоэлементная категория.

Под правовым режимом противодействия коррупции следует понимать установленный законодательством и обеспечиваемый государством особый порядок правового регулирования, представляющий собой совокупность юридических средств, с помощью которых осуществляется борьба с коррупцией и устанавливается в обществе конкретный правовой антикоррупционный климат, характеризующийся

определенной степенью благоприятности или неблагоприятности для субъектов коррупционных отношений [1, с. 5].

Данное понятие позволяет сделать вывод о том, что режимное регулирование общественных отношений предполагает формирование определенного позитивного для общества и государства результата неприятия коррупции путем создания специальной комплексной системы.

Правовой режим рассматривается нами как особое состояние правового регулирования в определенный момент времени, а компонентность и структуру правового режима противодействия коррупции определяет механизм правового регулирования коррупционных отношений, включающий в себя взятые в единстве и взаимодействии правовые средства, участвующие в правовом регулировании общественных отношений.

Структуру правового режима противодействия коррупции, по нашему мнению, можно условно разделить на основные элементы (нормы права, юридический факт или фактический состав, правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей, акты применения права) и вспомогательные элементы (нормативные правовые акты, акты толкования права, правосознание, юридическая техника и др.), а также узловые звенья, образующих основу режима.

Так как правовой режим противодействия коррупции имеет достаточно широкую структуру, его функционирование напрямую зависит от действующих конституционных принципов.

Относительно понятия «принципов» среди авторов существует дискуссия: одни авторы считают, что принципы права – это определенные основополагающие (базовые) идеи, а другие под принципами права понимают особого рода нормы права [2, с. 58–62].

Не вдаваясь в существующую полемику в науке относительно соотношения конституционных принципов и конституционных норм [3, с. 19–24], для целей настоящего исследования будем учитывать, что под конституционными принципами понимаются общие, руководящие начала конституционно-правового регулирования, обладающие высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяющие развитие всей системы правового регулирования [4, с. 90].

Конституционные принципы находят непосредственное выражение в основах конституционного строя, охватывающих отношения между человеком, гражданским обществом и государством.

Система конституционных принципов является системой фундаментальных установок, обладающих высокой значимостью для регулирования конституционных общественных отношений и предопределяющих основы внутригосударственной системы права.

К числу конституционных принципов можно отнести следующие: народовластие, федерализм, разделение властей, государственный суверенитет РФ, законность, гласность, верховенство конституции РФ, равенство граждан перед законом и судом, равноправие граждан.

Имея высшую юридическую силу, конституционные принципы влияют, в том числе, на формирование механизмов правового регулирования отдельных общественных отношений. Так, и режимное регулирование коррупционных отношений зависит от закрепления тех или иных конституционных принципов с точки зрения комплексности и всесторонности.

Одним из значимых конституционных принципов является принцип народовластия (демократии). Носителем суверенитета и источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ст. 3 Конституции РФ). Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Референдум и выборы проводятся в соответствии с законодательством РФ. Народовластие осуществляется как в сфере государственного управления, так и в сфере местного самоуправления. Народовластие обеспечивается совокупностью политических прав.

Принцип демократизма является основополагающим началом, определяющим систему правового режима противодействия коррупции. Коррупция как явление связана в первую очередь с взаимодействием между собой таких субъектов права, как представители государственной власти и народ. Власть народа тесно связана с запрещением злоупотреблений со стороны должностных лиц, с выборностью должностных лиц, осуществляющих свои полномочия от лица народа.

Еще один принцип, имеющий существенное влияние на правовое регулирование коррупционных отношений, это принцип разделения властей. Данный принцип подразумевает под собой разделение компетенций и органов власти РФ в соответствии с компетенцией на исполнительную, судебную и законодательную ветви. Подобное разделение власти обеспечивает функционирование системы «сдержек и противовесов», позволяя исключить злоупотребления властью в случае ее концентрации в одних руках. Противодействие коррупции в условиях наличия данной системы приобретает системный характер, позволяет различным элементам структуры правового режима действовать во взаимосвязи, и, в то же время, соблюдать равновесие и иметь внутренние механизмы контроля.

Одним из самых значимых для антикоррупционного регулирования принципов является принцип законности. Данный принцип подразумевает точное и неуклонное соблюдение законодательства РФ, без которого существование правового государства невозможно. В рамках коррупционных отношений данный принцип предопределяет обязанность субъектов этих отношений соблюдать установленные правовые нормы, а отклонение от установленных норм квалифицирует как то или иное противоправное коррупционное деяние.

Принцип верховенства Конституции РФ предполагает, что все нормативные акты независимо от статуса издавших их органов должны соответствовать Конституции РФ как Основному Закону. В случае противоречия между нормами Конституции РФ и другого закона действуют нормы Конституции РФ. Данный принцип предопределяет вектор правового регулирования общественных отношений и устанавливает определенные рамки для законодателя. Конституция РФ принята всенародным голосованием, является продуктом воли народа. Ее верховенство является гарантом закрепленных в ней прав и свобод человека и гражданина.

Принцип равенства граждан перед законом и судом означает как наличие общего для всех общегражданского статуса, так и отсутствие дискриминации, которая запрещается в какой-либо форме. В РФ запрещена дискриминация по половому, расовому, национальному либо иному признаку. Закон имеет одинаковую юридическую силу и одинаковый смысл для всех, а его нарушение влечет одинаковую для всех ответственность. Создание каких-либо преимуществ в рамках установления коррупционных отношений недопустимо. Система противодействия коррупции основывается на данном принципе как на принципе запрещения отступления от закона в целях приобретения той или иной выгоды субъектом коррупционных отношений по сравнению с остальными участниками общественных отношений. В данном контексте также имеет значение и принцип равноправия граждан, предполагающий наличие равного количества прав у всех граждан по закону, т. е. не фактическое, а юридическое равенство.

Важным для регулирования коррупционных отношений является конституционный принцип гласности, который реализуется путем обязательного опубликования текста закона для всеобщего ознакомления. Все законы, издаваемые в РФ, должны быть опубликованы в определенном порядке и в определенный срок в официальных изданиях. Кроме того, устанавливается гласность судопроизводства, разбирательство дел во всех судах РФ открытое. Деятельность органов государственной власти РФ также должны быть прозрачной, народ как носитель сувере-

нитета и единственный источник власти в РФ осуществляет непосредственный общественный контроль за деятельностью органов государственной власти. Данный принцип является основой для создания отдельных инструментов правового регулирования в рамках правового режима противодействия коррупции и дает возможность повышения эффективности мер противодействия коррупции путем введения дополнительных мер по мониторингу и контролю за деятельностью государственных и муниципальных органов.

Рассмотрев основные конституционные принципы и их влияние на формирование правового режима противодействия коррупции, можно сделать вывод о том, что понимание конституционных принципов как основных начал конституционно-правового регулирования, предопределяющих развитие всей системы правового регулирования, само по себе предполагает, что данные принципы предопределяют, в том числе, и формирование правового режима противодействия коррупции. Системная борьба с коррупцией возможна только при применении комплексного подхода, основанного на устойчивых всеобъемлющих конституционных принципах.

Литература

1. Тирских М. Г., Михалева И. А. Структура правового режима противодействия коррупции // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2 (81). С. 5.
2. Осавелюк Е. А. Понятие и виды принципов конституционного права России // Образование и право. 2020. № 3 С. 58–62.
3. Алешкова И. А. Соотношение принципов и норм конституционного права // Аграрное и земельное право. 2019. № 2(170). С. 19–24.
4. Конституционное право Российской Федерации : учебник / под общ. ред. Н. В. Витрука. М., 2011. С. 90.

LEGAL REGIME FOR COMBATING CORRUPTION IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES

© I. A. Mikhaleva, 2023

Center for Sports Training of the Irkutsk Regional Teams of Ministry
of Sports of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problems of the influence of existing constitutional principles on the functioning of the legal regime for combating corruption. The paper deals with the issues of the concept of the legal regime for combating corruption, its structure, and also raises the question of the connection between constitutional principles and anti-corruption regulation. It is concluded that the formation and functioning of the legal regime for combating corruption directly depends on the current constitutional principles.

Keywords: legal regime, corruption, legal regime for combating corruption, principle of law, constitutional principle.

Михалева Ирина Александровна – заместитель директора, Центр спортивной подготовки сборных команд Иркутской области министерства спорта Иркутской области, г. Иркутск, Россия, e-mail: nikaneit@mail.ru

Mikhaleva Irina Alexandrovna – Deputy Director, Center for Sports Training of the Irkutsk Regional Teams of Ministry of Sports of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nikaneit@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДОВ НА БАМЕ

© Р. О. Рой, 2023

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

Аннотация. Рассмотрено нормативно-правовое регулирование планирования территорий в городах, которые строились одновременно с Байкало-Амурской железнодорожной магистралью (БАМ). Выделены объективные сложности, влияющие на принятие градостроительных решений. Отмечается, что на начальном этапе строительства БАМа еще не сложилась практика утверждения генеральных планов городов, в 1970-е гг. строительство городов велось в соответствии с планом. В отношении новых городов Восточной Сибири генпланы разрабатывались ведущими проектными организациями. Известны генеральные планы городов Северобайкальска и Тынды. Генеральный план являлся основой для иной градостроительной документации. План города рассматривался в большей степени как технический, а не юридический документ. Сделан вывод, что изучение генеральных планов позволяет оценивать состояние и перспективы развития городов БАМа.

Ключевые слова: история государства, история права, нормативно-правовое регулирование, план города, новые города, градостроительство, Байкало-Амурская магистраль.

Сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (далее – БАМ) в отличие от многих других масштабных строек СССР реализовывалось в особо сложных условиях. В связи с чем, проектирование населенных пунктов и развитие их инфраструктуры требовало внедрение новых градостроительных стандартов, адаптированных под условия вечной мерзлоты, горного рельефа, с учетом сейсмической активности.

В целом развитие населенных пунктов вдоль БАМа, можно разделить на два периода: довоенный (1932–1941 гг.) и послевоенный (1960-е гг. – 1980 -е гг.).

Фактически строительство Байкало-Амурской магистрали началось в середине 1930-х гг., хотя первые идеи строительства возникли еще в конце XIX века [1, с. 190]. В научной литературе подчеркивается значение Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 542, принятого 13 апреля 1932 г. «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги». Решение высшего партийного и правительственного органа обеспечило выполнение изыскательских, проектных и строительных работ.

Отмечается, что «в первоначальном варианте расположение трассы БАМа рассматривалось в пределах Восточного участка от станции Уруша Забайкальской дороги на север, в район зимовья Тынды, затем на восток, к селу Пермское (будущему Комсомольску-на-Амуре) общей протяженностью 2000 км [2]. Выполнение амбициозных планов в

сложных природных условиях, низкой технической оснащенности, ограниченном числе специалистов и рабочих было практически невозможно. Поэтому управление строительством было передано из наркомата путей сообщения в наркомат внутренних дел СССР, широко использовался труд заключенных. Необходимо в целом указать на отставание в техническом, социальном, материальном и нормативной обеспечении строительства.

В довоенный период в советском государстве не сложился механизм территориального планирования в отношении городов, а тем более поселений. Исключение составляет Москва, для которой в 1935 г. был принят первый градостроительный документ – Генеральный план реконструкции Москвы [3, с. 38]. Большинство городов, тем более в отдаленных и труднодоступных местах, формировались во многом стихийно, коммунальная инфраструктура была слабой, уровень благоустройства – низким.

Развитие восточных регионов предусматривалось в проектах Генерального хозяйственного плана на 1943–1957 гг. Одним из крупнейших проектов был связан со строительством новой железнодорожной магистрали, которая должна была охватить часть современного Казахстана, Западной Сибири, пройти через «Абакан, Тайшет, УстьКут, Тынду, Комсомольск-на-Амуре и закончиться в Советской Гавани на берегу Тихого океана. От Тынды планировалось ответвление на Алдан, Якутск, а также через Хандыгу, Оймякон до Магадана и от Хандыги – до Верхоянска» [4, с. 159].

В конце 1960-х гг. начинается второй этап в строительстве БАМ и развитии прилегающих территорий. Его связывают с изданием в марте 1967 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о возобновлении проектно-изыскательских работ на БАМе [5, с. 128], которые были поручены институтам «Мосгипротранс», «Ленгипротранс» и «Сибгипротранс».

Выполнение крупных проектных работ осуществлялось комплексно вместе с городским планированием и благоустройством. Так, при проектировании Зейской ГЭС, расположенной в Амурской области, подрядная организация ЛенГидроНИИПроект исходила из того, что микрорайоны многоквартирных домов «должны были отвечать специфичным требованиям местоположения строительства» [6, с. 140], т. е. учитывать сейсмическую обстановку и климатических условий местности.

Проектировочные работы на самом БАМе, по сути, пришлось проводить заново – как из-за уточнения по сравнению с 1930-ми гг. природных условий на маршруте трассы (в том числе повышенной сейсмической опасности), так и из-за изменения технических условий

эксплуатации трассы, на которой вместо ранее планируемой паровозной тяги было организовано движение на тепловозной и электрической.

8 июля 1974 г. правительством СССР опубликовано Постановление № 561 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» [7]. В нем предусматривалось увеличение численности населения в городах и поселках БАМа, что требовало организаций территории в местах его проживания. Данное Постановление способствовало разработки и о реализации в городах БАМа единой градостроительной политики, введение на ее основе градостроительных нормативов и документов территориального планирования.

Одним из примеров можно привести строительство города Севербайкальска, которое началось в 1975 г. с возведения пионерного поселка строителей на 8 тыс. жителей по генеральному плану, разработанному институтом «Сибгипротранс». В 1976 г. институт Ленгипрогор выполнил проект капитальной застройки города, рассчитанный на 14 тыс. жителей [8]. По данным официальной статистики к концу 1980-х гг. население города уже составило около 30 тыс. жителей.

Еще более стремительными темпами начала развиваться Тында, являющаяся столицей всего БАМа. Численность население Тынды возросла практически в 20 раз: с 3,5 тыс. человек в 1970 г. до 64 тыс. человек к 1989 г. Генеральный план Тынды был разработан институтом «Ленгипрогор» в 1984 г. Проект детальной планировки центральной части города, которую застраивали девятиэтажными домами московские строители, выполнен архитекторами проектного института «Моспроект-1». Основная задача разработки плана сводилась к обеспечению комплексного проектирования и строительства. Это делалось для того, чтобы к вводу в действие железнодорожного узла завершить создание в центральной части города законченных жилых районов со своеобразным архитектурным обликом, соответствующим природным условиям, рельефу местности и значению его в развитии Байкало-Амурской железнодорожной магистрали [9].

Еще одним примером города, достигшего расцвета за счет БАМа, является Комсомольск-на-Амуре. Для Комсомольска-на-Амуре в 1967 г. был составлен генеральный план в 1967 г., который «становится воплощением идей микрорайонирования, получивших большую популярность в данный период времени в стране» [10, с. 19]. В связи с быстрым ростом населения Комсомольска в 1987 г. создан новый генеральный план, разработан новый генеральный, «в соответствии с которым ведется упорядочивание зон различного функционального назначения с выделением трех промышленных и 16 селитебных районов» [10, с. 19].

К сожалению, с распадом СССР дальнейшее развитие БАМа оказалось вне поля государственных интересов. Население городов начало стремительно сокращаться, ранее созданная инфраструктура начала приходить в упадок, железнодорожное сообщение (как пассажирское, так и грузовое) стремительно снижаться. Интерес к БАМу возобновился в начале XXI в.

Заинтересованность государственных органов подкрепляется различными нормативными актами, положения которых направлены на сохранение исторического наследия магистрали, и возобновление в целях улучшения транспортной доступности Сибири и Дальнего Востока. Указом Президента РФ от 03.03.2023 № 140 «О праздновании 50-летия начала строительства Байкало-Амурской магистрали» [11] установлена обязанность государственных органов пополнять бюджет населенных пунктов вдоль БАМа субсидиями из бюджетных ассигнований.

Литература

1. Хорошко А. М. Железнодорожный транспорт – основа для осуществления перемещения грузов в России и на Дальнем Востоке: перспективы развития // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 6-3. С. 187–192.
2. Макасов В. Кто сказал «БАМ» // Гудок. 2023. 14 апр. (№ 65).
3. Кузнецов С. О. Власть и Генеральный план реконструкции Москвы (1931 – начало 1950-х гг.) // Architecture and Modern Information Technologies. 2019. № 4(49). С. 28–46.
4. Артемов Е. Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. 2013. № 1 (463). С. 151–166.
5. Шепелев И. А. Советский опыт строительства Байкало-Амурской магистрали в условиях коренной модернизации железнодорожной отрасли // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 1 (21). С. 126–133.
6. Пешков Д. А. Жилищное строительство и создание социальной инфраструктуры в населенных пунктах зоны центрального участка БАМ в 1960–1980 -е гг. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 139–144.
7. О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали : постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 8 июля 1974 г. № 561. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4773&ysclid=ll0g5ouzr8714058463#z9YvDmTbsi4vAF3U> (дата обращения: 01.08.2923).
8. Мурашко Т. Северобайкальск – ленинградский город на БАМе. Ч. 1 // URL: <https://www.litres.ru/book/tatyana-muratova/severobaykalsk-leningradskiy-gorod-na-bame-chast-1-kniga-57487969/chitat-onlayn/?ysclid=ll0eqgljj5695254762> (дата обращения: 01.08.2923).
9. О генеральном плане г. Тынды Амурской области : постановление Совета Министров РСФСР от 19 июня 1984 г. № 263. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48664&ysclid=ll0fccdyao540398345#f3opDmTbluVhHVb1> (дата обращения: 01.08.2923).
10. Милова Ю. А. Эволюция планировочной структуры советского промышленного города на примере г. Комсомольска-на-Амуре // Академический вестник УРАЛНИИПРО-ЕКТ РААСН. 2016. № 1. С. 16–21.
11. О праздновании 50-летия начала строительства Байкало-Амурской магистрали : указ Президента РФ от 03.03.2023 № 140. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303030003?ysclid=ll0fyxvcb0586712381> (дата обращения: 01.08.2923).

REGULATORY AND LEGAL SUPPORT OF URBAN PLANNING ON THE BAM

© R. O. Roy, 2023

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The legal regulation of territory planning in cities that were built simultaneously with the Baikal-Amur Mainline (BAM) is considered. The objective difficulties affecting the adoption of urban planning decisions are highlighted. At an early stage of the construction of the BAM, the practice of approving master plans for cities has not yet established. In the 1970s the construction of cities was carried out in accordance with the plan. In the new cities of Eastern Siberia these plans were developed by leading design organizations. Knowledge of the master plans for the cities of Severobaikalsk and Tynda. The general plan was the basis for other urban planning documentation. The city plan was seen more as a technical rather than a legal document. The study of master plans makes it possible to assess the state and prospects for the development of BAM cities.

Keywords: history of the state, history of law, legal regulation, city plan, new cities, urban planning, Baikal-Amur Mainline.

Рой Роман Олегович – аспирант кафедры теории и истории государства и права, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, e-mail: roman-roy97@mail.ru

Roy Roman Olegovich – Postgraduate of the Department of Theory and History of State and Law, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e-mail: roman-roy97@mail.ru

УДК 340:796(47)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЭТАПЫ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

© А. А. Самойлова, 2023

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обоснована формированием аутентичного пути развития российского государства в условиях вызовов современности. С целью поиска эффективных механизмов государственно-правового регулирования проводится анализ институционального процесса в развитии физической культуры и спорта – исторически значимого направления общественной деятельности. Отмечается, что институционально-правовое развитие физкультурно-спортивных отношений связано с динамикой изменения социальных факторов, корреляционно определяющих содержание правового регулирования данной сферы. Предлагается авторская периодизация правовой институционализации физкультурно-спортивных отношений в Российской империи, которая обращена к истокам становления государственной системы управления в данной области.

Ключевые слова: историко-правовое исследование, периодизация, правовая институционализация, Российская империя, спорт, физическая культура.

Физическая культура и спорт традиционно составляют значимую часть общественной жизни. В современных условиях формирования аутентичного пути развития российского государства и общества представляется актуальным концептуально-правовое осмысление закономерностей протекания институционального процесса в указанной сфере начиная с истоков.

В первую очередь надлежит обосновать два концептуально важных положения, исходящих из заявленной темы доклада.

Во-первых, не игнорируя многозначности концепта «правовая институционализация» [1], следует прояснить его «локальный» смысл в контексте развития физкультурно-спортивных отношений в дореволюционный период функционирования российского государства.

Непосредственно термин «институционализация» имеет социологическую природу и связан с эволюцией общественных отношений. Учитывая историческую и социокультурную взаимообусловленность в развитии общества и права [2, с. 30], представляется справедливым суждение о том, что «право является именно той сферой стабильности, где институционализация достигает своей высшей точки» [3, с. 110]. Таким образом, в преломлении «локальных» исследовательских задач речь пойдет об институционально-правовом развитии физкультурно-спортивных отношений в Российской империи, связанном с динамикой возникновения и изменения социально значимых обстоятельств, корреляционно определяющих содержание правового регулирования рассматриваемых общественных отношений в указанную эпоху.

Во-вторых, следует оговориться, что задача по определению конкретных этапов институционального процесса находится под влиянием дискуссионных свойств периодизации истории. Как отмечает А. А. Дорская, причиной указанной проблематики является «двойственность», при которой течение государственных изменений в России и развитие отечественной правовой системы не всегда совпадали во времени [4, с. 166–167]. В рамках нашего целеполагания подобные риски также просматриваются: несмотря на то, что акцент смещен в сторону рассмотрения правового развития Российской империи в вопросах регулирования физической культуры и спорта, однако указанная выше трактовка концепта «правовая институционализация» предполагает учет социально-экономических, политических и иных общественно важных явлений, – и здесь игнорировать развитие основных вех российской государственности также не представляется возможным.

Вместе с тем одно из смежных исследований автора [5] ранее позволило определить два выраженных направления государственного регулирования сферы физической культуры и спорта применительно к имперскому периоду:

- военно-физическое воспитание, обусловленное необходимостью модернизации методик физической подготовки рядового и офицерского составов армии и флота для успешного выполнения поставленных задач в ходе ведения военных кампаний;

– народное физическое образование, обусловленное необходимостью интенсификации программ в светских учебных заведениях посредством включения дисциплин, связанных с физическим развитием молодежи.

Учитывая описанные наблюдения, представляется обоснованным выделить следующие этапы правовой институционализации физкультурно-спортивных отношений в Российской империи:

1. Петровские преобразования (первая четверть XVIII в.)

Несмотря на то что начальная хронологическая граница имперской эпохи начинается с 1721 г., реформаторскую деятельность Петра I предлагается рассматривать как комплексную предпосылку для развития государственной системы управления физической культурой и спортом. Здесь, как и во многих областях общественной жизни, состоялась смена парадигм: качественные аспекты военной реформы включали в себя внедрение новых традиций и практик в подготовку вооруженных сил, в числе которых значились упражнения по стрельбе из лука и мушкетов, оттачиванию навыков штыкового боя; всевозможные виды народных увеселительных активностей (кулачные и палочные бои, хороводы, катание на салазках и др.) были выведены из-под религиозного запрета благодаря церковной реформе; некоторые из игр (городки, кегли, свайка, чехарда) смогли стать частью программ в открывшихся светских учебных заведениях при реформе образования.

2. Государственное развитие военно-физической подготовки (вторая четверть XVIII в. – первая половина XIX в.)

Значительный период времени физическая культура и спорт косвенно развивались под влиянием геостратегических целей государства, – осмысление насыщенных военных событий (Семилетняя война, походы А. В. Суворова, Отечественная война, многочисленные русско-турецкие, русско-шведские и другие интернациональные военные конфликты) неизменно включало мероприятия по модернизации методик подготовки солдат и офицеров.

В то же время ввиду особенностей социокультурной действительности (светское образование было недоступно для большинства населения) в данный период массовый спорт пока не имел подспорья для активного развития и регулировался стихийно.

3. Формирование системы государственного управления физической культурой и спортом (вторая половина XIX в.)

В середине XIX столетия оба направления физкультурно-спортивного развития стали предметом системной государственной поддержки. Организационно-правовые вопросы в указанном свете имели следующее разграничение по подведомственности:

а) Военное министерство стало придавать нормативные свойства ранее разработанным правилам обучения войск различным упражнениям, – они стали внедряться в воинские уставы и приобретать силу общеобязательности;

б) Министерство народного просвещения стало проводить серию реформ школьного образования, – в программы обучения были также включены телесные упражнения, за успешность выполнения которых надлежало выставлять оценки в аттестат.

4. Появление специализированных органов управления в области физической культуры и спорта (начало XX в.)

Повсеместная популяризация спорта на территории Российской империи сопровождалась появлением спортивных клубов и обществ, под эгидой которых проходила организация разноуровневых соревнований. С учетом активного нормотворчества, связанного с утверждением спортивных уставов, правил и регламентов, можно говорить о развитии локального правового регулирования. Кроме того, подъем идей олимпийского движения, возрожденного Пьером де Кубертенем, получил распространение и в нашей стране, что потребовало создания Российского олимпийского комитета (1911 г.) для централизованного участия в Олимпийских играх. Как следствие, в целях усиления контроля за спортивной и олимпийской деятельностью в 1913 г. была создана Канцелярия Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи.

Таким образом, предложенное концептуально-правовое осмысление институционального процесса в области физической культуры и спорта позволяет говорить об определенных закономерностях развития государственной системы управления в данной сфере и их последовательной сменяемости применительно к истории Российской империи. Представляется уместным выразить надежду на некоторый эвристический потенциал предложенной периодизации с позиции продолжения исследования организационно-правовых форм развития физической культуры и спорта в России.

Литература

1. Курочкин А. В. Концепт «правовая институционализация» и его содержание // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 39–47.
2. Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 2 (19). С. 28–34.
3. Ветютнев Ю. Ю. Морфологические аспекты правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 110–117.
4. Дорская А. А., Честнов И. Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы : монография. СПб. : Астерион, 2010. 306 с.
5. Самойлова А. А. Историко-правовое исследование развития физкультурно-спортивных отношений в Российской империи: междисциплинарный аспект // Образование и право. 2023. № 2. С. 386–391.

EVOLUTION OF STATE MANAGEMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE RUSSIAN EMPIRE: STAGES OF LEGAL INSTITUTIONALIZATION

© A. A. Samoilova, 2023

Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The relevance of the research is justified by the formation of an authentic way of the Russian state development in the face of modern challenges. In order to search for optimal mechanisms of state-legal regulation, an analysis of the institutional process in the physical culture and sports development, a historically significant sphere of social activity, is carried out. It is noted that the institutional and legal development of physical culture and sports relations is associated with the dynamics of changes in social factors that determine the content of the legal regulation of this sphere in correlation. The author's periodization of the legal institutionalization of physical culture and sports relations in the Russian Empire is proposed, which refers us to the origins of the formation of the state management system in this area.

Keywords: historical and legal research, periodization, legal institutionalization, Russian Empire, sports, physical culture.

Самойлова Алина Андреевна – аспирант кафедры теории права и гражданско-правового образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: anilas@mail.ru

Samoilova Alina Andreevna – Postgraduate Student of the Department of Law Theory and Civil Legal Education, Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: anilas@mail.ru

УДК 342.4(470+571)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ С МОМЕНТА ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© А. А. Слепнёв, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Исследуются направления развития правового регулирования конституционного законодательства с момента принятия Конституции РФ. Кратко анализируются этапы развития конституционно-правового регулирования, дается их характеристика, выявляются проблемы. В ходе исследования применяются общенаучные методы анализа, дедукции, обобщения и прогнозирования. В результате прогнозируется дальнейшее развитие конституционного регулирования в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое регулирование, тенденции развития конституционного законодательства, этапы развития правового регулирования, право.

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации по существу создала государственность, установила систему разделения властей, установила парламентаризм в России, закрепила современную основу правовой системы государства. Как справедливо отмечено О. Е. Кутафиным: «Конституция России 1993 г. – это акт, обладающий большим идеологическим потенциалом» [1, с. 171, 173].

Не берясь оценивать обстоятельства ее принятия и не вдаваясь в историю, принятие Конституции РФ стало возможным в результате кропотливой работы юристов и политиков того времени, которым удалось принять Основной закон государства, вобравший в себя самые значительные достижения мировой правовой мысли.

Основным достижением Конституции РФ явилось сохранение территориальной целостности России, стабилизация межнационального мира, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, реализация международного сотрудничества.

Однако конституционное законодательство в России не статично, оно подвержено изменениям. Как и все в мире оно изменяется, двигаясь в русле общественного развития страны.

С момента принятия основного закона государства прошло тридцать лет, в связи с чем, представляется возможным произвести анализ и порассуждать об этапах ее развития и рассмотреть ее роль в системе правового регулирования Российской Федерации.

Первый этап следует охарактеризовать таким основными моментами как: установление парламентаризма в России, введение системы разделение властей, создание системы государственных органов, закреплении модели кооперативного федерализма, принятие основных нормативно-правовых актов страны по вопросам урегулирования основных общественно-правовых отношений. Определяются новые политические, экономические и социальные механизмы и институты, в государственном устройстве достигнута максимальная децентрализация со времен существования России как единого государства. В результате изменения политической системы государства достигнута небывалая демократизация РФ [2]. Временными рамками данного этапа следует считать 1993–2000 гг.

Второй этап, который занял следующие четырнадцать лет XXI в., следует охарактеризовать как этап дальнейшего развития конституционализма в России, который характеризуется укреплением вертикали власти в РФ, выраженным в значительном расширении функций и полномочий Президента РФ, суверенизацией государственного развития России, централизацией государственной власти, [3, с. 22] созданием федеральных округов, реформирование Совета Федерации. Решаются вопросы политического и экономического развития страны, производится корректировка правовой системы, выраженная преимущественно в приведении нормативно-правовых актов субъектов РФ в соответствие с Конституцией РФ и нормами федеральных законов. Указанный период демонстрирует небывалый рост экономического благосостояния России, вызванный в значительной степени высокими ценами на

энергоресурсы, в связи с чем, частично решены вопросы социального преобразования государства. Некоторые ученые именуют указанный период «адаптационным» [2]. Также на указанном этапе происходит объединение частноправовых и публично-правовых средств регулирования общественных отношений, возникают и развиваются институты государственно-частного партнерства [4].

На указанном этапе выявляются следующие сложности конституционно-правового регулирования:

- остаются не выясненными вопросы действия норм международного права, вопросы их верховенства, а также ситуации наложения и конфликта разных международно-правовых юрисдикций и обязательств;

- проблема относительно урегулирования местного самоуправления (в сущности отделить местное самоуправление и государственную власть оказалось невозможно);

- проблемы с реализацией норм правового и социального государства, в силу недостаточного развития правовой, экономической и социальной сферы государства.

На третьем этапе развития, в связи с кардинальными изменениями внешней политики России, связанными с экономическими санкциями, все наиболее сильно развивающимся мировым экономическим кризисом, в системе правового регулирования происходит отход от верховенства норм международного права. Предпринимаются попытки построить полностью суверенную и независимую правовую систему.

В 2020 г. осуществлена конституционная реформа, которая наибольшее значение придает именно культурологическому смыслу Российской государственности, в Конституции РФ признано верховенство конституционных норм над международными нормами. Происходит фактически централизация местного самоуправления, оно окончательно утрачивает смысл выборного, самоопределяющегося, демократического института самоуправления гражданами своих прав в местах их проживания, а становится по существу частью государственной власти.

По существу происходит «дефедерализация» государства, формируется концепция «русского» мира, выраженная, в том числе, в принятии целого ряда указов Президента РФ [5–7], публикуется статья В. Ю. Суркова «О глубинном народе» [8], вобравшая в себя, основные идеологические представления об устройстве нынешнего российского государства, воспевающие самость и особенный путь России в контексте мирового развития.

Все вышеперечисленное в последнее десятилетие и особенно в постпандемийный период конституционных преобразований, привело

к тому, что некоторыми учеными все данные преобразования, воспринимаются как отход от основополагающих принципов демократии, начала внедрения в правовую систему элементов тоталитаризма, тренд на лишение прав граждан (появление института «иноагентов»), нестабильность законодательства РФ в угоду политическим причинам [9].

Изначально Основной закон государства не признает какой-либо главенствующей идеологии в РФ, однако на сегодняшний день позиция государственного регулирования меняется, что, по нашему мнению, является движением в правильном направлении, поскольку государство не может существовать без системы ценностей, политика всегда имеет идеологическую составляющую. Другой вопрос, когда идеология государства направлена на возвышение традиционных ценностей, возвышения идей философии идеализма.

По нашему мнению, указанное развитие конституционно-правового регулирования в России является следствием неблагоприятных внешнеполитических причин, в связи с которыми государство вынуждено было отойти от части демократических преобразований реформ, дабы произвести внутреннюю мобилизацию.

В настоящее время имеет смысл продолжать исследование вопроса конституционно-правовых преобразований, осуществлять выработку правовых концепций, которые бы позволили осуществить законодательное закрепление институтов демократического права в идеологию Российской Федерации, основанной на многонациональном, культурном многообразии России.

Литература

1. Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М. : Юрист, 2002. 348с.
2. Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25 – 30.
3. Зуйков А. А. Размышления о российском федерализме // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 12. С. 21–25.
4. Гуманитарное законодательство государств – участников СНГ: общая характеристика и тенденции развития / под ред. В. И. Лафитского. М., 2012. 462 с.
5. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утв. Президентом РФ 03.11.2015 № Пр-2283). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644>;
6. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом : указ Президента РФ от 5 сент. 2022 г. № 611 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 37. Ст. 6315
7. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собр.е законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.
8. Сурков В. Ю. Долгое государство Путина. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html
9. Кондрашев А. А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION IN RUSSIA SINCE THE ADOPTION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

© A. A. Slepnev, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the direction of development of the legal regulation of constitutional legislation since the adoption of the Constitution of the Russian Federation. The stages of development of constitutional and legal regulation are briefly analyzed, their characteristics are given. During the research, general scientific methods of analysis, deduction, generalization and forecasting were applied. The author made a prediction of the further development of constitutional regulation in the Russian Federation.

Keywords: legal regulation, trends in the development of constitutional legislation, stages in the development of legal regulation, law.

Слепнёв Антон Андреевич – аспирант кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail:derk5@mail.ru

SlepnevAntonAndreevich – Postgraduate Student of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail:derk5@mail.ru

УДК 342.4(4)

ОТРАЖЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© Н. С. Чигринский, 2023

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Проводится анализ конституций трех стран Восточной Европы: России, Польши и Чехии. Поставлена задача сосредоточить внимание на выявлении норм, регулирующих фундаментальные нравственные ценности. Ввиду большого объема таких ценностей выделен ряд конкретных ценностей, которые необходимо проанализировать в рассматриваемых конституциях.

Ключевые слова: нравственные ценности, конституция, Восточная Европа, право на труд, патриотизм, семья, равноправие.

Общеизвестно, что основными нормативными правовыми актами большинства стран мира являются те, которые содержат в себе базовые правовые установки, соблюдая которые жители строят государство во всем многообразии сфер жизни: политической, трудовой, экономической, культурной и др. Соответственно, исходя из множества таких сфер разнятся и виды фундаментальных правовых норм – если разделять их по видам отраслей, которые они регулируют. В рамках нашей статьи нам интересны прежде всего нормы, закрепляющие установленное отношение граждан к фундаментальным нравственным ценностям.

Для процесса изучения обозначенной темы мы выберем метод анализа основных законов некоторых стран Восточной Европы, а именно – Конституций. Интересно это нам, прежде всего, в связи с тем, что относительно недавно большинство таких стран находилось в социалистической правовой системе, однако после распада СССР все они прошли переходный период к романо-германской правовой системе, и теперь являются социальными государствами – в большинстве стран норма о такой характеристике государства является задекларированным в Конституции страны установлением. Ориентир государства на социальный курс своей политики отчасти свидетельствует о необходимости наличия в основном законе страны таких норм, которые бы регулировали поддержку важнейших нравственных ценностей.

Однако для начала стоит определиться, что мы имеем ввиду, произнося фразу «фундаментальные нравственные ценности»? Чаше всего данная категория является неправовой, а скорее эмоциональной и нематериальной, касающейся этической стороны человеческих правоотношений, но таких, которые установились вследствие их неоднократного повторения в течении значительного по времени периода – скорее всего, речь идет о десятках и сотне лет. И в тот момент, когда совершается действие, противоречащее таким устоявшимся правоотношениям, то тогда общество реагирует на них отрицательно, часто – не осознавая причину своей реакции, полагаясь исключительно на внутреннее чувство справедливости и личное порицание. И часто нарушение таких правоотношений санкционируется в соответствующих законах разных стран – например, ориентируясь на позицию, сформулированную С. В. Кульневичем, определим, что под фундаментальными нравственными ценностями в данной работе будут пониматься «естественные культурные традиции, основанные на схемах порождения смыслов и ценностей деятельности, которая носит нравственно-поисковый характер» [4].

Однако для того что бы не углубляться в процесс дискуссии о том, какие ценности являются фундаментальными, возьмем за основу позицию, и определим, что в рамках данной статьи фундаментальными будут считаться следующие нравственные ценности: важность института семьи, патриотизм, ценность труда и равноправие. Безусловно, список является гораздо более расширенным, но ограничения формата исследования не позволяют захватить нам больший объем ценностей.

Для начала стоит начать с Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [2]. Первой интересующей нас статьей будет 19-я, которая утверждает основу равноправия следующим образом: «все равны перед законом и судом».

Затем перейдем к ст. 37, которая устанавливает следующее: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен». Основа защиты семьи государством устанавливается в ст. 38, которая указывает на то, что «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». Что касается закрепления нормы о важности патриотизма, то косвенно такое положение содержится в ч. 4 ст. 67, где сказано следующее: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения».

Далее стоит перейти к Конституции Республики Польша. Данный нормативный правовой акт принят Национальным Собранием Республики Польша 2 апреля 1997 г. и утверждена народом Республики Польша 25 мая 1997 г. [3] Статья 2 Конституции сразу же утверждает, что «Республика Польша является правовым демократическим государством, реализующим принципы социальной справедливости». Затем мы обратимся к ст. 18, которая, в отличие от аналогичной статьи в Конституции России, несколько более строго утверждает важность института семьи в части определения субъектного состава брака: «Брак как союз мужчины и женщины, семья, материнство и отцовство находятся под защитой и заботой Республики Польша». Статья 24 Конституции Польши утверждает, что «Труд находится под охраной Республики Польша. Государство осуществляет надзор за условиями осуществления труда». Что касается патриотизма, то конкретно сфера важности воспитания в гражданах такого института в Конституции не содержится, но аналогичный вывод можно сделать, сопоставив множество разных статей данной Конституции.

В завершение стоит рассмотреть Конституцию восточноевропейской страны – Чехии. Конституция данного государства принята Чешским национальным советом 16.12.1992 и вступивший в силу с 01.01.1993 [1]. Обратившись к преамбуле данного нормативного правового акта, мы увидим, что там, среди всего прочего, сказано следующее: «Мы, граждане Чешской Республики в Чехии, Моравии и Силезии... полные решимости строить, хранить и развивать Чешскую Республику в духе неприкосновенных ценностей человеческого достоинства и свободы как отечество равноправных свободных граждан...

принимает настоящую Конституцию Чешской Республики». Таким образом, институт равноправия косвенно закреплён в преамбуле данной Конституции. Статья 28 данного высшего нормативного правового акта устанавливает, что «Каждый работающий имеет право на справедливое вознаграждение за труд и на удовлетворительные условия труда. Подробности устанавливаются законом.». А ст. 32.1 утверждает, что «Материнство, отцовство и семья находятся под охраной закона. Гарантируется особая защита детей и молодежи». Что касается норм о патриотизме, то здесь ситуация аналогична Конституции Польши – конкретной нормы нет, но ряд разрозненных норм в своей совокупности дают основание полагать, что в Чехии признают важность данного института.

Завершая исследование, важно отметить, что наличие в основном нормативном правовом акте страны норм, закрепляющих охрану фундаментальных нравственных ценностей, зачастую свидетельствует о высоком культурном уровне в данном государстве. Кроме того, если государство позиционирует себя как социальное, то ему важно регламентировать в высшем нормативном правовом акте страны сохранение фундаментальных нравственных ценностей.

Литература

1. Конституция Чешской Республики. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=106&page=3> (дата обращения: 06.08.2023).
2. Конституция Российской Федерации. Новая редакция (с изм., принятыми на общерос. голос. 1 июля 2020 г.): с комментариями Конституционного суда РФ. М.: Проспект, 2022. 116 с.
3. Конституция Республики Польша и регламент Сейма // [Канцелярия Сейма. Бюро по исслед. и эксперт. заключениям; пер. на рус. яз. Анджей Кубик]. Warszawa: Kancelaria Sejmu, 2003. 207 с.
4. Кульневич С. В., Лакоценина Т. П. Воспитательная работа в средней школе: от коллективизма к взаимодействию: практ. пособие для учителей и классных руководителей, студентов пед. учеб. заведений, слушателей ИПК. Ростов на/Д: Учитель, 2000. 288 с.

REFLECTION OF FUNDAMENTAL MORAL VALUES IN THE CONSTITUTIONS OF THE COUNTRIES OF EASTERN EUROPE IN THE POST-SOVIET PERIOD

© N. S. Chygrinskii, 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the constitutions of three Eastern European countries: Russia, Poland and the Czech Republic. The task was set to focus on identifying the norms governing fundamental moral values. In view of the large volume of such values, the author has identified a number of specific values that need to be analyzed in the Constitutions under consideration.

Keywords: moral values, Constitution, Eastern Europe, right to work, patriotism, family, equality.

Чигринский Николай Сергеевич – аспирант 4-го года обучения кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г.Иркутск, e-mail: tchigrinsky@yandex.ru

Chigrynskii Nikolai Sergeevich – 4-year Postgraduate Student of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: tchigrinsky@yandex.ru

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ТРУДОВЫХ ДОСТИЖЕНИЙ: ЭВАКУАЦИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ ДОНБАССА В ЧЕРЕМХОВО В 1941 Г.

©Э. Г. Шакирова, 2023

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Обзорно рассматривается история появления машиностроительного производства – Черемховского завода им. Карла Маркса. Предметное внимание уделено периоду Великой Отечественной войны как драматичному периоду всестороннего испытания национальных духовно-нравственных ценностей. На основе широкого круга источников развернуто показан патриотизм и трудовой подвиг эвакуированных работников; вскрыт механизм идеологической работы.

Ключевые слова: градообразующие предприятия, патриотизм, Черемховский завод им. Карла Маркса, Востсибуголь, оборонная продукция, эвакуация.

История отдельных предприятий – это часть общей истории не только промышленности и рабочего класса нашей страны в советское время, но истории целых городов. Она охватывает экономическую, политическую, социальную стороны жизни трудового коллектива, городов и деятельности предприятия всех этапов его развития [2].

Сейчас фабрики и заводы распространены по всей нашей стране и по всему миру и уже не вызывают удивления. Их важная роль в развитии экономики нашей страны, в большинстве случаев градообразующая (абз. 1 [1]). Завод им. Карла Маркса, интересует нас под углом зрения социально-психологического процесса, который обуславливает его становление и развитие. Воспринимается этот процесс нами как историческое явление, которое имеет место быть в развитии города, более детально рассмотрим годы Великой Отечественной войны.

Краткая историческая справка Черемховского завода им. Карла Маркса. «Вся главная сила движения, – писал Ленин еще в 1902 г., – в организованности рабочих на крупных, заводах... Каждый завод должен быть нашей крепостью». Труды Ленина являются образцом строго классового подхода к истории отдельных предприятий [2, с. 4].

Летом 1901 г. купец из Нижнеудинска Щелкунов Петр Карпович развернул большое строительство рудоремонтных мастерских восточнее станции Черемхово (абз. 3 [2]) для ремонта оборудования, которое использовалось в шахтах – поворотные круги и 30-пудовые вагонетки; рельсовые пути, стрелки; паровые и электрические углеподъемы; рудничный электровоз (абз. 4 [3]).

В 1906 г. уже углепромышленник Щелкунов открыл рудоремонтные мастерские, преобразованные в 1912 г. в механический завод. После Великой Октябрьской революции 1917 г. механический завод был национализирован и переименован в горномеханический завод (абз. 5 [4]).

В 1925 г. рабочие завода ремонтировали и восстанавливали оборудование для шахт Черемховского бассейна. Также завод изготавливал отливки для горной промышленности Дальнего Востока и Кемерово. В 1927 г. производство расширяется – был освоен выпуск печных приборов, вагончиков, лебедок, рештаков. Численность рабочих в литейном цехе составляла 80–90 человек. В цехах работали уже фамильные династии, например, такая как династия Романовых – формовщики Афанасий, Иннокентий, Степан.

Одновременно с расширением производства строились общежития для рабочих. Первоначально это были казармы на 80–100 человек. Позднее началось строительство квартирных бараков для семейных рабочих. Была построена большая столовая, больница. В эти годы рабочие завода в двухэтажном особняке создали клуб имени Ленина, на сцене которого стал выступать знаменитый в то время кружок художественной самодеятельности «Синяя блуза». Устраивались семейные вечера, проводились популярные лекции, читались доклады.

«Тыл и фронт едины! – Это условие победы!»

В 1941 г. к Донбассу стали подходить немецко-фашистские войска. Варвапольский завод им. К. Маркса с 86 металлорежущими станками эвакуировали в восточные районы Сибири – г. Черемхово Иркутской области.

В ноябре 1941 г. вагоны со станками и 59 квалифицированных рабочих (чьей задачей было в предельно сжатые сроки запустить производство, обеспечить выпуск продукции необходимой для фронта) прибыли на платформу мехзавода «Востсибугля». Эвакуированный завод разместился на промплощадке Черемховского горномеханического завода. Завод им. Карла Маркса буквально втискивал оборудование в непригодные для того парка цеха. В срочном порядке возводились новые временные деревянные помещения для инструментального, метизного, сборочного цехов и других вспомогательных служб завода. К декабрю подготовительные работы были завершены.

5 декабря 1941 г. под руководством механика А. Я. Шевченко металлисты приступили к монтажу прибывшего оборудования. Часть станков пришлось установить во дворе, а уже потом над ними возводить навес. Работали весьма в быстром темпе. Благодаря самоотверженному труду коллектива и принятым мерам всего за 20 дней было запущено 20 станков. Решая проблему кадров (оборудования было

больше чем достаточно), городские власти Черемхово приняли дополнительно более 700 рабочих, из них 350 женщины. 90% принятых ранее не работало в промышленности, поэтому пришлось срочно заняться их обучением. Также в Черембасс в 1942 г. мобилизовали более 2500 рабочих из Казахстана и Узбекистана, часть были задействованы на заводе. Завод им. Карла Маркса в кратчайшие сроки освоил выпуск оборудования для шахт и продукции для обороны нашей страны.

Начальник производства Шевченко А. Я. вспоминал: «Для пуска завода Государственный Комитет Обороны дал предельный срок – 1 месяц. За этот срок одних только станков предстояло установить 400 единиц, не говоря уже о другом оборудовании. Но задание т. Сталина нужно было выполнить и коллектив завода с честью справляется с выполнением задания. В январе 1942 г. началась выработка продукции для фронта».

В январе 1942 г. завод запустил производство и вошел в число передовых предприятий страны. Началась выработка продукции для фронта и одновременно выпускалась продукция для нужд Черембасса. Возводились новые цеха, продолжалась установка нового оборудования. В марте 1942 г. завод перевыполнил план на 200 %, а затем 4 месяца не сбавлял темп и держал знамя ВЦСПС.

Настоящие трудовые подвиги совершали труженики тыла – это не были соревнования. Возникали они стихийно и шли скорее от патриотических убеждений и желания скорее покончить с фашистскими захватчиками.

Секретарь партийной организации завода им. Карла Маркса Сафронов Г. А. в 1975 г. вспоминал: «А что значило выполнять государственную программу в те архитяжелые года, – когда не хватало всего: людей, сырья, материалов, инструмента, – да чего только не хватало! Но! самого главного было не то, что в избытке, а неисчерпаемо много! – Это воли, энергии, находчивости, самоотверженности в выполнении задач, стоящих перед заводом, – перед коллективом, а это означает, что вместе со своей родной Красной Армией – победить врага!»

Мысли трудящихся шахтерского города были только об одном – помочь скорее разгромить фашистских захватчиков [6]. «Трудности преодолевались яро, зло, и как правило с успехом, – с вопросом к себе: «а как бы поступил тот солдат на фронте – когда на него прет фашист, танк? – Солдат победит, а ты? – Ты ж тоже солдат! – хотя и солдат тыла.» Настрой, дух самоотверженности в труде, работа под лозунгом, – «Не выполнил задания фронта, не уходи из цеха», – работа без нытья – это то, что цементировало весь коллектив, – а если кто-то и проявлял слабость – колебания, неуверенность, то в зависимости от ее «размера»

получал дружескую поддержку руки, плеча товарища, а демагог при всем честном народе – отповедь!

Отступление, возражение было редким во взаимоотношениях рабочих, инженерно-технических работников, в цехе, на участке. «Трудно, но ведь надо, – так было в цехах сборки, чугунолитейной, сталелитейном, конструкторском бюро, – везде!..» [5].

Причины нашей победы в Великой Отечественной войне многообразны, но одна из наиболее значительных – это патриотизм советского народа, который проявился не только на фронте, где люди мужественно и стойко сражались с врагом, но и в тылу, где также мужественно и стойко люди трудились для скорейшей победы.

В конце 1944 г. на одном из собраний выступил секретарь горкома Должных Вениамин Николаевич: «Вы куете победу, она скоро придет, смотрите как наша Красная Армия бьет фашистов, в этом и Ваш ратный труд! Тяжело Вам, очень тяжело. Но все мы переживем во имя нашей победы. Скоро, скоро наступит время, и мы будем эти дни вспоминать с гордостью, будем вспоминать и хлебные карточки и все то как ковали победу, товарищей по труду!» [5].

Сыграло роль и жестокая бесчеловечная политика Гитлера на оккупированных территориях СССР. Эта политика привела к огромным жертвам среди населения оккупированных территорий и оттолкнула от немцев многих из тех, кто пострадал от власти коммунистов и ненавидел ее, она вызвала гнев советского народа, который придавал силы в борьбе с фашистами.

После нападения Германии в СССР были приняты меры по централизации управления государством и экономикой в условиях войны. Централизация управления позволила в кратчайшие сроки осуществить комплекс мер по перестройке жизни страны на военный лад:

- в течение 1941–1942 гг. была осуществлена полная перестройка промышленности на выпуск военной продукции;

- в 1941–1942 гг. была организована массовая эвакуация промышленных предприятий из зоны военных действий вглубь страны, которые на новом месте возобновили производство;

- была введена всеобщая трудовая повинность;

- для предотвращения угрозы голода была введена карточная система распределения продуктов. Все эти принятые меры ярко отражаются в истории Черемховского завода, и как следствие позволили нашей стране значительно превзойти Германию в выпуске вооружений, техники и боеприпасов, продемонстрировав максимум возможностей.

Завод, когда-то носящий имя Карла Маркса, претерпевал разные времена, разные эпохи в своем развитии: от падения до расцвета, но

главным итогом в заводской истории на сегодняшний день явилось восстановление производства в цехах. Сегодня старейшее предприятие Иркутской области вновь «задышало», а это значит новый виток в истории развития г. Черемхово.

Литература

1. Лебедева А. Д., Рачковская А. С. Аннотация. Роль градообразующих предприятий в формировании доходной части региональных бюджетов // Актуальные вопросы экономических наук. Экономика и бизнес. 2014.
2. Митрофанова А. В., Остапенко И. П., Рогачевская Л. С. Итоги и задачи изучения истории фабрик и заводов СССР // Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY. С. 4.
3. Черемховский машзавод. URL: http://irkpedia.ru/content/cheremhovskiy_mashzavod/ (дата обращения: 20.06.2023).
4. Бывший Черемховский машиностроительный завод им. К. Маркса. Историческая справка о деятельности предприятия. URL: <https://wikimapia.org/14658798/ru/> (дата обращения: 20.07.2023).
5. Письмо Секретарю партийной организации завода им. Карла Маркса от бывшего секретаря партийной организации Сафронова Г. А. 1975 г.
6. Новиков М. С. История (история России, всеобщая история) : учеб. пособие. Омск : Омский ГАУ, 2022. С. 160–165.

PATRIOTIC FOUNDATION OF LABOR ACHIEVEMENTS: EVACUATION OF MACHINE-BUILDING PRODUCTION FROM DONBASS TO CHEREMKHOVO IN 1941

© E. G. Shakirova, 2023

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The history of Russia consists of the history of enterprises, settlements, cities and regions. The study of socio-economic processes at the “micro level” allows the researcher to reveal additional important details, “get into the spirit of the era”, evaluate facts and events in a different way. Historically, in the Russian Federation, industrialization was accompanied by the formation of cities based on one enterprise, one type of activity. This article reviews the history of the emergence of machine-building production – the Cheremkhovsky plant named after Karl Marks. Substantive attention is devoted to the period of the Great Patriotic War as a dramatic period of comprehensive testing of national spiritual and moral values. On the basis of a wide range of sources, the patriotism and labor feat of evacuated workers are shown in detail; the mechanism of ideological work has been revealed.

Keywords: city-forming enterprises, patriotism, Cheremkhovsky plant named after. Karl Marks, Vostsibugol, defense products, evacuation.

Шакирова Эльвира Гайдаровна – соискатель кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: elvirochka.tomsk@mail.ru

Shakirova Elvira Gaydarovna – Applicant of Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: elvirochka.tomsk@mail.ru

Научное издание

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации
и 50-летию начала строительства
Байкало-Амурской магистрали*

МАТЕРИАЛЫ
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 13–14 октября 2023 г.

ISBN 978-5-9624-2188-9

*Материалы публикуются в авторской редакции
Дизайн обложки: П. О. Ершов*

Подписано в печать 06.10.2023. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 29,3. Усл. печ. л. 28,3. Тираж 100 экз. Заказ 150

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124